

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

Серия «Духовная культура Китая»

Л.И. Исаева

СТРАНА УЕХАЛА НА ПРАЗДНИК

*(Очерки по истории возникновения
китайских народных праздников и их описание)*

МОСКВА
Издательство МБА
2017

УДК (008) (510)

ББК 71(5Кит)

И85

*Рекомендовано к публикации Центра изучения культуры Китая ИДВ РАН
25 октября 2016 года*

本書由中華人民共和國駐俄羅斯聯邦使館贊助出版

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор
Сибирского отделения РАН Л.Е. ЯНГУТОВ;
кандидат исторических наук С.В. УЯНАЕВ;
кандидат филологических наук Л.В. СТЕЖЕНСКАЯ

***Проект «Философия и культура Китая»
Руководитель проекта и главный редактор –
лауреат Государственной премии РФ,
профессор А.Е. Лукьянов***

Ответственный редактор

С.н.с. Центра изучения культуры Китая ИДВ РАН

Абраменко В.П.

Исаева Л.И.

СТРАНА УЕХАЛА НА ПРАЗДНИК. (Очерки по истории возникновения китайских народных праздников и их описание) / ИДВ РАН. — М.: ООО «Издательство МБА», 2017. — 376 с. : ил.

ISBN 978-5-9500240-0-9

Автор этой научно-популярной книги погружает читателя в удивительный мир китайских народных традиций и обычаев, показывает, как современный китаец относится к своим традиционным фестивалям, и как старинные обычаи влияют на жизнь современного китайского общества. Это не «стихийное исследование» человека, обладающего определенными знаниями и пытающегося в вольной манере изложить их на бумаге. Работа написана специалистом, который не только проанализировал и систематизировал свои знания, но и выстроил внутреннюю логику общего повествования, легко оперируя первоисточниками.

УДК (008) (510)

ББК 71 (5Кит)

© ИДВ РАН, 2017

© Л.И. Исаева, 2017

© А.С. Исаев,

фотоиллюстрации

ISBN 978-5-9500240-0-9

Содержание

Вступление	9
Народные праздники	12
Три праздника мертвых, три праздника живых	19
Праздник Чистоты и света (<i>Цин-мин цзе</i>)	21
День Ушедших душ (<i>Чжун-юань цзе</i>)	35
Отправка зимней одежды (<i>Хань-и цзе</i>)	41
Знаменитая картина	44
Китайский Новый год — <i>Чхунь цзе</i> (1. 1.)	51
Немного истории	51
Праздник начинается	53
Живые традиции древности	73
Господин, ответственный за очаг (23.12.)	51
Сор — из дома!	83
<i>Чху-си</i> — бодрствование в новогоднюю ночь (30.12.)	84
Новогоднее поклонение предкам	87
<i>Чхунь-лень</i> — парные надписи	89
Украшение оконных стекол	100
Вырезки из бумаги	101
<i>Нень-хуа</i> — новогодний лубок	107
Угощение	133
Праздник продолжается	147
Хлопушки и фейерверки	153
Встреча <i>Цхай-шэня</i> — бога Богатства	158
Новогодние визиты и поздравления	163
Новый год в деревне	166
Настоящий китайский гороскоп	185
Новогодние обычаи народности <i>мяо</i>	200
<i>Приложение</i> . Чжун Кхуй — повелитель бесов	201
Праздник Фонарей — <i>Юань-сяо цзе</i> (15. 1.)	211
Истоки праздника	211
Легенды о празднике	212
Любование фонарями	215

Фонари с загадками	217
Танец дракона	219
Акробатика на ходулях и прочие развлечения	221
Угощение <i>юань-сяо</i>	223
Истории о празднике Фонарей	224
Праздник Фонарей в стихах	228
Удивительные обычаи	228
Дракон поднимает голову — <i>Лун тхай-тхоу</i> (2. 2.)	232
Происхождение праздника	233
Ритуалы и традиции	235
Праздник Драконовых лодок.	
Поэт Цюй Юань (5. 5.)	238
Некоторые подробности	241
Как правильно проводить праздник	244
Легенды о празднике	249
<i>Приложение</i>	258
Праздник тетушек — <i>Гу-гу цзе</i> (6. 6.)	271
Зазнавшийся канцлер	271
Просушка одежды	273
Ткачиха и Волопас — <i>Ци-си цзе</i> (7. 7.)	275
Легенда о влюбленных	275
Как праздновали в древности	277
Астрономия и Кхуй-син	281
Праздник Середины осени — <i>Чжун-цю цзе</i> (15. 8.)	287
История праздника	287
Легенды о празднике	294
Обычаи и суеверия	296
Легенды о Луне, фее Чхан Э и стрелке Хоу И	302
Праздник Двойной девятки — <i>Чхун-ян цзе</i> (9.9.)	338
Почему он так называется?	338
Легенды о происхождении праздника	340
Восхождение на высоту и пирожные	345
Ветки кизила	347
Хризантемовое вино	348
Воздушные змеи	349
Освобождение на волю животных	349
Добавление «зерна долголетия»	349
Бо Я и Чжун Цзы-ци	350

Праздник Зимнего солнцестояния —	
<i>Дун-чжи цзе</i> (15. 11.)	357
Праздник последнего месяца года —	
<i>Ла-ба цзе</i> (8. 12.)	361
К вопросу о каше: внесем ясность	361
Пастушка, которая придумала кашу	363
Таблица китайских династий	369
Справочный материал	370
Список использованной литературы.	374

Любимому мужу Александру

Вступление

Дорогие читатели, спасибо, что вы заинтересовались очередной моей книгой. Все, написанное мною, посвящено культуре Китая в самом широком смысле и связано с огромной коллекцией фарфоровых статуэток.

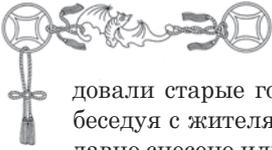
Эти произведения малой пластики, изготовленные в Китае, настолько самобытны и красивы, что, уверена, они есть в домах у многих россиян, особенно у тех, кто прожил какое-то время в этой удивительной и прекрасной стране. Но большинство людей покупает их в качестве сувениров, я же — «со смыслом».

Их в коллекции более тысячи, и каждая изображает какого-либо героя мифологии, сказаний, классических романов или исторических персонажей. Я сижу за письменным столом в окружении уникальных личностей, запечатленных в фарфоре, и мне остается лишь описывать их богатыми событиями, жертвами и подвигами жизнь, попутно изучая определенный пласт китайской истории. Всеми добытыми знаниями восторгаюсь сама, делюсь с друзьями и родными, хочу подарить их и российским читателям.

Будучи китаистом по образованию, призванию и роду деятельности, я с супругом провела в Поднебесной 16 самых счастливых лет моей жизни. Счастье заключалось в том, что имелась возможность совершенствовать знание китайского языка, изучать историю, культуру, медицину и философию этой страны, много путешествовать и жить в больших и маленьких городах и даже деревнях.

Прочитала несколько сотен книг на китайском языке и привезла богатую библиотеку, томик из которой постепенно изучаю и осмысливаю. Читала лекции о Китае для представителей дипкорпуса, выступала по ТВ, дала множество интервью для китайских газет, журналов и телевидения, даже снялась в нескольких художественных фильмах и телевизионном сериале. Редактировала два журнала, открыла два кафе, работала в представительстве Аэрофлота, в Российском Посольстве, а также на знаменитом рынке Я-бао-лу, где закупают товары «челноки» из разных стран.

Все выходные мы с мужем проводили на «блошиных рынках», собирая коллекции, изучая предметы искусства и быта, либо иссле-

довали старые городские районы с древними улочками и домами, беседуя с жителями, делая съемки. Многое из того, что мы видели, давно снесено или уничтожено, ушло целое поколение стриков, помнивших жизнь еще при императоре, но у нас остались бесценные снимки и записи их рассказов.

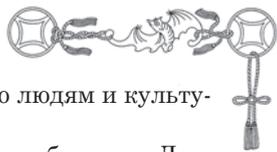
Вся эта разнообразная деятельность дала возможность обрести друзей и бесконечно общаться с китайцами, среди которых встречались профессора и чиновники, крестьяне и чернорабочие, торговцы и монахи. Некоторые из них, не имея никакого образования, приехав в Пекин из глухих деревень со скаткой постельного белья на плечах, на моих глазах поднялись от полунищих крестьян до миллионеров, «подпольных» и открытых, и за этим тоже было очень интересно наблюдать.

Со многими из них, уже живя в Москве, продолжаю дружить и поддерживаю связь. Мой бессменный и главный консультант при написании книг — известный журналист и публицист, человек энциклопедических знаний по части культуры и истории Китая, профессор Шэн Ши-лян (盛世良), с которым мы дружим около тридцати лет. Пользуясь случаем, выражаю ему глубочайшую благодарность за все: и за то, что приобщил и пробудил интерес к культуре своей страны, за экскурсии и рассказы, за пояснения и консультации, за ответы на любые вопросы, связанные с Китаем, его прошлым и настоящим.

Мы с Китаем — соседи, с большой протяженностью общей границы. И хотя цари и императоры, а затем и правительства обеих стран постоянно поддерживали дипломатические, экономические и культурные связи, однако на уровне простых людей знания друг о друге не только непростительно бедные, но и, порой, ошибочные. Поэтому свою задачу вижу в том, чтобы способствовать взаимопониманию, симпатии, интересу и доверию между людьми наших стран.

Из всех аспектов культуры народные праздники Китая наиболее полно освещены моими коллегами-китаистами, многие из них издавали книги по этой теме. С одной стороны, эта сфера — одна из самых легких, ибо все знания «лежат на поверхности», даже в интернете, на сайтах туристических фирм можно получить основную информацию. С другой стороны, в ней столько глубины, философии и непознанного, столько неожиданного, а порой и странного, что я не могла не сказать и своего слова. Тем более что без этой темы мое бесконечное повествование о Китае будет неполным.

Зато, если вам удастся собрать и прочесть все мои изданные книги (а может, и будущие), вы окунетесь в бескрайний космос китайской цивилизации, которую никогда не сможете полностью объять и

понять, но оставаться равнодушными к Китаю, его людям и культуре тоже не сможете.

Несколько слов о записи китайских слов русскими буквами. Для изучающих китайский язык существует два вида транскрипции: по системе Палладия и с помощью латиницы (*пхинь-инь*). Первая — нормативная запись китайских слогов с помощью русских букв. Эта система китайско-русской транскрипции была разработана известным китаеведом архимандритом Иакинфом Бичуриным в 1839 году, несколько изменена архимандритом Палладием (Кафаровым) в словаре 1888 г. издания и является общепринятой.

При всем уважении к великим ученым должна признать, что официальная транскрипция не совсем верно передает некоторые звуки, а определенные слоги в этой системе звучат совсем не так, как их произносят китайцы.

Дипломат Ю.Я. Соловьев, служивший в Китае, вспоминал в своих записках 1895 года: «Не могу не отметить, что наша старая школа китаеведов обращала большое внимание на китайскую письменность, но не занималась изучением китайского произношения. Поэтому наши драгоманы старшего поколения говорили по-китайски с таким русским акцентом, что китайцы их часто не понимали». Из данной цитаты понятно, что еще во времена Российской Духовной Миссии в Китае существовавшая неточная транскрипция мешала правильному произношению.

Поскольку мои книги не имеют отношения к учебной литературе, я сочла возможным записывать китайские слова нестандартно, более приближенно к их реальному звучанию. Для тех, кто абсолютно не знаком с китайским языком, безразлично, какую транскрипцию я использую. Но в случае, если они захотят запомнить какое-то имя или слово, то в их произношении оно будет больше походить на китайское, и носители языка скорее их поймут.

Перед специалистами заранее извиняюсь и признаюсь, что моя искусственная транскрипция режет глаз и мне самой (ведь более 40 лет пользуюсь нормативной). Но, с другой стороны, согласитесь, что когда мы видим в книге, допустим, слог «кань», мы мысленно произносим «кхань», а слог «бянь» мысленно все-таки произносим как «бень», «тянь» — как «тхень» и т. д. Сами мы не произносим китайские слоги по устаревшей системе, ибо в таком случае они будут звучать несколько карикатурно. А могут и полностью исказить смысл, например, «пао» китаец услышит как «бао». Уважаемые коллеги-китаисты, будьте снисходительны к моему эксперименту!

Людмила Исаева

Народные праздники

Согласно древнему сельскохозяйственному календарю, в Китае издавна отмечаются восемь праздников, восемь годовых вех, которые называются *ба цзе* (八节) или *ба чжэн* (八正):

1. **Чхунь цзе** — праздник Весны, или китайский Новый год. Его правильнее было бы назвать «Весенние праздники», так как длятся они две недели;

2. **Юань-сяо цзе**, или праздник Фонарей, который приходит-ся на пятнадцатый день после Чхунь цзе;

3. **Цин-мин цзе** — праздник Чистоты и света — по сути, является днем поминовения усопших и отмечается с 4-го по 6-е число четвертого месяца по лунному календарю;

4. **Дуань-у цзе** — праздник Драконовых лодок — отмечается 5-го числа пятого месяца по лунному календарю и связан с именем поэта Цюй Юаня;

5. **Чжун-юань цзе** — день Ушедших душ, или день Голодных призраков. Это тоже один из трех дней поминовения усопших, который отмечается 15-го числа седьмого месяца. Случайно совпало, что 15.07. одновременно является и буддийским праздником, который называется *мэн лань-пхэнь цзе*, и даоским, — *чжун-юань цзе*;

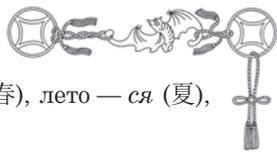
6. **Чжун-цю цзе** — праздник Луны, Середины осени, урожая или праздник Лунной лепешки. Он приходится на 15-е число восьмого месяца, и в эту ночь луна — самая крупная в году, полная и круглая, как лепешка;

7. **Дун-чжи цзе** — праздник Зимнего солнцестояния, отмечается в середине одиннадцатого месяца.

8. **Чху си** — последний день последнего месяца старого года, Суэта в предновогоднюю ночь.

Как появились эти праздники? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо познакомиться с особенностями китайского народного календаря.

Каждое время года, как известно, длится три месяца, и в каждом сезоне эти три месяца делятся на первый, второй и третий, а по-китайски — *мэн* (1-й по порядку), *чжун* (2-й), *ци* (3-й). Време-

на года по-китайски звучат так: весна — *чхунь* (春), лето — *ся* (夏), осень — *цю* (秋) и зима — *дун* (冬).

Поэтому в народном календаре присутствуют четыре «первых», четыре «вторых» и четыре «третьих» месяцев.

Например, китайский *мэн чхунь* (孟春) — начало весны, март;

чжун чхунь (仲春), т. е. середина весны, — апрель;

цзи чхунь (季春) — третий месяц весны, май;

мэн цю (孟秋) — начало осени, сентябрь;

цзи дун (季冬) — конец зимы, февраль, и т. д.

При этом все «вторые» месяцы (四仲), то есть *чжун чхунь*, *чжун ся*, *чжун цю*, *чжун дун* имеют свои особенности, а именно:

чхунь фэнь (春分) — не только середина весны, но и весеннее равноденствие;

ся чжи (夏至) — не только середина лета, но и летнее солнцестояние;

цю фэнь (秋分) — не только середина осени, но и осеннее равноденствие;

дун чжи (冬至) — не только середина зимы, но и зимнее солнцестояние.

Каждый месяц делится еще на две части по две недели, чтобы календарь стал более точным. В результате в китайском сельскохозяйственном календаре получилось 24 коротких сезона, по два — в каждом месяце, по шесть — в каждом времени года.

Четыре из этих сезонов содержат в своем названии иероглиф *ли* (立) — «установление»:

ли чхунь (立春) — установление весны;

ли ся (立夏) — установление лета;

ли цю (立秋) — установление осени;

ли дун (立冬) — установление зимы.

Два содержат иероглиф *фэнь* (分) — «деление поровну», «равноденствие»:

чхунь фэнь (春分) — весеннее равноденствие;

цю фэнь (秋分) — осеннее равноденствие.

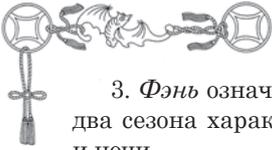
Еще **два** сезона содержат иероглиф *чжи* (至) — «доходить до предела»:

ся чжи (夏至) — летнее солнцестояние;

дун чжи (冬至) — зимнее солнцестояние.

1. *Ли* — «установить», то есть, начиная с определенного дня, устанавливается весна, лето, осень, либо зима.

2. *Чжи* — «самый», «высшая степень», «наивысшая точка», то есть иероглиф является показателем того, что разница между длиной дня и ночи доходит до наивысшего значения.

3. *Фэнь* означает «четко разграничить», «разделить», то есть эти два сезона характеризуются одинаковой продолжительностью дня и ночи.

Если от 24 названий отнять вышеперечисленные восемь сезонов, то останется 16, и эти названия отображают фенологические явления на территориях, прилегающих к реке Хуанхэ.

Например, два иероглифа *цзин чжэ* (惊蛰) означают буквально «проснуться от испуга». Когда звучит первый весенний гром, все насекомые в земле пугаются и просыпаются. Это третий сезон из 24-х.

Или, например, 15-й сезон — «белая роса», *бай лу* (白露). В этот период по утрам на ветках деревьев появляются жемчужинки росы. С каждым днем капельки становятся все холоднее и постепенно превращаются в «холодную росу», *хань лу* (寒露). А это уже 17 сезон.

Или взять, к примеру, название 9-го сезона — *ман чжун* (芒种), это последние две недели, когда можно сажать семена; минуют эти две недели, и уже не останется времени для роста и вызревания. Иероглиф *чжун* означает «сажать», а *ман* — тоненькие «ости» на шелухе зернышек, семян; высаживать можно только семена с крошечными «иглолочками», колючками. В некоторых книгах этот сезон по-русски называют «колошение хлебов». Либо это ошибка, либо я чего-то не поняла. Бытует поговорка: «Прозевал период *ман чжун*, — ростки уже не окрепнут» (过了芒种, 不可强种).

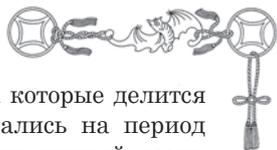
Еще одно название из 24-ех — *цин-мин* (清明), что значит «светлый», «ясный». В это время на территориях, прилегающих к руслу Хуанхэ, устанавливается ясная погода, после чего начинаются дожди.

Так что все названия — определенная характеристика климатических или погодных условий в данном сезоне. Недаром и само слово «сезон», *цзе ци* (节气), переводится как «климатический период».

Однако все сказанное справедливо лишь для центрального Китая. У жителей юга, на берегах Янцзы, совсем другой климат. Один из поэтов эпохи Тхан, живший у этой реки, написал о периоде *цин-мин*: «Наступил сезон *цин-мин*, и дожди последовали один за другим...» Да, здесь сезон дождей наступает гораздо раньше.

А еще южнее, в провинции Гуандун, приближающейся к тропикам, нечетко выражен даже переход от дня к ночи, поэтому для этой территории 24 сельскохозяйственных сезона и вовсе не актуальны.

Раньше, когда я сталкивалась с китайским традиционным календарем, мне казалось, что это еще сложнее, чем «китайская грамота». Немного разобравшись в нем, поняла, что в житейском плане, когда для нас важна погода, он более точен и удобен, — недаром большинство китайцев и в наши дни «живут» по старому календарю.

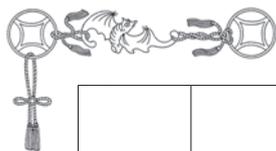

Что такое 24 сельскохозяйственных сезона, на которые делится год? Древние китайские календари ориентировались на период обращения Луны вокруг Земли: один виток — один лунный месяц, 12 витков — один лунный год. Однако лунный месяц (в среднем 29,5 суток) короче солнечного (30,5 суток). Поэтому в лунном году примерно 364 дня, т. е. на 11–12 дней меньше, чем в солнечном. И если в Григорианском календаре один раз в четыре года наступает високосный год, в котором 366 дней, то в лунном календаре для компенсации отставания от солнечного добавочный месяц високосного года вставляется один раз в 3 года, дважды в пятилетие и 7 раз в 19 лет. В високосном году 13 месяцев, и всего 383 или 384 дня (в каждом месяце по 29 или 30 дней).

Орбиту вращения Земли вокруг Солнца разделили на 24 отрезка, и каждый из них получил свое название. Эти отрезки и называются «сезонами», или «климатическими периодами», — *цзе-ци*. В соответствии с ними крестьяне и засаживали поля.

Сезоны крестьянского календаря

ВРЕМЕНА ГОДА	МЕСЯЦЫ (по лунному календарю)	СЕЗОНЫ	КОГДА НАЧИНАЕТСЯ СЕЗОН (по григорианскому календарю)	НАПИСАНИЕ	НАЗВАНИЕ	ЗНАЧЕНИЕ
ВЕСНА	1	1	3–5.02	立春	<i>ли чхунь</i>	начало весны
		2	18–20.02	雨水	<i>юй шуй</i>	начало дождей
	2	3	5–7.03	惊蛰	<i>цзин чжэ</i>	пробуждение после зимней спячки
		4	20–22.03	春分	<i>чхунь фэнь</i>	весеннее равноденствие
	3	5	4–6.04	清明	<i>цин мин</i>	поминовение усопших
		6	20–21.04	谷雨	<i>гу юй</i>	хлебные дожди
ЛЕТО	4	7	5–7.05	立夏	<i>ли ся</i>	начало лета
		8	20–22.05	小满	<i>сяо мань</i>	малое изобилие

ВРЕМЕНА ГОДА	МЕСЯЦЫ (по лунному календарю)	СЕЗОНЫ	КОГДА НАЧИНАЕТСЯ СЕЗОН (по григорианскому календарю)	НАПИСАНИЕ	НАЗВАНИЕ	ЗНАЧЕНИЕ	
	5	9	5–7.06	芒种	<i>ман чжун</i>	остистый колос	
		10	21–22.06	夏至	<i>ся чжи</i>	летнее солнцестояние	
	6	11	6–8.07	小暑	<i>сяо шу</i>	малая жара	
		12	22–24.07	大暑	<i>да шу</i>	большая жара	
	ОСЕНЬ	7	13	7–9.08	立秋	<i>ли цю</i>	начало осени
			14	22–24.08	处暑	<i>чху шу</i>	прекращение жары
8		15	8–9.09	白露	<i>бай лу</i>	белая роса	
		16	22–24.09	秋分	<i>цю фэнь</i>	осеннее равноденствие	
9		17	8–9.10	寒露	<i>хань лу</i>	холодная роса	
		18	23–24.10	霜降	<i>шуан цзян</i>	выпадение инея	
ЗИМА	10	19	7–8.11	立冬	<i>ли дун</i>	начало зимы	
		20	22–23.11	小雪	<i>сяо сюэ</i>	малые снега	
	11	21	6–8.12	大雪	<i>да сюэ</i>	большие снега	
		22	21–23.12	冬至	<i>дун чжи</i>	зимнее солнцестояние	
	12	23	5–7.01	小寒	<i>сяо хань</i>	малые холода	
		24	20–21.01	大寒	<i>да хань</i>	большие холода	

Для лучшего запоминания названий этих 24 сезонов для детей придумали много стишков-песенок, вот одна из них:

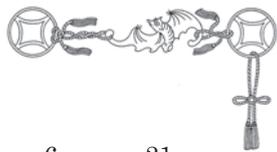
春雨惊春清谷天，夏满芒夏暑相连
 秋处露秋寒霜降，冬雪雪冬小大寒
 每月两节不变更，最多相差一两天
 上半年来六廿一，下半年是八廿三

Весна – это *юй, цзин, чхунь, цин, гу*;

Лето – это *мань, ман, ся и шу*;

Осень – это *чху, лу, цю, хань, шуан-цзян*;

Зима – это *сюэ, сюэ, дун, сяо и да хань*.

В каждом месяце — по два сезона,
Месяцы разнятся в один-два дня.
В первом полугодии все сезоны отмечают в районе 6-го или 21-го,
А во втором — в районе 8-го или 23-го числа.

И многословный перевод стишка о сезонах:

Весна, дожди, и насекомых пробужденье,
и день, что равен долгою ночью,
поминки душ и хлебные дожди, —
тепла и возрожденья жди!

А лето — изобилие, остистый колос,
солнцестояние и зной,
сначала — малый, а потом — большой.

Вот осень, и жара уходит, сверкает белая роса,
вновь — равноденствие, холодная роса, —
нас покидает летняя краса...

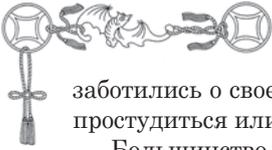
Зима приходит — малые снега, снега большие,
солнцестояние и малая, затем большая — стужа,
и так не хочется из дома выходить наружу!

Как уже упоминалось, многие китайцы по-прежнему, как и во времена императоров, пользуются «крестьянскими календарями», где есть много интересных сведений и относительно *фэн-шуй*, и касаясь Звериного гороскопа, и даже советов мистического толка: что в данный день (помечено красными иероглифами) можно делать, а от чего следует воздержаться (перечислено черными иероглифами). Например, можно «брить голову», «стричь ногти на руках и ногах», «выходить замуж», «купаться»; нельзя «ловить рыбу», «уезжать из города», «работать с иглою», «охотиться» и так далее.

Но даже если современный настольный, настенный или отрывной календарь сделан по григорианской системе, то под каждым числом нередко помечают, какому дню лунного календаря он соответствует.

Не раз обращала внимание на то, как, допустим, бронирующие билеты на самолет китайцы сначала уточняли нужную им дату, заглядывая в «лунный календарь», а потом уже «переводили» ее на привычную для нас по григорианскому.

А недавно, 08.07.2016, я получила смс от молоденькой китайки, которая отправила его всем друзьям, такого содержания: «Вчера наступил сезон *сяо-шу* (小暑), «малая жара». Скоро начнется *футхень* (伏天), самая жаркая погода. Хочу, чтобы любимые друзья

заботились о своем здоровье, потому что в этот период можно легко простудиться или заболеть гриппом!» Разве не трогательно?

Большинство ее друзей — в Пекине, а я — в холодной Москве, где даже летом может пойти мокрый снег, а температура опуститься до очень низкой. *Фу-тхень* нам не грозит, а я так его любила, живя в Китае! Период самого жаркого времени года подразделяют на три декады максимальной жары (三伏天), которые длятся по 10 дней:

- *тхоу-фу* (头伏);
- *чжун-фу* (中伏);
- *мо-фу* (末伏).

Итак, из древности пришло восемь праздников, связанных с народным календарем. При этом первый, второй и последний, по сути, являются одним и тем же, разделенным на три значительных момента: *чху си* (除夕) — канун Нового года, ночь под Новый год; *чхунь цзе* (春节) — наступление Нового года, то есть следующий день после *чху си*, и *юань сяо* (元宵), или праздник Фонарей, — последний день новогодних гуляний.

Постепенно все три объединились в один — праздник Весны (китайский Новый год по лунному календарю). Произошли и другие изменения, и в результате в последнее время китайцы отмечают шесть основных праздников, которые подразделяются на «три веселых праздника живых» и «три печальных праздника мертвых». При этом все они, так или иначе, связаны с сельскохозяйственными сезонами.

Три праздника мертвых, три праздника живых

Большинство китайцев безразличны к религии, будь то даосизм, буддизм или христианство. Время от времени они могут ходить в даосский либо буддийский храмы, а то и обращаться одновременно и к той, и другой вере. Они особо не интересуются и не разбираются в религиозных обрядах и торжествах, поэтому большие китайские праздники — скорее, семейные празднества, а не храмовые или государственные. Итак, из давних восьми осталось шесть основных, которые подразделяются на веселые и печальные.

Три веселых праздника живых:

Чхунь цзе, праздник Весны;

Дуань-у цзе — праздник Драконовых лодок, начало лета;

Чжун цю цзе — праздник Середины осени, праздник Луны.

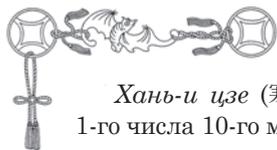
Три раза в году китайцы полностью выплачивали долги — в канун трех праздников живых. Раньше, если кто-то расплатиться не мог, предпочитал спрятаться дома, отсидеться, сделать вид, что уехал далеко по делам, чтобы не «потерять лицо». Порой и кредитор догадывался об истине, но тоже «делал вид», принимая игру и молчаливо соглашаясь с отсрочкой.

Три печальных праздника мертвых

Цин-мин, хань-ши. Если быть точным, то он объединяет сразу два: *цин-мин цзе* (清明节) — праздник «Чистого света», день поминовения усопших (примерно совпадает с нашей Пасхой), еще его называют праздником Ивовых веток, праздником Растений, и *хань-ши цзе* (寒食节) — праздник Холодной пищи и запрещенного огня.

Так как эти праздники отмечались один за другим, с разницей в 1–2 дня, то их постепенно объединили вместе в праздник Чистоты и света и Холодной пищи;

Чжун-юань цзе (中元节) — день Ушедших душ, жертвоприношения всем почившим. Отмечается в середине седьмой луны (15-го числа 7-го месяца);

Хань-и цзе (寒衣节) — «Отправка зимней одежды», отмечается 1-го числа 10-го месяца по лунному календарю.

Помимо традиционных праздников, есть еще официальные, которые, похоже, не очень прижились. Во всяком случае, общаясь с китайцами, я не замечала, чтобы они воспринимали эти даты, как праздничные, для них это просто дополнительный выходной день.

К таким относятся 1 января, то есть начало нового года по григорианскому календарю, и 1 мая. Кроме того, в календарях упоминаются 1 августа — день создания НОАК, и 1 октября — день образования КНР. Последний праздник, похоже, стал близок каждому китайцу.

Хотя официальных праздников много, но не все из них являются выходными. Формально китайцы отдыхают всего семь дней в году:

1 января — один день;

в *Чхунь цзе*, праздник Весны — три дня;

1 мая — один день;

1 октября — два дня.

На самом же деле, если по календарю праздник Весны оказывается рядом с обычными выходными, то отдых получается долгим.

Раньше отмечался еще один праздник — «двойной десятки», т. е. 10 числа 10-го месяца, но сейчас про него забыли. Это дата начала «Синьхайской» революции 1911 года, которая свергла последнюю императорскую династию Цин, в результате чего была провозглашена демократическая республика.

До освобождения люди отдыхали всего десять дней в году, потому что *Чхунь цзе* был единственным официальным праздником, а заодно — и единственным отпуском.

Ситуация с нерабочими днями радикально изменилась 1 октября 1999 года, когда КНР грандиозно отмечала 50-ю годовщину. Тогда китайцам впервые позволили отдохнуть в течение недели. Результаты оказались неожиданными. Практика показала, что жители Поднебесной, став зажиточнее, полюбили путешествовать и совершать покупки.

Южане рванули на север — осматривать достопримечательности столицы, северяне — на юг, чтобы полюбоваться знаменитыми частными садами и искусственными каналами в китайской «Венеции». Люди хорошо отдохнули, а государство получило невиданные прибыли от туристических поездок, шопинга и посещения ресторанов, до которых китайцы — большие любители.

С тех пор по праздникам китайцам позволяют отдыхать дольше, а во время главного торжества — китайского Нового года — столица, можно сказать, «вымирает» недели на две: закрыты все офисы,

магазины и рынки, потому что жители Пекина, как и других больших городов, возвращаются на свою малую родину.

В данной главе мы познакомим вас с тремя праздниками мертвых, а о трех праздниках живых расскажем очень подробно в следующих.

1.

Праздник Чистоты и света — первый из печальных, по-китайски — *Цин-мин цзе* (清明节). Он имеет и другие названия: *чхалю цзе* — праздник Ивовых веток, *тха-цин цзе* — праздник Загородных прогулок.

Такое необычное название — Загородных прогулок — он получил оттого, что люди, собираясь привести в порядок дорогие им могилы, выбирались за город, поднимались в горы.

Есть и еще название — *чхунь ёу*, Прогулки весной. Хоть этот праздник и считается печальным, люди все же из года в год, из поколения в поколение оставляли на время дела и привычные заботы.

Это время весеннего равноденствия, когда пробивается молодая травка, напоминая коврик, набухают почки на деревьях. Хочется вдыхать полной грудью свежий потеплевший воздух. Природа, оживая сама, наполняет радостью и людей. Появляется возможность, оторвавшись от хлопот, полюбоваться загородным пейзажем, обратить внимание на красоту окружающего мира.

Праздник *Цин-мин* распространен по всему Китаю. Но время его проведения зависело от конкретной местности и исторического периода. Это могло происходить в промежутке между вторым числом второй луны, а то и восьмым числом первого месяца, и третьим числом третьей луны. Но в большинстве случаев все же «загородные прогулки» совпадали с сельскохозяйственным периодом *цин-мин*.

Интересна история названия праздника. Прежде всего, — это, повторимся, наименование одного из сезонов, а именно — пятого сезона третьего месяца весны. Солнце достигает астрологической долготы в 15 градусов, на большей части территории Китая наступает явно выраженное потепление, выпадают частые дожди. Появляются первые почки, трава, листочки. Начинается весенний сев, посадка деревьев. У крестьян на этот счет есть прекрасные пословицы:

«Не успеешь оглянуться, как вслед за *цин-мин* приходят «хлебные дожди»; замачивание и посадка семян — тоже не за горами»;

«Накануне *цин-мин* и после — сажать деревья, втыкать ивовые ветки»;

«Лишь подул восточный ветерок на *цин-мин*, и пшеничные всходы радостно затрепетали».

Одна из пословиц поясняет и еще одно название праздника — Праздник посадки деревьев. По лунному календарю он приходится на середину третьего месяца.

Корни праздника удивительно глубоки: еще до периода империи Цинь, т. е. ранее 221 года до н. э., уже существовал обычай поклонения могилам предков. Сохранились и исторические записи о *цин-мин*, относящиеся к началу правления Хань. А после эпохи Тхан этот праздник достиг настоящего расцвета.

В период правления императоров династии Сун даже вышел особый указ, повелевающий в течение трех дней (начиная с праздника Холодной пищи и заканчивая *цин-мин*) повсеместно приводить в порядок могилы, выполнять ритуалы жертвоприношения, чтобы почтить память усопших. В стихах того периода поэтично описывается:

...Высоко в горах, где могилам нет счета, повсюду
Царит оживленье, числа нет пришедшему люду,
Родня суетится, доводит до блеска все плиты.
Слезами из самого сердца обильно политы
И алыми стали цветочки на рододендронах.
И тянет дымком от сжиганья бумаг похоронных;
Вот подняты пепла клочки ветерком шелестящим,
Подобные бабочкам белым, к нектару летящим.

А вскоре и солнце зашло; и нечистая сила,
Которую днем по болотам далеким носило,
Вернулась к могилам и там до поры затаилась:
А вдруг зазевается кто, чтоб она порезвилась...
Чтоб страх разогнать, молодежь с фонарями хохочет;
И тело озябшее просит вина и расслабиться хочет.
Наплакались. Чтобы «ожить», захмелеть бы немного!
Внизу, где селенье, к харчевне уводит дорога.
...Но как получилось, что только, казалось, приник,
А выпит до капельки целый пьянящий родник!...

А вот известное четверостишие поэта Ду Му эпохи Тхан:

Люди в печали уходят с погоста,
Холодно, дождь на *цин-мин* моросит,
Мысли о душах отбросить непросто.
Где-то флажок над харчевней висит...
Только к кому обратиться с вопросом?
Вот пастушок... «Если вы — о вине,
Это в деревне Цветы абрикоса...»
И указал далеко в стороне.

«...Это в деревне Цветы абрикоса...»
И указал далеко в стороне.

Обилие названий смущает, в них можно запутаться. Почему, например, *цин-мин* называют еще и «праздником втыкания ивовых веток», а то и «водружения ивовых веток на голову»?

Этот обычай возник в древности; в эпоху Южных и Северных династий уже встречались записи о нем. Считалось, что втыкание ивовых веток поможет избежать влияния злых духов. «Берете ветки ивы и прикрепляете их к воротам дома, и тогда ни один их 100 видов злых духов не проникнет в ваш дом», — написано в пятом свитке «Правил, которые должны выполнять крестьяне» времен Южных и Северных династий.

По улицам ходили продавцы таких веток — их срезали, когда на деревьях появлялись почки, и каждый старался купить побольше. Их не только втыкали в паланкины, телеги с лошадьми, ворота и двери, вернее, над входом, в поперечную балку, но и украшали ими головы в виде короны, а детям прикрепляли к одежде. Почки ивы добавляли в праздничные лепешки.

Молодежь и дети, надев венки из ивовых либо тополиных веток, поднимались группами в горы для уборки могил. Бытовали даже устрашающие пословицы: «Если на *цин-мин* не наденешь венка из ивы, то из молодого, цветущего юноши превратишься в седого старика»; «Не наберешь веток ивы — после смерти превратишься в желтую собаку». Иногда на улицах продавались сделанные из теста «летающие» ласточки, пронизанные ивовой веточкой. Такое украшение-оберег тоже втыкалось над дверью.

Ивовые ветки

Ива — символ Цин-мин. Являясь обычным деревом, оно обладает мощной жизненной силой, и это поражало китайцев: стоит веточке упасть на землю, как она пускает корни.

Как всегда, у китайцев существует несколько вариантов пояснения относительно особого отношения к иве. Первое связывает данный обычай с Цзе Цзы-тхуем, о котором расскажем чуть ниже. Этот несчастный прятался в лесу, и князь Вэнь-зун приказал поджечь лес, чтобы вынудить своего слугу выйти. Но тот, обняв дерево, предпочел погибнуть.

Когда через год князь в сопровождении свиты чиновников поднялся в горы, чтобы помолиться и почтить память слуги, он обнаружил, что сгоревшее дерево ивы, у которого погиб Цзе Цзы-тхуй, ожило, и его гибкие ветви струились на ветру. Поскольку произошло это в праздник поминовения Цин-мин, князь назвал дерево «цин-минской ивой».

Трудно сказать, почему, но китайцы всегда приписывали иве свойство отпугивать злых духов, вот и украшали ветками и себя, и детей. Можно вспомнить еще и любимую китайцами богиню Гуаньинь, которую всегда изображают с сосудом и веточкой ивы в руках. Считается, что, обмакнув ветку в жидкость в сосуде и окропив мрян, она спасает их от соблазнов греха.

Втыкая ветки ивы в «летающие» углы крыш, китайцы верят, что по этим меткам души усопших родственников смогут найти родной дом.

Однако большинство жителей Поднебесной связывают традицию использования ивовых веток с поэтом по имени Лю Юн (柳永), который родился в 987 году и прожил 66 лет. Несмотря на свои способности, таланты и знания, ему никак не удавалось сдать экзамены на чиновничью должность, и он вынужденно писал слова арий и песен для уличных певичек-проституток. Его произведения нравились людям, певички «дрались» за право петь его песни.

Так и прожил талантливый поэт в бедности, и после смерти не нашлось денег, чтобы похоронить его. Средства собрали девушки-певички. Ежегодно в праздник Цин-мин они приходили к нему на могилу для поминовения души, а так как фамилия его была Лю («ива»), они стали втыкать ветки этого дерева у его памятника, символически окликавая его. Постепенно красивый обычай переняли и другие люди, — сначала использовали ветви только на кладбищах, а потом придумали им и другое применение.

Символ любовных чувств

Впоследствии ива все чаще стала восприниматься, как символ любовных чувств, и поэты, восторженно описывая это дерево, инсказательно намекали на любовь. Возникла новая традиция «сломать ветку ивы на память уезжающему» (折柳赠别).

В эпоху Хань столицу Чхан-ань, как и все другие города, окружала стена. При выходе из города соорудили мост через реку Ба (灞), и на обоих ее берегах возвели высокие насыпи в 10 *ли*, засаженные ивами, причем, очень густо — через каждый шаг.

Все, кто покидал город, в этом месте прощались с провожающими. Расставаясь, люди отламывали веточку ивы и дарили тому, кто собрался в дорогу, в качестве символа прощания, поскольку иероглиф «оставаться» (留) звучит так же, как «ива» (柳), — *лю*. Такой жест означал «уговариваю остаться», «отговариваю от поездки» (挽留).

Обычай имел и еще один смысл: «пусть всегда будет весна» (в чувствах), — как бы говорили люди друг другу, ведь ива — один из символов весны. Расставание друзей или влюбленных напоминает отломанную веточку, разлученную с деревом, и остающиеся надеялись, что ветку на новом месте посадят, и та быстро даст корни и новые листочки. Это можно расценивать и как доброе пожелание поскорее прижиться на новом месте.

Любовь к иве проявлялась даже в том, что брови красавицы сравнивали с листочками ивы — длинными и тонкими, а сами девушки рисовали черной тушью пряди волос в виде листочков ивы на щеках, возле ушей.

Обычай убирать могилы предков существовал еще до династии Цинь (до нашей эры), однако тогда не определяли фиксированных дней для таких работ. В народе распространена легенда о том, как возник праздник Цинь-мин. Рассказывают, что Чжу Юань-чжан, будущий основатель династии Мин (в 1868 г.), сначала жил бедным монахом, собиравшим милостыню, а затем примкнул к восставшим крестьянам и стал предводителем повстанцев.

Однажды, когда он проходил с войском мимо родного селения, ему захотелось навестить могилы родителей. Однако он не смог найти их, ибо много лет не был в родных краях. А так как времени на поиски не оставалось, он пошел на хитрость: издал указ, которым обязывал всех жителей в определенный день лунного календаря привести в порядок могилы своих предков. В результате на кладби-

ще лишь две могилы остались неубранными, так Чжу Юань-чжан методом исключения обнаружил могилы своих родителей.

Скорее всего, это лишь трогательная легенда, потому что на самом деле прекрасный и печальный праздник существовал уже в эпоху Тхан, о чем свидетельствуют исторические записи: «В середине второй луны люди выезжали на загородную прогулку в районе озера Кхунь-мин».

Прежде всего, жители Поднебесной направлялись к могилам предков, убирали, чистили их, удаляли сорную траву, возжигали благовония, молились, выполняя обряд жертвоприношения. После этого собирались группами, любовались природой, отдыхали. Ведь сколько ни плачь, родных не вернешь. Поэтому, поработав, пили вино, угощались; запускали воздушных змеев, устраивали даже игры и увеселения. Поэтому домой возвращались поздно.

Написано множество древних прозы и стихов, в которых авторы с любовью описывают и грусть, и радость во время Цин-мин. У поэта Ду Фу, например, таких несколько, одно так и называется — «Прогулки весной»: «...Лед на реке растаял, по берегу идут люди, направляясь к могилам, а вокруг все начинает зеленеть...»

Природа пробуждалась, и не удивительно, что в сердцах людей порой вспыхивала любовь именно в эти дни, за городом, и на этот счет существует немало историй. Так, в «Хронике стихов эпохи Тхан» есть прекрасные строки о любви, описывающие такую встречу.

Я помню, год назад, в воротах в доме этом
Мелькнуло личико, что красотой и цветом
Могло поспорить с персика цветами...
Опять иду знакомыми местами:
Ворота — те же. Лепестки дрожат слегка,
Но где ж она, что по весне — свежей цветка?..

Описывая данный праздник, как правило, делают акцент на его печальной стороне. Но, как уже упоминалось, в такие дни не чурались и традиционных увеселительных мероприятий. С некоторыми из них познакомим. Почти все развлечения, так или иначе, связаны если не со спортом, то с движением: запуск воздушных змеев, качели, футбол, петушиные бои и пр.

Уборка могил

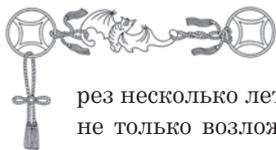
Воздушные змеи

Весна — лучшее время для запуска змеев, и обычай этот имеет давнюю историю. Ученые считают, что возник он более двух тысяч лет назад в период Весны и Осени. В те времена еще не изобрели бумагу, и змеев изготавливали из дерева или бамбука. В древних книгах их называют «деревянным коршуном» (木鸢) или «бамбуковой сорокой» (竹鹊). Видимо, на то они и летательные аппараты, чтобы давать им имена птиц.

Издавна в праздник Цин-мин взрослые, захватив детей, отправлялись в открытое поле, чтобы на просторе запускать этих деревянных птиц. Считалось, что дети, развлекаясь таким образом, выпускают вредоносное *ци* (放跑邪气), а также невезение, неудачу. Ученые полагают, что такое понимание обычая связано с массовым убийством, которое произошло более тысячи лет назад.

В период Пяти династий в царстве Ци император Вэнь-сюань правил так свирепо и жестоко, что равных ему трудно было найти. За незначительную провинность он приказал казнить весь род семьи Юань. При этом велел всем членам семьи привязать к спине циновки, уподобив их крыльям, и заставил людей прыгнуть с башни Золотой ветер высотой в 27 *чжанов*. На прощание император сказал обреченным, издеваясь, что он «выпускает их на волю», как говорят о птицах, выпуская их из клетки.

Естественно, все из рода Юань погибли. А дальние родственники и их потомки, которым удалось спрятаться и спастись от ареста, че-

рез несколько лет, поминая несчастных представителей рода Юань, не только возложили жертвоприношения, зажгли свечи и сожгли ритуальные деньги, но и провели необычную церемонию запуска деревянных птиц в память о трагедии. Свидетели необычного поминовения стали расспрашивать, что это значит, и получили ответ: «Выпускаем вредоносное *ци*, избавляемся от невезения, неудач». Это и можно назвать истоком обычая *фан-дуань-яо* (放斷鷗), когда, запустив деревянную птицу в небо, перерезают нить, отправляя ее высоко и далеко. Говорят, что парящий змей исчезает бесследно, а значит, уносит болезни и бедствия, оставляя человеку добрую судьбу.

В эпоху Сун обычай стал чрезвычайно популярным, им увлекся даже император. Он собрал придворных ученых, чтобы те написали трактат «Систематизированные записи о том, как следует запускать «ветряной *чжэнь*» (宣和风箏谱). Владыка призывал все население разделить его увлечение и всячески способствовал этому. Он подобрал группу мастеров, которые не только изготавливали деревянные птиц, но и давали настоящие представления запуска этих летательных аппаратов.

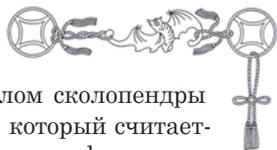
В праздник Цин-мин стало принято запускать их не только днем, но и ночью, прикрепляя к веревке гроздь разноцветных фонариков. Они мерцали, подобно звездам, и получили название «волшебные лампы» (神灯).

По прошествии определенного времени деревянные птицы уже являлись предметом народного искусства, став желанной мечтой для многих семей.

Великим мастером по изготовлению изящных, неповторимых экземпляров стал знаменитый писатель Цхао Сюэ-цин, написавший классический роман «Сон в красном тереме». Он же издал исследование по изготовлению «ветряных *чжэнь*» под названием «Заметки ремесленника по изготовлению южных «сорок» и северных «ястребов» («南鹞北鸢考工志»). Очевидно, что на юге и севере Китая имелись свои особенности в этом мастерстве. В своем знаменитом романе писатель тоже неоднократно описывает в подробностях сцены запуска змеев.

Став одним из видов народного искусства, данное производство получило разные направления, главными из которых можно выделить следующие четыре.

- Воздушные змеи *вэй* (风筝魏), город Тхеньцзинь.
- Воздушные змеи *ха* (风筝哈), город Пекин.
- Воздушные змеи «бабочка» на территории к югу от Янцзы (蝴蝶风筝).

— Воздушные *чжэнь* с головой дракона и телом сколопендры (龙头蜈蚣), город Вэй-фан в провинции Шаньдун, который считает-ся родиной воздушных змеев, и где ежегодно проводятся фестивали запуска этих летательных аппаратов.

Создателем тхеньцзиньских змеев явился некий Вэй Юань-цин (魏元秦), по фамилии которого они и названы. В 1914 году он изготовил 14 экземпляров красивейших летательных аппаратов, с которыми принял участие в выставке в Панаме, где завоевал золотой приз. Он владел монопольной фирмой, и особенностью его работ являлось использование древней техники изготовления «складного» изделия. Например, изделие длиной в 30 см после складывания можно поместить в маленький конверт.

Создателем школы пекинских змеев явился Ха Го-лян (哈国梁). Особенностью его работ можно назвать преобладание цветов, трав, насекомых и рыб при изготовлении формы.

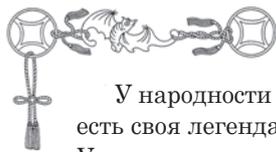
Цзян-наньские искусные воздушные змеи поражают исключительным мастерством. Их визитной карточкой можно назвать «парящего ястреба с фонариками». На змеях висит большое количество фонариков, от пяти-шести до десяти, — чрезвычайно красиво.

В Вэй-фане особенностью является летательный аппарат с головой дракона и телом сколопендры.

Качели

Странное название *цю-цень* (秋千) состоит из двух иероглифов: «осень» и «тысяча», а вместе означает «качели». Возникло слово от первоначальной фразы «ухватившись за кожаные ремни, передвигаться в пространстве» (揪着皮绳而迁移). Причем, сначала произносили *цень-цю*, но поскольку по смыслу получалось пожелание «тысячи вам осеней!», т. е. пожелание долголетия, табуированную фразу (чтобы не сглазить) решили изменить, поменяв местами иероглифы. При этом от первого иероглифа «ухватиться» взяли лишь правую часть, и получилось «осень», от предпоследнего «передвигаться» позаимствовали тоже правую часть — «тысяча».

Изобретателями этого развлечения считаются северные племена, которые использовали его для развития ловкости и храбрости у своих воинов. В период Весны и Осени, а также Борющихся царств правитель царства Ци по имени Сюань-гун (檀公) выступил походом на этот малочисленный народ, в результате победители переняли необычное развлечение и распространили его на территории Центральной равнины.

У народности *ла-ху* (拉祜), проживающей в провинции Юньнань, есть своя легенда о происхождении качелей, далекая от романтики. У них издавна повелось перед Новым годом резать свиней, подвесив их вертикально к перекладине.

Однажды возмущенные животные обратились к Верховному бо-жеству с жалобой: мол, несправедливо лишь свиней так подвешивать. Было бы честно, — считали они, — и с людьми поступать так же: пусть узнают, каково это — страдать безвинно, да еще вниз головой. Правителю жалоба показалась обоснованной, и он приказал людям раз в году так же подвешивать себя на перекладинах.

Люди не смели ослушаться, но и погибать не хотели, и тогда самый сообразительный среди них придумал неплохой способ: к деревянной перекладине прикрепил доску на веревках, на которую можно было сесть или встать ногами.

Когда Небесный правитель отправил подручных проверить выполнение приказа, придаться оказалось не к чему: все жители висели на перекладинах, и произошло это как раз в праздник Цин-мин.

Так возник обычай развлечения на качелях. В древности для этой цели использовали крепкие горизонтальные ветки дерева, к которым привязывали разноцветные ремни. И лишь позже стали применять высокие перекладины и две скрученные веревки с доской.

В период Тхан такое развлечение стало особенно популярным и обязательным в сезон Цин-мин. В основном, развлекалась, конечно же, молодежь.

Император Сюань-цзун, любитель любых развлечений, особенно восхищался качелями, и в период Цин-мин по его приказу на территории дворца устанавливали большое их количество.

Дворцовые девушки в длинных, разноцветных шелковых платьях с многочисленными лентами казались ему небесными феями, танцующими в воздухе, и он называл это «сражение полубогинь» (半仙之战).

Во времена Северной Сун возникла новая разновидность — качели на воде, когда люди, раскачавшись высоко, прыгали с качелей в воду. Китайцы были уверены, что качаться полезно не только для здоровья, но и для развития ловкости и воспитания храбрости.

Футбол

«Пинать кожаный мяч» (蹴鞠) — так дословно переводится слово *цху-цзюй*, и эту древнюю игру вполне можно назвать предшественницей футбола. Возникла игра, как развлечение и разновидность спорта, 2300 лет назад. В 2004 году, 2 февраля, Международная федерация по футболу признала, что футбол изобрели китайцы, и конкретно — Хуан-ди, Желтый император.

Что этому предшествовало? 4600 лет назад северное племя Желтого императора вело войну в местности Чжо-лу (涿鹿) с великаном Чши-ёу (蚩尤) из южного племени. В конечном итоге победил Желтый император. Он схватил Чши-ёу и, чтобы выместить злобу, разрезал живот врага, вынул его желудок и набил конским волосом, — чем не кожаный футбольный мяч? Желтый император отдал желудок своим солдатам, чтобы те развлекались, пиная его.

В китайской истории есть немало записей о футболе, и самое раннее в мире упоминание — в 100 году до н. э., в период Борющихся царств. В раскопках периода Весны и Осени, а также времен Хань и Сун найдено немало рисунков, на которых изображена игра в футбол. В «Исторических записках» (史记) встречаются интересные упоминания о футбольных болельщиках и таких фанатах игры, которые не прислушались к предостережениям врачей, а потому скончались от переутомления во время игры.

Мячи в те времена изготавливали из кожи, сшивая кусочки, чтобы получился шар, а затем начиняли волосами. В период Тхан появилось новое изобретение — полый мяч. Внутри кожаного шара вставляли надутый мочевого пузыря крупных животных. Больше того, придумали и насос (鼓风箱) — что-то вроде кузнечного меха.

Во времена правления династии Хань игра стала не только любимым в народе развлечением, но и одной из форм тренировки воинов, особенно такое занятие оказалось полезным для всадников, у которых затекали ноги от долгого пребывания в седле.

В период Сун возникли профессиональные команды игроков, напоминающие современные общества и клубы. В футбол играли не только мужчины и дети, но и женщины. Рост интереса к игре стал угасать лишь в период правления Мин, и связано это с императорским запретом. Уже упоминавшийся Чжу Юань-чжан, победив в восстании и заняв престол, взял курс на мирное развитие страны.

Дисциплина на то время в войсках упала, воины искали развлечения, в том числе и о футболе не забывали. Император развлечения запретил, — любителям шахмат отрубали кисти рук, за игру в футбол отрубали ступни.

Футбол

В это время отмечается взаимная неприязнь особей одного пола и взаимное притяжение самочек и самцов. Используя такое настроение птиц, и устраивают петушиные бои *доу-цзи* (斗鸡).

Петушиные бои

Данный вид развлечений тоже возник очень давно, еще в эпоху Борющихся царств. Чтобы помочь своему петуху одержать победу, владельцы придумывали разные способы, например, надевали на птиц кожаные «панцири», защищали их пальцы золотыми чехлами. Почему петушиные бои устраивали именно в этот праздник?

С 11 по 4 месяц лунного календаря в дикой природе невозможно отличить самочку от самца, — они все вместе сидят на деревьях. С 4 по 6 месяц у птиц начинается период подбора партнера, и курочки объединяются с петухами.

Петушиные бои

Праздник холодной пищи

Познакомим еще с одним названием описываемого праздника — праздник Холодной пищи (寒食节), или праздник Холода. Один из вариантов — праздник Запрещенного огня. Он отмечается по всему Китаю, но особенно ярко — в провинции Шаньси, а по времени — на 1–2 дня раньше, чем *цин-мин*.

Людам в это время запрещалось разводить огонь, — любой, даже в очагах, так что приходилось есть уже готовую, холодную пищу. Почему? В память о Цзе Цзы-тхуе, который погиб от огня.

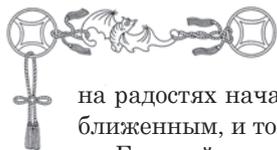
Жил он в период Весны и Осени в государстве Восточная Цзинь (это южная часть территории нынешних провинций Шаньси и Хэбэй). Правитель этого государства Чхун Эр был вынужден покинуть свое княжество, свой удел, и скитался вдали от родины в течение 19 лет, а его преданный оруженосец Цзе Цзы-тхуй всегда был рядом.

Однажды он спас хозяина от опасности и бежал с ним в горы, где они, в конце концов, заблудились и очень страдали от холода и голода. Чтобы не дать князю погибнуть, верный Цзе Цзы-тхуй отрезал от своей ноги кусок мяса, обжарил на огне и накормил ослабевшего Чхун Эра. Князь был несказанно благодарен и тронут таким поступком.

Цзе Цзы-тхуй

Когда же обстоятельства изменились, и он смог вернуться на родину, вновь став правителем Цзинь под именем Цзинь Вэнь-гун, он

на радостях начал щедро раздавать чины и должности самым приближенным, и только о Цзе Цзы-тхуе абсолютно забыл.

Бывший оруженосец, ставший калекой ради князя, не стал требовать ни чинов, ни привилегий для себя. Он отправился в глушь к своей старой матушке, чтобы спрятаться от всех и дожить свои дни вдали от столицы. Местечко называлось Мень-шань, — Простирающиеся горы. Ныне оно находится в уезде Цзе-сю провинции Шаньси, и название уезда переводится «место, где отдыхал Цзе».

Впоследствии Вэнь-гун из царства Цзинь вспомнил в Цзе Цзы-тхуе, который спас его в горах от голода такой страшной ценой. Он стал мучиться угрызениями совести и глубоко сожалел о своей забывчивости, приказав разыскать преданного слугу.

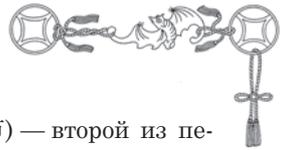
Пытаясь загладить провинность, князь неоднократно посылал за ним приближенных с богатыми подарками, однако обиженный предательством Цзе Цзы-тхуй наотрез отказывался вернуться в столицу. И тогда раздосадованный князь в порыве злости приказал поджечь лес на горе, чтобы вынудить Цзы-тхуя выйти из своего убежища. Страшный огонь полыхал три дня, а когда все выгорело, обнаружили труп несчастного, который погиб, обняв ствол дерева.

В память о гордом оруженосце князь, совершив положенный обряд, построил на горе храм, а гору переименовал в Цзе-шань. Он же приказал впредь в день смерти Цзе Цзы-тхуя не зажигать огонь, от которого тот погиб. С тех пор и повелось — ежегодно в этот день ели только холодную, заранее приготовленную пищу, и печалились о несправедливо погибшем.

Впрочем, летописи свидетельствуют о том, что еще в период Чжоу (1066–256 гг. до н. э.) предписывалось: «После периода *чжун чхунь* (仲春), т. е. середины весны, в Китае хворост не рубить, огонь не разжигать», и вплоть до наступления следующего периода — *цзи чхунь* (季春), т. е. конца весны, огонь был запрещен, все ели сырую или холодную пищу.

Впоследствии люди объединили старое установление о запрете огня с днем памяти Цзе Цзы-тхуя, который погиб в пожаре. И уже в Восточном Цзинь оставили исторические записи: «Через 105 дней после периода *дун чжи* в течение трех дней предписывается есть холодную пищу, строго запрещается разжигать огонь в память о Цзе Цзы-тхуе».

Поскольку эта дата почти совпадает с праздником *цин-мин*, их объединили вместе, составив даже общее название — *Цин-мин, хань-ши*, то есть праздник Чистоты и света и Холодной пищи.

2.

День Ушедших душ (*Чжун-юань цзе*, 中元节) — второй из печальных праздников, день жертвоприношения всем, кто покинул этот мир. В этот день вспоминали умерших, молились предкам, сжигали бумажные деньги, как бы отправляя их с помощью дыма пожившим родственникам. Он тоже имеет несколько названий:

- «Огоньки на реке», «Фонарики на реке»;
- «Огоньки на воде», «Фонарики на воде»;
- «Освещение мрака»;
- «Освещение загробного мира (*чжао-мин*)»;
- праздник «Чашечки-орхидеи»;
- «праздник духов (*гуй цзе*)»;
- «праздник Душ»;
- «Середина седьмого месяца»;

«Юй-лань-пхэнь цзе», или «Юй-лань-пхэнь хуй»;

Соблюдение поста Юй-лань (*юй-лань-пхэнь чжан*);

Совершение жертвоприношений Юй-лань (*юй-лань-пхэнь гун*);

Праздник «Полгода» (*бань-нень цзе*). Так как со времени завершения празднования Нового года проходило ровно шесть месяцев, то 15 число 7-го месяца и получило такое название.

Праздник голодных духов.

Уже по названиям можно догадаться, о чем идет речь.

Поскольку в этот день совпали два праздника — даосский и буддийский, сначала поясним смысл даосского. У китайцев в году есть «треножник» трех праздников полной луны (三节鼎):

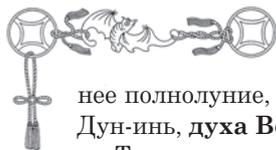
— *шан-юань*, 15-е число 1-го лунного месяца *чжэн*, первое полнолуние года, т. е. праздник Фонарей (上元节);

— *чжун-юань*, 15-е число 7-го лунного месяца, фестиваль Голодных призраков, или день Ушедших душ, о котором мы рассказываем (中元节);

— *ся-юань*, 15-е число 10-го лунного месяца, праздник Первого зимнего полнолуния (下元节).

Всего — три «юань», по-китайски — «сань юань».

В религии даосов существует понятие «сань гуань» (三官) — Три повелителя, три чиновника, управляющие Небом, Землей и Водой. Последователи этой религии полагают, что «сань юань» — это второе название «сань гуань». Поэтому первое полнолуние, *шан-юань цзе*, — день рождения Великого владыки Цзы-вэй, **духа Неба**, дарующего милости (赐福天官紫微大帝); среднее полнолуние, *чжун-юань цзе*, — день рождения Великого владыки Цин-суй, **духа Земли**, прощающего провинности (赦罪地官清虚大帝); послед-

нее полнолуние, *ся-юань цзе*, — день рождения Великого владыки Дун-инь, **духа Воды**, помогающего в бедствиях (解厄水官洞阴大帝).

Так что, согласно даоским канонам, 15-е число 7-й луны — день рождения духа Земли.

Буддийский праздник поминовения усопших *Мэн лань-пхэнь цзе* (от санскритского слова Ullambana), пришел на китайскую землю из Индии. Чужое слово, как всегда, исказили до неузнаваемости, но и китайское название никакого смысла не имеет, оставаясь «инородным», лишь значение слова *пхэнь* («таза») иногда используют в пояснениях. Еще одно название — *Юй-лань-пхэнь* — переводится как «спасение (избавление от мук) висящих вниз головой».

Помимо *Мэн лань-пхэнь цзе* (盂兰盆节) и *Юй-лань-пхэнь*, есть и другие названия, китайские: *зуй цзе* (鬼节), т. е. фестиваль Духов, поминовение предков, и *цзю дао-сень* (救倒悬), — Спасение висящих вниз головой.

Буддийское сказание

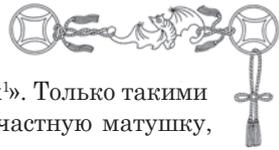
В буддийских сутрах есть такой рассказ. Мать одного буддийского наставника высшего ранга, которую звали Цин-тхи (青提), попала в преисподнюю. Вина ее заключалась в том, что она припрятала драгоценные драгоценности, принесенные верующими в храм.

Ее сын по имени Му-лень (目莲) спустился в *э-би* (от санскритского Avīci), ад вечных мучений, который является последней из восьми ступеней горячего ада, где грешник обречен на вечно повторяющиеся перерождения для тяжких мук. Среди многих мучеников он увидел матушку, подвешенную вниз головой, и обратился к Будде Жу-лай (от санскритского tathagata) с просьбой о спасении матери.

Жу-лай открыл ворота ада, и Цин-тхи была спасена. Но к тому времени она уже перестала быть человеком и превратилась в голодного духа, изможденного и ненасытного. Сын выпросил у крестьян подаяние, и мать все жадно съела. После этого она превратилась в бушующий огонь, и тут уже ничем нельзя было помочь.

Му-лень, кланяясь до земли, вновь обратился к Жу-лай, чтобы основатель буддизма спас его матушку. И тогда Жу-лай приказал Му-леню: «После того, как закончится твой летний срок пребывания среди монахов¹, а именно 15 числа 7 луны, приготовь и сложи в таз *мэн-лань-пхэнь* «100 видов еды и напитков», а также пять обязательных плодов — персики, сливы, абрикосы, каштаны, финики и

¹ В течение трех дождливых месяцев монахи должны находиться в монастыре для усиленных молитв.

раздай это монахам во всех «десяти направлениях»¹. Только такими добродетелями ты сможешь освободить свою несчастную матушку, страдающую от демонического голода.

В конце концов, Му-лень вместе с матушкой получили истинное воздаяние и превратились в покровителей буддизма, сын — в бодхисаттхву Ди Цзан (Кшитигарбха).

Проведение церемонии

С тех пор ежегодно 15-го дня 7-го месяца все буддисты стали проводить церемонию *мэн-лань-пхэнь*. В Китае впервые этот день отпраздновали в 538 году — в глубокой древности. Император государства Лян по имени *У-ди* периода Южных династий был первым, кто провел торжества *юй-лань-пхэнь* в храме Тхун-тхай сы (同泰寺).

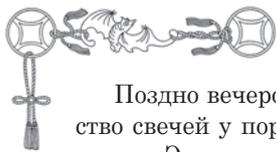
Впоследствии, помимо жертвоприношений и соблюдения поста, стали добавляться и другие ритуальные действия: «пускание лотосовых фонариков» (放荷灯), «пускание корабликов для перевозки душ умерших» (放法船), «кормление голодных духов» (放焰口).

В городах торжественная церемония проходила примерно так. На специальный помост выкладывали пожертвования: рис и персики, уложенные спиралью. Буддийский наставник садился впереди, изображая бодхисаттхву Ди Цзана, который читает заупокойные сутры для мучеников преисподней. Во всех дворах на специальных помостах выкладывались дары для сырых и убогих: целые туши свиней, баранов, кур, уток, гусей, а также различные пирожные на пару из квашеного теста *фа-гао* (发糕), фруктовые плоды и бахчевые.

Главный распорядитель втыкал в каждое ритуальное блюдо разноцветные бумажные треугольные флажки, — голубые, красные, зеленые, на которых делали надписи, например, «торжественная церемония *мэн-лань*» (盂兰盛会), «открылись ворота благодати проповеди Будды» (甘露门开) и пр.

Церемония начиналась под музыку храмового оркестра, в строгой атмосфере. В конце буддийский наставник ударял в колокол, призывая сидящих внизу монахов к чтению сутр на санскрите и произвольным искренним молитвам. После молитвы приносили жертвенную пищу, — рис и персики, выложенные спиралью. Продукты разбрасывали во всех четырех направлениях, повторяя три раза. Церемония называлась «кормление голодных духов».

¹ Буддийское понятие: север, юг, восток, запад, северо-запад, северо-восток, юго-запад, юго-восток, верх и низ.

Поздно вечером во всех семьях люди зажигали большое количество свечей у порога дома, втыкая их в землю, — чем больше, тем лучше. Это символизировало прорастание пяти злаков. Церемония называлась «засаживание поля» (布田).

Ко времени начала правления Тхан этот религиозный обряд стал превращаться в престонародный праздник, и в период династии Цин он стал особенно популярным. В настоящее время о нем практически забыли, и лишь жители юга иногда украшают реки и каналы свечами, подражая своим предкам.

Светильники на воде

Иногда люди представляли дорогу в мир иной, как глубокое ущелье с тонким, как волосинка, мостиком, иногда — как широкую реку (у греков — Стикс). Поэтому в 15 день седьмой луны делали маленькие лодочки — бумажные, деревянные, а в них помещали фонарики. Чаще всего эти фонарики изготавливают в виде цветка лотоса, иногда — других цветов. Внутри цветка — свеча.

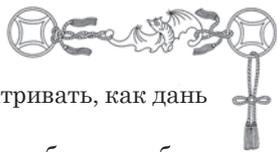
Во время первого в году полнолуния, в праздник Фонарей, принято зажигать фонари. Во время среднего полнолуния из трех, т. е. праздника Голодных духов, тоже непременно следует зажигать фонарики, но на этот раз — для усопших душ. Ведь живой человек относится к началу **Ян**, а ушедший в мир иной — к **Инь**. Точно так же суша относится к **Ян**, а вода — к **Инь**.

Под водой таинственно и темно, и это напоминает людям о неопостижимой преисподней, в которую погружаются души умерших. Так что во время праздника Фонарей их зажигают на земле, а во время праздника *мэн-лань-пхэнь* — на воде. И хотя пускание фонариков по воде является лишь одним из аспектов праздника, однако в народе именно этот обряд стал самым главным и важным.

Современное название обряда «лотосовые фонарики» (荷灯) первоначально записывалось иначе — «речные фонарики» (河灯), хотя звучат оба названия одинаково: *хэ-дэн*.

Во времена зарождения обряда «фонарики» представляли собой обычную деревянную досточку со штырем, к которому крепили свечу или масляную лампаду. Главное — чтобы огонек мерцал на поверхности воды, цель пускания свечей по реке — помощь неприкаянным душам утопленников и другим бесприютным душам.

В народе считали, что безвинно погибшие, обиженные души умерших очень страдают, будучи крепко связанными в аду. Хотят перевоплотиться, но не могут найти дорогу. Видимо, дорога от мрачного **Инь** к светлому **Ян** очень темная, и без фонариков ее не

преодолеть. Так что данный обычай можно рассматривать, как дань памяти усопшим.

С течением времени фонарики приобретали все более необычные, прихотливые и изящные формы, становились все красивее и искуснее: у каждого мастера — свои фантазии. Встречались даже в виде фигур популярных в народе героев легенд и сказаний.

Иероглиф «река» в названии заменили на «лотос», не только потому, что они — омофоны, но и по той причине, что цветы лотоса, поднимаясь с илистого дна, распускаются на поверхности воды, как фонарики. Так что самые распространенные светильники на воде — в виде цветка лотоса.

После зажигания свечей или масляных лампочек их пускали по воде, и цвета были самыми разными: белые, розовые, красные, зеленые, фиолетовые. Огоньки дрожали и колебались, покрывая, как мерцающие звезды, поверхность воды. Ночью они фантастически красиво освещали реку.

Кто-то приносил эти лодочки сначала в монастыри, кто-то — сразу на берег реки. Дни и ночи напролет декламировались священные тексты под аккомпанемент деревянного барабанчика в виде рыбы или под звон бронзовых колокольчиков. Это монахи приглашали души ушедших прийти и отведать пищи, приготовленной для них в монастыре, чтобы те освободились от мук голода и жажды, а также неисполненных желаний, ибо это мешало им переродиться в более высоких сферах вселенной. Их просили отказаться от всех злых намерений, охранять живущих и во всем помогать им.

А на берегах водоемов люди совершали свои обряды: звуки гонгов и барабанов разрывали небо, запускались петарды и хлопушки, и все эти звуки сливались с радостным гомоном детворы и взрослых.

Такой обычай был распространен почти во всех районах Китая, но особенно популярным стал в Пекине. Раньше он представлял собой религиозный обряд, даоский либо буддийский, но постепенно превратился просто в печальный праздник. «Людей на берегу реки собиралось множество — до тысячи; они опускали на воду лодочки из черепицы со свечами в цветке лотоса. Лодочек тоже бывало не меньше тысячи, — описывается в одном из древних документов, — они то поднимались, то опускались вслед за движениями волн».

А зрители на берегу любовались этой красотой, и постепенно, как и *Цин-мин*, этот праздник стал превращаться одновременно и в увеселительное мероприятие, когда исполнялся весь традиционный набор — танцы львов с мячом, *ян-гэ*, цирковые номера.

Фонарики постепенно уплывают, скрываясь вдаль, напоминая о близких, ушедших из нашего мира в течение года, и суеверным людям кажется, что души усопших удаляются вслед за фонариками, а значит, в этом году на земле, наверняка, не случится ни больших бедствий, ни малых печалей, год пройдет мирно и спокойно.

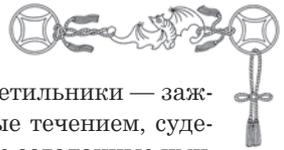
Погасли фонарики, — значит, они выполнили свою функцию, — провели бесприютные души из *Инь* в *Ян*.

Существует и еще один обряд — «сжигание лоды для перевозки душ умерших в нирвану» (烧法船). Для этого изготавливают крупные кораблики длиной примерно в один *чжан*. Остов — из стеблей *гао-ляна*, который затем обклеивают разноцветной бумагой и украшают различным орнаментом. Нос кораблика — в виде свирепого тигра, а на палубе сооружают «дворец». Есть рулевое помещение, мачта и походный котел. На корме развевается белый треугольный флаг с зеленым лотосом.

На корабле восседают Священная матушка (圣母) и Князь дьяволов (鬼王), которые «руководят» движением судна. Суть обряда в том, чтобы отправить усопшим душам «узел с одеждой» (包袱). Эти свертки отправляют в мир мертвых, сложив их на корабле и присвокупив к ним ритуальные серебряные и золотые слитки, а также бумажные деньги для сжигания. На свертки наклеивают бумажечки с указанием имени и адреса усопшего.

Речные фонарики

Конечно же, на таких кораблях тоже есть светильники — зажженные свечи. Подгоняемые ветерком и уносимые течением, суденышки постепенно исчезают, а люди верят, что все загаданные ими желания сбудутся.

Одно время среди женщин Российского посольства в Пекине вспыхнула мода на светильники из поделочных камней в виде цветка лотоса, внутри которого — лампа-ночник. Изделие действительно очаровательное, но я, зная историю этих «фонариков», воздержалась от покупки.

3.

Отправка зимней одежды — последний из трех праздников мертвых, по-китайски — *Хань-и цзе* (寒衣节). Особенно популярным он был на севере Китая, где протянулась Великая китайская стена.

Тому, кто знаком с одной из четырех легенд о великой любви под названием «Мэн Цзян-нуй», смысл печального праздника будет понятен (см. мою книгу «Восемь бессмертных»). Потому что возник он в память об этой преданной жене.

Отмечался он в первый день десятого месяца, когда на севере Китая наступают холода. Ведь именно в начале зимы отважная Мэн Цзян-нуй, закинув за спину сверток с теплой одеждой, которую она сама сшила для любимого, отправилась в дальний путь на север, где на строительстве Великой стены работал ее насильно угнанный муж.

Прожили они вместе совсем немного, но очень счастливо. Говорят, на свадьбу пригласили лишь близкую родню. Ведь жениху приходилось прятаться от властей. Но одного родственника все же не пригласили — то ли забыли, то ли не захотели... От обиды он и донес.

В других источниках говорится, что в управу доложил безответно влюбленный в Мэн Цзян-нуй управляющий домом ее отца — от ревности. И осталась молодая жена одна, но о повторном замужестве и думать не желала; все тосковала о единственном.

А когда отправилась к мужу, пережив множество бед и лишений, оказалось, что жертвы ее напрасны — от непосильной работы, скудного питания и холода он давно умер.

Готовясь к зиме, люди на севере шили себе и детям одежду на вате и рассказывали малышам легенду о трагической любви. Молясь предкам, они изготавливали и бумажную «зимнюю одежду», и 1-го числа 10-го месяца сжигали ее. Это называлось «отправка зимней одежды» умершим родственникам.

Конфуцианцы верили в то, что душа человека распадается постепенно в течение нескольких поколений. Буддисты верят в переселение душ. Но никто не сомневался в том, что душа человека продолжает существовать после его смерти.

По мнению верующих, покойники способны так же мерзнуть, как и живые — на земле. Поэтому изготавливали имитацию мужской и женской одежды из бумаги пяти цветов, упаковывали ее в свертки с именами получателей и выставляли в доме. Туда же добавляли специальные бумажные деньги, а потом все эти подарки сжигали во дворе дома или около могил.

Как и во время предыдущих двух праздников, обязательно посещали, приводили в порядок могилы, молились и подносили предкам и другим умершим угощения в виде фруктов.

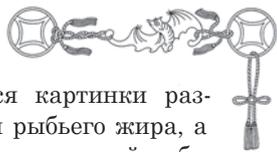
Описываемый праздник был известен уже во времена правления династии Сун. Одежду вырезали по специальным бумажным шаблонам длиной приблизительно в тридцать сантиметров. Богатые могли обращаться в специальные мастерские, где эту одежду — курточки, халаты, брюки и прочее склеивали из кожи.

На сверточках с одеждой порой делали очень подробные надписи: сверху писали имя и прозвище, а внутри — год, месяц, число и фамилии потомков, которые выражают свое почтение.

Этот обычай сохранился и по сей день, однако набор бумажных и деревянных предметов, «отправляемых» вместе с дымом дорогим покойникам, значительно расширился: теперь здесь не только одежда, но и предметы домашнего обихода, а то и роскоши. Вот неполный перечень для иллюстрации: рулоны тканей, холодильник, мобильный телефон, бильярдный стол, дом-особняк, вентилятор и кондиционер, компьютер, рояль, барабаны, электрогитара и др. музыкальные инструменты, караоке, мотоцикл, фотоаппарат, автомобиль, видеокамера, стиральная машина, кулер с водой, часы, любые предметы мебели и даже самолет.

Для женщин — разнообразные металлические украшения, покрытые позолотой, для мужчин — даже различные документы, например, свидетельство о владении недвижимостью, о владении землей, водительское удостоверение, банковские кредитные карточки.

Даже если при жизни у почившего не было и велосипеда, в загробный мир ему отправят все, о чем он и мечтать не мог. Особенно трогательно звучат надписи над предлагаемыми предметами для сжигания: «Специально для использования в загробном мире» (天堂专用), «Все для развлечений» (娱乐大全), «Для развлечений и отдыха» (娱乐休闲), «И для эстетов, и для простых людей» (雅俗共赏), «Для спорта и оздоровления» (运动健身).

Например, для «оздоровления» предлагаются картинки различных видов БАД на основе меда, жэнь-шэня и рыбьего жира, а также спортивных тренажеров. Для изящных развлечений — бумажный набор под названием «четыре драгоценности кабинета ученого» — тушь, кисточка, бумага и плоский камень для растирания туши.

Изготовление специальных денег для сжигания на могилах или в храмах — древнее искусство, которое в наши дни превратилось в крупный бизнес с оборотом более двух миллиардов долларов США. Подсчитано, что во время праздника Цин-мин более тысячи тонн ритуальных купюр превращается в пепел.

На толстых пачках банкнот — числа с девятью нулями. На них изображен портрет Владыки подземного мира, а надпись свидетельствует о том, что деньги выпущены Банком Вселенной. Встречала и надпись на искаженном английском «The Bank of Heavenchthon», видимо, имелась в виду смесь слов «божество» и «Washington». Для сжигания продаются как специально изготовленные юани, так и доллары — веяния последних лет. Причем, на расстоянии нескольких шагов такие деньги трудно отличить от подлинных.

Мэн Цзян-ньюй

Знаменитая картина

Нельзя не рассказать об одной из самых знаменитых в Китае картин, имеющей отношение к празднику Цин-мин.

Это произведение искусства является национальным сокровищем, одной из десяти самых ценных картин Китая. Во время проведения Шанхайской выставки ЭКСПО она была выставлена в китайском павильоне. А благодаря возможностям Интернета теперь ее может рассмотреть любой желающий.

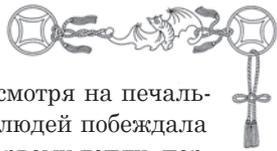
Речь идет о репродукциях, среди которых существует восемь версий, написанных на шелке. Подлинник выполнен в эпоху Северная Сун (960–1127 гг.), принадлежит кисти художника **Чжан Цзэ-дуань** (张择端) и хранится в музее Гу-гуна в Пекине. Длина свитка **528,7 см**, высота — **24,8 см**. Поскольку речь идет о древних свитках, то рассматривать (читать) их следует справа налево. На данном свитке представлено 815 человеческих фигур, в разной одежде, с разным выражением лица, занимающихся каждый своим делом, чрезвычайно тонко и изящно выписанных, а также 28 лодок, 94 различных животных и 170 деревьев.

Самая поздняя версия картины выполнена в период правления династии Цин и хранится в музее Гу-гун на Тайване. Эту репродукцию сделала группа из пяти художников императорской Академии живописи, работу они завершили в 1736 г. Длина этого свитка составляет **11,52 м**, высота — **35,6 см**. В общей сложности на свитке изображено четыре тысячи человек.

Ценность всех вариантов этой знаменитой картины — в детальном изображении городского быта столицы Северной Сун города Бень-лян (ныне — Кхай-фэн, что в провинции Хэнань) в последний период правления, благодаря чему можно познакомиться с обычаями и образом жизни китайцев в XII веке. Река в столице носила название Бень-хэ, и жизнь по обоим ее берегам показана во всех деталях: строения, одежда людей, транспорт, домашние животные, продукты питания, предметы быта...

Раньше художники, в том числе и Чжан Цзэ-дуань, для своих полотен использовали лишь сюжеты на религиозные темы, либо описывали сцены из дворцовой жизни, а потому все картины Чжан Цзэ-дуаня носили однообразные названия: «Дворцовая жизнь». Описываемая же картина стала первой, посвященной жизни простых горожан.

А теперь — о названии картины. Цин-мин — название первого весеннего праздника в Китае, основная суть которого заключается в поминовении усопших и приведении в порядок могил предков.

«Цин» означает «чистый», а «мин» — «ясный». Несмотря на печальное содержание праздника, в общем настроении людей побеждала жажда жизни, а также стремление радоваться первому теплу, первой зелени, а потому, отдав дань покойным, люди испокон веков устраивали пикники на природе, пили вино и радовались весне.

Тем не менее, относительно названия и содержания картины до сих пор нет единого мнения. Одни считают, что художник изобразил именно оживление среди горожан после проведения утренних обрядов на могилах в горах (хоронили только на склонах), когда жизнь воспринимается с обостренной радостью после мыслей о смерти. Другие же полагают, что подробная картина — инсценировка полного благоденствия (при стремлении скрыть реальную тяжелую действительность жизни простого народа).

Один из китайских ученых, внимательно изучив шедевр, утверждает, что название картины дано ей неверно. Веера в руках у многих жителей, соломенные шляпы на головах, голопузые дети, вывески с иероглифами «Свежее вино», баклажаны на столе, вывеска в чайной «Глоток напитка в зной» и другие признаки говорят о том, что изображена не ранняя весна, скорее — жаркая, характерная для Китая, осень.

Дело в том, что автор свитка, художник Чжан Цзэ-дуань, завершив картину, тут же вручил ее императору Сун Вэй-цзуну (1101–1119 гг. правления). Тот был потрясен и очарован гениальным произведением, назвав его главным сокровищем страны. Затем он сделал собственноручную надпись своим прекрасным почерком, начертав пять иероглифов: «Цин-мин шан-хэ тху» (清明上河图, «Картина Цин-мин на реке»), и поставил свою маленькую печать с двумя драконами. Сам ли он придумал название, или выслушал пояснение автора — неизвестно.

Тем не менее, ценность уникальной картины XII века не уменьшается. Будь то осень, лето или весна, мы имеем возможность увидеть своеобразный «фильм», рассказывающий о жизни в древности по мере того, как будем постепенно разворачивать свиток, вникая во все детали живописи. Как уже упоминалось, свитки следует рассматривать справа налево, и условно содержание картины делится на пять фрагментов.

Первый фрагмент — умиротворяющий пейзаж столичного пригорода с бесценными деталями.

Второй — самая знаменитая и кульминационная часть, центром которой является арочный мост (по-китайски — мост в виде радуги, 虹桥), и здесь — самое большое скопление горожан.

В Китае эта тема настолько любима и ценима, что там продается невероятное количество картин под названием «Цин-мин на реке», выполненных в самых различных жанрах, однако чаще всего это вышивка на шелке. И во всех случаях на картинах изображен именно этот фрагмент — мост в виде радуги. Для тех же, кто хочет рассмотреть все детали на знаменитом свитке, продаются прекрасные живописные копии на шелке современных художников.

Третий фрагмент показывает жизнь за пределами городской стены, т. е. пригорода Бень-ляна (Кхай-фэна).

Четвертый демонстрирует зрителю пространство от городских ворот, через деревянный мост, ведущий к озеру *Цзинь-мин-чшы* (金明池).

Пятый представляет пейзаж этого озера и сценки дворцовой жизни.

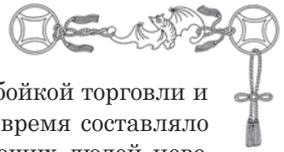
Впрочем, есть специалисты, которые считают, что на полотне запечатлена весна, и условно делят картину лишь на три фрагмента.

1. Пейзаж «дикого» пригорода столицы. Откуда-то с северо-востока течет река. Туман над рощей, несколько камышовых хижин, шаткие мостики из того же камыша, старые деревья с птичьими гнездами и лодки-плоскодонки. Два усталых погонщика в надежде на скорый отдых после долгого пути гонят к городу пять серых лохматых осликов. На ветках ив едва появилась нежная зелень, свидетельствующая о том, что, несмотря на довольно холодную еще погоду, весна уже приближается.

В крестьянском дворе на току несколько каменных мельниц, на которых осенью будут дробить и молотить зерно, а пока они бездействуют. В загоне несколько баранов, а рядом — куры и утки на огороженном пространстве.

По дороге носильщики несут паланкин с женщиной. Паланкин украшен ветвями ивы и разными цветами, и это свидетельствует о том, что паланкин — свадебный, и внутри него сидит невеста. Позади женщины едет всадник, наверняка, молодой муж, который сопровождает новобрачную к своему дому. Носильщик несет на коромысле рыбу — дар родителям жениха от родителей невесты, — намек на пожелание достатка в их доме. Перед всадником идет человек, несущий коробку с приданым невесты.

Некоторые исследователи картины полагают, что горожане уже вернулись с могил, совершив положенные обряды в горах, далеко за городом, и этот первый фрагмент древнего шедевра как будто задает тему всей картине, как бы открывает занавес, чтобы показать нам основное действие.

2. Пристань на берегу Вень-хэ со сценами бойкой торговли и кипучей жизни горожан. Население Китая в то время составляло более миллиона человек. Плотность присутствующих людей невероятная. На реке, являющейся важной торговой артерией, — множество лодок с зерном. Их так много, что они почти соприкасаются. Тут же — грузчики-кули; кто-то несет груз, кто-то, обливаясь потом, привалился к опоре моста и отдыхает.

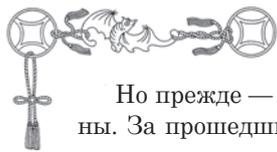
Какие-то горожане сидят в чайной, кто-то выслушивает сообщения прорицателя судьбы, кто-то входит в харчевню, чтобы перекусить. Тут же — магазин ритуальных принадлежностей под вывеской «Бумажные лошади семейства Ван».

Центральная часть этого фрагмента, конечно же, — великолепный арочный мост, красиво и добротнo сделанный. На нем множество людей, а на воде — огромный красивый корабль с суеяющимися и что-то кричащими рабочими с бамбуковыми шестами в руках. Они пытаются проплыть под мостом. Сделать это непросто, чтобы не столкнуться с другими лодками и не задеть сам мост. По этой причине переживают и люди на соседних лодках, и зеваки на мосту. На грузовом судне приехало в город немало родственников и знакомых местных жителей, а потому многие встречающие взобрались на мост, чтобы с высоты скорее увидеть и поприветствовать тех, кого с нетерпением ждут.

3. Оживленная улица одной из частей города. Центром является высоченная городская башня, а также множество заведений по обе стороны от нее: чайные, винные, мясные лавки; постоянные дворы, магазины шелков, благовоний, жемчужных изделий; храмы и канцелярии. Тут же — аптека и принимающий лекарь, магазин похоронных принадлежностей и ремонт телег. Гадают по руке, лицу и с помощью специальных палочек; делают массаж...

Носильщики паланкинов, кричащие уличные торговцы, представители всех гильдий, профессий и сословий... Тут и монахи, бредущие пешком, и местное начальство верхом на лошадях, и приезжие из провинции, пытающиеся найти нужный адрес. Тут и дети, собравшиеся в тупике вокруг народного сказителя и внимательно внемлющие ему... Калеки и нищие, попрошайки и пьяницы, мужчины и женщины, старые и молодые, воины, крестьяне, рабочие, торговцы...

Представлены все виды транспорта: паланкины, верблюды, телеги с лошадьми и волами, грузовые повозки, ручные телеги, рикши... Смотрите сами и наслаждайтесь, делая для себя маленькие открытия.

Но прежде — еще несколько слов об истории знаменитой картины. За прошедшие 800 лет ее четыре раза воровали, и всякий раз она возвращалась в императорский дворец, а потому с ней связано немало легенд.

Говорят, в эпоху Мин, в 1524 г. она попала в руки высокого сановника по имени Лу Вань. После смерти обладателя этого сокровища вдова господина Лу зашила свиток в подушку и ни на минуту с ней не расставалась, как будто берегла свою судьбу. Даже собственным детям она не позволяла взглянуть на древний шедевр.

Однако нашелся в ее семье дальний родственник, не только талантливо писавший картины, но и чрезвычайно интересовавшийся работами древних мастеров. Будучи большим любителем и ценителем древностей, он обладал еще и даром красноречия, а потому в течение долгого времени уговаривал вдову позволить ему полюбоваться сокровищем усопшего господина Лу.

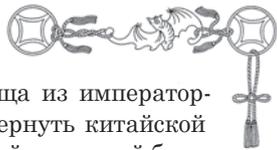
После долгих уговоров вдова сдалась, однако, боясь, что талантливый художник скопирует уникальную картину, запретила ему брать с собой тушь, кисть и бумагу, разрешив лишь любоваться деталями картины непосредственно в ее спальне. Таким образом, родственнику удалось в общей сложности подолгу любоваться свитком более десяти раз в течение 2–3 месяцев.

Талантливый художник — а звали его Ван — многое запомнил, а главное, воспринял идею, и потому через некоторое время ему удалось нарисовать что-то подобное и продать свой свиток за огромную сумму в серебряных слитках одному из дворцовых евнухов, который давно разыскивал знаменитую картину и мечтал о ней.

Вскоре один из сослуживцев евнуха, который хорошо разбирался в старине, высмеял неудачливого покупателя, заявив, что тот приобрел подделку. Не стерпев обиды, евнух вскоре отравил насмешника во время одного из банкетов. Не поздоровилось и автору подделки, — его уекли в тюрьму, где он умер от голода.

После смерти вдовы господина Лу ее сын продал кому-то раритетный свиток. Он неоднократно переходил из рук в руки, пока не оказался опять в императорском дворце.

В августе 1945 года солдаты Советской Армии задержали на аэродроме в городе Шэньян бывшего китайского императора Пху И, который пытался бежать в Японию. Ранее он был провозглашен японскими милитаристами императором Маньчжурского марионетного государства, однако мечтам его о возвращении монархии было не суждено сбыться: разгром Японии во Второй мировой войне положил конец его правлению.

При императоре Пху И обнаружили сокровища из императорского дворца в Пекине, которые ему пришлось вернуть китайской стороне. Их временно поместили в Северо-западный народный банк на хранение, а затем — в музей. Только в 1950 году, зимой, ученые, наконец, начали тщательно изучать содержимое Северо-западного музея в Шэньяне (ныне — музей провинции Ляонин). В ходе этой работы один из ученых и обнаружил подлинник свитка Чжан Цзэ-дуаня.

В настоящее время в мире имеется 30 копий этого шедевра: 10 из них — в Китае, 9 — на Тайване, 5 — в США, 4 — во Франции, по одному — в Англии и Японии. Однако самыми известными и ценными считаются лишь три: подлинник в пекинском музее Гу-гун, автор — Чжан Цзэ-дуань (эпоха Северная Сун); тайваньская версия, выполненная пятью художниками (эпоха Цин) и версия работы знаменитого художника Цю Ин эпохи Мин, которая хранится в музее провинции Ляонин.

Интересно, что все три картины абсолютно разные, их объединяет лишь идея — изображение жизни города в мельчайших деталях, а потому каждая представляет собой определенную ценность.

Картина Чжан Цзэ-дуаня показывает городскую жизнь в столице эпохи Северная Сун, как уже упоминалось.

Совместная картина пяти авторов демонстрирует стиль жизни периодов правления Мин и Цин.

Картина Цю Ина знакомит с жизнью южного города Сучжоу эпохи Мин. Впоследствии этой работе тоже подражали многие художники.

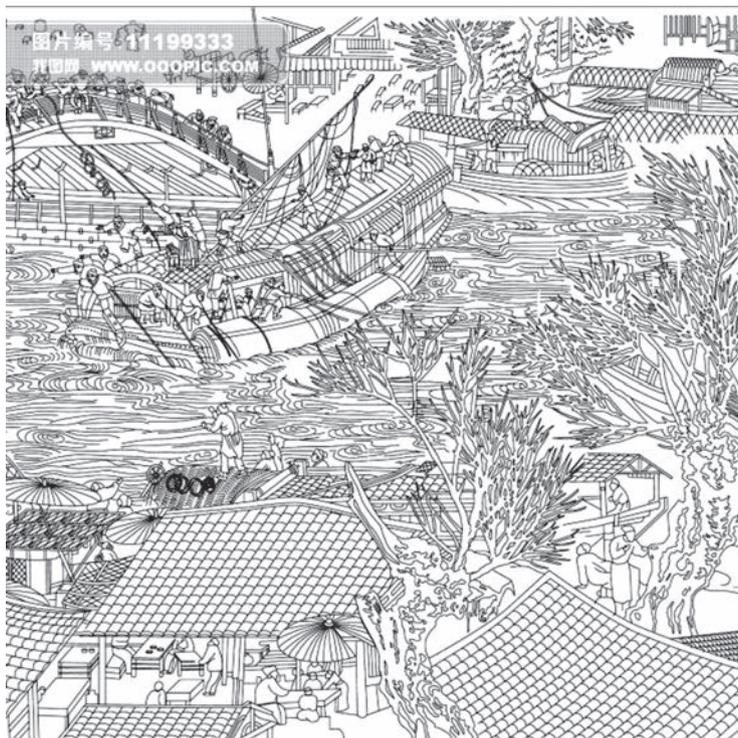
Так что идея — одна, а картин — множество, причем, вышеперечисленные тридцать и по давню абсолютно отличаются друг от друга, но все они восхищают кропотливостью труда и мельчайшими деталями жизни ушедших веков.

Предлагаю вам два сайта, на которых можно увидеть движущийся ролик с разворачивающимся (вертикально и горизонтально) свитком картины города Сучжоу.

http://www.360doc.com/content/13/1029/07/6956316_324948005.shtml

http://www.360doc.com/content/13/0128/18/2519393_262903981.shtml

Художник Сюй Ян жил в период правления императора Цень Луна. В 1759 г. он начал писать картину, над которой работал 28 лет. Длина свитка — 1225 см, ширина — 35,8 см, т. е. в два с лишним раза длиннее, чем знаменитая картина «Праздник Цинмин на реке Бень-хэ».

Фрагмент картины

Но от печальных праздников пора переходить к живым, ярким и шумным.

Китайский Новый год — Чхунь цзе

Это самый яркий, самый торжественный и любимый праздник китайцев: и ханьцев, и национальных меньшинств.

Написание данной главы совпало с праздником. Только-только отгуляли, отпраздновали приход года Барана. Торжества закончились дней шесть назад, а китайцы все еще продолжают взрывать хлопушки и петарды в Пекине, несмотря на запрет делать это в городах. Да и мы вчера за городом, следом за ними, тоже как следует пошумели-погремели, запуская специальные ракеты, поджигая трещотки. Такое уж это шумное и веселое время — праздник Весны.

Немного истории

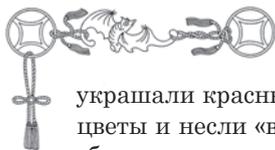
Еще в далекой древности люди совершали обряд жертвоприношения в конце года. Последний месяц года называется *ла* (腊), жертвоприношение — *цзи* (祭), потому и праздник именовался *ла-цзи* — приношение жертв всем богам поименно в конце зимы. Все поздравляли друг друга с наступлением весны и тепла в ожидании скорого сева и нового урожая.

В этот день изготавливали «весеннего быка», который символизировал начало весенней пахоты. Такой обычай распространился повсеместно. В эпоху Хань быка лепили из глины, каждый — по-своему.

В эпоху Юань его стали делать согласно определенным правилам. В начальный период правления Цин каноны стали еще более строгими. Император Цень Лун писал в «Правилах изготовления весеннего быка»: «Зимой рано утром берется глина и вода из местности Суй-дэ. Из тутового дерева изготавливаются остов и «кости». Высота быка должна составлять 4 *чши* и символизировать четыре времени года. Длина от головы до хвоста — 8 *чши*, что будет символизировать восемь праздников».

В конце эпохи Цин остов быка стали изготавливать из бамбука, а сверху обклеивали бумагой. Внутри насыпали пять видов злаков.

Во время церемонии встречи весны люди выносили из домов эти фигурки, высоко подняв их над головами. Тело быка, как правило,

украшали красные и зеленые ткани, в голову его втыкали золотые цветы и несли «весеннего быка» к алтарю божества, чтобы просить об урожае.

При этом, согласно обряду, его били плеткой; бык опрокидывался, бумага разрывалась, пять видов злаков рассыпались повсюду, символизируя сев и урожай, полученный в течение года.

В исторической летописи «Весны и Осени» говорится: «Тот период, в течение которого дадут урожай все пять видов злаков, называется *нень* («год»). В то время иероглиф *нень* писался совершенно иначе: 稔, впереди изображался знак «колос», «хлеб», «злак», и значение иероглифа было именно такое — «пять видов злаков». А поскольку злаки действительно вызревают в течение года, то и иероглиф, видоизменившись (年), получил новое значение — период времени, равный одному году.

В древности так называемый «праздник Веснь» — *чхунь-цзе* (春节), или *нень* (年), означал приход нового сезона — весеннего, открывающего собой череду из 24-х сельскохозяйственных периодов.

Император Западной Хань У-ди постановил своим указом считать 1-е число месяца *чжэн* (正) началом года, а также определил этот день, как новый год по лунному календарю.

Раньше этот год чаще называли *Юань-дань* (元旦). Иероглиф *юань* означает «начало», «первый», а иероглиф *дань* — «утро», «день», поэтому все вместе переводится «начало года», «первое утро года».

Этот день может называться и иначе:

юань жи (元日);
юань чхэнь (元辰);
дуань жи (端日);
суй дань (岁旦);
суй шоу (岁首);
суй чхао (岁朝);
сань юань (三元).

В эпоху Ся этот день называли *чжэн-юэ чху-и* (正月初一), Первый день первого месяца; во времена династии Шан — *ши эр юэ чху-и* (十二月初一), Первый день 12-го месяца; в период правления Чжоу новым годом считался первый день 11-го месяца. А в эпоху Цинь Ши-хуана и в начале правления династии Хань началом года называли первый день 10-го месяца.

Только после указа У-ди в 104 году до нашей эры и по сей день Новый год празднуется первого числа первого месяца. И этот праздник по лунному календарю выпадает, в зависимости от года, на ка-

кой-то из дней от 1 января до 19 февраля включительно по Григорианскому календарю.

В настоящее время «весенний бык» уже не принимает участия в новогодних праздниках. Зато я узнала, как простые крестьянки могут использовать пять знаков. Однажды я ехала в такси и обратила внимание на красные тряпичные фигурки, висящие на зеркале заднего обзора. Китайские водители имеют такую слабость, — вечно у них болтаются на зеркале какие-то побрякушки, иногда — амулеты в виде изображений божков. На мои вопросы водитель пояснил, что это — тряпичный петушок (поскольку он родился в год Петуха) и слиток золота, сшитые его матерью из красной ткани. На петушка и слиток результаты ее творчества походили лишь условно, но мама очень старалась, чтобы эти амулеты оберегали ее сына в дороге при его опасной профессии. А набиты эти красные обереги пятью видами знаков!

Я была в восторге от наивного искусства и великой материнской любви, поэтому водитель тут же снял мамин подарок и хотел отдать его мне. Я отказалась и попросила, чтобы его мать, если не трудно, сшила подобное и мне на память. Тронуло то, что водитель не забыл о просьбе и через несколько месяцев, когда съездил в деревню, чтобы проведать мать, привез мне от нее сразу двух петушков с двумя слиточками. А я передала ей коробку конфет из России. С тех пор петушок из выцветшей ткани с пятью знаками Китая — один из самых дорогих предметов в моем доме.

Праздник начинается

«Приближался Новый год по старому лунному календарю. Это было первое крупное событие за год, и все люди, за исключением тех, кто был слишком занят по службе, радостно встречали приход замечательного праздника. Но праздник не нагрянул внезапно. Он приближался медленно, каждый день давая знать о себе чем-нибудь новым. Город оживился. На улицах появилось больше прохожих, множество фонарей и игрушек. Всюду слышались звуки рожков». (Здесь и далее использованы отрывки из книги писателя Ба Цзиня «Семья» в переводе В. Петрова)

Праздник весны — самый продолжительный из всех; он начинается 23-го числа месяца *ла* (последнего в году) жертвоприношениями Цзао-вану, богу домашнего очага, и заканчивается 15-го числа месяца *чжэн*, то есть первого месяца нового года.

Пиком, кульминацией этого праздника считаются *чху си* — ночь накануне Нового года, бодрствование в новогоднюю ночь *ао нень-е*, и *нао юань сяо* — гуляния в последний день, когда все едят суп со сладкими шариками из клейкого риса и вывешивают на улицах огромное количество фонариков самых невероятных форм.

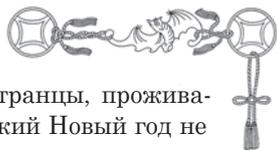
«Страна уехала на праздник»

Напомним, в наши дни в Китае отмечается несколько официальных праздников, во время которых люди не выходят на работу. Кроме того, существуют и отпуска. Но еще совсем недавно праздник Весны был для китайцев единственным поводом отдохнуть от работы, службы и повседневных дел. Он же являлся и единственным отпуском в году, когда можно навестить родню.

Если кто-то живет вдали от семьи, или, как говорится, «оставил позади себя колодец родного села», то перед Новым годом он непременно должен вернуться к своему роду, чтобы праздник встретить всем вместе. Эта традиция является очень древней, и по сей день ее соблюдают даже китайцы, живущие в других странах.

Да, праздник Весны — время великого перемещения в Китае: выходцы из северных провинций, работающие на юге, едут на север; южане, поселившиеся на севере, едут на юг; многие горожане отправляются в деревни, так как в эти дни все стремятся соединиться со своей родней. Китайцы вообще очень ценят семью, а этот праздник испокон веков считается семейным. Особенно важно, чтобы родителей навестили замужние дочери. А сколько еще людей живет далеко от дома, так как в родных краях для них нет работы! Их называют *вай ди мин гун* — рабочие мигранты. Им, может, сильнее, чем другим, хочется хоть ненадолго соединиться с женой, детьми, родителями, так как из-за нужды приходится целый год жить в разлуке.

Что творится в это время в аэропортах и на железнодорожных вокзалах — трудно вообразить, и, естественно, еще задолго до праздника билеты достать просто невозможно. К примеру, в дни встречи 2003 года (более свежих данных у меня нет) только по железным дорогам Китая было перевезено более 130 миллионов человек — представьте, что практически все население России — включая младенцев и стариков — вдруг снялось с мест и переехало на праздничные дни за сотни и тысячи километров! По-китайски это называется *чхунь-юнь* (春运), «транспортное и пассажирское столпотворение», на жаргоне — «движуха».

И если о других китайских праздниках иностранцы, проживающие в Поднебесной, могут и не знать, то китайский Новый год не пропустит никто. Он сам напомнит о себе закрытыми учреждениями, опустевшими магазинами и рынками. И не пытайтесь дозвониться по делу кому-нибудь в офис! И не надейтесь купить что-нибудь на многочисленных базарах! Везде висят замки и закрыты ворота.

Радоваться — не стыдно!

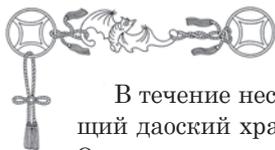
Зато за несколько дней до праздника — «горе» торговцам и радость покупателям: в магазинах — большие скидки, на рынках — чуть не даром можно купить красивые вещи, которые еще вчера были недоступны: продавцы хотят быстрее избавиться от товара и вернуться в деревню хоть с какой-то прибылью!

Весь Пекин — сплошной праздник: во всех парках, во всех храмах — яркие, веселые гулянья. Украшены не только улицы и здания, но и каждая дверь частного дома, каждая комната офиса, каждая секция всякого продавца на рынке.

Чем украшены? Задолго до праздника во всех магазинах и просто на улице, на каждом углу продают бесподобной красоты календари на все вкусы в национальном стиле; традиционные изображения детей — мальчика и девочки, склонившихся в приветствии; предлагают картины с божествами: бога Богатства — Цхай-шэня, бога Домашнего очага — Цзао-вана, богов Дверей — Мэнь-шэней, которые защищают дом, и, конечно же, огромное количество разнообразных парных надписей-скролл, самых красивых в мире открыток, благопожелательных иероглифов, которые вешают на входную дверь. И все это — красное, золотое, радующее глаз и поднимающее настроение.

Каждый год носит имя определенного животного, так что и зверюшек продают несметное количество, причем, не только мягких, но и фарфоровых, глиняных, бумажных, соломенных — на любой вкус и исполненных, как правило, с большим юмором. Если это год Зайца, Петуха или другой мелкой живности, то на улицах продают живых цыплят или крольчат. Если это год Тигра, то вы можете на улице сфотографироваться с ним, усатым и страшным, привязанным на цепь, всего за 10 юаней.

Самая большая задача во время этого праздника — умудриться посетить как можно большее количество парков, потому что в каждом — свои представления, свои развлечения. Так и кажется, что веселее всего именно там, куда ты не поспеешь!

В течение нескольких лет моим любимым местом был действующий даосский храм-монастырь Созерцания Белых облаков (白云观). Однако с каждым годом мест, где принимают гуляющих, все больше, да и сами праздники становятся все ярче: каждый организатор стремится привлечь как можно больше народу.

Так что действительно, уже с ног валишься от усталости, но стараешься за день посетить хотя бы два места: до обеда и после. Зато впечатлений потом — на целый год. Ни один праздник на Родине не радовал меня так, как здесь, в Пекине. Разве что Новый год... Но основная прелесть нашего Нового года — в позднем ужине с семьей и друзьями, в подарках и сюрпризах. Это — бессонная ночь и головная боль 1-го января.

Китайский же Новый год — праздник на улице, среди толп улыбающихся людей, в течение нескольких дней. Китайцы доброжелательны, искренни и радуются, как дети. Так что и мне не стыдно радоваться вслух, покупать игрушки и нести в руке палочку с маленькими ветряными «мельницами», издающими веселую дробь на ветру.

А что же происходит во время храмовых ярмарок и гуляний в парках? Все и не перечислишь, но обязательно — представления в одном или нескольких местах. Как правило, артисты — самодельные, приехавшие из деревень. Нередко их выступления являются одновременно и соревнованиями-конкурсами. Обязательно — барабанчики. Это такое потрясающее зрелище, что весь мир восхищается их искусством. Они гастролируют по странам, удивляя и радуя.

Одетые в яркие костюмы, с желтыми шелковыми платками на головах, они не только удивительно синхронно исполняют зажигательные ритмы на огромных и маленьких барабанах, но и танцуют одновременно. Это какое-то колдовство, от них невозможно оторвать взгляд. Бывают такие большие барабаны, что в них бьют сразу несколько человек.

Создается впечатление, что и сами артисты — в каком-то трансе; они так отдаются музыке, так долго исполняют различные мелодии, что бывает, закончив, в изнеможении падают на барабан, обливаясь потом.

Я разговаривала с одной молоденькой, тоненькой девушкой:

— Трудно ли?

— Нет, это очень легко!

— А сколько надо учиться?

— Учиться? Совсем не надо. Мы играем с детства.

— Как — с детства?

— Наши родители — тоже барабанщики, у нас в деревне каждый умеет играть. И мы с детства играем.

Во время праздника Весны я видела в Храме земли жителей какой-то деревни, выделявавших чудеса на ходулях; среди них и старики, и дети, даже дошкольники! Все они загримированы, в ярких костюмах театральных героев и не просто ходили, а танцевали на ходулях, исполняли акробатические номера.

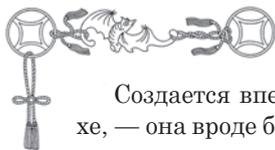
Дул сильный ветер с песком, похолодало. Мы, зрители, натягивали поверх шапок еще и капюшоны, а дети с красными от холода ручонками и соплями на раскрашенных лицах удивляли публику невероятным умением прыгать на ходулях с высокого помоста, совершая сальто в прыжке!

Лишь один раз, очень давно, — в 1995 году — удалось увидеть потрясающее выступление крестьянских эквилибристов, и это было потрясающее зрелище. Праздник Весны выдался очень холодным и ветреным, как это часто случается на севере Китая. Артисты выступали на неровной, с буграми, поляне в парке, а ведь смотреть себе под ноги они не имели возможности.

Несколько мужчин, поодаль друг от друга, одетые в ватные пальто зеленого цвета, глядя вверх и сохраняя равновесие, держали на плечах вертикально толстые, длинные и гибкие бамбуковые шесты. По ним полуголые юноши ловко взбирались на самую вершину и совершали почти под небесами умопомрачительные перевороты, кувырки и прочие чудеса. Толпа зрителей собралась возле каждого, и люди наблюдали, затаив дыхание.

У мальчиков не было страховочных ремней, да и к чему бы их можно было прикрепить посреди поляны? Мужчины в теплых пальто могли в любой момент оступиться, а мальчишки — в любую минуту сорваться. Их фигурки находились так высоко, что даже фотоаппарат не мог их достаточно приблизить, и на фото они получились такими маленькими, что трудно разглядеть. Больше нигде, никогда за 16 лет в Китае ничего подобного мы не видели.

Еще один редкий номер — тоже видели лишь два раза, — мужчины с ряжеными детьми на плечах. Я предполагаю, что под теплой одеждой мужчин надет какой-то металлический каркас, не видимый зрителям. Ребенок, совсем маленький, трех-четырёх лет, ярко накрашен, как в пекинской опере, и обряжен в длинное женское платье девушки-героини и соответствующий головной убор, напоминающий корону. Из-за длинного облачения не видно каркаса, на котором зафиксировано дитя.

Создается впечатление, что маленькая артистка парит в воздухе, — она вроде бы и стоит на плече мужчины, и в то же время плеча не касается, и даже «летит» где-то сбоку от него. Эти артисты, не меньше десяти человек, просто ходят по кругу или прогуливаются в праздничной толпе, а все внимание людей приковано к маленьким девочкам (или переодетым мальчикам?). Им, конечно же, неудобно в такой позе и холодно на ветру, — у них несчастные глаза, серьезные лица и сопли на верхней губе. Но издали они похожи на взрослых крошечных женщин, тонких и хрупких, или на сказочных фей из сказки.

Танец льва, который никогда не водился в Китае

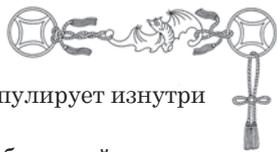
Кроме барабанщиков, во время праздника Весны обязательно выступают артисты, изображающие танец львов, пытающихся поймать шар. Даже если не знаком со смыслом танца, все равно зрелище доставляет огромное удовольствие и детям, и взрослым.

Львы в Китае никогда не водились, но однажды кто-то из иностранных послов подарил императору этого зверя для его личного зоопарка. Вот и получилось, что простые китайцы никогда не видели, как выглядит это животное, зато знали, что оно существует.

Поэтому изображать его стали произвольно, как подскажет фантазия. В результате лев, *ши-цзы*, получился у них забавным и, скорее, игривым, чем страшным. Мордочка приплюснутая, как у пекинеса, поэтому никакой оскал и когти уже не пугают.

Такие сказочные, фантастические львы непременно стоят у входа в рестораны, магазины, храмы и прочие заведения, охраняя тех, кто внутри. Причем, если стоять лицом к двери, то справа на востоке сидит отец, положивший правую лапу на расшитый мяч, а слева на западе — мать-львица, положившая левую лапу на детеныша, который играет с ней, перевернувшись на спинку и отталкивая мамашину лапу четырьмя своими.

Теперь понятно, почему «львы», участвующие в празднике, такие смешные. Огромная голова насажена как бы на обруч. Этот обруч держит, подняв руки, первый актер, спрятавшись под «шкурой» ярко-желтого цвета. Его поднятые руки заменяют шею, его ноги, обутые в специальные тапочки с огромными когтями сверху и опоясанные выше щиколотки бахромой из меха яка, обозначают передние лапы «льва». А второй артист, согнувшись под этой же шкурой, держится за поясицу первого, и его ноги — как бы задние лапы

зверя. Время от времени артист одной рукой манипулирует изнутри «хвостом», коротким и со смешной кисточкой.

Во время резких прыжков желтое покрывало с бахромой из меха яка приподнимается, и становится видно, что льва изображают люди. Но об этом тут же забываешь и воспринимаешь животное, как живую игрушку, которая забавно вертит головой, хвостом, взбрыкивает задом, поднимается на задних лапах и иногда смешно трясет мордой.

Костюм такой стоит недешево, — артисты об этом с гордостью рассказывают, — именно из-за дороговизны длинного ворса яка. Однако я видела костюмы деревенских актеров, в которых эту шерсть успешно заменяли пучки какой-то длинной сухой травы, окрашенной в ярко-желтый цвет, но тогда «шкурью» были другого цвета — красные или синие.

Больше всего в этой пантомиме достается, конечно же, тому артисту, который ничего не видит, находясь в согнутом положении сзади. Ему надо прыгать с тумбы на тумбу, через кольцо, на стол и со стола (как в цирке), кататься на огромном шаре, полагаясь лишь на умение держать баланс впереди стоящего и на собственную силу и ловкость.

Кроме того, если «лев» вспрыгивает, например, на высокий стол-помост, то сначала взбираются «передние лапы», а значит, второй артист фактически поднимает за талию и ставит туда первого, который подпрыгивает, облегчая эту задачу. Затем должны взобраться и «задние лапы», то есть опять же, второй артист почти «вслепую» запрыгивает на помост. Если «лев» встает на «задние лапы», то и тут второй артист должен поднять первого за талию, причем довольно высоко. Именно благодаря удивительной слаженности, силе и ловкости артистов мы, зрители, воспринимаем их, как живого игрушечного зверя.

Мяч, который «лев» старается отнять, находится в руках у мужчины или девушки, играющих роль ловкого человека, укротителя, постоянно обманывающего зверя. Человек, конечно же, побеждает, приручая «льва» и доводя его до изнеможения от усталости.

Чтобы зрелище выглядело еще более впечатляюще, то громче, то тише рокочут барабаны, звенят медные тарелки *бо* (钹), а в особенно напряженных моментах поединка или во время сложных трюков музыкальное сопровождение умолкает, зато потом инструменты звучат еще более энергично и громко, вызывая восторженные выкрики похвалы у зрителей.

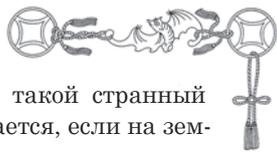
Львы, которых никогда не было в Китае

Философские пляски

Разные представления проводятся на разных площадках парка. Сидеть на лавочках во время представления у китайцев не принято — видимо, из-за того, что в старом Китае, как правило, подобные представления давались прямо на улицах бродячими артистами. Люди просто стоят, окружив плотной толпой импровизированную арену. Тем, кто оказался впереди, повезло, — они могут присесть на корточки.

Еще один вид искусства, который обязательно присутствует во время праздника Весны — танец-представление *ян-гэ*. Слово *ян* (秧) означает «рассада», «маленькие росточки», *гэ* (歌) — «песня». «Танцевать *ян-гэ*» по-китайски звучит *ню ян-гэ* (扭秧歌), либо *нао ян-гэ* (闹秧歌), что значит «скручивать», «завинчивать» или «шуметь-подшучивать».

Этот танец действительно является шуточным и распространен, в основном, на севере Китая, где его в течение многих веков исполняют крестьяне. В некоторых районах этот танец похож на маленький спектакль. Тематические представления короткие, артисты могут даже быстро изобразить историческое или современное событие.

Меня всегда удивляло, почему используется такой странный глагол — не «танцевать», а «скручивать». Оказывается, если на земле начертить след, повторяющий перемещения танцоров, то получается действительно «закрученные» узоры.

Больше того, танцующие, оказывается, изображают *тхай цзи* (太极) — «высший предел», пытаясь отделить светлое **Ян** от мрачного **Инь**. Правильное название этого изначально мистического танца — *ян-гэ* (阳歌) с иероглифом «солнце», «мужское начало в природе» (по древней натурфилософии), а вовсе не с иероглифом «рассада», как дается в современных словарях.

В XX столетии танец стали выдавать за обычный крестьянский. Однако в музее народных обычаев я узнала, что каждым движением в танце участники, повторяя рисунок солнечного **Ян**, как бы развязывают несчастливый узел, чтобы после этого скручивания и раскручивания, имеющего смысл счастливого предзнаменования, в течение долгого времени Солнце царствовало в магическом рисунке, обозначенном ногами танцоров.

Свои горячие чувства и сердечные пожелания люди как бы передают в танце священным Небу и Земле, т. е. всему миру, всей природе, надеясь, что счастье останется с ними навсегда, навечно.

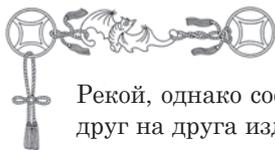
«Одно скручивание, два покачивания, три шага; при этом надо следить, чтобы, продвигаясь вперед, танцующие красиво «колыхали» телом», — так говорится в пояснении к танцу.

Интересно, что в китайских традиционных оконных рамах-переплетах также присутствует узор, который изображают на земле танцующие *ян-гэ*. Сейчас он воспринимается нами просто как национальный орнамент, однако суть его — в другом.

Признавая концепцию идеального устройства Космоса, условно обозначаемого значком *тхай цзи*, где у черной и белой «рыбок» имеется общая артерия, и они друг друга как бы подпирают и взаимопроникают друг в друга, люди все же надеялись разъединить этот круг, разорвать это единство двух сил, оставив себе лишь светлое и доброе.

И если через окно в дом входит солнце, а с ним — тепло, свет, жизнь, то с помощью узора-орнамента на оконных переплетах надо отделить **Ян** от **Инь**, чтобы мрачное, злое, холодное и темное осталось вне стен дома, — полагали люди в древности.

Самые старые узоры этого танца по своей форме наиболее точно соответствуют первоначальному смыслу. Например, удивительный узор «Ткачиха и Волопас» (одна из четырех знаменитых легенд о любви): Ткачиха, по легенде, навсегда осталась на Небе, Волопас — на Земле. Влюбленные вроде бы и рядом, и разделены лишь

Рекой, однако соединиться не могут, вынужденные лишь смотреть друг на друга издали. Однако рисунок танца, вопреки легенде, пытается разъединить **Инь** и **Ян**, сделав влюбленных свободными.

Есть и другие варианты отделения **Инь** от **Ян**: фигуры называются Одинарный винт и Двойной винт, *дань ло-сы* (单螺丝) и *шуан ло-сы* (双螺丝). Ныне не осталось мистического танца с его первоначальным смыслом, сохранились лишь названия:

ли вай ло цюань (里外罗圈) — Внутренний и внешний обод решета (вращение вкруговую);

си мэнь доу ди (西门斗底) — Дынышко бадьи (Северный Ковш) с выходом на запад;

цзоу у син (走五星; 五行) — шаг Пять планет; Пять стихий;

у цзяо син (五角星) — Пятиконечная звезда; Пентаграмма;

у тхяо цзе (五条街) — Пять улиц;

шань цзы хуа (扇子花) — Цветок в виде веера;

у да чжоу (五大洲) — Пять материков;

сань чжи-е (三枝叶) — Три ветки с листьями;

у мэи хуа (五梅花) — Пять цветов сливы;

у гуй хуа (五桂花) — Пять цветков корицы;

цзао хэ (枣核) — Финиковая косточка;

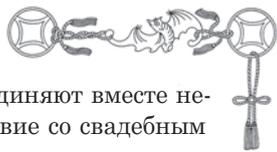
цзао хэ кхай хуа (枣核开花) — Финиковая косточка распускает цветы;

ян цюнь кхай хуа (羊群开花) — Стадо баранов расцветает;

шуан ши эр лень дэн (双十二莲灯) — Двойная дюжина лотосовых фонарей.

И хотя название танца изменилось, глагол «закручивать» остался, выдавая его суть. Современные бабушки и дедушки-исполнители наверняка понятия не имеют о первоначальном смысле, заложенном в *ян-гэ*, да и фигуры постепенно отошли от изначального рисунка *тхай-цзи*.

После того, как я узнала о смысле танца, поняла, почему он такой однообразный: бесконечно играет одна и та же мелодия, повторяются одни и те же движения, довольно примитивные. Танец, как вид искусства, вообще не развит у китайцев, а почему — можно узнать из главы о бинтованных ножках («Красавицы древнего Китая»). Что же касается *ян-гэ*, этого «философского» танца, то смысл его — в узоре, который «рисуют» на земле танцующие. Однако, справедливости ради, надо сказать, что, несмотря на монотонность движений и музыки, танец этот все же чем-то завораживает и покораивает, и мне он очень нравится: никогда не надоедает любоваться им.

Сейчас во время танца-спектакля нередко соединяют вместе несколько коротких сюжетов. Излюбленные — шествие со свадебным паланкином, «сухопутная» лодка, езда верхом на ослике, знакомство невесты с женихом и его родней и многие другие.

Сопровождают выступление любимые и доступные народные инструменты: барабаны *гу*, гонги *ло*. Если изображают свадьбу, то впереди обязательно идет музыкант, играющий на *со-не*, моем любимом инструменте. Это короткая дудочка, длиной в один с лишним *чшы*, с семью отверстиями сверху и одним снизу. *Со-на* звучит пронзительно и высоко; артист, играющий на ней, приплясывает, и кажется, у него танцует все: и плечи, и брови, и глаза, и голова.

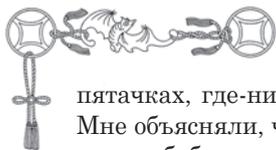
У всех артистов — очень яркие костюмы, причем, пожилой мужчина может обрядиться в ядовито-розовый халат и розовую шапку-корону, напоминающую кокошник. У всех — и у мужчин, и у женщин — набелены лица, ярко нарумянены щеки, густо подведены брови.

Если выступают лишь несколько человек, то они идут в танце друг за другом против часовой стрелки, образуя круг. Если же артистов много, то они танцуют, образуя квадрат в несколько шеренг. Главный признак *ян-гэ* — специальный ритм и шаг: начиная с левой ноги — шаг вперед, затем — шаг вперед правой, потом — шаг в сторону левой и шаг назад правой. При этом, шаги вперед относительно большие, а в сторону и назад — маленькие.

В результате получается два шага вперед и один назад, так что продвижение довольно медленное. Ну, и очень важны правильные покачивания бедрами и движения всего тела, иначе это будет не танец, а просто ходьба. Руки тоже выполняют определенные движения, и в них обычно что-нибудь держат: платок, шарф или веер. В принципе, научиться этому шагу не сложно, можно повторить сразу же, а вот движения тела, бедер я улавливала с трудом. Тут надо как бы почувствовать танец изнутри, а меня то и дело тянуло на что-то латиноамериканское, что вызывало у китайцев смех до колик.

И самое неожиданное: исполняют *ян-гэ* пожилые и даже очень старые люди. Самые престарелые, тоже с нарумяненными щеками, едва плетутся в хвосте, формально выполняя шаги. На лицах — полное безразличие, да и тела у них уже не танцуют. Мне говорили, что молодые стесняются танцевать и разыгрывать роли в *ян-гэ*. Зато пожилым это, похоже, очень нравится.

Не только в праздники, но и в будни вечерами в разных уголках Пекина собираются бабушки и, нарумянившись, насурьмившись, упорительно танцуют в одинаковых ярких брючках и блузах, с одинаковыми веерами в руках. Происходит это прямо на уличных

пяточках, где-нибудь на уголке, так как специальных мест нет. Мне объясняли, что это не только развлечение. Движение — зарядка для бабушек, но одновременно и их самовыражение, а заодно и репетиция, так как между районами города время от времени проходят соревнования-конкурсы.

В лице артистов, исполняющих *ян-гэ* на новогоднем празднике, обязательно присутствуют любимые герои народных легенд и сказаний: монах Цзи-гун, Белая и Синяя змейки, девушка-улитка, влюбленные Лян Шань-бо и Чжу Ин-тхай, свинья Чжу Ба-цзе, обезьяна Сунь У-кхун и многие, многие другие.

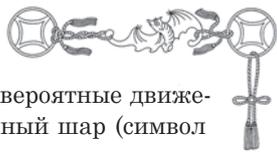
Исполняется все, как уже говорилось, с большим юмором. Да и как не шутить, когда роль красавицы играет морщинистая бабушка! Если изображают свадебное шествие, то «невесту» несут символически: «слуги» держат на плечах шести пустого, легкого паланкина, а «невеста» семенит внутри собственными ногами. Поскольку тело закрыто от талии до земли красными занавесками «паланкина», то не видно, что она идет сама, зато всем видны скрещенные на подушке искусственные «жидкие» ножки, обутые в детские красные туфельки. Создается впечатление, что эти карликовые ножки принадлежат невесте, и зрители покатываются со смеху.

Или если бабушка, например, едет на «ослике», то тоже передвигается на своих ногах, так как надевает обруч с телом «ослика» себе на талию. Длинная черная ткань в виде попоны скрывает это, зато по бокам «животного» свисают две смешные маленькие, короткие ножки, не соответствующие размерам бабушки, так что без смеха на «всадницу» смотреть просто невозможно.

Крысак с юмором и другие

Итак, обязательные номера самодеятельного концерта — барабанщики, укротители «львов» и «скручивающие» *ян-гэ*. Только три номера неизменно присутствуют ежегодно в любом представлении. Остальные — по вкусу и умению актеров: акробатические номера, народные танцы-представления, танец с драконом, выступление на ходулях.

Танец с драконом, наверное, видели все, хотя бы по телевизору. Тело дракона выполняется из бамбукового каркаса и обтягивается бумагой, шелком. Раскраска — самая невероятная. Есть драконы золотые, зеленые, розовые, синие. Артисты, одетые в одинаковые костюмы, несут дракона на шестах. Их может быть 60 и более человек. Они то приседают, то подпрыгивают, то кувыркаются; то одновременно, то в строгой очередности. В результате тело дракона

извивается, «плывет» по небу, совершая самые невероятные движения, свивается в клубок, набрасывается на огненный шар (символ жемчужины-дождинки), который, тоже на шесте, несут впереди, как бы дразня дракона.

Помимо представлений, есть и другие развлечения: весь город — сплошные ярмарки, где продают традиционные лакомства, игрушки, сувениры. В парках и храмах такие ярмарки занимают по несколько длинных аллей. Пользуясь случаем, продают не только сувениры, но и просто необходимые в быту предметы — от изделий из пластмассы до посуды. Преобладают, конечно, игрушки-зверюшки, которые покровительствуют наступившему году по гороскопу.

Тут же, не выходя за территорию храма, можно собрать настоящую коллекцию. Например, когда наступил год Мыши, я очень «переживала» за этот знак зодиака. В России к этим грызунам никогда не относились с симпатией. В Китае же, наоборот, этот зверек открывает гороскоп, и человеку, родившемуся под знаком Мыши, приписывается множество достоинств, в том числе умение очаровывать окружающих.

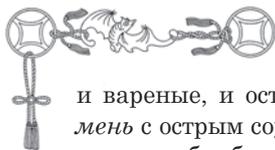
Но можно ли сделать игрушку симпатичной, если само животное имеет отталкивающий вид? Это тебе — не поросенок-зайчонок-цыпленок... Оказывается, можно, коль есть чувство юмора. И если, придя на храмовую ярмарку, я планировала купить одну игрушку на память, то уносила с нее два мешка игрушек. Невозможно было устоять!

Вот серый крысак с горбатым носом, но его агрессивность смягчается тем, что он — рокер: кожаная куртка, браслеты на запястьях, все необходимые атрибуты присутствуют, так что нельзя не улыбнуться... А белая лабораторная мышка с розовыми ушами и хвостом, скорее похожая на женщину, работающую в библиотеке: на носу — очки в черной оправе, на хвосте — маленький розовый бантик... Вот две мышки, в платье и в брюках, обнялись и целуются так самозабвенно, что даже маленькая внучка, всплеснув ручками, пролепетала:

— Ой, как любят!

Еще была куплена дородная мышь, наверное, амбарная, которая скорее походила на купчиху: пышное длинное платье из ситца в цветочек, в оборках и рюшах, и такой же чепчик на голове. Так и хотелось дать ей в лапки блюдце с чаем. Мышей набралось штук 30, все — со своим характером, внешностью, очень напоминающие яркие человеческие личности.

На ярмарках обязательно присутствуют «обжорные ряды», где любое блюдо стоит три юаня: и мясные, и морепродукты, и жареные,

и вареные, и острые, и сладкие, и знаменитая лапша *дань-дань-мень* с острым соусом, и фрукты, и все виды чая... Одноразовые палочки из бамбука, одноразовая посуда, все — вкусно, дешево, аккуратно.

Громко кричат, перебивая друг друга, зазывая покупателей, и продавцы игрушек, и повара. Еду готовят тут же, у тебя на глазах. А привозят все эти передвижные кухоньки на трехколесных велосипедах.

Иногда продают сахарные фигурки, *чуй тхан-жэнь* (吹糖人). «Сладкий» мастер тоже доставляет весь необходимый материал и инструменты на велосипеде. Вокруг, как и сотню лет назад, — толпа зевак. Причем, оторваться от зрелища невозможно — настолько это удивительно, настолько талантлив продавец.

Перед ним в кастрюльке постоянно кипит расплавленный сахар. Мастер берет голыми руками кусок мягкой сахарной массы, которая на воздухе быстро застывает и стекленеет. И вот за этот короткий период, пока она еще мягкая и податливая, он в один миг вытягивает из нее сахарную трубочку и через нее начинает выдувать форму какого-то животного — по заказу зрителей-покупателей.

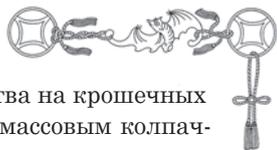
Это очень древнее искусство, и раньше такие сладкие игрушки, конечно, дети с удовольствием грызли. Однако теперь гигиене придется большее значение, поэтому игрушки покупают просто для того, чтобы любоваться ими.

У мастера получаются то изогнутые креветки с тончайшими длинными усами и выпуклыми глазами, то — мыши, сидящие на пузатом мешке с крупой, то — зайчики... И все — из растопленного сахара. Это настоящие произведения искусства на палочках, потому что вылеплены они не приблизительно, стилизованно, а с такой точностью, что похожи на натуральных зверей даже в деталях.

У других мастеров можно увидеть фигурки героев сказок, вылепленные из теста и ярко раскрашенные. Их тоже сажают на палочку, а изготавливают по заказу любого ребенка, подошедшего с деньгами в кулачке. Такие человечки называются *не мень-жэнь* (捏面人).

Сырье готовят так. К обычной муке добавляют клейкий рис, заваривают все это кипятком, а когда остынет — перемешивают, получая пластичную массу. Затем комок теста проваривают в кастрюле, потом — вновь перемешивают, добавляя сахар или банановое масло и разноцветные пищевые красители. Сырье готово!

Из него мастер и создает фигурки известных героев, диких животных и птиц с помощью инструментов в виде ножниц, расчески, острых палочек из рога буйвола и пр. Такие хрупкие и потрясаю-

ще выполненные произведения народного искусства на крошечных подставочках, прикрытые стеклянным или пластмассовым колпачком, могут храниться годами.

Во время праздника иногда можно увидеть представления театра теней. Не знаю, есть ли в других странах что-либо подобное. Но и в Китае этот древний вид искусства практически погибает: научиться ему — непросто, специалистов мало, а значит и билеты не дешевые. Проще посмотреть «мультик»...

Наверное, театр теней — предшественник современной мультипликации. Когда я впервые попала в зал на просмотр, то и дело оглядывалась назад, надеясь увидеть окошечко в стене с пучком света — как в кинотеатре. Никак не могла поверить, что это и есть театр, о котором столько читала, а не мультфильм.

Есть еще один древний вид искусства, который в современном Китае только на новогодних ярмарках и увидишь, да и то не везде. Это удивительные спектакли с деревянными куклами *му-оу* (木偶). Головы и кисти рук у них деревянные, и насажены на бамбуковые палочки, спрятанные под платьем. Так что кукла с помощью кукловода может вертеть головой и жестикулировать.

Кукол одевают в национальную одежду, в зависимости от социального положения героев спектакля. Если это «красавица», то на голове у нее парик из человеческих волос, замысловатая прическа со шпильками, в ушах — серьги.

Лица кукол вырезаны настолько виртуозно и характерно, видимо, с натуры, с конкретных людей, что иногда на них жутковато смотреть: кажется, они вот-вот заговорят.

В зависимости от пола и возраста лица покрашены желтоватой, розоватой или белой краской, поэтому на первый взгляд они кажутся вылепленными из глины и покрытыми глазурью.

У некоторых кукол на макушке имеется отверстие, незаметное зрителям. Оно позволяет при необходимости надеть или сменить головной убор: шляпа или шапка имеет снизу штырек, похожий на ножку гриба, и этот штырек вставляется в отверстие.

Иногда у кукол может двигаться нижняя губа, как будто человек разговаривает, и могут моргать глаза. Сначала я купила всего три куклы на память, не считая себя знатоком китайского театра. Но со временем не удержалась и приобрела еще несколько, с особо выразительными и характерными лицами.

Иногда подобные куклы двигаются за счет множества тонких нитей, идущих от кукловода к ногам, рукам и голове марионетки. В этом случае они еще больше похожи на живых.

К сожалению, за долгие годы, проведенные в Китае, и при нашем активном посещении новогодних ярмарок мне лишь раз довелось увидеть настоящий спектакль, как будто я оказалась в старом Китае, лет 100 назад. Я смотрела, как замороженная, и мне в те минуты было не больше пяти лет. Казалось, вот-вот разрыдаюсь от восторга и переполнявших чувств, и, конечно же, положила в коробочку для пожертвований самую большую, стоюаневую купюру вместо мелочи. Оказавшиеся рядом китайцы не поощрили артиста ничем, и больше смотрели на экзальтированную иностранку, чем на героев спектакля.

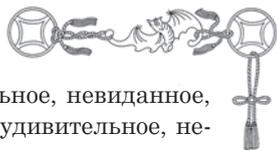
Как может процветать подобное искусство, если у коренных жителей этой страны практически нет к нему интереса. Неудивительно, что и единственный кукловод был древним дедушкой с единственным длинным зубом где-то в уголке рта, со слезящимися глазами и соплями.

В праздник Весны на севере, как правило, очень холодно, дуют пронизывающие ветра, несущие песок. И если праздные зеваки могут всячески утеплиться, то крестьянскому старенькому артисту пришлось разуться и работать в легкой одежде, без перчаток и босиком. Его «театр» со множеством героев представлял собой очень высокую круговую ширму (чтобы всем в толпе было видно!), задрапированную темно-зеленым бархатом. Внутри было так мало места, что там едва умещался один кукловод.

Когда я случайно оказалась рядом, спектакль уже шел, и меня, помню, удивила обувь, стоящая снаружи. «Наверное, артист переобулся во что-то другое», — подумала я. Представление состояло из нескольких сюжетов по классическому роману «Речные заводы». Там действовали и красавицы, и героини, и хитрые сводницы, и даже тигр. Они разговаривали, пели, шептали и кричали разными голосами. Звучало музыкальное сопровождение — барабаны и дудки.

Каково же было мое удивление, когда на поклон вышел тот самый древний дедушка с босыми ступнями! Движимая восторженным любопытством, я стала задавать вопросы, пока он отдыхал. При таком количестве героев ему приходилось привязывать веревочки даже к пальцам ног, чтобы куклы двигались, как живые. Озвучивал всех тоже сам дедушка, меняя тембр, а чтобы получался пронзительный женский голос, как в Пекинской опере, он брал в рот специальный свисток (пищик) и разговаривал на высоких нотах через его свист. Очень впечатляюще! Настоящий мастер театра одного актера!

Во время храмовых праздников, если повезет, можно увидеть и старинное развлечение детей и взрослых — «заморские фильмы», *ла ян-пхень* (拉洋片), так называемый раёк. Раньше в Китае все, что

пришло из других стран, а то и просто удивительное, невиданное, называли «заморским». Впрочем, и в Европе все удивительное, непонятное часто называли «китайским».

Возможно, эти «фильмы» тоже пришли в Китай извне. Название переводится «заморские фильмы, которые надо тянуть». Потому что множество нарисованных картинок нанизаны на веревку и поставлены в большом ящике перед маленьким круглым окошечком, одна за другой, как колода карт.

Ребенок, заплативший деньги, вставал коленями на лавочку и прикивал к отверстию в «ящике» со вставленным выпуклым увеличительным стеклом. Хозяин тянул за веревку, и картинки постепенно сменяли одна другую. Передняя падала, а за ней появлялась следующая. Так «развивался сюжет».

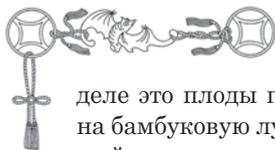
Раньше такие «фильмы» были широко распространены в Китае. Рисунки создавались вручную, и благодаря лучу света и увеличительному стеклу создавался эффект диапозитива. Картинки подавались через одинаковые интервалы времени, а владелец этого «волшебного» ящика нараспев комментировал содержание ярких историй, ударяя в гонг.

Это могли быть как традиционные китайские сказки и исторические сюжеты, так и просто видовые открытки, демонстрирующие жизнь иностранцев. Если показ сопровождался пением, то мелодии, как правило, использовались местные, народные, а тексты представляли собой строки с семью иероглифами-слогами.

Еще одно популярное развлечение — катание в «свадебном паланкине», *день цзяо* (颠轿). Дословный перевод — «покачивать и трясти в паланкине». Носильщики поднимают бамбуковые шесты, на которых крепится паланкин, себе на плечи, а так как бамбук гибкий и упругий, то от веса человека эти шесты слегка пружинят, а носильщики это покачивание умышленно усиливают, так что сидящий внутри покачивается, как на волнах. К тому же, передвигаясь, носильщики выполняют танцевальные движения, повинувая ритму гонгов, барабанов и флейт деревенских музыкантов. Из-за ритмичного танца «качка» усиливается.

Вы можете прокатиться в своей обычной одежде, а можете облачиться в наряд чиновника или невесты. На плечах носильщиков вы сделаете три круга, и вас обязательно будет сопровождать маленький оркестр с дудочкой и другими традиционными инструментами, идущий впереди паланкина, оповещая окружающих о том, что везут важную персону.

Если говорить о лакомствах, то и взрослые, и, особенно, дети любят «сахарные тыквы-горлянки», *тхан ху-лу* (糖葫芦). На самом

деле это плоды горного боярышника без сердцевины, нанизанные на бамбуковую лучину в виде шашлыка и опущенные в расплавленный сахар, который, остывая, превращается в сладкую «ледяную» корочку.

И кукольный театр (как правило, спектакли играли только для взрослых), и театр теней, и «заморские фильм», и сахарные фигурки, и игрушки из теста пришли в сегодняшний день из глубокой древности, однако они и сейчас являются любимым развлечением во время праздника Весны.

Еще одно непривычное для нас явление — продажа на ярмарках красных поясов из мягкой ткани, которые покупают лишь те, кто родился в этом же циклическом году. Ведь по китайскому гороскопу каждому году соответствует и покровительствует какое-нибудь животное. Если наступил «год твоей судьбы», *бэнь мин ньень* (本命年), ты должен надеть такой пояс на голое тело и носить его весь год. На алой ленте пояса желтой краской нарисовано «твое» животное и написаны благопожелания.

Считается, что красный цвет подобен пламени; он отпугивает всяческую нечисть и защищает того, кто его носит. Так что каждый китаец в «свой год» старается постоянно носить много красного: и носки, и белье, которое в «свой год» покупают в большом количестве.

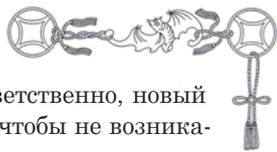
Иногда в Пекине можно увидеть и машины, особенно такси, у которых на антенне или на заднем бампере развеваются на ветру красные матерчатые ленточки. Это означает, что для водителя данный год — «год его судьбы», и он об этом всех оповещает.

Китайцы вообще любят красный цвет — цвет жизни, радости, благих пожеланий. Поэтому у такси, частных и государственных автомобилей нередко привязаны красные ленточки и к правому зеркалу снаружи машины, — просто так, на счастье.

***

Еще немного истории. Китай, как и многие другие страны Азии и Востока, отмечал наступление Нового года весной. Наверное, это логично и ближе к природным явлениям. Ведь именно весной начинается и возрождение природы, и новый цикл ее развития; за весной и расцветом последуют жизнь и лето, созревание плодов и осень, а затем — отмирание и зима.

Однако после демократической революции 1911 года, которую назвали Синьхайской, старый календарь, имеющий много названий: *инь-ли* — лунный, *ся-ли* — календарь династии Ся, *нун-ли* — крестьянский, *цзю-ли* — старый, — отменили, заменив гри-

горианским, или *гун-ли*, — общепринятый. Соответственно, новый год начинался теперь с первого января; поэтому, чтобы не возникало путаницы, новогодний праздник по лунному календарю переименовали в праздник Весны.

Тем не менее, жизнь доказала, что многовековую традицию невозможно изменить указом. Да, 31 декабря — конец официального старого года, и 1 января — выходной день. Однако за много лет жизни в Китае я не заметила, чтобы люди действительно отмечали этот день, дарили подарки, поздравляли — для китайцев это обычный выходной.

Зато через несколько недель — бурная подготовка и сам яркий праздник Весны.

Астроном императора

Найденные во время археологических раскопок записи на костях и черепаших панцирях подтверждают, что в эпоху Шан (1711–1066 гг. до н. э.) уже существовал совершенный способ времячисления, который назывался «Солнечный календарь небесных стволов и земных ветвей». «Небесных стволов» — 10, а «земных ветвей» — 12. Время исчислялось благодаря последовательному сочетанию «стволов» и «ветвей».

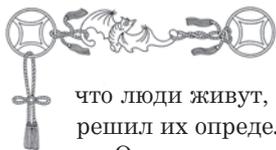
Согласно этим записям, месяцы считали в зависимости от последовательности появления новых лун: январь — 1-я луна, февраль — 2-я луна, и т. д. Эти названия сохранились по сей день, и в современном китайском языке «май» — это «5-я луна». Календарем «стволов» и «ветвей» тоже пользуются и в нынешнее время, как и лунным.

Уже тогда, во времена династии Шан, знали, что обычный лунный год содержит 12 лун, а високосный — 13, что лунные месяцы бывают большими (30 дней) и маленькими (29 дней).

На нескольких костях написано: «Сегодня — весна», «Сейчас — осень...» Значит, уже в древности люди делили год на сезоны. Записи свидетельствуют и о том, что в те времена знали о затмениях Луны и Солнца. Эти документальные сведения косвенно подтверждаются и дошедшими до нас легендами.

***

Рассказывают, что давным-давно, в древности жил юноша по имени Вань Нень — «десять тысяч лет», который отличался любознательностью и наблюдательностью. Он обратил внимание на то,

что люди живут, не имея четкого деления времени на сезоны, и решил их определить-вычислить.

Однажды он взобрался на гору, чтобы нарубить хворосту, и, притомившись, прилег в тени дерева. Тень постепенно перемещалась, и это натолкнуло его на мысль о солнечных часах. Талантливый юноша сделал их, и вновь задумался: а как определять время, если на улице пасмурно, туманно, дождливо?

Позднее его внимание привлекла вода, равномерно капающая с вершины скалы, и он создал клепсидру — водяные часы в виде чайника с пятью уровнями, с которых «поэтажно» капала вода в нижний сосуд. В нем находилась шкала, и поднимающийся уровень воды показывал на шкале истекшее время.

Шли годы, и молодой ученый обнаружил, что по прошествии 360 с лишним дней повторяется цикл изменения долготы дня. Правителем в то время был император Цзу И (XV в. до н. э.), который чувствовал себя чрезвычайно зависимым от природы; его пугали ее неожиданные капризы и катаклизмы и невозможность влиять на них. Эту человеческую слабость решил использовать первый советник А Хэн, чтобы приблизиться к императору. Он посоветовал властителю построить храм Неба и алтарь для жертвоприношений, и теперь император в сопровождении А Хэна и сотни чиновников неустанно молился небесным богам.

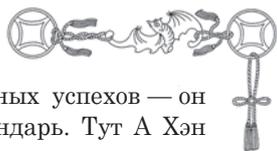
Узнав об этом, ученый Вань Нень пришел к императору на прием, рассказал ему об устройстве Вселенной, о движении Солнца и Луны, а в подтверждение продемонстрировал свои солнечные и водяные часы. Император был весьма доволен, оставил ученого при дворе и всячески способствовал ему в работе. Перед храмом Неба он велел построить храм Солнца и Луны, а также Беседку водяных часов и Трибуну солнечных часов, чтобы ученый мог продолжать свои исследования. Кроме того, дал ему 12 мальчиков в качестве слуг-помощников.

Однажды император послал сановника А Хэна посмотреть, как обстоят дела у Вань Неня, есть ли у того новые успехи. Поднимаясь в храм Солнца и Луны, сановник увидел надпись, высеченную на камне у входа:

Солнце поднимается и заходит 360 раз,
После каждого оборота все начинается сначала.

Период от начала цветения до увядания и засыхания трав и деревьев делится на 4 сезона,

За 1 год Луна 12 раз становится круглой.

А Хэн понял, что Вань Нень добился огромных успехов — он создал систему времячисления, он создал календарь. Тут А Хэн разволновался, испугавшись за свою должность: а что, если теперь Вань Нень станет любимцем императора, и Цзу И перестанет молиться богам Неба? Зачем тогда нужен будет императору он, А Хэн?

Спасая свое положение, А Хэн замыслил убить соперника и подслал лучника. Когда убийца подкрался, взобравшись по ступеням, ученый как раз находился на верхнем этаже и наблюдал за звездами. Тетива была уже натянута, но Вань Неню повезло: охранник заметил лучника и спас жизнь ученого.

Узнав обо всем, император наказал А Хэна и собственной персоной поднялся в обсерваторию, чтобы навестить ученого. Вань Нень, указывая на небо, обратил внимание императора на астрономическое явление:

— Посмотрите, сейчас как раз миновали 12 полных лун, старый год уже закончился. Начинается новая весна. Я советую императору учредить праздник.

— Весна является началом года, — ответил император, — поэтому я назову его *Чхунь цзе* — праздник Весны!

Проходили год за годом, в течение многих лет Вань Нень продолжал свои наблюдения и исследования. Когда он преподнес императору свой солнечный календарь, его усы и борода уже поседел.

Император был тронут подарком, но особенно — такой преданностью ученого своему делу. Чтобы увековечить память об успехах астронома, он повелел назвать этот календарь *Вань Нень-ли*, «календарь Вань Неня». Более того, император пожаловал ученому новое имя — *Жи-юэ Шоу-син*, Звезда долголетия Солнца и Луны.

Интересно, что имя ученого — Нень — как раз и означает «год». И, исходя из вышесказанного, получается, что знаменитый бог Долголетия, *Шоу-син*, о котором в Китае знают даже иностранцы, и является канонизированным Вань Ненем. Впоследствии люди, отмечая праздник, непременно вешали на стену в доме изображение *Шоу-сина*. Таково происхождение праздника Весны, праздника Нового года.

Живые традиции древности

Рассказав о происхождении праздника, следует познакомить читателей и с тем, как отмечали Новый год несколько сотен лет назад. Напомню, что 1-й месяц нового года называется *чжэн* (正月), а последний — *ла* (腊月). Так вот, приготовления к великому празднику начинались уже в середине месяца *ла*.

Повсеместно бурлила предпраздничная торговля: предлагали одежду, съестное, утварь и игрушки — в глазах рябило. Продавались ярко-красные новогодние пирожные *нень гао* (年糕), новогодние картинки-лубки, парные надписи-скроллы, хлопушки, петарды, «дымовые цветы» (фейерверки), фонарики, ароматные свечи и многое, многое другое.

Такое невероятное оживление на рынках случалось лишь раз в году: и мужчины, и женщины, и старые, и молодые покупали то, чего хочется душе. Особенно радовались, естественно, дети. Купив хлопушки, они не могли дожидаться праздника и, конечно же, не выдерживали: то там, то тут поджигали их, чем еще больше накаляли атмосферу ожидания веселья. Дети в семье — «маленькие императоры», *сяо хуан-ди*, и в этот праздник родители старались выполнять все их капризы.

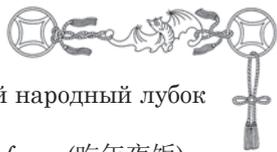
К слову, когда в наши дни я спросила знакомого китайца, который еще не имел семьи, как он собирается отмечать праздник, он, будучи флегматиком, не любящим суету, ответил:

— Да никак! Съезжу за город, повзрываю петарды, да и лягу спать!

На фоне веселой суматохи вокруг, которая закружила даже меня, ответ показался мне неожиданным. Однако интересно, что даже любители поспать и спокойно посидеть дома не могут изменить своей мальчишеской привычке — взрывать петарды в этот день.

У китайцев есть множество интересных обычаев, связанных со встречей Нового года. И хотя территория страны очень велика, и, как говорят в народе, «в местности, что отстоит на тысячу *ли*, даже ветер иной», тем не менее, основные обычаи совпадают. Главными из них являются такие обряды:

- жертвоприношения Цзао-вану — *цзи цзао* (祭灶);
- выметание пыли — *сао чхэнь* (扫尘);
- бодрствование во время новогодней ночи и встреча Нового года — *шоу суй ин нень* (守岁迎年);
- жертвоприношение предкам — *цзи цзу сень* (祭祖先);
- благодарение богам — *бай тхэнь ди* (拜天地);
- встреча Бога радости — *ин си-шэнь* (迎喜神);
- наклеивание весенних парных надписей — *тхе чхунь лень* (贴春联);
- замена старых картинок с *мэнь шэнями* (генералами, охраняющими двери) на новые — *хуань мэнь шэнь* (换门神);
- украшение оконных стекол орнаментами из бумаги — *цзень-чхуан хуа* (剪窗花);

- вывешивание новогодних картинок (цветной народный лубок *нень-хуа*) — *гуа нень хуа* (挂年画);
- угощение в новогоднюю ночь — *чшы нень е фань* (吃年夜饭);
- дарение денег детишкам — *гэй я суй цень* (给压岁钱, 给押岁钱);
- запуск фейерверков и взрывы хлопушек — *жань фан бао чжю* (燃放爆竹);
- поздравление с Новым годом — *бай нень* (拜年);
- встреча бога Богатства — *ин цхай-шэнь* (迎财神);

Господин, ответственный за очаг

В Пекине издавна распространена народная частушка:

- 23-го готовят «сахарную тыкву»*;
- 24-го убирают в доме;
- 25-го готовят *доу-фю***;
- 26-го забивают скотину на мясо;
- 27-го режут птицу;
- 28-го ставят опару из белой муки;
- 29-го все котлы наполнены вкуснятиной;
- 30-го поздно ночью все садятся, чтобы встретить Новый год;
- Как только наступил Новый год, начинается веселье!

Из данной частушки видно, насколько все заняты, как много у всех работы перед праздником. «23-го готовят «сахарную тыкву». Для чего? Для очень важной церемонии. Потому что ежегодно 23 или 24 числа месяца *ла* совершается поклонение богу домашнего очага Цзао-вану.

Есть старая поговорка: «*гуань сань, минь сы, чхуань цзя у*» (官三, 民四, 船家五), смысл которой можно перевести так: «Чиновники поклоняются Цзао-вану 23-го, простые крестьяне — 24-го, а люди, живущие в лодках на воде, — 25-го». Имя божества «Цзао», означающее «очаг» (灶), записывается иероглифом, состоящим из двух частей: «огонь» и «почва», потому что из глины делали очаг и разводили огонь для приготовления пищи и отопления дома.

* «сахарная тыква» — лакомство в форме маленьких тыквочек, приготовленных из клейкого риса и солодового сахара (произведенного из росточков пшеницы, риса или других злаков); они напоминают очень твердую карамель.

** *доу-фю* — соевой творог, один из основных продуктов питания. Приготавливают из бобового (соевого) молочка, которое сначала варят, затем добавляют соляной рассол, либо гипс для загустения. Полученную массу кладут под пресс, чтобы удалить часть жидкости. Это полноценный заменитель мяса.

Естественно, бог очага посему является самым главным для семьи. А если учесть, что он весь год, и дни, и ночи, проводит среди членов семейства и знает все их тайны, то его можно даже назвать и членом семьи, и свидетелем. Чтобы его присутствие в доме было нагляднее, изображение божества, цветное и яркое, вешали на стену, у плиты. За год портрет покрывался копотью и грязью, тускнел и старел.

Считалось, что «Его сиятельство Цзао» — *Цзао-ван-е* — несет ответственность за огонь в каждом доме, поэтому в народе к нему всегда относились с большим почтением, полагая, что он является посланником Будды, либо Господином, ответственным за очаг. В древности распространилось сказание, согласно которому Яшмовый император (верховное божество китайцев) пожаловал Цзао-вану звание ответственного за восточную императорскую кухню на Девятом небе.

Так что Цзао-вану, кем бы он ни был, поклонялись в каждом доме, как святому-покровителю семьи. Ниша или киот для этого божества располагалась в северной либо восточной части кухни. В центре ниши ставили его статуэтку, а в бедных семьях просто наклеивали на стену изображение бога на бумаге.

На рынках продавались как портреты одного Цзао-вана, так и парные — его с супругой. Даже если он — божество, мужчине без жены не обойтись! Считается, что имя мужа — Чжан Дань, а жены — Цин Цзи. Однако чаще их называют просто «Цзао-ван и его супруга».

Как правило, рядом с изображением помещался календарь, на котором сверху было написано: «Начальник департамента восточной кухни», «Тайный надзиратель-святой, которому следует приносить дары», «Хозяин всей семьи» и прочие надписи, которые разъясняли положение Цзао-вана в семье.

Справа и слева от портрета делали парные надписи сверху вниз: «Верховному божеству докладывает о хороших делах», «В Поднебесной сохраняется мир и спокойствие»; это означало, что если в доме будут вершиться лишь хорошие дела, то и жить там будут спокойно, наказания не последует. Надпись служила предостережением и старым, и малым.

В течение целого года Цзао-ван оберегал семью, и в то же время строго наблюдал за поведением ее членов. 23-го числа месяца *ла* наступал момент, когда бог домашнего очага должен был полететь к Яшмовому императору с докладом: какие хорошие и злые дела совершены в доме за год.

Церемония проводов Цзао-вана называется *сун Цзао* (送灶), либо *цзы Цзао* (辞灶) — «провода Цзао», или «прощание с Цзао». Люди верили, что на основании доклада Яшмовый император решит, сколько счастья и добра либо горя и беды заслуживает каждая семья, и все это передаст в руки Цзао-вану.

Церемония проводилась в сумерках, перед наступлением ночи. Сначала вся семья собиралась на кухне. В киоте помещали ароматные свечи в знак уважения, «желтого барашка»¹ в качестве жертвоприношения, подносили «сахарную тыкву», изготовленную из муки и солодового сахара, и другие лакомства, чтобы Цзао говорил на небе лишь самые сладкие слова об этой семье. Некоторые даже обмазывали рот Цзао-вана сладостями, приговаривая: «Говори побольше хороших слов! А захочешь сказать плохие, пусть твой рот слипнется от сладкого, и губы не разомкнутся!»

Затем из бамбука и бумаги изготавливали лошадь и предлагали ее вместе с травой, кормовыми бобами и чистой водой — питанием для лошади, Цзао-вану, чтобы тому было легче добраться до Яшмового императора.

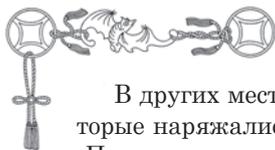
В книгах эпохи Тхан есть даже записи о том, что бога домашнего очага поили сладким вином, чтобы не только заклеить рот, но и напоить его допьяна.

После угощения изображение божества сжигали вместе с лошадью и травой, и Цзао-ван вместе с дымом вылетал в небо через дымоход.

В некоторых местах Китая Цзао-вана провожали иначе — устраивали во дворе костер из конопли и веток сосны, затем приглашали его выйти из священной ниши, чтобы сжечь вместе с лошадью и травой. Весь двор при этом ярко освещался пламенем, а члены семьи, окружив костер, били поклоны и молились:

В этом году опять наступило 23-е,
и мы с уважением и почтением
Провожаем господина Цзао на Западное Небо.
Есть и лошадь, и провиант,
Попутного тебе ветра и благополучного прибытия!
Сахарная тыква, которой мы тебя угостили, —
сладкая-сладкая,
Так что просим тебя говорить Яшмовому императору
лишь хорошие слова.

¹ «Желтый барашек» — дзерен (газель *Procavia gutturosa*), у которой бело-желтая шерсть. В период Восточной Хань это животное полагалось приносить с охоты в качестве жертвоприношения Цзао-вану. Впоследствии во время ритуала жертвоприношений богу домашнего очага любые дары стали называть «желтым барашком».

В других местностях собиралось большое количество нищих, которые наряжались, пели песни и исполняли танцы под названием «Проводы господина Цзао», чтобы за свое представление получить угощение.

В одном из произведений писателя Лу Синя есть такое описание: «В день, когда Цзао-ван должен был вознестись на небо, на улицах продавали круглые сладкие комочки величиной с апельсин. У нас дома тоже была такая сладость, только другой формы — плоской, и напоминала она толстый-толстый блин. Это и была так называемая «патока, склеивающая зубы». Ее надо было предложить съесть Цзао-вану, чтобы у него склеились зубы и не смог шевелиться язык. Тогда он не скажет ничего плохого Яшмовому императору».

В эпоху Тхан и в период правления Сун подношения богу домашнего очага стали еще обильнее и богаче. Сунский поэт Фань Чхэн-Ду перечисляет в своем стихотворении дары:

С древности повелось, что в 23 день месяца *ла*
 Господин Цзао возносится на небо с докладом.
 Облака ему служат телегой, а ветер — скакуном,
 В доме наполнены бокалы и блюда для пышной церемонии:
 Разомлевшая свиная голова — рядом с парой свежих рыбин,
 Здесь и пюре из угловатой фасоли, и сладкий рыхлый рис,
 и круглые пирожные.

Мальчики наливают вино, а девочки прячутся;
 Вино льют на пол, предлагая его божеству, сжигают бумажные
 деньги на радость Цзао-вану.

Служанки ссорятся тихо, чтоб Хозяин не услышал,
 Кошки и собаки дерутся так, чтобы Хозяин не рассердился.

Провожая Хозяина к Небесным воротам,
 Его напоили допьяна, накормили досыта;
 Какая была ложка, большая или маленькая, —
 Не надо говорить облакам.

Ведь если нищий получит большую милостыню,
 Он, вернувшись, поделится со всеми.

Церемония, связанная с проводами Цзао-вана, имеет важное значение и тесно связана с новогодним праздником. Потому что пройдет несколько дней, и вечером 30-го числа Цзао-ван вернется вместе с целым «букетом» радостей и горя, предназначенных семье. Но вернется он не один, а со всеми божествами. Именно он, считается, показывает дорогу сонму небожителей, спускающихся к людям. Как же после этого не считать Цзао-вана властителем судеб?

После празднования Нового года остальные боги вернуться на небо, и лишь бог домашнего очага задержится среди людей на целый год, поселившись на кухне.

Церемония встречи небожителей называется *цзе шэнь* (接神) и *цзе* Цзао (接灶), то есть «встреча святых» и «встреча Цзао-вана». Происходит это обычно в полночь, и церемония намного проще, чем проводы. Надо лишь в положенное время заменить изображение Цзао-вана на новое, если это картинка, а если статуэтка, то надо поставить новую лампадку, возжечь благовония перед киотом и на этом все заканчивается.

Существует пословица: «*нань бу бай юэ, нюй бу цзи Цзао*» (男不拜月, 女不祭灶), то есть «мужчины не поклоняются Луне, а женщины не приносят жертвы Цзао-вану». Во многих местах Китая женщины не поклонялись ему, так как считалось, что Цзао-ван боится женщин, или относится к ним с презрением.

Среди всех божеств китайского пантеона бог домашнего очага — самый древний. Уже в эпоху Ся (2140–1711 гг. до н. э.) люди поклонялись ему. Но тогда это божество изображали в красной одежде в виде красивой женщины — о том свидетельствуют исторические записи.

Иногда говорили, что Цзао — это предок, который добывал огонь, буравя дерево. Другие утверждали, что он — «чиновник огня», либо повар императорской кухни по имени Су Цзи-ли. Но большинство считало, что имя его — Дань, «цзы», т. е. второе имя, — Цзы-го, а фамилия — Чжан, и полное имя — Чжан Дань Цзы-го. Мнения в народе на этот счет бытуют разные, и существует множество легенд об этом святом.

Божество домашнего очага Цзао-ван

1.

Вот одна из них. В семье Чжана, якобы, выросли два сына. Старшего звали Ни Шуй-цзян («мастер, умеющий работать с глиной и водой»), а младшего — Хуа Ши — «мастер по картинкам».

Старший содержал семью тем, что строил печи-очаги. Его приглашали живущие на западе и на востоке, наперебой восхваляя его искусство. Слава о нем прокатилась по стране, и все стали с уважением звать его «Чжан — король очага». Он превратился почти что в святого, считал себя вправе вмешиваться в любые дела: заметит, что ругаются золовки — тут же сделает замечание; услышит, как ворчит злая свекровь — и тут свой совет даст, как будто он старший в роду. И за это его стали уважать еще больше: чуть что случится — зовут Чжана Цзао-вана, чтобы рассудил, разобрался в семейном споре. Прожил Чжан ровно 70 лет, и умер как раз 23 дня месяца ла. С той поры начались в его семье споры да неурядицы.

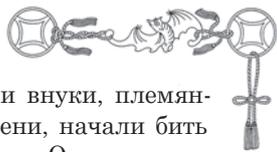
Ведь раньше он был хозяином, и все прислушивались к его советам и наставлениям. Теперь же старший брат покинул мир людей, а младший умел лишь читать книги да писать картины. И хотя он уже поседел, но управлять домашними делами не умел. Семья буквально разваливалась из-за вечных споров многочисленных невесток. Это так беспокоило Хуа Ши, что он целыми днями ходил печальным и нахмуренным. И однажды его осенило.

Когда исполнилась годовщина смерти Цзао-вана, и наступило время приносить ему поминальные подношения, Хуа Ши, несмотря на поздний час, созвал всех членов семьи и сообщил им, что явился дух старшего брата.

Затем он пригласил всех на кухню — сыновей и невесток, старых и малых, и все вдруг увидели на черной, покрытой копотью стене над очагом в пляшущем свете свечей самого Цзао-вана с его умершей супругой.

Все остолбенели от страха, а художник сказал:

— Мне приснился сон, из которого я узнал, что старший брат с женой стали небожителями-святыми, и Небесный император назначил его начальником департамента, ведающего императорской кухней на Девятом небе. Вы же, все домочадцы, вечно спорите и ссоритесь, не уважаете старших, не подчиняетесь родителям; вы не можете жить в мире, любите лишь вкусно поесть и отлыниваете от работы. Своим поведением вы беспокоите святых супругов. Старший брат страшно разгневался, узнав, что вы своими раздорами раскололи семью. Поэтому он собрался к Небесному императору с докладом об этом. 30-го числа, в канун Нового года, он вернется в мир людей, чтобы наказать вас, как велит ему Верховное божество.

Услышав это, многочисленная родня — дети и внуки, племянники, золовки и невестки в ужасе упали на колени, начали бить поклоны, стучаясь головой об пол и прося прощения. Они умоляли Цзао-вана отведать все сладкое и вкусное, что он любил при жизни, и простить их.

С тех пор никто не осмеливался ссориться и скандалить в семье, все жили дружно, как и прежде, при старшем брате.

После того, как о явлении духа Цзао-вана узнали соседи и друзья, весть разнеслась еще дальше, и вскоре о ней стало известно уже сотням и тысячам людей. Все стали приходить в дом Чжанов, чтобы услышать подробности.

На самом же деле художник заранее, до 23 числа, нарисовал на стене «дух» Цзао-вана, чтобы припугнуть распустившихся членов большого семейства.

Вот и пришлось художнику, рассказывая в лицах о приключившемся, смешивая правду и вымысел, рисовать подобные изображения всем соседям. Ведь каждому хотелось иметь божество над своим очагом, чтобы в доме были мир, покой и согласие.

Прошло некоторое время, и император внес этот обычай-обряд в книгу церемоний, узаконив его официально. Произошло это в эпоху правления династии Чжоу.

2.

Вторую легенду, наивную и простенькую, можете прочесть малышам, если они у вас имеются. 23-го числа месяца *ла* дети в Китае лакомятся «сахарной тыквой», а взрослые предлагают ее же богу домашнего очага Цзао-вану.

Много, много лет назад жил-был богатый, пузатый князь, который слыл страшным обжорой. Он перепробовал все деликатесные блюда, которые умели готовить его повара, и захотелось ему отведать чего-то новенького, невиданного. Покинул он свой дворец и отправился в поисках чего-нибудь вкусенького.

Проходя мимо одного жилища, он почувствовал вкусные запахи и без спроса вошел в дом. У плиты стояла тетушка в красном халате и помешивала палочками для еды что-то в сковородке. Прищурил один глаз, толстый князь попросил добрую тетушку угостить его тем, что так вкусно пахнет на сковороде.

Конечно же, тетушка оказалась доброй, раз даже не отругала нахала, который без стука вошел в ее дом. Оказывается, она готовила вкусные беленькие шарики, которые называются «сахарная тыква». Шарики, хоть и маленькие, а по форме точь в точь напоминают приплюснутые тыковки с пузатыми бочками на огороде.

Тетушка в красном халате и с красным цветком в волосах вежливо поставила перед ним целое блюдо сладких «тыковок». Вместо того чтобы отведать одно лакомство, соблюдая приличия, жадный князь стал быстро грызть белые шарики один за другим, пока не съел все дочиста.

Нахально заглянув в сковородку и убедившись, что там ничего нет, пузатый князь огорченно вздохнул, облизнул липкие пальцы, а потом вытер их об халат на своем животе. Немного подумав, он сказал:

— Я никогда не ел ничего вкуснее твоих «сахарных тыковок»! Я очень богат, но мои повара не умеют готовить так сладко. Пойдем ко мне во дворец, будешь каждый день радовать меня таким лакомством!

— И не подумаю! — рассердилась тетушка. — Ты скоро лопнешь от жадности, — взгляни на свое пузо! И вообще мне некогда с тобой болтать, скоро вернутся мои детки, а ты съел все их конфетки. Мне надо вновь приниматься за работу, готовить новые. — И она отвернулась к плите.

Богатый князь не привык, что ему отказывают; разозлился он, схватил тетушку за талию и потащил ее к выходу: «Нет, ты пойдешь со мной!»

И хотя тетушка с цветком в волосах была худенькой и маленького роста, она так рассердилась на нахала, что это придало ей силы. Размахнувшись, она дала князю такую оплеуху, что тот полетел по воздуху спиной вперед и шмякнулся спиной о стену, как раз над плитой, да так и прилип к ней.

— Я прочу тебя, невежливая жадина! Отныне ты всегда будешь висеть над плитой, наблюдая, как я готовлю, как ест моя семья, а сам не сможешь попробовать ни кусочка! И это будет тебе наказанием.

Так и стал князь богом домашнего очага, или божеством кухонной плиты. Он так завидовал членам большой семьи, что внимательно наблюдал за их поведением, подслушивал, что они говорят, чтобы в конце года полететь к Яшмовому императору на небо и наобедничать.

Тетушка догадывалась о том, что князь ничуть не изменился, остался таким же капризным и жадным, поэтому перед встречей Нового года готовила его любимые «сахарные тыквы», чтобы тот стал добрее, и чтобы его губы и язык слиплись от сладкого, и он не смог нажаловаться.

Сор — из дома!

После церемонии поклонения и проводов Цзао-вана начинаются официальные приготовления к встрече нового года. Этот период, с 23 числа последнего месяца в году — *ла* и по самый канун Нового года *чху-си* (除夕) — в народе называют *ин чхунь-жи* (迎春日) — «дни встречи Нового года», или *сао чхэнь-жи* (扫尘日) — «дни выметания пыли».

Такую генеральную уборку на севере Китая называют *сао фан* (扫房) — «подметание в доме», а на юге — *дань чхэнь* (掸尘) — «смахивание пыли». Во всех домах кипит одинаковая работа — чистят утварь, все предметы быта, моют, стирают, скоблят. Убирают не только в доме, но и во дворе. Сметают паутину, прочищают канавы. Создавая атмосферу праздника, гигиене придают особое значение.

Об истории этого обычая тоже существует легенда. В древности люди верили, что при каждом человеке живет святой, подобный тени. Он следует за человеком везде, никогда не отставая. Имя его — Сань Ши — «Три трупа». Этот негодник Сань Ши слыл страшным подхалимом, а также любил сочинять сплетни и сеять раздоры. Он часто докладывал Яшмовому императору заведомую ложь, описывая людей в отвратительном виде. И в результате таких многолетних докладов император решил, что мир людей полон грязи и зла.

Однажды этот дух по имени Сань Ши нашептал императору, что люди якобы прокляли его и замышляют совершить переворот в Небесном дворце.

В великом гневе небесный владыка приказал немедленно проверить и выяснить, как обстоят дела на земле в связи с беспорядками и планируемым мятежом. Он велел также все грехи людей, связанные с ненавистью к богам и кощунственным отношением к Небесному императору, незаметно записать под карнизами крыш каждого дома, в котором живут мятежники, а паукам приказал скрыть эти записи, опутав их паутиной.

Еще Яшмовый владыка велел одному из своих чиновников спуститься на землю в новогоднюю ночь и уничтожить дома тех, у кого под карнизом есть скрытая запись — ни одного не пропустить!

Узнав об этом, обрадованный дух Сань Ши тоже спустился в мир людей и начал на стенах всех домов, на углах, под карнизами, писать знаки, не разбирая, кто прав, а кто виноват, чтобы посланный чиновник уничтожил всех подчистую.

Пока Сань Ши творил свои темные дела, управляющий всеми Цзао-ванами, почувствовав неладное, собрал всех хранителей очага

на совет. И придумали они такой выход. Пусть в каждой семье в период между проводами Цзао-вана (23-го числа месяца *ла*) и встречи Нового года все люди, малые и старые, дочиста уберут в доме и вокруг него. Если в каком-нибудь жилище останется хоть немного грязи, Цзао-ван не вернется туда.

В каждом семействе прислушались к этому совету, и пока бог домашнего очага докладывал на небе императору о жизни и поведении в семье, домочадцы старательно терли и скоблили утварь, сметали паутину, дочиста отмывали двери и окна, стирали занавески. А весь мусор сжигали во дворе.

В результате, когда специальный чиновник в новогоднюю ночь спустился с небес с инспекцией, он обнаружил, что все вокруг сверкает от чистоты, в домах горит огонь, и все семьи, дружно собравшись, весело отмечают праздник.

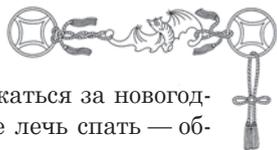
Не найдя указанных меток под карнизами крыш, он удивился еще больше и, улетев, доложил об увиденной идиллии императору. Тому понравилось поведение подданных и он поразился за них. А обманщика Сань Ши он приказал наказать — отвесить ему три сотни оплеух и навеки поселить в небесном хлеву.

Обычай этот — уборка перед Новым годом — существует очень давно, потому что записи о нем сделаны еще в летописи периода «Весны и Осени» (1770–476 гг. до н. э.). В народе же говорят, что фразу «избавиться от пыли» можно на слух понять и как «избавиться от старого», так как иероглиф *чхэнь* (尘) — «пыль» — звучит абсолютно так же, как слово *чхэнь* (陈) — «залежалый», «старый». А выражение *чху-чхэнь бу-синь* (出陈补新) — «избавиться от старого и расставить все новое» («выбросить все старое, расставить новое») надо понимать и в переносном смысле: все неудачи прежние, все беды и болезни вымести как следует из углов и выбросить за порог.

Иногда еще говорят *цзы-цзю ин-синь* (辞旧迎新), что имеет примерно тот же смысл: «расставаться со старым, встречать новое». В таких поговорках народ выразил свою мечту: ежегодно расставаться с плохим и в новом году встречать только хорошее.

Чху-си — бодрствование в новогоднюю ночь

Бодрствование в новогоднюю ночь — это тоже важный обычай, и начинается он, как и у нас, с праздничного угощения. При этом есть надо непременно не спеша и подольше. В некоторых семьях ели до глубокой ночи, не выходя из-за стола. Обычай этот, если судить по историческим записям, существовал уже в эпоху Южных и Северных династий, если не раньше.

Такой странный обычай — непременно задержаться за новогодним столом как можно дольше, как можно позже лечь спать — обусловлен тем, что люди хотели показать нежелание расставаться со старым, уходящим годом; их пугала быстротечность лет; месяцы и годы утекали, как вода, и хотелось остановить время. С другой стороны, старый год уходил в прошлое, а люди продолжали бодрствовать, выражая тем самым надежду на то, что новый год станет для них удачным.

Новогодний стол располагали поближе к очагу, чтобы согреться, и самый старший в роду непременно рассказывал бесконечные истории о предках. Даже немолодые члены семьи, которые уже не раз слышали все это, с интересом внимали старшему, не говоря уже о детях. Китайцы не забывают о своих корнях и считают, что чем больше они слушают истории жизни старших поколений, тем легче справятся с трудностями, которые ждут впереди.

Так и проводили ночь в рассказах, разговорах, да за настольными играми до самого рассвета, пока старший в роду не скажет: «Все! Хватит бодрствовать! На этом и закончим!» И все разойдутся по своим комнатам. Настанет полная тишина, а погода отовсюду послышится храп.

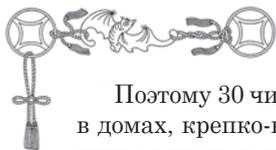
В некоторых семьях сразу после полуночи хозяин удалялся в свой кабинет и принимался писать *дуй-лень* (对联) — парные надписи для дверей, потому что он знал: едва рассветет, как жители его улочки выйдут из домов, чтобы рассмотреть «весенние надписи» у соседей: у кого же каллиграфия красивее, у кого смысл интереснее... Существовало этакое негласное соревнование.

«Хорошо, что вас не съели!»

Бодрствование в новогоднюю ночь с 30 на 1-е число нового лунного месяца *чжэн* называется *шоу-суй* (守岁), т. е. «караулить год», называют его и по-другому — *ао-нень* (熬年), т. е. «томиться, терпеть в ожидании Нового года». Откуда такое странное название? Почему надо «тосковать» и «расстраиваться, чувствовать себя неуютно, страдать»?

Оказывается, люди из поколения в поколение передавали легенду такого содержания. В глубокой древности существовало свирепое животное, которое в деревнях называли Нень.

В конце каждого года, ночью 30-го числа этот зверь выползал из моря и поедал людей и домашних животных. Он также уничтожал посеы и сады, обрекая крестьян на беды, голод и горе.

Поэтому 30 числа, еще до наступления темноты, люди прятались в домах, крепко-накрепко запирая двери. Они не осмеливались ложиться спать и сидели тихонько, ожидая рассвета. Чтобы скоротать время и придать себе храбрости, они пили вино.

Лишь утром 1-го числа месяца *чжэн*, убедившись, что чудовище ушло, крестьяне осмеливались выходить на улицу. Встречаясь друг с другом, они складывали руки в приветствии и поздравляли друг друга с великой радостью — им удалось избежать смерти, их не сожрало чудовище по имени Нень!

Так прошло несколько лет, и зверь понял, что люди вовремя прячутся от него, и что так может продолжаться вечно, а он останется без добычи. Тогда зверь решил перехитрить крестьян и затаился на какой-то срок. Люди расслабились, подумали, что Нень подался в другие края и постепенно перестали бояться, осмеливались выходить из дома даже вечером 30-го.

Этого и дожидался Нень. Долго он голодал, однако его терпение было вознаграждено, и начался настоящий звериный пир. В одной деревушке, что располагалась к югу от реки Янцзы, он сожрал почти всех жителей, и лишь одна семья осталась целой.

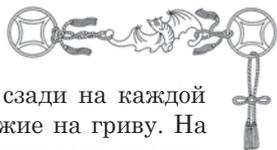
Дело в том, что в этой семье справляли свадьбу, поэтому и новобрачная была в красном наряде, и занавески на окнах повесили красные, да и вообще красный цвет в доме и вокруг него преобладал — ведь известно, что в Китае красный цвет — знак радости.

В ужасе зверь бросился от красного цвета, напоминающего ему пламя. В несколько прыжков добежал он до соседней деревни, но там натолкнулся на детишек, которые беззаботно играли — поджигали вязанку бамбука. После того, как взметнулось пламя, бамбуковые трубочки, сгорая, начали издавать звуки, напоминающие маленькие взрывы: *пха-пха!*

Увидев огонь и услышав громкие «выстрелы», Нень так испугался, что убежал, поджав хвост. Тут люди и сообразили, что чудовище боится пламени, громких звуков и красного цвета.

Отсюда якобы и берет начало вся новогодняя атрибутика: каждый год 30-го числа крестьяне прикрепляли к дверям красные кусочки бумаги и персиковые дощечки-амулеты, т. к. персиковое дерево тоже красноватого цвета; надевали в этот день красную одежду, вывешивали красные фонарики, стучали в гонги и барабаны, поджигали бамбуковые палочки, начиненные порохом. И впредь невиданный зверь больше не осмеливался беспокоить людей.

Так что название новогоднего бодрствования *ао-нень* правильнее перевести как «беспокойство из-за чудовища Нень». На старинных картинах этого зверя изображали похожим на льва и, скорее, с лицом свирепого человека, чем животного. Однако из гривы у него

выглядывали сказочные рога, как у дракона, и сзади на каждой лапе развевались длиннющие волосы, тоже похожие на гриву. На спине, вдоль позвоночника, — шипы вроде окостенелого плавника. А хвост, как у лошади, состоит из длинных волос, тоже летящих по ветру и по форме напоминающих лист дерева. Такого встретишь — мало не покажется. Поэтому хорошо, что вас не съели!

Хлопушки и петарды

Новогоднее поклонение предкам

«В особняке Гао после ужина семья собралась в зале. Все, начиная со старших и кончая младшими, оделись по-праздничному, во все новое. Как принято на церемонии поклонения духам предков, мужчины стояли слева, а женщины справа. В зале горели свечи, было светло, как днем».

Раньше богатые семьи имели собственные часовни, где проводились необходимые церемонии. Бедняки же приспособлялись, как могли. В жилой комнате у северной стены они расставляли на маленьком столике специальные дощечки, на которых записывали имена умерших предков.

В новогоднюю ночь вся семья по старшинству кланялась, ударяясь лбом об пол, табличкам предков, выражая свое почтение. А на столе, помимо свечей и благовоний в подсвечниках и курильницах, выставлялись различные угощения.

Среди жителей ханьской национальности (составляющих большую часть населения) принято было выставлять в высоких пиалах рыбу. На юге, где подобная церемония проходила более пышно, непременно выставляли восемь блюд, а в центре — *хо-гор* (火锅), котел с кипящим бульоном, куда бросали заранее приготовленное сырье — ломтики и кусочки овощей и мяса.

В настоящее время — я видела это в некоторых домах пожилых людей — на стол выкладывают красивыми пирамидками фрукты, печенье и другие угощения. И среди них, конечно же, *нь-гао* (年糕), новогодние пирожные из клейкого риса.

***

Итак, как только отгремят фейерверки, хлопушки и петарды, люди возвращаются в дома и первое, что они делают — совершают обряд поклонения богам Неба и Земли, а также кланяются своим предкам, предлагая им угощение.

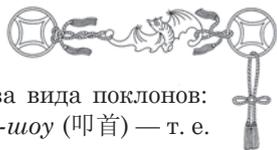
В древности эти обряды считались чрезвычайно важными. И поскольку на большой территории страны и обычаи были разными, то поклонялись предкам везде по-своему. Кто-то шел на кладбище, к могилам; кто-то совершал обряд в храме предков, но большинство все же совершало жертвоприношения дома.

Перед табличками с именами усопших предков выставлялось угощение, и члены семьи в строгой очередности, начиная со старшего в роду и заканчивая самым маленьким, возжигали благовонные палочки, становились на колени и кланялись душам предков.

На вертикальных поминальных дощечках-табличках *цзу-цзун пхай-вэй* (祖宗牌位) были записаны не только имена умерших родственников, но и их звания. Нередко, помимо дощечек, имелись и рисованные портреты.

В качестве угощения должны были непременно присутствовать рыба, мясо и овощные блюда, как бы символизирующие основные виды пищи. Все это раскладывалось в восемь чашек-пиал. Кроме этих обязательных продуктов, выставляли еще «лепешки месяца ла» и мед. Кладлись палочки для еды, ставились рюмочки с вином в количестве, равном количеству поминальных табличек.

Ну и, конечно же, перед табличками устанавливали несколько видов благовонных свечей и палочек. Прежде всего, и в наибольшем количестве — длинные ароматные палочки, а затем уже сандаловые.

Во время церемонии надо было совершать два вида поклонов: коленопреклонение и *кхоу-тхоу* (叩头), или *кхоу-шоу* (叩首) — т. е. удары лбом о землю.

Количество ударов строго не регламентировалось. Некоторые, например, трижды опускались на колени и по девять раз совершали *кхоу-тхоу* перед табличками своего святого, своего деда, а также отца и матери. В каждой семье существовали свои правила относительно количества *кхоу-тхоу*, их и придерживались все члены семьи из поколения в поколение.

На юге Китая после совершения этого обряда приветствовали еще и бога Радости *Си-шэня*. Для этого сначала справлялись в новом календаре, в каком направлении идти, чтобы встретить удачу и счастье этого года.

Затем выходили за ворота с зажженными факелами-фонарями для встречи бога радости, захватив с собой чайничек с вином, курительные свечи и гремящие хлоплушки. Смысл этого шествия — выпросить у богов удачи во всех делах.

Такой обряд имеет несколько названий: «шествие к Небу» — *чху-тхень-фан* (出天方), или, «шествие» — *чху-син* (出行). В провинции Чжэ-цзян он называется «поиск» — *чху-сюнь* (出寻), в Шанхае — «разыскивание бога радости» — *доу си-шэнь фан* (兜喜神方).

«Чхунь-лень» — парные надписи

Еще в древности перед Новым годом повсюду на улицах продавались весенние парные надписи *чхунь-лень* (春联), представляющие собой вертикальные полоски бумаги или шелка, которые вывешивались справа и слева от двери, и которые имели одинаковое количество иероглифов. Это могли быть благопожелательные надписи или философские изречения.

Перед лавками выставляли высокие столы, покрытые красной тканью, на них раскладывали кисти, тушь, бумагу. Каллиграф, за спиной которого висели уже готовые свитки, мог тут же написать новые по заказу желающих. *Чхунь-лень* имеют и другие названия:

- мэнь дуэй* (门对) — «пара для дверей»;
- чхунь тхе* (春贴) — «весенние наклейки»;
- дуэй лень* (对联) — «парные надписи»;
- дуэй цзы* (对字) — «парные свитки»;
- мэнь тхе* (门贴) — «наклейки для дверей»;
- мэнь лень* (门联) — «надписи для дверей»;
- ин лень* (楹联) — «надписи на колоннах» у входа и пр.

Большинство из них писалось на красной бумаге, поэтому после того, как во всех домах, на всех дверях вывешивали эти яркие надписи, города и селения становились по-настоящему праздничными, весенними.

«Генералы дверей»

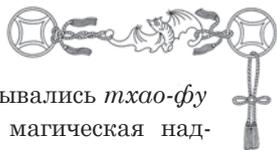
Как возник обычай наклеивать эти надписи? Говорят, что в Восточно-Китайском море есть прекрасная гора под названием Ду-шо-шань (度朔山); есть у нее и второе название — Тхао ду-шань (桃都山) — «столица персиков».

Росло якобы на этой горе огромное извилистое дерево миндального персика. На его вершине жил золотой петух, который своим криком возвещал о восходе солнца. С северо-восточной стороны дерева-великана росла ветвь, которая изогнулась и касалась земли, очень напоминая створку двери. А на горе жило множество духов, которые, покидая на время свое убежище, проходили через эту арку-дверь, образованную огромной ветвью.

Небесный император опасался, что духи, спускаясь в селенья, могут навредить людям, поэтому послал на гору двух небесных генералов в качестве стражников. Одного из них звали Шэнь Тху (神荼), другого — Юй Лэй (郁垒). Однако иероглифы, которыми записывались имена этих святых, читались иначе, по-особенному: имя первого надо было читать «Шэнь Шу» — «успокоение», «комфорт», а второго — Юй Люй — «закон».

На голове у каждого из них — шлем в виде головы тигра со шкурой, тело закрыто панцирем-кольчугой, а в руках они держали меч и булаву. Генералы были посланы на гору, чтобы контролировать поведение местной нечисти. Стоило им обнаружить, что кто-то из горных духов совершил зло — его тут же хватили под аркой-веткой персика, связывали и бросали на съедение тиграм.

Отсюда и пошло поверье, что нечистая сила боится даже кусочка древесины персикового дерева. Поэтому во время празднования Нового года люди вешали по обе стороны от двери дощечки из этого дерева, на которых вырезали изображения небесных генералов-защитников. Иногда писали только их имена-иероглифы: Шэнь Тху и Юй Лэй. На современных же лубочных картинках присутствуют как изображения, так и иероглифы.

Доски из персикового дерева с генералами назывались *тхао-фу* (桃符) — «персиковое заклинание», «персиковая магическая надпись», и предназначались для охраны жилища от нечисти и зла.

После правления династии Тхан «генералов дверей» Шэнь Тху и Юй Лэя постепенно вытеснили другие герои. Рассказывают, что основателем династии являлся император Гао Цзу, который пробыл на престоле лишь девять лет. Его сын Ли Ши-мин устроил дворцовый переворот, убил своих братьев и заставил отца отречься от власти. Став императором, он взял имя для правления Тхай Цзун и восседал на троне в течение 23 лет.

Из-за преступных деяний в прошлом император заболел. В течение долгого времени он не мог спать ночами — ему казалось, будто он слышит пугающие голоса, вопли, и словно кто-то с улицы бросает к нему в комнату куски черепицы. Мерещилось, что его жилище окружили дьяволы.

Император пожаловался чиновникам-царедворцам, и один из генералов по имени Цинь Шу-бао изъявил желание помочь, защитить сына Неба, стоя еженощно у дверей. Еще один крупный военачальник по имени Юй Чшы-гун согласился составить компанию первому генералу. В других источниках имена этих героев немного другие: Цинь Цзюн и Юй Чшы Цзин-дэ, или сокращенно — Цзин Дэ, однако фамилии — одни и те же.

В ту же ночь оба чиновника, облачившись в кольчуги и взяв оружие, заступили на охрану императорских покоев. И впервые за долгое время Тхай Цзун сладко выспался. Так продолжалось несколько ночей, и властитель пошел на поправку. Он повеселел, окреп и почувствовал, что ему неловко и дальше заставлять верных генералов бодрствовать по ночам. Поэтому он приказал изобразить их на бумаге со всеми деталями и в таких же доспехах.

Картины приклеили на двери. Император продолжал чувствовать себя в безопасности, а история эта послужила примером и для простых людей. В праздник Весны они тоже стали украшать свои двери нарисованными генералами, а Юй Чшы-гун и Цинь Шу-бао, как и Шэнь Тху с Юй Лэем, стали *мэнь-шэнями* — охранителями дверей.

Охранники дверей *мэнь-шэнь*

Нередко в качестве *мэнь-шэней* наклеивают изображения Чжун Кхуя, о котором повествуется отдельно в приложении.

В реальной жизни мы из года в год наблюдали, что китайцы приклеивают *мэнь-шэней* на створки внешних дверей, ведущих с улицы во внутренний дворик, либо на двери, ведущие с улицы прямо в комнату (это касается частных домиков). Однако раньше существовали строгие правила, о которых, возможно, теперь уже мало кто помнит:

- на «большие ворота» полагалось наклеивать *мэнь-шэней*-воинов;

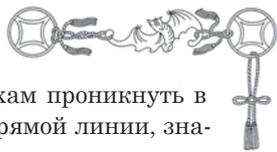
- на «вторые ворота» — *мэнь-шэней*-чиновников;

- на двери, ведущие в дом, — рисунки, изображающие мальчика и девочку;

- на «заднюю дверь» — изображение Чжун Кхуя;

- на двери хлева — изображение бога-покровителя коров и лошадей;

- на защитном экране, который возводился во дворе непосредственно перед «большими воротами» — знаменитый иероглиф *фу* (福), т. е. «счастье». Функция такого экрана — не только защищать двор от ветра из главных ворот и аккумулировать *ци*, жизненную

энергию, — но и, главное, не позволить злым духам проникнуть в дом; ведь нечисть способна двигаться только по прямой линии, значит, наткнувшись на экран, она тут же вернется, откуда и пришла;

— в центральном зале полагалось наклеивать особые «изображения для парадного зала» — несколько вертикальных картинок, напоминающих створки ширмы, а также изображения жертвоприношений, даров;

— для украшения окна наклеивали вырезанные из бумаги цветы, при этом обязательно обозначали «верхушку» окна, «боковушки» и «лунный свет»;

— вокруг *кхана* (火炕) тоже наклеивались определенные лубочные картинки, и главная из них — «денежное дерево»; *хокхан* — отапливаемая лежанка, занимающая значительную часть комнаты;

— для светильников тоже существовали специальные украшения — «квадратики с бахромой», и т. д.

Указ императора никто не отменял

Начали мы с *мэнь-шэней*, а закончили «квадратиками с бахромой». Потому что происхождение этих украшений, носящих особый смысл, — одно. Все они — разновидность новогоднего лубка, который, в свою очередь, произошел от персиковых дощечек-оберегов.

Именно на персиковых дощечках *тхао-фу* первоначально изображали *мэнь-шэней*, а позже на них же стали писать и парные надписи *чхунь-лень*. Произошло это в период «Пяти династий, десяти царств», в новогоднюю ночь 964 года, когда император приказал ученому Синь Инь-сюню написать на персиковых дощечках два предложения с благопожелательным, поздравительным содержанием. Однако работа ученого не понравилась ему, и император собственноручно начертал:

В НОВЫЙ ГОД ПОЛУЧАЮТ МНОЖЕСТВО ПОЗДРАВЛЕНИЙ	ПРЕКРАСНЫЙ ПРАЗДНИК ВОЗВЕЩАЕТ О ДОЛГОЙ ВЕСНЕ
--	---

Пожалуй, это самая первая парная надпись, первая *чхунь-лень* в Китае! Позже сочинение весенних благопожелательных надписей стало предметом изящного творчества для многих литераторов и ученых, а сам обычай наклеивания их на двери быстро распространился в стране, и ко времени правления династии Сун он уже стал обязательным.

Знаменитый поэт Су Дун-пхо в преддверии Нового года написал однажды такие надписи для кого-то из вельмож:

<p>ВОРОТА ТАКИЕ ШИРОКИЕ, ЧТО ЛЕГКО ВЪЕДЕТ ТЫСЯЧА ВСАДНИКОВ</p>	<p>ЗАЛ НАСТОЛЬКО ОБШИРНЫЙ, ЧТО В НЕМ НЕ ЗАМЕТИШЬ СОТНЮ ИГРАЮЩИХ ДЕТИШЕК</p>
--	---

Другой известный человек эпохи Юань — каллиграф Чжао Сунсюэ посетил однажды харчевню Башня Луны в городе Ян-чжоу (провинция Цзянсу), где хозяин накануне праздника попросил знаменитого художника написать весенние благопожелания. Из-под кисти мастера появились две фразы:

<p>ПОД ВЕСЕННИМ ВЕТРОМ В САДУ СОБРАЛОСЬ ТРИ ТЫСЯЧИ ГОСТЕЙ</p>	<p>ПОД ЯРКОЙ ЛУНОЙ ЭТА ХАРЧЕВНЯ В ЯН-ЧЖОУ — САМАЯ ЛУЧШАЯ</p>
---	--

Подобные надписи, сделанные известными людьми, становились предметом коллекционирования — их собирали, показывали друг другу, любовались ими.

А среди простого народа парные надписи широко распространились лишь в эпоху Мин. Их писали на красной бумаге, и такие свитки стали обязательным атрибутом празднования Нового года.

Существует запись о том, как император Тхай Цзу династии Мин накануне Нового года приказал всем семьям столицы наклеить парные надписи, создав тем самым праздничную атмосферу, и чтобы этот обычай стал обязательным.

На следующий день он, одевшись простолюдином, вышел в город проверить, как выполнен приказ, а заодно поразвлечься, наблюдая за жизнью простых людей.

Пройдя немного, он вдруг обнаружил одни ворота без весенних парных надписей. Император решил выяснить причину. Оказалось, хозяин зарабатывал на жизнь не совсем обычной профессией — кастрацией кабанчиков. Он был неграмотным, не умел писать иероглифы, а пригласить кого-то в помощь не хватало времени, т. к. накануне праздника особенно много работы.

Выслушав причину неисполнения приказа, Тхай Цзу велел принести ему «четыре драгоценности из кабинета образованного человека» и собственноручно написал:

<p>ДВУМЯ РУКАМИ ПЕРЕРЕЗАЕТ ДОРОГУ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ</p>	<p>ОДИН ВЗМАХ НОЖОМ — И ПЕРЕРУБЛЕН КОРЕНЬ ПРАВДЫ И ЛЖИ</p>
--	--

Император передал надписи семье ветеринара, и впоследствии в его доме очень гордились работой самого Тхай Цзу. Свитки повесили в гостиной, берегли их, как сокровище, и каждый день воскуривали перед ними благовония.

В эпоху Мин не только широко распространился обычай вывешивать весенние надписи, но и само их название, состоящее из двух иероглифов — *чхунь-лень*, тоже закрепилось в период правления минского Тхай Цзу. Их стали приклеивать справа и слева от двери и в городах, и поселках, и глухих горных селениях. Самыми распространенными являлись такие надписи:

ВЗРЫВЫ ХЛОПУШЕК УНОСЯТ СТАРЫЙ ГОД	ПЕРСИКОВЫЕ ДОСТОЧКИ НА ДВЕРЯХ ТЫСЯЧ СЕМЕЙСТВ ПРИВЕТСТВУЮТ НОВЫЙ ГОД
ПУСТЬ В ПРИРОДЕ МЕЛЬКАЮТ ГОДЫ, ПУСТЬ ЛЮДЯМ ДОСТАНЕТСЯ ДОЛГОЛЕТИЕ	ВЕСНА ЦАРИТ ВО ВСЕЙ ПОДНЕБЕСНОЙ, СЧАСТЬЕ ВХОДИТ В КАЖДЫЙ ДОМ
ВОРОТА РАСПАХНУТЫ СЧАСТЬЮ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА: ВЕСНОЙ, ЛЕТОМ, ОСЕНЬЮ, ЗИМОЙ	СТВОРКИ ДВЕРЕЙ РАСКРЫТЫ БОГАТСТВУ, ОТКУДА БЫ ОНО НИ ПРИШЛО: С ВОСТОКА, ЗАПАДА, ЮГА ИЛИ СЕВЕРА

Есть и еще одно, менее заметное украшение дверей, которое вывешивают в новогоднюю ночь, — это *мэнь-цень* (门签), т. е. «бирка для дверей», «надпись на дверях». Она представляет собой длинный прямоугольник красной бумаги с надписью, и приклеивается на притолоку проема двери или ворот, символизируя новогоднее пожелание. По периметру прямоугольника имеется узор, а в центре пишут примерно такие фразы:

«СЫ-ЦЗИ ПХИН-АНЬ» — «МИРА И СПОКОЙСТВИЯ НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА»
«ХЭ-ЦЗЯ ХУАНЬ-ЛЭ» — «РАДОСТИ ВСЕЙ СЕМЬЕ»
«ФУ, ЛУ, ШОУ, СИ» — «СЧАСТЬЯ, КАРЬЕРЫ, ДОЛГОЛЕТИЯ И УДАЧИ!»
«У-ГУ ФЭН-ДЭНЬ» — «БОГАТОГО УРОЖАЯ ВСЕХ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР!»
«ЦЗИ ЦИН ЁУ ЮЙ» — «БЛАГОДЕНСТВИЯ И ИЗЛИШЕСТВ!»

Рассказывают, что «моду» такую завел мудрец, рыбак-министр Цзян Цзы-я (о нем рассказывается в книге «Монахи Срединной им-

перии»). Китайцы утверждают, что дедушка Цзян считал свою жену Цюнь-шэнем, т. е. духом бедности, и ему казалось, что она способна навредить и без того бедным людям. Поэтому он приказал ей: «Как увидишь где-нибудь рвань да нищету — сразу же возвращайся домой!» А люди стали специально приклеивать на ворота бумагу, которую предварительно резали ножом, изображая «лохмотья», стараясь отогнать Цюнь-шэня, духа бедности. Позже такие бумаги на притолоке постепенно превратились в *мэнь-цени*.

Емкое изящество

Большинство новогодних парных надписей таят в себе благопожелательный смысл, и слова специально подбираются изящные, красивые. Недаром некоторые сравнивают их с поэтическими строчками.

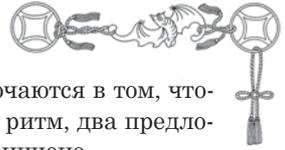
Дуй-лень насчитывают древнейшую историю своего существования, и мы не перестаем удивляться и восхищаться: как смог китайский народ на протяжении многих веков сохранить свои традиции! Было бы не так интересно изучать историю того или иного явления из жизни китайцев, если бы оно, зародившись в древности, так и осталось бы в старине.

Мы рассказываем о парных новогодних надписях, первая из которых появилась еще до правления династии Сун, до 960 года, однако и в 2016 году мы увидели их у входа в жилища китайцев. Неудивительно, что эти надписи постепенно превратились в особый, неповторимый вид искусства, существующий лишь в Китае.

Сформировался даже особый язык, близкий к поэтическому, однако это и не совсем поэзия, а как бы обособленный раздел литературы, поэтому существуют даже книги-сборники парных надписей.

Парные надписи нередко сочиняли известные люди — поэты, писатели; так было и в древности, так продолжается и в наши дни. В этих крошечных произведениях всего из двух строчек заложен богатый, глубокий смысл. Читатель не только получает эстетическое наслаждение от них, но и испытывает, в определенной степени, и воспитательное воздействие.

Особенно интересны для исследования древние парные надписи, рассказывающие немало о культуре своей эпохи, поэтому они представляют ценный материал для изучения. В них нередко заложен такой глубокий философский смысл, что понимаешь: такое возможно лишь в лаконичном и емком китайском языке. Изложи эту фразу на любом другом языке — и получится целый абзац, что уже не так изящно.

Правила составления парных надписей заключаются в том, чтобы обязательно присутствовали антитеза, рифма, ритм, два предложения, а количество иероглифов при этом не ограничено.

Само слово *дуй* переводится «сопоставлять», так что в любом *дуй-лень* сопоставляются две строки, два вертикальных полотнища или две небольшие вертикальные полоски бумаги с надписями.

В зависимости от предназначения сложилось несколько видов парных надписей, которые произошли от новогодних, весенних *чхунь-лень*:

- собственно весенние, новогодние *чхунь-лень*;
- поздравительные свадебные — *хунь-лень* (婚联);
- поздравительные, желающие долголетия во время празднования юбилеев — *шоу-лень* (寿联);
- похоронные, траурные, погребальные — *вань-лень* (万联) и множество других, в зависимости от конкретной ситуации.

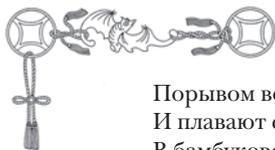
Их могли изготавливать, как уже говорилось, на бумаге или полотнище, вырезать на вертикальных досках, чаще — на выпуклых половинках ствола бамбука или на столбах-колоннах у входа, покрытых лаком, — *ин-лень* (楹联). Если же говорить о способе изготовления, то встречаются написанные на бумаге тушью или золотым порошком, или покрытые лаком уже после того, как их написали тушью или вырезали на дереве.

А теперь осталось лишь привести заслуживающие внимания примеры и оговориться, что даже не каждый китаец способен правильно понять суть надписей; недаром в некоторых сборниках приводится их пространное толкование. Так что не судите строго, если при переводе я где-нибудь ошиблась.

Поэт **Ли Дун-ян** (1447–1516) эпохи Мин приехал однажды навестить друга. Когда они сидели в комнате, подул сильный ветер, который опрокинул красивую старинную вазу. И поэт тут же написал *дуй-лень* импровизацию, тему которой навеяла ненастная погода:

Порыв восточного ветра
 опрокинул нефритовую вазу с цветами сливы,
 упали цветы и разлита вода;
 Снег, выпавший в первый день месяца,
 повалил бледные стволы бамбука,
 смешал его листья с грязью.

В первой строчке 7 + 4 иероглифа, во второй — тоже. Так и хочется этот дословный перевод зарифмовать, придать ему хоть подобие той красоты, которая слышна в китайских строках:

Порывом восточного ветра изящная ваза разбита,
И плавают сливы цветы на полу среди осколков нефрита.
В бамбуковой роще завалены снегом стволы молодые,
И смешаны с грязью их узкие, бледные листья золотые.

Известный литератор и каллиграф **Чжу Юнь-мин** (1460–1526) прогуливался однажды со своим приятелем по берегу пруда. Красота плавающих золотых рыбок и огромных круглых листьев лотоса вдохновила его на такие строки:

Листья лотосов в пруду — это зонтики для рыб,
А паутина на балке под крышей — это занавески для ласточек.

Литератор **Ли Мэн-и** эпохи Мин, прогуливаясь однажды вдоль реки, обратил внимание на одинокого, как будто печального гуся и сложил строки *дуй-лень*, которые тут же записал его друг:

Одинокий дикий гусь переплывает реку,
И тень его на воде, плывущая рядом,
Подобна подруге-супруге, которой ему не хватает;
Старый рыбак с белыми прядями
Стоит над зеркалом воды,
И его отражение напоминает
Будду из сказки.

А вот совсем лаконичные *дуй-лень*, написанные романистом **Ли Жу-чжэнь**, родившимся в 1763 г., и посвящены они цветам, травам, деревьям. Приведу лишь несколько:

Ива ассоциируется с Гуань-инь;
Сосна — с алоханами.

Всего шесть иероглифов, а сколько за ними кроется... Гуань-инь — имя бога, который «пришел» в Китай с буддизмом, но у китайцев он постепенно «превратился» в богиню, прекрасного облика женщину, которую всегда изображают с сосудом в одной руке и веточкой ивы в другой.

Алоханы — заместники Будды на Земле, которых он оставил для помощи бедным людям с благородным сердцем (об алоханах, или архатах, а также Гуань-инь читайте в книге «Монахи Срединной империи»).

Кипарисовые ветки напоминают усы дракона;
Ветви сосны — это хвост феникса.

Дракон и феникс — прекрасная пара, символ императора и императрицы, мужа и жены. А сравнение очень точное, если присмотреться.

А вот нормальные, крестьянские, искренние:

Весной посадишь одно зерно,
Зато осенью получишь 10 тысяч *даней* зерна.

Юбилейные парные надписи с пожеланием долголетия:

Желаем счастья бескрайнего, как Восточное море,
Желаем долголетия высокого, как южные горы.

Мы очень любим прогуливаться по старым пекинским *ху-тхунам* — узким улочкам и тупикам, от которых скоро не останется и следа. На память приобрели несколько картин китайских художников, на которых изображены старые улочки и дома со стертыми деревянными порогами, покосившимися старыми дверьми и хламом в тесных двориках.

Особенно любим улочки в районах Лю-ли-чхан и Да-чжа-лаэр, где часто бываем, рассматривая детали. Однажды на одной из дверей увидели едва заметные от времени, но довольно крупные иероглифы, вырезанные прямо на створках дверей.

Один из жителей этого людного дворика и сам удивился и обрадовался одновременно: «А я, — говорит, — даже не замечал раньше, не обращал внимания...» Вместе мы расшифровали две вертикальные надписи:

Стихи, благодаря книгам, живут в веках;
Благодаря доброте человека слава о нем долго живет среди людей.

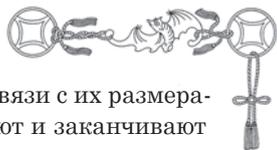
Так кто-то когда-то решил для себя проблему парных надписей: вырезал однажды на дверях мудрую фразу — и нет нужды ежегодно обновлять ее.

Украшение оконных стекол

С древности и по сей день сохраняется еще один обычай: во время праздника на оконное стекло наклеивают изображение петуха. В книгах периода Хань читаем: «Первый день первого месяца *чжэн* принадлежит петуху, второй — собаке, третий — свинье, четвертый — овце, пятый — корове, шестой — лошади, седьмой — человеку».

Только после шести животных упоминается человек. Почему именно такая очередность? В одной древней книге «О домашних делах крестьянина» дается три пояснения.

1. Животные выстроены именно в таком порядке, потому что такова последовательность приручения животных человеком. Прежде всего «одомашнили» цыплят, затем — собаку и т. д.

2. Животные расположены в таком порядке в связи с их размерами: маленькие начинают год, большие продолжают и заканчивают первую неделю.

3. Животных распределили в зависимости от того, насколько близко к человеку они живут: цыплята и собака могут жить прямо в доме, рядом с хозяином; свиньи и овцы — чуть подальше, даже в доме, но отдельно от людей; коровы и лошади — в отдельной, наиболее удаленной загородке, сарайчике.

Человеку отведен последний, седьмой день, очевидно, потому, что он, как существо разумное и творческое, появился на Земле позже животных.

А почему окна украшают изображением петуха? Потому что ему принадлежит первый день нового года. Петух возвещает и о начале года, и о начале дня. В древних записях говорится, что первым возвещает о заре небесный петух, живущий на вершине персикового дерева. Стоит ему прокукарекать, как все петухи на земле начинают оповещать людей о том, что солнце поднимается, показавшись из-за горизонта.

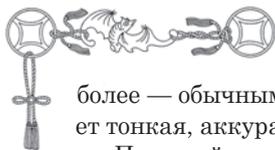
Кроме того, считается, что петух способен отпугивать злых духов, так что ему — самое место на двери или окнах. Петуха вырезали из бумаги и наклеивали на видном месте.

Наверное, многие слышали о знаменитом виде искусства, которым славится Китай — тончайших вырезках из бумаги. А если кто-то видел подобные работы, то не мог не восхититься. Так вот, говорят, искусство это пошло именно от бумажных петушков.

К петуху издавна относились в народе с большим уважением и называли его «птицей пяти добродетелей» — *у-дэ чжи-цинъ* (五德之禽). О нем писали, что гребень *гуань* (冠) — символ ума, образованности, потому что этот иероглиф звучит так же, как и слово «чиновник» — *гуань* (官). Шпоры на его ногах помогают в драке, так что шпоры — вторая добродетель: воинская доблесть. На врага петух набрасывается не сзади, а лишь «глаза в глаза», и это его третья добродетель — храбрость. Четвертая — гуманность, т. к. он, найдя пищу, созывает своих сородичей, а пятая — надежность: петуху можно доверять, ибо он ночью бдит и никогда не прозевает восход солнца. Вот почему для петуха — почетное место в доме.

Вырезки из бумаги

Это один из удивительнейших видов искусства, подобного которому, скорее всего, нет нигде. Многие иностранцы, которые впервые видели эти работы, не верили, что они сделаны вручную, и уж тем

более — обычными маленькими ножницами, — настолько поражает тонкая, аккуратная резьба.

По-китайски «вырезки из бумаги» звучит *цзень-чжи* (剪纸). На праздник Весны, т. е. китайский Новый год, принято украшать жилище ярко-красными ажурными *цзень-чжи*, отчего в комнате воцаряется праздничная, веселая атмосфера.

А если девушку выдают замуж, то и комната новобрачных в Китае не может обойтись без нескольких алых цветов и иероглифов «двойная радость», вырезанных из бумаги.

Китайцы настолько привыкли к этому праздничному атрибуту, что только при его наличии испытывают настоящую радость и оживление. В народе такие вырезки называют еще *цзяо-хуа* (较花), или *цзень-хуа ян* (剪花样) — «резные цветы». Возникло это искусство среди маньчжуров-бедняков и постепенно распространилось среди китайцев-простолюдинов, поэтому по тематике отражает разные аспекты жизни народа.

Китай — родина бумаги; этому открытию более двух тысяч лет. Трудно даже представить, сколько за это время сделано тончайших вырезок для украшения быта. Потребовались и ум, и смекалка, и художественное чутье, и огромный практический опыт, чтобы эти изделия стали столь прекрасными, какими мы видим их сегодня.

Из старинных песен, дошедших до нас, и распространенных в северо-западных районах Китая, можно узнать, что первые вырезки люди делали из листьев деревьев и других плоских природных материалов.

Предметы из раскопок, принадлежавшие когда-то богатым людям, жившим в период Хань, свидетельствуют, что и тогда существовали «цветы», вырезанные из тончайших листов золота и серебра.

Самыми древними на данный момент вырезками считаются найденные в захоронениях периода Южных и Северных династий в районе Синьцзяна. Им более 1400 лет. В некоторых источниках указывается, что существуют экземпляры из кожи, а также золотой

и серебряной фольги, найденные среди раскопок захоронений периода Шан. А в государствах Вэй и Цзинь бумажные вырезки даже выполняли роль денег.

Когда-то давно девушки, не владеющие этим искусством, считали себя «в три раза хуже, ниже» остальных. А если искусная мастерица, умеющая вырезать тончайшие узоры из бумаги, выходила замуж и попадала в чужую семью, то все в ней — от мала до велика — чрезвычайно гордились такой невесткой и не скупились на похвалы. Поэтому каждая мать старалась передать дочери еще в детстве все свое умение, которое сама получила от матери или бабушки. И тогда к 17–18 годам девушка становилась настоящей кудесницей.

Таким образом в каком-нибудь селении или маленькой деревушке в горном ущелье становились известными мастерицами лишь одна или несколько женщин. Слава о них «плыла во всех четырех направлениях» и, конечно же, никто не мог с ними сравниться в этом искусстве, они слыли непревзойденными.

Появлялось много желающих учиться у них, поэтому нередко говорили, что «невестка из семьи Чжан делает вырезки по методу бабушки из семейства Ли», а «незамужняя девица из рода Ван передает свое мастерство маленькой девочке из семьи бабушки Чжао».

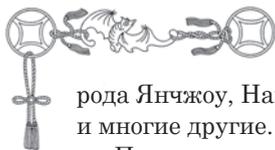
Каждый, кто овладел чьим-то методом, имел право добавить и свою фантазию, представление о прекрасном. Авторского права не существовало, и если вначале ученица в точности повторяла работы наставницы, то по прошествии какого-то времени та не могла бы с уверенностью отличить свою работу от поделки ученицы.

И в то же время существовали определенные строгие формы и условности, которые не следовало нарушать, ибо они нарабатывались трудом многих поколений, и такие узоры являлись как бы «фамильным почерком», «фамильным знаком».

Взять, к примеру, тему вырезки «Змея обвила кролика». В народе это символ гармонии и зажиточности. И если вместо кролика вырезать петуха — смысл нарушится, потому что змея относится к одному из «пяти ядовитых гадов», а петух — враг этих тварей, уничтожает их.

Так что, помимо красоты, вырезки из бумаги сохраняют и несут богатые знания о древней культуре и даже литературе, а образованные люди на основе вырезок воссоздают исторические темы, представляющие для нас интерес.

Нельзя не сказать несколько слов о технологии и особенностях этого вида искусства. Многие города и местечки известны вырезками из бумаги, и у каждого — свой стиль. Это провинция Гирин, го-

рода Янчжоу, Нанкин, Сяси, Еньань, Цзиньхуа, Фошань, Чхаочжоу и многие другие.

Произведения этого вида искусства можно классифицировать по следующим признакам:

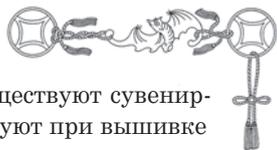
- одноцветные, *дань сэ*;
- разноцветные, *цхай сэ*;
- раскрашенные, *жань сэ*;
- с разделением цветов, *фэнь сэ*;
- вырезанные по методу **Ян**;
- вырезанные по методу **Инь**;
- разноцветные с золотом, *цзинь сэ цхай чжи*;
- с цветной подкладкой снизу, *чхэнь сэ*;
- с комбинацией цветов, *пхин сэ*;
- с нанесением цвета трафаретом, *тхао сэ*;
- с заполнением цветом, *тхень сэ*;
- ароматизированные (лавандой), *сюнь ень*;
- равномерно раскрашенные, *юнь хуй*;
- складные, *чжэ де*;
- оттиснутые с помощью деревянной доски, *му инь*, и другие.

Вырезки — это особый язык, которым мастерица рассказывает о свадьбах, праздниках, жертвоприношениях в храмах, о самобытной культуре китайского народа. В этом их ценность, особенно сейчас, когда старые обычаи постепенно вытесняются современным образом жизни.

Красота этих работ донесет до потомков их историю, прежнюю культуру. Пусть тонкие, прелестные работы мастериц с окон простых жилищ, с глинобитных стен перелетят в изящные квартиры современных жителей, пусть станут предметом коллекционирования. Они не могут устареть. Это роскошный подарок современным людям от далеких, далеких предков.

Как уже упоминалось, еще до вырезок из бумаги женщины из народа любили вырезать птиц, цветы и квадратики с прекрасными узорами из золотой или серебряной фольги, из цветной ткани, шелка и кожи, чтобы наклеивать их на виски в виде украшений, по существовавшей тогда моде.

И только позже вырезки из цветной бумаги превратились в атрибут праздника. Самые различные бумажные цветы, травы, животные и человеческие персонажи наклевались на окна в Новый год, и все они назывались «оконными цветами», *чхуан-хуа* (窗花). А те, что крепили на притолоку дверного проема, называли «дверными записками», *мэнь-цзень*.

В настоящее время, помимо праздничных, существуют сувенирные варианты, а также вырезки, которые используют при вышивке цветов в качестве трафарета.

Вырезки из бумаги связаны и с производством шелка, и с производством фарфора. После того, как китайцы научились изготавливать парчу, шелк оказался менее востребованным. И хотя его по-прежнему производили в больших количествах, он был слишком тонок и не очень практичен в качестве одежды.

Тогда китайцы стали производить более плотный шелк и наносить на него узоры, чтобы он стал более привлекательным для пошива одежды. Вот тут-то и пригодились вырезки, потому что с их помощью наносили узоры и красили методом «пресса».

Окраска ткани и нанесение рисунка с помощью трафарета, шаблона, особенно после открытия индиго, в период правления династии Мин, стали одним из видов национального народного искусства, которое еще больше стимулировало развитие вырезок из бумаги.

А что касается фарфора, то в период правления династии Сун его производство достигло небывалого расцвета. И тут тоже пригодилось искусство бумажных вырезок — их использовали при декорировании фарфоровых изделий твердой цветной глазурью. Особенно популярным украшением стали благожелательные иероглифы.

Все это способствовало возникновению целого класса мастеров, и они как бы разделились на два цеха. Первые трудились в сельских районах, где вырезки применяли согласно традициям и различным ритуалам. А другая часть мастеров-ремесленников занималась вырезкой только с эстетической целью.

У той и другой групп мастеров и методы стали разными. Первые использовали ножницы, а вторые — острый нож. Но оба метода приводили порой к неожиданностям, ведь то, что задумал мастер, следовало вырезать, а не нарисовать, т. е. так продумать идею, чтобы все линии оказались соединены — и птицы, и камни, и цветы, — иначе все отдельные фрагменты отвалятся, и произведение не будет смотреться цельной картиной.

В деревнях картинки-вырезки предназначались для наклеивания на окна, стены, двери и светильники. А в городах ремесленники создавали их в качестве подарков, жертвоприношений, орнаментов для подсвечников и курильниц, либо использовали их как шаблоны для украшения одежды, шляп, обуви, наволочек и сумок.

На севере Китая вырезки нередко приклеивали на шкафы, стоящие рядом с кроватью или *кханом* (отапливаемая лежанка), и они нередко иллюстрировали какие-то истории. Таким образом можно было «читать», лежа в постели.

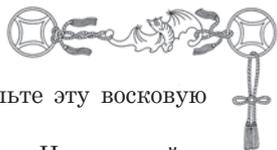
На севере вырезки из бумаги просты и полны энергии, они несут особую силу зрителям и по исполнению принадлежат к старой школе, в большей степени сохранившей древние традиции. А южные относятся к поздней школе, они более изящны, пышны, искусны.

Большинство деревенских вырезок — из ярко-красной бумаги, хотя на юге, например, в провинции Гуандун, могут встретиться из алюминиевой фольги, либо из бумаги других цветов. И поскольку большинство мастериц — деревенские женщины, то используют они темы из деревенской жизни, а также изображают героев пьес, опер и традиционных легенд. Немало среди вырезок и благопожелательных иероглифов, таких как *фу* — «счастье», *лу* — «карьера», *си* — «радость», *шоу* — долголетие и т. д.

Процесс создания маленьких шедевров состоит из таких этапов:

- подготовка исходного материала;
- нанесение рисунка;
- его вырезание;
- промежуточное приклеивание для предварительного просмотра;
- доведение готовой вырезки до совершенства.

Обычно рисунок вырезают маленькими ножницами. Но если вы хотите воспользоваться острым ножом, то понадобится основа из воска, которую надо подкладывать под бумагу, чтобы мягче резалось. Растопите немного воска и вылейте его на ровную поверхность,

чтобы он застыл и остался ровным. Затем посыпьте эту восковую плоскость тальком, чтобы бумага не прилипала.

Что касается бумаги, то есть много вариантов. Наилучший — специальная желтоватая прочная бумага, используемая для каллиграфии, так называемая *мао-бень* (毛边). Ее изготавливают из молодого бамбука, и подобная бумага очень хорошо окрашивается после того, как вырезка будет готова. Можно использовать и газетную бумагу.

Самый легкий способ для начала — вырезать бумагу, предварительно сложив ее, чтобы вырезанный узор повторился. Причем, чем больше сложенных слоев, тем более изумителен эффект. Я помню, в детстве мы с мамой и братиком таким образом вырезали «снежинки» для украшения комнаты под Новый год.

Другой способ — использование «отрицательных» (*Инь*) и «положительных» (*Ян*) линий. Сначала надо потренироваться вырезать линии *Ян* и *Инь* отдельно, чтобы приобрести навык, а затем уже творить, соединяя те и другие, чтобы получился удивительный результат.

Линия *Инь* означает, что с помощью ножниц или ножа мы вырезаем внешний контур предмета, а с помощью линии *Ян* изображаем предмет, оставляя пустой середину. Иголка также окажется лишней, если нужно проколоть бумагу по линии особенно тонкого внутреннего узора.

Чтобы раскрасить полученное изделие, мастера обычно смешивают краски не с водой, а со спиртом, чтобы увеличить их проникаемость. Тонкая бумага лучше впитывает краски. Кроме того, если бумагу слегка смочить, то будет достаточно и одной капли краски, которая распространится там, где это необходимо, и легко смешается с другими цветами.

Для начала неплохо иметь образец, хотя настоящие мастера, конечно же, творят «на пустом месте». Они могут делать до 50 вырезов одновременно, используя стопочку очень тонкой бумаги. Почему бы и вам не попытаться заняться таким видом искусства?

Нень-хуа — новогодний лубок

Одним из новогодних украшений является новогодний лубок *нень-хуа* (年画). Людям нравится вывешивать или наклеивать яркие картинки в гостиной или спальне, потому что они вносят особо праздничную атмосферу.

Это удивительный вид искусства, которого нет в других странах. Известен период в Китае, когда после победы демократической

революции в 1911 г. заморские картинки вытеснили лубок с его традиционными новогодними темами, зато появились новые. Производители, пытаясь выдержать конкуренцию, стали с помощью деревянных досок печатать сюжеты из любимых опер, литературных произведений, а также изображения любимых в народе героев — персонажей китайской истории. Так удалось сохранить и усовершенствовать этот замечательный элемент народной культуры.

Что это такое

Впервые о новогодних картинках я узнала из работ великого китаиста академика В.М. Алексеева. Он был собирателем народных картин, и я заразилась от него любовью к этому виду творчества. Покупала их все подряд, какие бы ни попадались, потому что они действительно наполняют радостью, оптимизмом, веселят глаз и представляют собой ребусы-благопожелания, которые так интересно разгадывать.

Это древнейшее народное искусство отражает обычаи и верования крестьян, а также их надежды на будущее. Новогодние картинки, как и парные надписи, и *мэнь-шэни* — охранители дверей, имеют один исток: персиковые талисманы *тхао-фу*, о которых рассказывалось выше.

Новогодние картинки с изображением богов дверей появились с возникновением искусства печатания с помощью деревянных досок. Чуть позже мастера уже не ограничивались производством картинок с фигурами Шэнь Тху и Юй Лэя, а стали вырезать на досках бога богатства Цхай-Шэня, подписывая «бог Богатства приглашается в дом», трех богов одновременно, подписывая «Три Звезды: Счастья, Карьеры и Долголетия» (三星: 福禄寿). Вырезались и другие сюжеты, выражающие добрые надежды на новый год.

Например, женщина с толстыми румяными детисшками любуется золотыми рыбками в аквариуме, и такой лубок называется *цзинь-юй* (金鱼), т. е. «Золотые рыбки». Слово «рыбки» читается так же, как «яшма», поэтому смысл картины — пожелание «полной комнаты золота и яшмы».

В свою очередь, согласно символике, «золото» — это «золотые сыновья», а «яшма» — «яшмовые дочери», значит, в картине заложено и пожелание иметь полный дом мальчиков и девочек.

Часто изображали и сейчас печатают на картинах Небесного чиновника в окружении множества символических предметов, желающего семье счастья. И здесь же рисовали *бай-фу* (百福), 100 иеро-

глифов «счастье». Но о новогоднем лубке, о символизме предметов подробно рассказано в книге «Жизнь среди символов».

После того, как новогодний лубок получил распространение в народе, в стране возникло три основных центра производства этих картин:

- *Тхао хуа-у*, недалеко от г. Сучжоу;
- *Ян-лю-цин*, недалеко от г. Тхеньцзинь;
- *Вэй-фан* в провинции Шаньдун.

Самые древние новогодние картины, сохранившиеся в Китае, изготовлены в эпоху Южная Сун. На них изображены **Ван Чжао-цзюнь** (王昭君), **Чжао Фэй-ень** (赵飞燕), **Бань Цзи** (班姬) и **Люй Чжу** (绿珠) — Зеленая Жемчужина — известные красавицы всех времен.

Ван Чжао-цзюнь — одна из четырех знаменитых красавиц с трагической судьбой, рассказ о ней — в книге «Красавицы древнего Китая».

Чжао Фэй-ень — Летящая Ласточка, одна из наложниц императора, великолепная певица и танцовщица. Она была настолько худенькой и легкой, что, казалось, способна танцевать на ладони, за что и получила свое необычное имя.

Бань Цзи (другое имя — Бань Цзюэ-юй) — придворная дама Бань, чрезвычайно талантливая в литературных трудах, взятая в гарем императором династии Хань. Она была оклеветана другой наложницей и удалена в дальние покои, где покончила с собой. Летящая Ласточка — именно та наложница, которая оклеветала Бань Цзи.

Зеленая Жемчужина известна как певичка в доме богача. Она покончила с собой, чтобы не достаться фавориту государя министру Сунь Сю. Этих женщин, живших в разные эпохи, собрали в памяти народной вместе, как «красавиц, повергающих царства».

Однако самым распространенным сюжетом является «Мышиная свадьба» (老鼠嫁女). На лубке изображают церемонию встречи мыши-новобрачной по тем же обычаям, что и у людей: присутствуют и свадебный красный паланкин, и мыши-носильщики, и мыши-музыканты, и мыши с флагами и фонарями... Все действующие лица жизнерадостны и оживлены.

Рассматривать такую новогоднюю картину интересно даже взрослым, а уж на детей она производит просто неизгладимое впечатление! У нас есть такой лубок двухметровой длины, позволяющий увидеть всю процессию. Дети, посетившие наш дом, очень любят рассматривать на нем все детали: и невесту, выглядывающую из-за шторы, и мышат, которых мамы держат за лапки...

В народе бытует поверье, что в новогоднюю ночь мыши справляют свои свадьбы, поэтому крестьяне оставляли немного пищи, зерна под кроватью в качестве свадебного подарка новобрачным. Тем самым они как бы просили Небо, чтобы следующий год стал богатым на все пять видов злаков.

Некоторые бабушки, укладывая внуков спать, до сих пор приговаривают: «Спрячь-ка скорее свои башмачки, а не то прибегут мыши, сделают из твоей туфельки свадебный паланкин!»

В первые годы демократической республики (после свержения императора в 1911 г.) в Шанхае впервые совместили выпуск календарей и новогодних картинок, и это стало новой формой *нень-хуа*. Постепенно появились большие настенные календари, настольные, перекидные и пр.

Они выпускаются и по сей день, и перед Новым годом для меня нет большей радости, чем поехать на оптовый рынок и закупить множество разных календарей ради ярких, жизнеутверждающих картинок на них.

У китайцев чрезвычайно распространен обычай взаимно дарить *нень-хуа*, либо настенные календари, в качестве поздравления с Новым годом.

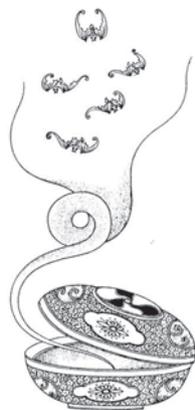
Еще один предновогодний обычай — наклеивать на двери, шкафы, стены большие и маленькие иероглифы *фу* (福) — «счастье». В некоторых семьях их специально переворачивают «вверх ногами». Ведь если сказать «*Фу* перевернулся», «*Фу* опрокинулся», это звучит так же, как «счастье пришло»: слова «опрокинуться» и «прибыть, прийти» — омонимы.

Водители такси тоже любят вешать в салоне красные пластмассовые ромбики с нарисованным иероглифом *фу* в перевернутом виде.

Неизвестно, когда впервые начали наклеивать иероглиф «счастье», но упоминание об этом обычае есть уже в исторических хрониках династии Сун. Наступление Нового года означало, что «повсюду — весна, в каждом доме — счастье», а само понятие «счастье» включало в себя и долголетие, и богатство, и знатность. В древних записях поясняется, что такое счастье:

- счастье — это богатство;
- счастье — это изобилие;
- счастье — это добро;
- счастье — это удача.

Поэтому, приклеивая на дверях жилища иероглиф *фу*, люди выражали надежду на то, что новый год станет хорошим, добрым для них.

Пять видов счастья

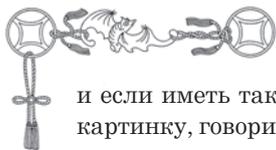
Иногда наклеивают и другие иероглифы. Например, два иероглифа ёу (有), «иметь», которые не только перевернуты, но и каждый является зеркальным отражением другого. Их называют «перевернутые ёу-ёу». Пишут их на красной бумаге и наклеивают на чемоданы, сундуки, корзины, а также емкости для хранения круп и муки. Смысл этого — пожелание, чтобы все эти емкости круглый год оставались наполненными.

Другой вариант благопожелательных иероглифов, которые тоже наклеивают во время празднования Нового года — соединенные вместе четыре иероглифа: «желтый» (黄), «металл» (金), «10 тысяч» (万), *лян* (两) — мера веса, что означает «десять тысяч *лян* золота». Наклеивают их на шкатулочки, ларчики и тоже — в перевернутом виде, что означает «10 тысяч *лян* золота прибыли».

Существует народная легенда «Лю Хай играет с золотой жабой». Этот герой якобы жил в период «Пяти династий» и вначале служил министром при дворе императора Ень Еня. Затем он стал отшельником-даосом, овладел знанием Дао и поэтому причислен к небожителям, бессмертным.

Обычно его изображают полным, с приветливым лицом, густой челкой, закрывающей лоб, и обязательно — с трехлапой жабой: либо он сидит верхом на ней, либо жаба сидит у его ног или даже на плече. В любом случае расстаться они не могут, потому что в руках Лю Хая — пояс с нанизанными на него монетами, и последняя монета всегда находится у жабы во рту, зажатая челюстями.

Некоторые считали, что Лю Хай — святой, приносящий счастье, другие полагали, что золотая жаба — волшебный атрибут Лю Хая,

и если иметь такую жабу, то придет богатство. Глядя на лубочную картинку, говорили: «Лю Хай играет с золотой жабой и вылавливает одну золотую монету за другой». Поэтому люди не только наклеивали картинки с этим божеством, но и вырезали его изображение из бумаги.

Безусловно, существует много вариантов сказаний о каждом из китайских богов. Мне более симпатична другая легенда, в которой Лю Хай предстает богом Монет, сопровождающим бога Богатства. Подробно о нем написано в книге «Монахи Срединной империи».

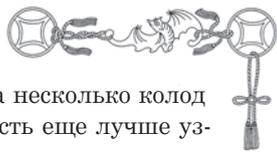
Лю Хар с трехлапой жабой

***

В семьях любили, сидя на теплом *кхане* зимним вечером, пересказывать содержание картинок, вспоминать и другие эпизоды известных произведений. Таким образом и распространялись среди народа знания о собственной культуре, литературе и истории, ведь мало кто умел читать книги.

К слову сказать, и сейчас далеко не каждый китаец имеет возможность и время читать классические древние романы, представляющие собой золотой фонд китайской культуры. Поэтому и прижилось обучение через предметы быта.

Например, игральные карты. Картежников можно увидеть везде — такое впечатление, что полстраны играет в карты, присев на корточки и используя в качестве стола расстеленную прямо на асфальте газету.

Даже я, никогда не игравшая в карты, купила несколько колод только потому, что каждая из них дает возможность еще лучше узнать культуру Китая. Люблю карты, посвященные определенным литературным произведениям. Вот, например, «Сон в красном тереме». На каждой карте изображен один из героев, а под картинкой — его характеристика в нескольких предложениях.

Так, о печальной девушке Линь Дай-юй (林黛玉) написано, что она уродилась умной, но высокомерной, надменной, с большими запросами. Она полюбила Бао Юя (宝玉), но соединиться они не могли. И когда Линь Дай-юй узнала, что тот женится на Бао Чхай (宝钗), ее хроническая болезнь обострилась, и она умерла от чахоточного кровотечения.

Так немногословно написано о каждом герое, в результате даже самый несведущий и никогда не читавший этот роман картежник будет вполне ориентироваться среди многочисленных героев, запомнит их имена.

Или еще одна колода, посвященная династиям и самым известным правителям Китая. Под каждым портретом императора или императрицы указаны годы правления, а также поясняется, чем этот человек прославился. Замечательный «ликбез»! Я бы с удовольствием купила что-то подобное и о наших царях.

О подобных лубках китайцы говорили: в одну ложку — два горшка: они и жилище украшают, и просветительскую функцию выполняют.

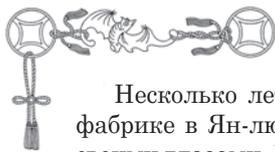
Новогодние картинки в Китае издавна производили повсеместно, а самые известные — в городах Тхеньцзинь и Сучжоу, в провинциях Шаньдун, Хэнань, Хэбэй, Шаньси, Сычжуань, Аньхой, Фуцзень, Гуандун, Хунань.

Но наиболее популярен лубок четырех знаменитых фабрик, три из которых упоминались выше, их так и называют: *сы да нень-хуа* (四大年画) — «четыре самых известных лубка»:

- местечко Ян-лю-цин (杨柳青), недалеко от города Тхеньцзинь;
- Тхао-хуа-у (桃花坞), под городом Сучжоу;
- Мень-чжу (绵竹) в провинции Сычжуань;
- деревенька Ян-цзя-бу (杨家埠) городского округа Вэй-фан (潍坊), что в провинции Шаньдун.

Округ Вэй-фан также известен, как родина воздушных змеев.

На мой вкус, в лубке из Ян-цзя-бу слишком много ядовито-розового и насыщенного фиолетового цветов. А зеленый, наоборот, слишком приглушенный, почти не встречающийся в природе. Во всех знаменитых лубках я вижу изъяны, и лишь к Ян-лю-цинскому имею болезненное пристрастие коллекционера.

Несколько лет назад осуществилась моя мечта — побывала на фабрике в Ян-лю-цин и весь процесс изготовления лубка увидела своими глазами. Конечно же, и картин накупила. Для продажи есть несколько видов: совсем дешевые, просто растиражированные (но это не значит, что они плохого качества, они тоже прекрасны!), чуть подороже, отпечатанные с досок (неспециалист не отличит первые от вторых), и очень дорогие, выполненные художником вручную, в единственном экземпляре.

От других Ян-лю-цинский лубок отличается «живыми» красками. В основном, это чистый красный, травянисто-зеленый, желтый и небесно-синий, приятный для глаза. Есть полутона, оттенки, и картинка воспринимается как живая: если это персик, то от него хочется откусить кусочек, если щечка ребенка, то ее хочется погладить.

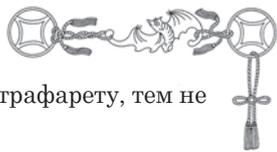
Этот лубок оказывает буквально терапевтическое воздействие, — глядя на него, всегда улыбаешься. И даже повторяющиеся сюжеты не надоедают. Есть в искусстве этих художников какой-то секрет! Я бы сравнила их работы с иллюстрациями к детским книгам Владимира Сутеева! Он кажется мне гением рисунка для детей, потому что даже взрослым хочется подолгу рассматривать детали его рисунков: траву, грибы, землянику...

Как это делается

На Ян-лю-цинскую фабрику мы попали в воскресенье, предварительно созвонившись. Нас ждали с самого утра. Ради нас рабочие пришли на фабрику в свой выходной день. А ведь это государственное предприятие, и зарплата у них совсем небольшая. Спасибо им всем за любовь и преданность своей профессии, за отзывчивость и готовность показать иностранным гостям свои мастерство и талант!

Впервые в Китае печатание картинок с досок возникло в период правления Тхан и Сун в провинции Аньхой, так что эта провинция — родина лубка. Процесс изготовления называется *му-бань шуй-инь хуа* (木版水印画) — «печатание картинок с помощью досок и туши». Есть и другое название: *лу-кхэ шуй-инь хуа* (鲁刻水印画) — «печатание картинок с помощью резных досок и туши», а в древности называли чуть иначе — *Лу Бань шуй инь* (鲁班水印), упоминая знаменитого столяра, покровителя плотников и строителей по имени Лу Бань.

Доски для печатания изготавливают из грушевого дерева — оно очень плотное, твердое, и на нем удобно выполнять резьбу. Мастера говорят, что требования к такой работе следующие: «у ножа должны быть «глаза», а суставы художника должны быть невероятно под-

вижными». Потому что хотя мастер и вырезает по трафарету, тем не менее, ему не обойтись без творческого подхода.

Специальные ножи для такой работы подразделяются на четыре вида:

- *ли дао* — острый нож;
- *цхай дао* — нож для «кройки»;
- *да дао* — нож для рубки;
- *ва дао* — нож для выдалбливания.

Традиционной резьбой считается способ, когда ножом пользуются как бы «наоборот», «вскрывая сердцевину», т. е. вырезают изнутри — наружу.

После того, как рисунок вырезан, на его выпуклые части с помощью толстой травяной кисти, какими раньше в селах на Украине белили стены, наносится краска и делаются отпечатки на специальной бумаге.

Первоначально картинки изготавливались одноцветными — *дань-сэ инь-шуа* (单色印刷), изображались на них, в основном, различные божества. Цветная печать появилась в конце эпохи Мин.

Раньше для каждого цвета готовилась своя доска: сколько цветов на рисунке, столько же вырезанных досок должно быть у мастера. Каждая позволяла наносить нужные оттенки. Чем больше цветов, тем больше досок.

Процесс цветной печати состоял из трех этапов в такой последовательности:

- копирование рисунка с помощью крючка;
- вырезание рисунка на доске;
- печать.

Копирование выполняли следующим образом. На изготовленную ранее доску с готовым рисунком накладывали прозрачную бумагу, и художник тушью обводил линии-бороздки только в тех местах, где будет один и тот же цвет. Затем бумагу с копией части рисунка приклеивали к чистой доске и вырезали элементы рисунка, следуя обведенным линиям — это уже второй этап. А этап печатания был последовательным: выпуклости каждой доски покрывали краской соответствующего цвета и делали оттиски с разных досок, пока не получалась цельная картина.

Способ *му-бань шуй-инь* применялся, в основном, при копировании картин, каллиграфии и других произведений искусства.

Большинство мастеров и раньше, и сейчас — простые крестьяне, мастера-самоучки. Их мысли, чувства, вкус сродни тем, что преобладают среди простых людей, поэтому их работы так нравятся всем китайцам.

Тематика новогодних картинок

Если попытаться объединить тематику новогоднего лубка, то получится примерно семь групп картинок:

- благопожелательные;
- бытовые сюжеты, отражение обычаев и традиций народа;
- мистические, посвященные небожителям;
- иллюстрации к романам, операм, легендам;
- изображения символических животных, птиц, цветов;
- исторические и сатирические сюжеты;
- обучающие и развлекательные картинки.

Как «расшифровывать» китайский лубок

1. Благопожелательные картинки

«Пусть подряд рождаются знатные сыновья, за добродетель будете вознаграждены внуками».

Этот лубок состоит из двух картинок, на каждой изображен пухлый ребенок, сидящий верхом на *ци-лине* (мифическое животное, приносящее детей). Присутствует лотос (омоним слова «подряд»), губной органчик *шэн* (омоним слова «рождаться»), цветок корицы (омофон слова «знатный»), аир тростниковый (один из иероглифов, обозначающих это растение — *сунь* — звучит так же, как слово «внук»). В этом и заключается расшифровка пожелания.

«Пусть ежегодно остаются излишки».

На лубке изображены лотосы и ребенок, обнимающий рыбу. Здесь тоже обыгрывается одинаковое звучание слов: «лотос» и «подряд, каждый год» — *лень* (莲 и 连); «рыба» и «излишки» — *юй* (鱼 и 余).

«Ци-линь приносит сыновей».

Лубок отображает мечту о хорошей жизни в будущем благодаря большому количеству сыновей.

«Сегодня будет двойная радость, сегодня придет пять видов счастья».

«Сорока» и «радость» звучат похоже — *си* (喜). Поэтому на картинке одна сорока держит в клюве иероглиф «двойная радость» (囍) — символ свадьбы, вторая сидит на руке у ребенка. На картинке (лубок парный) вокруг ребенка с матерью — пять летучих мышей, олицетворяющих пять видов счастья, потому что и «летучая мышь», и «счастье» звучат похоже: «фу» (蝠 и 福). Одна из мышей тоже держит иероглиф «двойная радость» — значит, скоро в доме

будет свадьба. Пять видов счастья — это долголетие, добродетель, знатность, здоровье и естественная смерть.

«Я получу богатство, и мы будем счастливы».

Две картинки, на обеих — мать с ребенком. В одном случае ребенок держит на блюде-подносе «денежного» дракончика (у которого чешуя — из старинных монет), в другом — яшмовую лошадку. У каждого животного на спине — драгоценная жемчужина. Из жемчужин вьется дымок, очертания которого напоминают летучих мышей — намек на счастье, *фу*. А внутри образовавшихся облаков — вазы, «собирающие богатство».

Дети сидят верхом на рыбах (намек на достаток, излишки — *юй*), а матери держат цветы: лотос (*лень*) — пожелание многочисленных сыновей и корицу *гуй* (桂 и 贵) — пожелание знатных сыновей.

Вместе рисунки расшифровываются так: «Яшмовая лошадь навьючена бесчисленной прибылью, денежный дракон заманит в дом богатство со всех четырех сторон света».

Ваза, приносящая богатство

«Олень и журавль вместе радуются весне».

Тоже две картинки. На них представлены небесные феи с корзинами, в которых — символические растения: корица (*гуй*) — знатность, трава аир тростниковый, *сунь* (孙) — внуки, грибы *линчжи* — долголетие.

Вокруг летучие мыши — счастье (*фу*), а два ребенка держат гранат, у которого снято немного кожуры, чтобы были видны зерна — пожелание многочисленных сыновей, *цзы* (子), и персик — по-

желание долголетия. Оба плода преувеличенно велики, дети едва удерживают их на спине — это желание подчеркнуть большое количество лет и сыновей.

Рядом изображены олень, *лю* (鹿), и журавль, *хэ* (鶴), которые намекают на совсем другие слова: *лю* — «шесть» и *хэ* (合) — «единство». А что такое «шесть единств»? Существует, как минимум, три варианта, поясняющих это выражение.

Первый вариант. Восток, запад, юг, север, Небо и Земля — вот «единство шести», или *лю-хэ*.

Второй вариант. Если вспомнить лунный календарь, то мы увидим, что в нем два месяца *мэн*, весенний и осенний — *мэн-чхунь* и *мэн-цю*; это первое единство. Кроме того, два месяца *чжун*, весенний и осенний — *чжун-чхунь* и *чжун-цю*; это второе единство. Есть еще два месяца *цзи* — *цзи-чхунь* и *цзи-цю*, это третье единство. Есть летний и зимний *мэн* — *мэн-ся* и *мэн-дун*, а также летний и зимний *чжун*, летний и зимний *цзи* — всего шесть единств.

Третий вариант. В старые времена китайцы пользовались мистическим «желтым» календарем, или *хуан-ли*, с которым сверялись, прежде чем приступить к какому-нибудь важному делу, выбирая благоприятный день; при этом фаза луны должна была сочетаться с периодом солнца.

Так, знак *цзы* сочетается с *чхоу*, потому что *цзы* принадлежит к *Ян* — солнечному, мужскому началу, а *чхоу* — к *Инь*, мрачному, женскому. Знак *инь* сочетается с *хай* (*Ян* и *Инь*), *мао* сочетается с *суй*, *чхэнь* сочетается с *ёу*, *сы* сочетается с *шэнь*, *у* сочетается с *вэй*. Итого — шесть даоских сочетаний, шесть единств, которым в Китае всегда придавали большое значение.

Олени и журавли

«Радостная весть о трех юанях».

На лубке изображены мальчики с игрушками. Это какие-то деревянные тележечки — прообраз машинок — с флагами и воинами. У одного в руке еще и драгоценная жемчужина *бао* (寶), и это намек на слово *бао* (報) — «сообщение, вести», а у другого на пальце сидит сорока (*си*) — намек на радость. Значит, вместе это можно расшифровать, как «радостная весть».

А что же это за весть, что значит «три юаня»? В старом Китае экзамены на чиновничью должность сдавали в три этапа, и каждый территориально — в разных местах. От результатов зависело, какого ранга должность сможет получить претендент. Вначале следовало сдать экзамены в своем уезде. Выдержавший его назывался *цзе-юань*, и он мог получить должность на уровне уезда. Желавшие продвинуться дальше ехали в провинциальный центр и там сдавали следующий экзамен, *хуй-ши*. Написавший работу лучше всех назывался *хуй-юань*. А самые тщеславные направлялись в столицу и пытались сдать экзамены в императорском дворце, *день-ши*. Первый по успехам назывался *чжуан-юань*.

Это и есть «три юаня», а слово *юань* (元) переводится «первый». Что касается лубка, то в нем заложено пожелание родителям, чтобы их сыновья, когда вырастут, стали первыми во всех трех испытаниях.

«Пять сыновей отнимают друг у друга шапку».

На лубке — пять юношей разного возраста. Самый старший и высокий поднял руку с шапкой, а те, что пониже, пытаются ее отнять. Но шапка не какая-нибудь, а чиновничья, называется *кхуй* (盔). Предыстория картинка такая. В период правления Поздней Чжоу прославился среди чиновников необыкновенно талантливый человек Доу Юй. Порядки в его семье были очень строгие, сыновей он воспитывал по собственной особой системе. В результате все его дети по очереди получили ученую степень *цзинь-ши*, т. е. все успешно сдали столичные экзамены.

Впоследствии люди назвали такую удачную судьбу у *цзы дэн-кхэ* (五子登科), «Пять сыновей взобрались на вершину науки». А фраза в названии лубка «отнимают шапку» намекает на 1-е место при сдаче государственных экзаменов *кхэ-цзюй*, потому что иероглиф *кхуй* («шапка чиновника») звучит так же, как «главный», «первенство» (魁). Тогда и подпись *до-кхуй* может иметь значение «бороться за первенство» (五子夺魁).

Вместо юношей иногда изображают забавных детей, пытающихся отнять друг у друга лotosовые семенные коробочки, однако намек такого рисунка — все тот же.

Пять сыновей

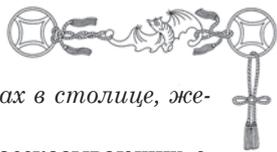
«Брат вернется к брату, даже если младший находится за 10 тысяч ли от старшего».

Тоже парный лубок, но картинки размещаются вертикально. На верхнем — иллюстрация к известному народному сказанию о Ткачихе и Пастухе, изображающая встречу любящих супругов и их детей на небесной реке — Млечном пути. Художник хотел показать, что даже насильно разлученные любящие люди смогут встретиться, если захотят.

Внизу изображены небесные «двойники», братья Ши Дэй и Хань Шань, которых в народе прозвали Хэ-Хэ *эр-сень*. Это реально жившие в эпоху Тхан юноши, которые были так дружны, так заботились друг о друге, что их прозвали Хэ — «мир» и Хэ — «единство». Образы братьев напоминают, что люди должны жить в мире и согласии между собой.

На картинке в руках у братьев — цветы корицы, *гуй*, — «знатность», а также листья гладиолуса, *тхан*, которыми они кормят золотых рыбок в аквариуме (*юй* — и «рыба», и «достаток»). И, конечно же, присутствует орнамент в виде летучих мышей, *фу* — «счастье».

«Сыновья, получившие высшие баллы на экзаменах в столице, желают отцу долголетия».

Лубок большой, состоит из шести сюжетов, рассказывающих о жизни нескольких поколений одной семьи. Здесь и домашний учитель, проверяющий сочинение, и шестеро внуков, которые прилежно занимаются, сидя за письменными столами.

А в воротах двора — старый отец, принимающий радостную весть от гонца на лошади о том, что сын лучше всех сдал экзамены в столице и получил звание *чжуан-юань*. Успешно сдал экзамен и другой сын, которого все в доме поздравляют, а он, в свою очередь, кланяется отцу, желая ему долгих лет.

К этой же группе можно отнести и такие известные лубки, как «Богатство и достаток могут прийти по любой из пяти дорог», «Богатейте год от года!» и другие. Все они выражают стремление к лучшей жизни.

Допускается, что мастер, выполняя рисунок какого-либо классического персонажа, может смело воспользоваться своей фантазией, преувеличив отдельные детали или слегка изменив облик, форму. В результате у сказочного героя вполне может оказаться лицо знакомого вам человека, или художник нарисует его характерную одежду, украшения, а значит, персонаж получится своеобразный, с собственным характером.

II. Бытовые сюжеты, отражение обычаев и традиций народа

Сюжеты таких картинок, как правило, незамысловаты и не требуют особого толкования. Вместе с тем, они правдивы и по содержанию, и во всех деталях, а потому являются бесценными иллюстрациями классического старинного быта, труда и отдыха китайцев. К ним можно отнести следующие:

- «Десять хлопот мужчины-крестьянина»;
  - «Десять видов работы крестьянки»;
  - «Весенний бык»;
  - «Новогодний праздник»;
  - «Соревнования на лодках-драконах в праздник Дуань-у цзе»
- и др.

III. Мистические картинки, посвященные небожителям

«Святой Чжан стреляет в собаку».

В эпоху Сун люди верили, что есть некий небожитель Чжан, который может дарить людям сыновей и внуков, если ему как следует

молиться. Изображают его в окружении детей. Считается, что стоит Чжану натянуть тетиву и выстрелить в небесную собачку, которую рисуют с крылышками, как в семье появляется сын или внук.

«Небожители-герои, охранники жилья».

Прежде считалось, что в человеке может жить оборотень, — лисица или хорек, которые и людей делают «нечистым». Если рядом с окном приклеить такой лубок, то можно избежать подобного несчастья.

Кто же эти герои-небожители? Оказывается, — орлы, потому что и «орел», и «герой» произносятся одинаково — *ин* (鷹 и 英). Поэтому на лубке изображен огромный орел, наступивший лапой на человека, в котором поселился оборотень. При этом орел раза в два больше человека. А из головы страдальца вылетает желтый хорек, и птица склевывает его, освобождая больного от беды.

К этой группе можно отнести и такие известные лубки, как:

- «Охранники дверей»;
- «Цзао-ван, бог очага»;
- «Цхай-шэнь, бог богатства»;
- «Бодхисатва Гуань-инь»;
- «Священные тигры, охранники жилища» и другие.

Бог богатства

IV. Иллюстрации к романам, операм, легендам

Авторы таких лубков изображали конкретные сцены из любимых в народе произведений, таких как «Троецарствие», «Речные заводы», «Сказание о Белой змейке», «Западный флигель» и подписывали под ними пояснения, например: «Сюй Сень прогуливается по озеру», «Возвращение в Сучжоу» и т. д.

V. Изображения символических животных, птиц, цветов

С одной стороны, художники выбирали для своих сюжетов все то, что особенно любят китайцы, чем у них принято любоваться. С другой стороны, все эти цветы, птицы и животные являются определенными символами, поэтому такие лубки тоже можно назвать благожелательными. Несколько примеров.

Мало того, что на этом лубке и котята, и бабочки смотрят эстетично, вдобавок слова «кошка» и «бабочка» — *мао* (猫) и *де* (蝶) — являются омонимами других слов, которые имеют значение «преклонный возраст». *Мао* (耄) — от 80 до 90 лет, *де* (耄) — от 70 до 80 лет. Сочетание кошки и бабочки является намеком на долгую жизнь супругов — до глубокой старости.

Рядом изображен огромный пышный пион, который в символике имеет такое значение: «хотя человек уже далеко не молод, однако у него по-прежнему хорошее здоровье». Веточка корицы — пожелание знатности, рыбка — достатка в семье. Подобный лубок принято дарить пожилым людям на день рождения, либо — на свадьбу.

«Открыть свой магазин и иметь большую прибыль».

На лубке — два больших петуха, которые, похоже, громко горлают. «Петух», *цзи* (鸡), звучит так же, как «удача», *цзи* (吉). Между птицами — плоская ваза в виде персика, о которой говорят, что она «собирает богатство» (вечером положишь в нее жемчужину — утром она будет полна жемчуга; с вечера положишь туда слиток золота — к утру она наполнится такими же). А в вазе стоит пышный цветок пиона с двумя бутонами.

Если человек открывает лавку или магазин, это называется *кхай-ши* (开市). Подобный лубок — пожелание успехов начинающему торговцу.

«Запечаттай и повесь (прикрепи) свою печать».

На картинке нарисовано дерево, под ним — обезьяна с прутиком в окружении пчел. Она пытается достать мед из пчелиных гнезд, висящих на стволе. Дословный перевод первых двух иероглифов в подписи к рисунку такой: «После того, как запечатаешь». «После того», хоу (后), звучит так же, как «обезьяна» (猴), а «запечатать», фэн (封) — омоним слова «пчела» (蜂). Пчелиное гнездо с запечатанными сотами изображено в виде свисающей чиновничьей печати. А в целом картинка означает пожелание повышения по службе — стать важным чиновником, имеющим свою печать и право скреплять ею документы.

«Три барана приносят мир и спокойствие».

На лубке — три барана, вдали — горы. «Баран» по-китайски ян (羊), но точно так же звучит и слово «солнце» (阳). Поэтому на слух «три барана» можно понять и как «три солнца». Иероглиф тхай (太), обозначающий знаменитую гору Тхай-шань, имеет и другое значение: «мир, спокойствие». Значит, всю фразу можно на слух перевести и так: «Показались три барана, и наступили мир и спокойствие».

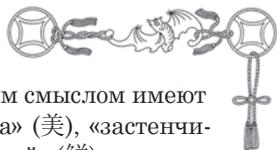
В Китае часто встречаются рисунки с изображением этих животных — *Сань ян кхай тхай* — «Три барана приносят мир и спокойствие», *Цзю ян сяо хань* — «Девять баранов прогнали холода» и другие. О них стоит рассказать подробнее.

В «Книге перемен» 1-й месяц года чжэн представлен знаком тхай в Восьми Триграммах. Этот знак символизирует переход малого в большое, и характеризуется как благоприятный, ровный, спокойный. Он показывает также, что когда минуют три **Ян**, пройдет зима и наступит весна, потому что **Инь** сжимается и сморщивается, а **Ян** расширяется, и это очень благоприятный период.

Китайцы говорят: «Три **Ян** приносят блаженство», или «Три **Ян** встречают мир и спокойствие», и эти слова являются благой вестью о приходе весны.

Начиная со времен правления Тхан и Сун тема «трех **Ян**, приносящих блаженство», стала использоваться художниками очень широко. При этом вместо символа **Ян** (阳) рисовали баранов, поскольку слова эти звучат абсолютно одинаково. Но не только поэтому. Слово ян (羊), «баран», еще похоже по звучанию на сян (祥), «счастливое предзнаменование», да еще и «фонетик» (правая часть) в этом иероглифе тот же — «баран».

В древнем китайском языке иероглиф ян, «баран», имел другое значение — «счастливое предзнаменование». По представлениям древних китайцев, баран — кроткое существо, миролюбивое и до-

брое. Поэтому многие иероглифы с положительным смыслом имеют в своем составе ключ «баран», например: «красота» (美), «застенчивость» (羞), «робость» (羞), «поле», «нива» (垌), «свежий» (鲜) и т. д.

Значит, новогодний лубок с изображением «трех баранов» означает добрые надежды людей на новый год и заменяет фразу «Три барана *ян* приносят блаженство».

Императоры последней династии Цин очень любили эту фразу, этот символ. Так, император Цзя Цин во время церемонии празднования своего 1-го дня 1-го года на престоле сделал такую запись: «Три барана приносят спокойствие, все выглядит обновленным и свежим, согласие рождает благоденствие и обещает богатый год».

Начиная с периода правления Хань у китайцев сформировался обычай отсчитывать по девять дней, начиная с 1-го дня после зимнего солнцестояния. И они заметили, что весна наступает после того, как минует девять раз по девять дней.

«Девять» — самое большое число **Ян**, поэтому «девять раз по девять» по-другому называется еще «девять **Ян**».

С развитием живописи художники стали использовать и эту тему для своих рисунков. Символом девяти **Ян** опять же стали бараны. Их изображали на фоне неба с облаками, деревьев, травы и воды. В центре картины помещали девять баранов и трех детишек. В подписи к картине «*Цзю ян сяо хань*», или «Девять баранов прогнали холода», выражалась надежда людей на улучшение их жизни после тяжелой зимы. Вариантов этой картины существует огромное множество.

Маленький комментарий: по-китайски иероглифом 羊 обозначают и козу, и барана.

Летучья мышь с пионами

VI. Исторические и сатирические сюжеты

После «опиумной войны» в Китае поднялась волна антиимпериалистического, патриотического движения. В этот период создатели новогоднего лубка стали обращаться к темам патриотического содржания, а также к сатирическим сюжетам.

«Императрица Цзы Си убегает в Чхан-ань».

На лубочной картинке изображена императрица на маленьком лохматом ослике. За ней бежит, пытаясь догнать, император Гуан Сюй, ее племянник. Поскольку они убежали из дворца, не захватив ничего съестного, император вынужден украсть где-то у крестьян початок кукурузы, и он виден из-за пазухи. Под картинкой подпись: «Объединенная армия восьми государств разрушила Пекин. Императрица, перепуганная до смерти, убежала, прихватив племянника-императора. Три дня добирались они до города Чхан-ань».

«10 раз недовольный», или «Вечно недовольный».

Это сатира на алчного человека. Изображен мужчина, у которого есть еда, но нет хорошей одежды. Появилась одежда — так ему захотелось иметь свой дом. Заимел дом — опять недоволен: нет жены. Женится — тоже плохо: нет детей.

Родились дети, а он опять неудовлетворен — хочется ему иметь лошадь, чтобы ездить верхом и отличаться от бедняков. Появилась лошадь — опять не так: мечтает стать чиновником. Но и став чиновником, не успокоился — уже метит в министры.

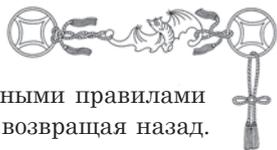
Стал министром, но и такая участь показалась ему жалкой — возмечтал о троне императора. Стал императором, — гордыня его не успокоилась. Почему бы не стать на один уровень с богами, чтобы запросто играть в шахматы с небожителями в заоблачной высоте? Сыграл с ними партию в шахматы — и уже стал мечтать о том, чтобы породниться с самим верховным божеством — Яшмовым императором.

В конце концов Яшмовый император до того разгневался на вечно недовольного, что назвал его ненасытной змеей, возжелавшей проглотить слона. До чего же порой алчно человеческое сердце! И верховное божество превратило жизненную энергию недовольного в ветер, а его тело — в глину.

VII. Обучающие и развлекательные картинки

«Фениксовые» шахматы с 12 знаками зодиака».

Это развлекательный лубок, который представлял собой игру. Лубок исполнялся в виде квадрата, разделенного на клетки. На нем были линии — дорожки от внешнего края к центру, а также

«препятствия». Игроки в соответствии с оговоренными правилами переставляли фигуры, продвигая их вперед или возвращая назад. Выигрывал тот, кто первым добирался до конечного пункта.

«Четыре стиля каллиграфии, тысяча иероглифов» — пособие для изучающих различные стили написания иероглифов.

«Зарифмованные названия различных предметов и товаров» — пособие для начинающих малолетних разносчиков мелких товаров.

К этой же тематической группе можно отнести такие лубки, как «Географическая карта Китая» и «Туристическая карта гор Тхайшань», названия которых говорят сами за себя, а также многие другие.

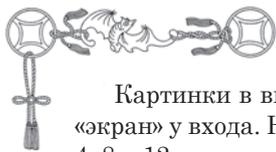
Чтобы информация о новогоднем лубке была более полной, стоит добавить последнее. Лубок различен не только по содержанию, тематике, но и по форме. Он может предназначаться конкретно для комнаты, для верхней части двери, для внутреннего дворика, для изголовья *кхана* — отапливаемой горячим дымом лежанки и т. д.

Например, рисунки для дверей бывают очень большими (*дин хао*), просто большими (*да хао*) и маленькими (*сяо хао*). Ворота и двери считаются «горлом» двора и дома, и картинки для них должны быть прямоугольными, удлиненной формы, вертикальными, чтобы удобнее наклеивать на створки.

Бывают лубки, которые крепятся на ворота, выходящие на улицу, бывают — для дверей дома, для женской комнаты, для комнаты новобрачных и даже для дверей загона со свиньями.

Еще есть очень интересная разновидность: «лубок, окружающий *кхан*. На севере Китая *кхан* занимал большую часть спальни, т. к. на этом возвышении не только спали, но и, сложив в сторону постельное белье, ели и отдыхали. *Кхан* с трех сторон примыкал к стенам, и на них вывешивали немало различных лубков. Это были, в основном, горизонтальные; реже — вертикальные картинки. Например, *яо цень шу* (摇钱树) — «денежное дерево», или квадратные, в виде почтовой бумаги, основной темой которых являются *пхан-вава* (胖娃娃), т. е. толстенькие младенцы.

Были и лубки в виде квадратиков с бахромой — их использовали в качестве абажуров для ламп. Даже лубочные картинки для окон встречаются нескольких видов: для верхней части окна, для боковых частей, а также картинки под названием «свет луны», которые парно, симметрично приклеивали на стены справа и слева от окна.

Картинки в виде ромбиков следовало наклеивать на защитный «экран» у входа. Комплекты из вертикальных полосок, состоящие из 4, 8 и 12 картинок, чаще всего, прикрепляли на створки ширмы. Существовал и другой вариант: лубки с надписями, предназначенные для больших телег или загона для коров.

Удивительны совсем маленькие картинки, которые наклеивали на веера и лампы. Так что китайский новогодний лубок — это целый мир, и можно понять коллекционеров, «заболевших» собирательством этих необычных предметов.

Тому, кто не посетал Китай, эти подробности покажутся скучными. Но тем, кто сможет приехать в Поднебесную, советуем разыскать и насладиться великолепием этого неповторимого вида искусства.

«Мышинная свадьба»

Это один из наиболее распространенных сюжетов новогодних лубков, поэтому предлагаем любимую китайцами сказку, которую можно прочесть и детям.

«Цзи-ли-ла, цзи-ли-ла», — заливаются дудочки, звучат гонги, горят на солнце алые фонарики с золотыми иероглифами «двойная радость». А в красном паланкине, украшенном цветами, несут невесту. Чью же это дочь выдают замуж?

Оказывается, свадьба в мышиной семье. А кто жених? Любопытные протиснулись сквозь толпу зевак и спрашивают у счастливой матери, тетюшки Мыши:

— В чей дом вы отдаете дочь? Много ли едоков в этой семье, и какой властью они обладают? Много ли у них богатства?

Но тетюшка Мышь качает головой:

— Не знаю, это меня не касается. Такими серьезными делами в доме занимается лишь мой супруг. А и правда, кто же жених? Пойду, спрошу у мужа.

Она на своих тоненьких ножках подбежала к толстому Мышаку и, перекрывая пронзительные звуки дудочки-соны, спросила:

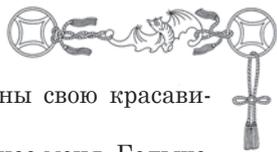
— А кто же будет зятем? В чей дом попадет моя доченька, и будет ли она там счастлива? Надеюсь, ты подыскал ей хорошую семью, хорошего жениха?

Толстый папа Мышак высокомерно и очень туманно ответил:

— Я выдам ее замуж за самого важного жениха!

— Правильно! — расцвела в улыбке тетюшка Мышь. — Только кто же самый важный? Надо посоветоваться с Солнцем, потому что мы живем под землей и выше пола ничего не видим. А Солнце выше всех, оно все замечает, все про всех знает...

— А может, Солнце и есть самый важный жених? — предположил Мышак.

Но когда он хотел предложить Солнцу в жены свою красавицу-дочь, дневное светило ответило:

— Что вы, что вы... Черное облако гораздо важнее меня. Больше всего я боюсь его, потому что оно в любой момент может закрыть меня.

Отец-мышак побежал к Облаку, чтобы выдать за него свою дочь, раз оно сильнее и важнее Солнца, да и живет тоже очень высоко. А ведь всем известно: кто выше сидит, тот и важнее, и сильнее прочих.

Но и Облако отказалось:

— Если уж ты ищешь важного жениха, то нет никого важнее Ветра; он ужасно сильный, и я его боюсь: стоит ему налететь, как от меня только клочки и останутся.

Задумался Мышак: «А ведь Облако правду говорит. Ветер не только высоко летает, но и в любое время может оказаться там, где пожелает. Пойду-ка, пожалуй, к нему».

Ветер, выслушав Мышака, ответил:

— Я, конечно, сильный, особенно когда рассержусь. Но есть и посильнее меня. Я очень боюсь высоких стен, которые со всех сторон окружают и двор, и дом. С какой бы скоростью я ни летел, а наткнувшись на толстую стену, спотыкаюсь и не могу больше сделать и шагу.

Стал ругать себя Мышак за несообразительность: «И зачем я так долго и далеко ходил то к одному, то к другому... Ведь самый важный жених — это забор рядом с нашим домом. И как я сразу не догадался? И высоко вознесся, и стойкий, дочь наша будет за ним, как за каменной стеной!»

Мышиная свадьба

Вернулся толстый Мышак домой и, еле передвигая ноги от усталости, подошел к каменному Забору:

— Уважаемый сосед! Вы — самый важный жених в Поднебесной! Хочу породниться с Вами, предложив свою дочь-красавицу вам в жены. Уже и свадебный паланкин приготовлен, и музыканты наняты, и гости собрались. Прикажите принести невесту к вам в дом!

Но каменный Забор, окружавший усадьбу, почему-то страшно испугался:

— Что Вы, уважаемый Мышак, спасибо за честь, но я не достоин быть Вашим зятем. Больше всего на свете я боюсь мышей! Они хоть и маленькие, но способны рыть норы; они могут подточить основание любой, даже самой высокой и прочной стены, и тогда она рухнет. Я думаю, самого важного жениха для своей дочери Вы найдете среди мышей.

«О, Небо, что же мне делать? — подумал в отчаянии Мышак, — весь свет обошел, а жениха не нашел! Уже и дочка плачет, потому что все зеваки над ней смеются: весь день просидела в паланкине, вся разряженная, а ее никуда не несут... Но как же я могу выбрать ей мужа среди мышей, ведь и мы, мыши, боимся... кого? Ну, конечно же, и о чем только я думал раньше! Нет никого важнее Кота! Того самого, огромного, рыжего, что живет в хозяйском доме. Побегу скорее, пока не стемнело, еще успеем и свадьбу сыграть!»

Огромный Кот лежал на травке, прикрыв глаза. Но вот один зеленый узкий глаз приоткрылся, и Кот заметил Мышака, спешившего к нему. Это несказанно удивило рыжего, и он, было, выпустил когти, надеясь плотно поужинать, как вдруг Мышак, поклонившись, обратился к нему с почтением:

— Уважаемый Кот! Мы столько лет враждовали, что и не знаю, смею ли я обратиться к Вам, любезный сосед. Но наша дочь выросла, и по красоте ей нет равных: глазки-бусинки блестят, как чистая вода, голосок тоненький и нежный, шерстка — как серый шелк, а хвостик длинный и тоненький, как брови у хозяйки этого дома.

Кот нетерпеливо перебил:

— Да, очень хороша! Я видел ее несколько дней назад у дверей сарая. Хотел рассмотреть поближе, но она застеснялась и убежала. Такая резвая!

— Как я рад, как рад, что моя недостойная дочь Вам понравилась! — воскликнул Мышак. — Мы посоветовались с женой и решили, что лучшего жениха для нее, чем Вы, нам не найти. Вы самый важный жених!

Кот встал на лапы, и хвост его задрожал от радостного предвкушения:

— Если Вы считаете, что мы с ней пара, — я с удовольствием же-
нюсь! Сегодня же!

Мышак сложил лапки и поклонился:

— Я о таком счастье и мечтать не смел! Ведь Вы сильнее самого
Солнца! Солнце боится Черного облака, Облако боится Ветра, Ветер
боится Стен, те боятся Мышей, а мы боимся Вас! А если породним-
ся — так и вражде конец!

«Цзи-ли-ла, цзи-ли-ла!» — опять заиграли музыканты, зазвучали гонги. Дочь-мышка, счастливая, сидит в свадебном паланкине, а слуги несут ее в дом Кота...

На следующий день тетушка Мышь говорит супругу:

— Давай сходим к новой родне, проведем дочь.

Нарядились, прихватили подарки и посемили по дорожке...

Довольный Кот сидит перед домом, умывается лапкой.

— А где же дочь наша, красавица-мышка? — спрашивают родители.

— Не зовите ее и не кричите! — отвечает зять. — Я боялся, что
грубая Хозяйка обидит мою молодую жену — ведь она такая ма-
ленькая и слабая... И я решил спрятать ее — проглотил еще вчера.
Иначе я не смог бы защитить ее, потому что люди сильнее меня.
Они — самые важные в Поднебесной!

VIII. Зимние календари

Упомянув в одном из разделов понятие «девять девяток», нельзя
не рассказать об оригинальных зимних календарях, которые также
можно считать разновидностью новогоднего лубка.

Известно, как в древности томились от безделья феодалы, кня-
зья и другие имущие сословия, а уж как скучали на женской поло-
вине, — и говорить нечего. Особенно они изнывали от скуки зимой,
когда развлечений становилось совсем мало. И вот народные му-
дрецы придумали забаву, которая особенно понравилась женщи-
нам. Поскольку все знали, что зима длится 81 день, то, начиная с
1-го дня зимы, заполняли ежедневно своеобразный календарь. Он
напоминает «дембельский», когда каждое зачеркнутое число словно
приближает солдата к возвращению домой.

Подобные календари существовали трех видов.

Первый вариант — картинка, которая называлась *сяо хань тху* (消寒图), т. е. «картина постепенного исчезновения холодов» (еще два названия — *цзю-цзю сяо-хань тху* (九九消寒图), «девять раз по девять — постепенное исчезновение холодов», и *цзю-цзю сяо-хань бяо* (九九消寒表) — «таблица исчезновения холодов»).

Вот один из них, понятный, в первую очередь, тем, кто знаком
с китайской письменностью. Представьте таблицу, расчерченную

на девять квадратов, и в каждом из них — иероглиф. Вместе они составляют фразу: «У дома поникла ива, с нетерпением ожидая желанного весеннего ветерка», — примерно так можно ее перевести. Написаны иероглифы «двойным крючком», т. е. каждая линия и черта имела параллельную себе, и если пространство между ними заполнить тушью, то получался жирный шрифт. Своеобразные прописи. Интересно, что каждый из девяти иероглифов состоял из девяти черт.

Начиная с 1-го дня зимы люди ежедневно заполняли тушью по одной черте. Например, 1-й справа иероглиф *тхин* (亭), «дом». В первый день заполняли тушью верхнюю точку, во второй — делали «жирной» горизонтальную черту и т. д.

Постепенно обведен весь иероглиф — значит, прошло девять дней. «Раскрасил» тушью следующий — еще девять дней миновало! «Дописал» до конца печальную фразу — тут и весна пришла.

Второй вариант зимнего календаря — для тех, кто не умел писать, и назывался он «раскрась цветы сливы». Тут присутствовал еще и символ — ведь слива распускает свои прекрасные цветы самой первой, когда, бывает, еще снег лежит на ее веточках. За это ее так любят китайцы — она, несмотря на остатки холода, первой чувствует наступление весны.

На календаре нарисована веточка сливового дерева с бесцветными лепестками, и ежедневно надо было покрывать алым цветом один из них. Тогда через 81 день вместо бесцветных лепестков на картинке уже полыхала красными цветами роскошная ветка — значит, пришла весна!

Зимний календарь

Третий вариант назывался «Заполни кружочки». Календарь-картинка разделен на девять клеток, в каждой — по девять кружочков, т. е. всего — 81. Каждый выполнен в виде старой монеты с квадратным отверстием в центре. (Круг монеты — символ Неба, квадрат — символ Земли). Надо ежедневно заполнять один кружочек, в зависимости от погоды: закрашивали верхнюю часть монеты — если пасмурно, нижнюю — когда ясно; левую — при тумане, правую — когда ветрено, в центре — если выпал снег.

В другом варианте мы встречали иные обозначения: слева — если ветер, справа — дождь, и т. д. Тушью зарисовывалась половина кружочка (верхняя, боковая либо нижняя). А снегопад отмечался жирной точкой в центре. Если бесцветных монет не осталось — значит, на дворе весна.

По этому случаю существовала даже песенка:

Если пасмурно и хмуро,
Ставим «капельку» внизу;
Если ясно и светло,
Отмечаем круг вверху;
Справа — дождь, а слева — ветер,
Снег — мы в центре круг пометим...

Если тушью постепенно
Все заполним клетки мы,
Значит, судя по бумаге,
Пролетели дни зимы.
И бумага в том права —
Во дворе весну встречает
Изумрудная трава.

Заполняя такие календари, люди не только развлекались, но и наблюдали за течением времени, изменениями в погоде и природе.

На тему «девяти девяток, разгоняющих холода», в народе придумано немало песенок, рассказывающих, что именно происходит в природе и в жизни людей в каждую из «девяток». Такие «частушки» были широко распространены и на севере, и на юге Китая уже в эпохи Тхан и Сун. Слова в них хоть и простые, но довольно забавные. Например, в одной из них пелось: «В период восьмой девятки, на 72-й день, и собаки, и свиньи ищут самочку, да и ты — тоже».

Угощение

Пока мужчины меняли прошлогодние наклейки на новые, женщины трудились в поте лица на кухне. И хотя основные новогодние блюда готовились заранее, оставалось еще накрыть стол, а также

состряпать горячие закуски и особые кушанья, которые варятся именно 30-го числа.

Например, на севере Китая 30-го числа лепили пельмени, которые предстояло есть 1-го. Отовсюду раздавался стук ножей по разделочным доскам. Тук-тук-тук — рубили мясо, резали овощи, т. к. в начинку для пельменей китайцы непременно кладут немало овощей.

Предновогодняя ночь — это симфония ярких звуков: взрываются петарды, стучат ножи на кухнях и косточки на счетах в лавочках, разговаривают и смеются люди...

В старом Китае далеко не каждый мог встретить Новый год по всем правилам. Нередко встречались и такие, кому нужда не позволяла к празднику ни обновку купить, ни угощение приготовить.

Женщины в таких семьях старались пораньше уложить спать полуголодных детей, чтобы те не слышали оживления у соседей. А сами брали нож и, обливаясь слезами, стучали по голой доске, изображая приготовление праздничного ужина, боясь насмешек все тех же соседей.

Пожалуйте к столу!

«Два круглых стола были накрыты в середине комнаты, и на них аккуратно разложены приборы: палочки из слоновой кости, рюмки, тарелки и серебряные чайные ложки. Под каждой тарелкой подложена красная бумажка, на которой написаны иероглифы, например, «старый господин» или «Чхэнь и-тхай» — эти бумажки определяли место за столом. У каждого стола прислуживало четверо слуг: двое наливали вино, двое других подавали закуски. Рядом хлопотала женская прислуга. Из кухни закуски несли к окну левой гостиной, ставили на квадратный стол с лампой бра, потом старшие по возрасту служанки вносили их в зал и передавали слугам, и только после этого закуски попадали на стол».

У тех, кто позажиточнее, столы ломились от яств. Вся семья собиралась за круглым столом, и все вкушали *тхуань юань-фань* (團圓飯), т. е. «пищу, которая объединяет членов семейства в единое целое, в полный круг».

Затем принимались за *да-цхай* (大彩) — «большие», т. е. главные блюда. Тут же — *лэн-пхань* (冷盤), тарелки с холодными закусками, а также горячие блюда, жареные на сковороде, сладкие закуски.

Однако есть два специальных новогодних блюда, без которых обойтись нельзя: *хо-гор* и рыба. *Хо-гор* (火鍋) — котел с водой, кото-

рый кипит прямо на столе. Сейчас в ресторанах есть котлы, вмонтированные в центр стола, и вода там кипит благодаря подведенному газу.

В иных ресторанах каждому подают личный маленький *хо-гор*, под которым горит спиртовая таблетка. В котелке, конечно, не просто вода, а слабый бульон со специями и крошечными, с полногтя, креветками.

Бывают котлы, разделенные перегородкой на две половины: в одной желаящие готовят острое блюдо, обильно добавляя перечное масло и прочие приправы, а в другой бульон получается более нежным, более пресным — на любителя. Острый называется «красным», пресный — «белым», а котел с перегородкой, — «мандариновые уточки» и выглядит сверху в виде «высшего предела» с *Инь* и *Ян*.

К слабому кипящему бульону подают на тарелках сырые мясо, рыбу, овощи, морские продукты, грибы, крахмальную лапшу — что душе угодно, весь стол заставлен. Мясо, как правило, всех видов: и говяжье, и куриное, и баранье. Его нарезают тончайшими до прозрачности, большими, величиной с ладонь, слоями.

Каждый берет палочками такую нарезку и опускает в котел. Варится все очень быстро. Пока ты вынимаешь, например, листик капусты и пучок лапши и съедаешь их, обмакивая в соусы и приправы, довариваются мясо и креветки.

Можно заложить в котел сразу много сырья, а можно варить продукты постепенно, разговаривая и отдыхая, и тогда огонь в горелке уменьшают. В процессе трапезы воду в котел несколько раз добавляют из горячего чайника — вместо выпарившейся. Естественно, что бульон в итоге имеет фантастический вкус. Идеальное изобретение для холодных северных районов Китая: клубится пар, согревая озябших людей, да и горячий бульон способствует тому же.

Что же касается рыбы, то иероглиф этот, *юй* (鱼), произносится так же, как и слово «излишки», «остатки» (余). Но есть и другой иероглиф *юй* в слове *фу-юй* (富裕), что значит «состоятельный», «зажиточный», «богатый». Поэтому рыба на столе символизирует достаток в доме, и люди произносят либо пишут над магазинчиками, где продают живую рыбу: «Желаем, чтобы были излишки», или «Пусть из года в год остаются излишки». Иероглиф «остатки» можно заменить иероглифом «рыба», и тогда получится фраза: «Пусть из года в год будет рыба» (на праздничном столе), однако на слух это все равно звучит как пожелание достатка.

Рыба и лotosовые коробочки

Еще на столе непременно должна присутствовать редька, которая по-простому зовется «овощ-голова» или «овощ с головой», *цхай-тхоу* (菜头). Это слово абсолютно созвучно другому — *цхай-тоу* (彩头), которое пишется иначе и означает «счастливое предзнаменование», «удача», «фортуна».

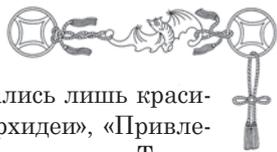
Не обойтись и без «королевских» креветок, рыбы и других морепродуктов, которые жарят так, чтобы «бушевало пламя и бурлило масло». Это тоже считается пожеланием процветания семье.

И напоследок — много сладкого, чтобы до последнего дня жизнь оставалась сладкой, счастливой и приятной. Пьют и вино; даже те, кто обычно не выпивает, в новогоднюю ночь хоть чуточку, а пригубит. В древности очень большое значение придавали качеству спиртного.

Выпьет даже непьющий

«Старый господин Гао поднял чарку, осмотрел оба стола: все собрались, всюду веселые лица, как много у него сыновей и внуков, мечта о «большой семье из четырех поколений» осуществилась, и он улыбается довольной улыбкой и отпивает большой глоток вина. Потом смотрит на другой стол, где оживленно беседуют, смеются, пьют вино представители младшего поколения. То там, то здесь слышатся звонкие голоса: «Дай вина!», «Налей сначала мне!». Вокруг суетятся слуги с маленькими кувшинами.

— Поменьше пейте! Побольше закусывайте! — улыбаясь, кричит дед».

Рецепты многих сортов вин уже утеряны, остались лишь красивые названия: «Виноградное густое», «Хвостик орхидеи», «Привлекающее весну», «Цветы зимней сливы», «Цветы персика», «Трава *тху-су*».

Самым древним, самым распространенным считается вино из широколистной травы *тху-су* (屠苏酒). Говорят, что впервые его изготовил врач по имени Хуа Хуа, который жил в конце эпохи Хань. А распространил его рецепт впоследствии другой знаменитый медик периода Тхан по имени Сунь Сы-мяо.

Ежегодно в месяце *ла* Сунь Сы-мяо рассылал знакомым, родственникам и соседям по пакетике с сухими травами и советовал всем, растворив снадобье в вине, вышить его в новогоднюю ночь, обещая, что в этом случае они смогут избежать эпидемических заболеваний.

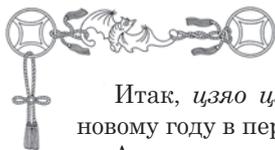
Этот врач даже свой дом назвал по имени лекарства — Дом *тху-су*. Получилась своеобразная реклама: если знаменитый доктор рекомендует пить его самым близким людям, да еще своему жилищу дал такое имя — значит, напиток стоит того.

Реклама удалась; через несколько поколений употребление вина *тху-су* в новогоднюю ночь стало прочной традицией. Это вино и пили по-особенному. Ведь обычно в Китае право первому выпить рюмку принадлежало старшему в роду, здесь же — все наоборот. Сначала вином поили самого маленького, затем — остальных по старшинству. Говорили, что если ежегодно принимать эту лекарственную настойку, то даже человек семидесяти с лишним лет будет чувствовать себя бодрым и крешким.

Пельменей — что звезд на небе

Китай настолько велик, что в разных его уголках обязательно, главными в новогоднюю ночь являлись разные блюда. Ими могли служить обычные пельмени, или *хунь-тхунь* (馄饨) — разновидность пельменей (их еще называют «ушки в супе»), или длинная лапша, или новогодние пирожные *нень-гао* (年糕) и т. д. Причем, всегда существует пояснение, почему именно это блюдо является непременным на новогоднем столе.

Северяне, например, привыкли есть пельмени, которые по-китайски называются *цзяо-цзы* (饺子). Точно так же звучит слово «менять, передавать», только другим тоном: *цзяо* (交). А поскольку считается, что в 12 часов старый год как бы передает свои права новому, то к 12 часам в семье торопятся сварить пельмени, чтобы «передача» произошла вовремя.

Итак, *цзяо цзы* — «пельмени», и *цзяо цзы* — «передать права новому году в период *цзы*».

А что такое период *цзы*? Это первый из 12 циклических знаков. В древности сутки делили на 12 периодов, каждый из них равен 2 часам и имеет свое название, свой циклический знак:

цзы ши — 1-й период, с 23 часов до 1 часа ночи;

чхоу ши — 2-й, с 1 до 3 часов;

инь ши — 3-й, с 3 до 5;

мао ши — 4-й, с 5 до 7;

чхэнь ши — 5-й, с 7 до 9;

сы ши — 6-й, с 9 до 11;

у ши — 7-й, с 11 до 13;

вэй ши — 8-й, с 13 до 15;

шэнь ши — 9-й, с 15 до 17;

ёу ши — 10-й, с 17 до 19;

сюй ши — 11-й, с 19 до 21;

хай ши — 12-й, с 21 до 23 часов.

Так что *цзы* — это первый период времени, с 23 до 1 часа ночи, когда сменяются сутки и когда один год сменяет другой.

Кроме того, пельмени готовят из белой муки и придают им форму *юань-бао* (元宝), серебряных слитков весом в 50 *лян*, которыми раньше пользовались в качестве денег. Вареное белое тесто имеет слегка серебристый оттенок, поэтому, когда на стол выставляют несколько мисочек с пельменями, это символизирует богатство.

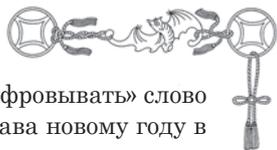
«Синь-нень да фа-цхай,   新年大发财,
Юань-бао гунь цзинь лай!»   元宝滚进来!

Пусть удастся разбогатеть в новом году,
Пусть серебряные слитки прикатятся в дом!

Иногда в несколько пельменей вместе с мясом кладут и чистые монеты. Говорят, первый, кому достанется такая начинка, непременно разбогатеет.

Если во время варки тесто пельменя лопнуло, нельзя говорить *пхо-лэ*, т. е. «лопнуло» (破了), ибо данный иероглиф включает в себе много неблагоприятных значений: терпеть поражение, неудачный, разрушать, заканчиваться и пр. Следует сказать *чжэн-лэ*, «слишком натянули» (挣了), потому что этот иероглиф несет благоприятные значения: наживать, добывать, зарабатывать, красивый, привлекательный.

Как пояснялось в моей книге «Жизнь среди символов», большинство предметов или явлений обладают «двуслойным» символическим значением: один слой — бытовой, общеизвестный перенос

ный смысл, второй — эротический. И если «расшифровывать» слово «пельмени», *цзяо цзы*, то, помимо «передавать права новому году в период *цзы*», оно омонимично еще одному понятию: «спать вместе и в результате родить сыновей».

Обычай готовить пельмени возник в период правления Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Рассказывают, что очень известный в ту эпоху врач-ученый Чжан Чжун-цзин как-то зимой, в конце года, обратил внимание на обмороженные уши бедняков.

Он решил помочь им и создал некое средство под названием «бульон красивые ушки для изгнания холода». Чжун-цзин использовал баранину, острый перец и некоторые лекарственные компоненты, способные согреть человека и разогнать холод. «Красивые ушки» он лепил, заворачивая начинку в тесто, варил в котле и угощал бедняков.

После горячего бульона и острой начинки обмороженные согрелись, тепло распространялось по всему телу; уши становились красными, и раны от обморожения постепенно заживали.

Этот добросердечный врач написал, кстати, два трактата, один из них посвящен лечению обморожений. Впоследствии люди стали подражать ему в изготовлении «красивых ушек», с удовольствием их ели, едят и по сей день. В Россию пельмени «попали» из Китая, сначала — в приграничные районы, а затем стали популярными по всей стране. Вот тебе и «сибирские» пельмени!

А почему в некоторых районах Китая в Новый год предпочитают *хунь-тхунь*? (Напомню, — это разновидность пельменей, но форма, размер и способ приготовления иные). Их тоже едят в самом начале новых суток нового года, и они символизируют начало всего нового. Обычные пельмени у китайцев не принято есть с бульоном, и только *хунь-тхунь*, «круглые ушки», подают плавающими в бульоне. В разных местах Китая их могут называть по-разному: *бень-ши* (扁食), *бень-ши* (匾食), *гу-тху* (鶻突), *чхао-шоу* (抄手) и *юнь-тхунь* (云吞).

По-китайски *хунь-тхунь* (馄饨) звучит похоже на словосочетание *хунь дунь* (混沌), означающее «первозданный хаос», «начало начал». Согласно китайской мифологии, мир создан богом по имени Пхань Гу. Вначале был хаос, а это божество «отделило» Небо от Земли.

Дело для настоящих мужчин

Во многих местах Китая новогодним блюдом считается длинная лапша, которую еще называют «лапшой долголетия», *шоу-мень* (寿面): пусть годы жизни будут долгими, как лапша.

Кто посещал эту страну, видел, наверное, как мастера-виртуозы готовят лапшу. Берут комок теста, который соответствует одной порции лапши с бульоном. Тесто бьют об стол, чтобы оно стало мягче, и одновременно растягивают понемногу этот комок в стороны. Когда длина колбаски из теста становится чуть больше ширины плеч повара, растягивать ее становится неудобно, и он складывает ее пополам.

Процесс продолжается; на столе — мука, поэтому сложенная «колбаска» не склеивается. Через пару минут в руках у мастера — все та же «колбаска», но неоднократно сложенная пополам и ставшая очень тоненькой. И эту одну-единственную длиннющую «лапшину» повар комком бросает в котел, где уже доваривается такой же комок, опущенный в кипяток раньше.

Весь день бить тесто об стол, растягивая его в лапшу — труд физически очень тяжелый, поэтому работают поварами молодые мужчины. Порция сваривается до готовности очень быстро, и ее легко вынимают шумовкой из общего котла в тарелку.

Разные порции никогда не смешаются, т. к. каждая состоит лишь из единственной «лапшины», свернутой в клубок, и рядом в котле варятся клубки разной формы — плоской, круглой, широкой или тонкой — на любителя. Съесть порцию такой лапши в Новый год — значит, получить пожелание долгой жизни длиной в 100 лет, *шоу чхан бай нень* (寿长百年). Есть еще одно блюдо — новогодние пирожные, новогодний торт. Для тех, кто никогда не пробовал их, скажу, что ничего общего ни по виду, ни по вкусу с нашими пирожными они не имеют, т. к. приготовлены из клейкого риса. Называются они *нень-гао* (年糕), что созвучно другим иероглифам: *нень-гао* (年高), — «пусть жизнь год от года будет все лучше».

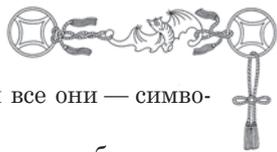
Следующее новогоднее блюдо, особенно популярное на юге — *чхунь цзюань* (春卷), «весенние» блинчики, в которые завернута начинка.

Для многих людей новогодний праздник — единственный день в году, когда они могут позволить себе купить сразу *цзи-я-юй-жоу* (鸡鸭鱼肉) — курицу, утку, рыбу и мясо.

Правда, некоторые китайцы в шутку говорят, что с 1997 года эти четыре слова можно заменить на другие — *цзинь-цзю-чжуан-сю* (金酒装修) — «золото, вышивка и ремонт квартиры», поскольку народ стал жить гораздо лучше.

Блюда со смыслом

Еще немного о новогоднем столе. В ночь, которая соединяет старый и новый год, семья непременно должна собраться вместе в од-

ной гостиниой. Стол ломится от лакомств, и почти все они — символические.

Непреренно подают чай с пирожными, разные виды бахчевых. Обязательны яблоки, потому что один иероглиф из слова «яблоко» очень напоминает другой иероглиф — «ровный, спокойный». Поэтому присутствие большого блюда с яблоками на столе означает *пхин-пхин ань-ань* (平平安安), т. е. «спокойствие, благополучие, безмятежность».

На новогоднем столе непременно должны присутствовать лук, *цхун* (葱), и сельдерей, *цинъ-цхай* (芹菜), только потому, что слово «лук» по звучанию похоже на слово «умный», *цхун-мин* (聰明), а «сельдерей» — на слово «трудолюбивый», «неутомимый», *цинъ-лао* (勤勞).

На севере в некоторых семьях подают рис, который тщательно приготовили накануне. Называется он «рис, разделяющий два года», *гэ нень фань* (隔年饭), потому что его начинают есть в старом, а заканчивают — в новом году. И смысл этого блюда заключается в пожелании своей семье из года в год иметь излишки риса, чтобы прошлогодние запасы переходили в новый год, пока не поспеет очередной урожай.

Такое блюдо готовят обычно из двух сортов риса — крупного и мелкого. Их варят, тщательно перемешав, и в Пекине такое кушанье называют «кашей из двух злаков», *эр ми цзы фань* (二米子饭). Один сорт — белого цвета, другой — желтого, и варят их вместе для того, чтобы в доме водились золото и серебро: «Пусть будет и золото, и серебро, полное блюдо и того, и другого» — *ёу цзинь, ёу инь, цзинь инь мань пхэнь* (有金有银, 金银满盆). Эту кашу называют еще «золотисто-серебряной», *цзинь инь фань* (金银饭).

Каше на блюде придавали форму хлебной пампушки-булочки, а сверху украшали сухими фруктами, лепешками сушеной хурмы, *ши бин* (柿饼), плодами «драконий глаз», что вместе означало *ши-ши жу-и* (事事如意) — «успехов во всех делах».

Украшавшие горку риса финики *хун-цзао* (红枣), арахис *хуа-шэн* (花生), каштаны *ли-цзы* (栗子) расшифровывались как *цзао-шэн ли-цзы* (早生立子), т. е. «пораньше родить и поставить на ноги сыновей». Сверху втыкали красный цветок из бархата и вырезанный из красной бумаги иероглиф «долголетие».

Во время новогоднего бдения во многих семьях подают бахчевые плоды, фрукты, пирожные, значение которых тоже символично:

— финики (*цзао*) означают «весна придет рано» — *чхунь лай-цзао*, поскольку «финики» (枣) и «рано» (早) звучат одинаково;

Хурма и грибы
мин-чжи

— сушеная хурма (*ши бин*) означает «пусть повезет в каждом деле» — *ши-ши жу-и*;

— ядрышки абрикосов (*син-жэнь*) означают «счастливый человек» — *син-фу жэнь* (幸福人);

— плод *чхан-шэн* (长生果) означает «долголетие» — *чхан-шэн бу-лао* (长生不老). Его иначе называют еще плодом архатов или *ло-хань го* (罗汉果). Он немного похож на персик желтого цвета и очень сладкий. *Ло-хани*, или архаты, — наместники Будды на земле. *Ло-хань* — так звучит в китайской транскрипции слово на санскрите «архат».

А вот яркая цитата из произведения «Развод» писателя Лао Шэ, описывающего празднование Нового года (праздника Весны): «Весна — пора свадеб, когда сваты ценятся так же, как дождь. На Новый год соседка принесла красную редьку, в которую была воткнута желтоватая капустная кочерыжка, а вокруг — шесть маленьких белых зубчиков чеснока с зелеными кончиками».

— Куда бы мне ее повесить? Скоро на капусте появятся желтые цветочки!»

Наш комментарий: красный редис *лай-фу* (莱菔) напоминает фразу «счастье пришло», капуста *бай-цхай* (白菜) — намек на богатство, чеснок *да-суань* (大蒜) символизирует большое количество сыновей и внуков из-за того, что слово *суань* немного напоминает *сунь* (внук), кроме того, чеснок способен отгонять злых духов — считают китайцы.

Новогодние пирожные *нень-гао*

Прошли те времена, когда эти лакомства можно было отведать лишь раз в году. Новогодние пирожные продаются в любом продуктовом магазине не только на юге, но и на севере Китая, причем, — круглый год. Примерно как и у нас: пасхальный кулич пекут лишь во время великого праздника, однако кексы, похожие на куличи, есть в булочных в течение всего года.

И все же во время празднования Нового года по лунному календарю пирожные *нень-гао* продают не только во всех магазинах, но и на каждом шагу — в лавках, на улицах, в храмах.

Несколько смущает общепринятый перевод на русский слова *гао* — «пирожное», «торт». У китайцев никогда не было лакомств, даже отдаленно напоминающих наши кексы или торты, как никогда не было выпечки вообще, а потому и слова «пирожное» тоже нет.

Китайские словари толкуют значение слова *гао* как «продукт из рисовой муки». И действительно, почти все китайские *гао* состоят из этой клейкой муки, поэтому они, будучи не охлажденными, тянутся и прилипают к зубам и небу.

Когда мы произносим слово «пирожное», то сразу представляем нечто сладкое с воздушным кремом, шоколадом или, на худой конец, вареньем. Не таковы лакомства у китайцев. Основные компоненты для различных сладостей — это, чаще всего, клейкий рис (который с непривычки воспринимается на вкус как сырое тесто) и начинка из красной (слегка сладковатой от природы) фасоли или пасты из фиников.

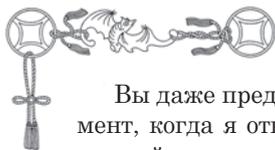
Сахар, по-моему, отсутствует. Его добавляют лишь в вареный желток яйца, который служит начинкой. Но и это для нашего вкуса непривычно. И здесь, к слову, мне хочется рассказать о том, как я впервые отведала китайское пирожное.

Однажды мы посетили большой, шумный крытый рынок в юго-восточной части Пекина, куда нас привезли друзья-китайцы. Мы хотели купить сушеную медузу, потому что она мне очень нравилась в ресторанах, а друзья сказали, что ее легко приготовить самому: всего-то вымочить в воде, чтобы вышел песок, а затем заправить необходимыми специями. Но попутно наш друг знакомил и с другими необычными для нас продуктами. Например, я впервые увидела *цзун-цзы* — треугольные пирожки из риса в тростниковых листьях (см. главу о Цюй Юане).

Проходя мимо одного из прилавков, он окликнул меня: «Мила, вот продают пирожное, которое называется «осел, извалявшийся в пыли». Хочешь попробовать?».

Я согласилась, потому что, не будучи сладкоежкой, к тому времени уже соскучилась по нашим десертам, а взору моему предстал рулет, посыпанный сверху порошком какао (так мне показалось), а в разрезе увидела начинку в несколько слоев из шоколадной пасты (опять же, так я решила, судя по цвету, — а что еще может быть темно-коричневого цвета в пирожном?).

Когда приняла в руки изрядный кусок рулета в тонком целлофановом пакете, у меня возникло ощущение, что держу что-то живое: пирожное оказалось тяжелым и мягко-податливым, подрагивающим в руке. И название *люй да гур* (驴打滚) — «осел, извалявшийся в пыли», ему очень подходило.

Вы даже представить не можете выражение моего лица в тот момент, когда я откусила кусочек. Пресно-нейтральное липкое тесто из клейкого риса *цзян-ми* (江米) или клейкого пшена *нень хуан-ми* (粘黄米). Обвалян рулет в муке из сушеной жареной желтой фасоли, *хуан-доу* (黄豆). Это и есть та «пыль», в которой резвился «осел», и которую я приняла за порошок какао.

Начинка — из фасолевой пасты *доу-ша* (豆沙), которая мне кажется темно-коричневой, а китайцы называют иероглифом *цзы*, что значит «фиолетовый».

Справедливости ради надо сказать, что, когда попробуешь несколько раз, то сможешь почувствовать и особую прелесть этого лакомства, которое, несомненно, полезнее наших сладких, калорийных деликатесов.

Мне было с чем сравнивать, отсюда и разочарование. А если китайцы с детства ничего другого не пробовали, то они воспринимают это лакомство как самое изысканное пирожное.

В новогодних пирожных основным компонентом является клейкий рис *но-ми* (糯米), либо пшено *хуан-ми*, которые сначала замачивают в воде, затем перетирают в муку. Опять добавляют воду, держат немного на пару, и тесто готово.

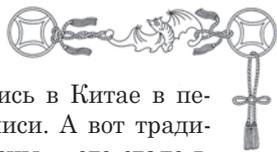
Новогодние *нень-гао* встречаются двух видов: «северные» и «южные». «Северные» жарят в масле способом *чжа* (炸), либо готовят на пару, и они умеренно сладкие.

Но наиболее известными считаются «южные», мука для которых готовится с помощью водяной мельницы. Их могут доводить до готовности не только на пару или обжаривая способом *чжа*, но и иначе, например, варят в специальном бульоне либо жарят способом *чхао* (炒).

У нас в языке есть лишь один глагол «жарить», у китайцев же, известных на весь мир кулинаров, этих глаголов много, — в зависимости от способа жарки.

Если новогодние пирожные готовят способом *чхао* (прокаливать на сковороде без масла), то их приходится разрезать на ломтики. «Южные» пирожные более сладкие.

В каждой местности — свои кулинарные особенности, секреты. **Пекин**, например, славится новогодними пирожными с мелкими финиками *сяо-цзао* (小枣), провинция **Фуцзень** — с клубнями таро *юй-най* (芋艿). Это многолетнее растение, корни-клубни которого съедобны, похожи на картофель и сладковаты на вкус. Город **Нинбо** известен пирожными, изготовленными из муки, смолотой на водяной мельнице *шуй-мо* (水磨), город **Фучжоу** известен новогодними пирожными со свиным салом *чжи-ёу* (脂油), провинция **Чжэцзян** и **Цзянсу** — с начинкой из цветов корицы *гуй-хуа* (桂花) и т. д.

Самые первые новогодние пирожные появились в Китае в период Троецарствия, об этом свидетельствуют записи. А вот традицией — обязательно готовить их на праздник Весны — это стало в период эпохи Мин. При этом лакомства приобрели символический смысл: «год от года подниматься все выше» (*нень-нень гао-шэн*), потому что «с каждым годом подниматься» омонимично словосочетанию «новогоднее пирожное», *нень-гао*.

Кроме того, эти пирожные обязательно использовали и в качестве даров во время поминовения предков — тоже один из новогодних обрядов, и в качестве подношения богам. Так что в новогоднюю ночь, или в первый день нового года, такие пирожные — обязательный атрибут в домах китайцев.

Во время очередных новогодних праздников мы набрали самых различных *гао* в коробочках и пригласили русских друзей на чай. Упор я сделала, конечно, на «осла, извалявшегося в пыли» — взяла целую коробку, т. к. им я лакомилась уже не раз и знала, что это съедобно.

А еще прихватила «гнездышко из полыни» — *ай во-во* (艾窝窝), т. к. знакомая китайянка сказала, что оно самое вкусное из всех новогодних *гао*. Привлекли мое внимание и желтовато-белые полосочки, похожие по форме на пастилу, которые, будучи присыпанными чем-то белым, напомнили мне рахат-лукум. Называются они «обжаренные в масле новогодние *гао*». И еще мы купили ассорти: в коробочке лежали и ярко-желтые кубики, и желеобразные бордовые и зеленые треугольнички, и шарики, густо обваленные в кунжутных семечках, так что не видно, из чего же состоят сами шарики.

Все это я много раз видела на витрине, но впервые решила отвезти, вдохновленная всеобщей радостной атмосферой праздника Весны.

Было бы проще и понятнее, если бы эти продукты назывались «клецками», «лепешками», на худой конец — просто *гао*. Чтобы не возникало никаких иллюзий и ассоциаций с нашими лакомствами, типа рулет с шоколадным кремом или сливочная и фруктовая падка.

Потому что присыпка из какао-порошка (как мне показалось) на деле оказалась протертой сухой фасолью; ярко-желтые кубики, столь аппетитные на вид — пюре из вареного гороха с небольшим добавлением сахара; «шоколадная» прослойка — пюре из вареной мелкой фасоли, «сахарная пудра» — безвкусным крахмалом.

Из-за неточного перевода слова *гао* — постоянное разочарование, обманутые надежды после первого же кусочка. «Гнездышко из полыни» — шарики из безвкусного клейкого рисового теста двух видов: обсыпанные сухим крахмалом и обваленные в сырых кунжут-

ных семечках. Вполне возможно, что их надо обжаривать, и тогда зернышки обретут вкус, но я этого делать не стала, а когда жевала в сыром виде — разбухшие зернышки лопались, казалось, что ешь каких-то крошечных насекомых.

А вот те длинные, мясистые полосочки *гао*, на которых написано «обжаренные в масле», действительно обжарить, следовало обжарить, как объяснила мне продавец, что я и сделала. При этом мои гости смеялись: жарить на сковороде мы привыкли котлеты, а не пирожные. Но, даже обжаренные, они не стали аппетитнее: абсолютно нейтрально-безвкусные. И тогда я их присыпала сахаром, вспомнив рекомендации продавщицы.

А гости продолжали подшучивать: «Ничего себе, пирожное! Обжарь, да еще сахаром присыпь! Кусок хлеба, намазанный вареньем, больше напоминает пирожное, чем это».

Надо честно признать, что никому из нас *гао* не понравились, и я подозреваю, что они и для желудка-кишечника вряд ли полезны — уж очень липкая клейкая масса.

Я сделала вывод, что раньше, когда подавляющее большинство китайцев жили впроголодь, такая еда вполне могла показаться детям, да и взрослым, лакомством. А потом, когда люди стали жить лучше, такая отрасль промышленности, как кондитерская, только-только начала развиваться, поэтому и конфеты китайские, несмотря на огромный ассортимент, на наш вкус — несъедобны.

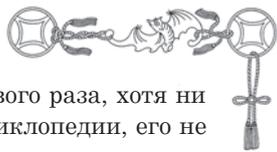
Сейчас Китай закупает немало конфет и других сладостей за границей. А те, кто в детстве привыкли к изделиям из клейкой муки, и по сей день их ценят, наверное, как воспоминание о молодых годах.

Так, я помню, и мой покойный папочка, загрустив порой о своих юных годах, просил маму приготовить какое-то немислимо «бедное» блюдо, которое ему когда-то готовила мама, и которое тогда, в детстве, казалось ему самым вкусным.

Надеюсь, мои друзья-китайцы не обидятся на меня за такую оценку. Ведь и в нашей кухне есть много такого, о чем китайцы отзываются с содроганием: селедка, сливочное масло, творог, сыр... А кусочек зефира или конфету «Коровка» неспособны доесть до конца — настолько они им кажутся приторными.

«Выпейте мисочку чая!»

Говоря о новогодних лакомствах, упомяну и «чай из абрикосовых косточек», поскольку он, во-первых, столь же удивителен для нас, как и новогодние *гао*, а во-вторых, непременно продается во время праздника прямо на улице.

Син-жэнь чха (杏仁茶) мне понравился с первого раза, хотя ни чаем, ни вообще «напитком», как написано в энциклопедии, его не назовешь. Где бы его ни продавали, выглядит это всегда одинаково: на подносе насыпан «горочкой» белый порошок. Продавец кладет в пиалу немного этого порошка и размешивает в небольшом количестве холодной воды. Затем добавляет кипяток из огромного медного чайника и в образовавшийся кисель подсыпает чайную ложечку сахарного песка с разноцветными цукатами.

Когда эта масса слегка остынет, ее можно есть ложечкой, как обычный кисель с привкусом миндаля. Очень вкусно, особенно ранней весной, когда еще и согреваешься горячим десертом.

Этот «миндальный чай» издавна распространен среди ханьцев, особенно в северных городах Пекин и Тхеньцзинь. Известный поэт, живший в период правления Цень Луна (эпоха Цин), написал 32 стихотворения об известных блюдах и продуктах, и одно из них посвящено «миндальному чаю».

В его состав действительно входят крахмал и порошок из сладких абрикосовых косточек. Добавляя кипяток, смесь непрерывно помешивают, чтобы не образовалось комочков. Помимо цукатов, если соблюдать все правила, надо добавлять еще и цветы корицы, и черные кунжутные семечки. Говорят, такой «чай» прекрасно утоляет жажду и снимает состояние похмелья.

В старину разносчик этого чая с коромыслом на плече проходил одну улицу за другой, выкрикивая протяжно: «*Син жэр чха-я*!» Нередко этим «чаем» торговали и в лавочках, где продавались жареные блины.

А сейчас рядом с порошком «миндального чая» выставляют и другие чудеса. Есть, например, порошок цвета какао; как утверждал продавец, это перемолотые кости, следовательно — желатин, по-нашему. Я перепробовала все и, на мой вкус, получается такой контраст: «миндальный чай» очень хорош, все остальные же есть-пить невозможно.

Праздник продолжается

Новогодняя ночь называется *Чху-си* (除夕), т. е. «уходящая ночь», потому что в это время, как и в других культурах, новый год принимает эстафету у старого.

В период правления династий Чжоу и Цинь в императорском дворце ежегодно проводилась церемония *да-но*, во время которой изгонялись злые духи, насылающие на мир людей различные эпидемии. Ведь прежде чем встретить Новый год, хотелось убедиться, что вся нечисть, которая сопровождала старый год, уничтожена.

Немного позже период расставания со старым и встречи с новым годом условно разделили на две части: «маленькое расставание», *сяо-чху* и «большое», *да-чху*. Другие названия — «малая новогодняя ночь» и «большая».

Этот период с уверенностью можно назвать самым оживленным в праздновании Нового года. Как только начинало темнеть, малыши и подростки с удовольствием приступали к изгнанию нечистой силы, пугая ее взрывами хлопушек и петард.

Понятно, что в огромном Китае в каждой местности — свои обычаи. Для примера расскажем о трех.

Город Сучжоу на юге Китая в древности носил название Гу-су (姑苏), и воспоминания о нем вызывают восторг. Во-первых, и сам город, и селения в его окрестностях расположены на воде, вдоль многочисленных каналов, а потому Сучжоу нередко называют «китайской Венецией». Но разве могут сравниться по красоте венецианские дома с китайскими? Архитектура строений южного Китая неповторима и восхитительна: длинные, тонкие, летящие углы крыш, арочные мостики, беседки... Во-вторых, в окрестностях Сучжоу имеется старинный храм Хань-шань сы (寒山寺), построенный еще во времена династии Лян (502–557) в эпоху Южных династий.

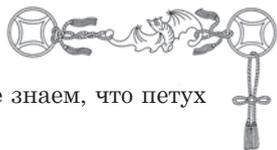
Побывать в этом храме я мечтала много лет, и, наконец, дважды посетила его. Посвящен он братьям «двойникам» Хань-шаню и Шидэю, которых впоследствии стали называть Хэ-Хэ (和合). Они были мне чрезвычайно интересны, и я с большими трудностями добывала материалы о них в течение нескольких лет. Им посвящена глава в моей книге «Монахи Срединной империи».

Настольные игры

В простых семьях во время новогодней ночи принято играть в различные настольные игры. Например, в *тхуй-пхай-цзю* (推牌九), которая очень похожа на наше домино.

Еще одна игра — *чжи-тхоу-цзы* (掷骰子), или *чжи-шай-цзы* (掷筛子). У каждого игрока по несколько кубиков, деревянных или костяных, на шести гранях которых нанесены точки от одной до шести. Каждый бросает сразу несколько кубиков, и у кого в сумме получится больше — тот и выиграл.

А самая распространенная и по сей день игра — *ма-цзын* (麻将). В набор входит 136 костяшек, изготовленных из бамбука, кости или пластмассы. На одних вырезаны *тхун* (筒), т. е. круглые выемки, как на костяшках домино, от одной до девяти, на жаргоне — «кругляк». На других — *тхяо* (条), т. е. полосочки-канавки, тоже до девяти, на жаргоне — «бамбук». Но на первой из костяшек вместо од-

ной полосочки вырезан петух, *цзи* (鸡). А мы уже знаем, что петух означает 1-й день 1-го месяца нового года.

Еще есть костяшки с вырезанными *вань* (万), т. е. числительным «десять тысяч». На таких костяшках написано иероглифами «один *вань*» (10000), «два *вань*» (20000) и так далее до 90 тысяч.

Есть костяшки с вырезанными иероглифами «восток», «запад», «север», «юг». Есть с изображением цветов; иногда рядом с цветком написаны иероглифы «весна», «лето», «осень» или «зима». Кроме костяшек, для игры необходимы два кубика с точками, как и в предыдущей игре.

Некоторые китайцы предпочитают другую игру — *ду со-ха* (賭梭哈), где *со* означает «челнок»; ее другое название — *ша-се* (沙蟹), — «песчаный краб», такую игру можно отнести к разновидности покера.

Обычно игра сопровождается смехом, вокруг царят оживление и радость. Однако, несмотря на еду и развлечения, игроки внимательно следят за часами, чтобы не пропустить момент смены одного года другим. Ровно в 12 ночи, вместе с боем часов, раздается треск и грохот хлопнушек, да такой, что «над Китаем небо содрогается».

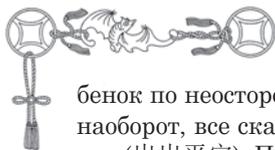
Этот момент называется *сань-юань* (三元), т. е. «три начала»: начало года — *суй-чжи юань* (岁之元), начало месяца — *юэ-чжи юань* (月之元), и начало отсчета времени на часах — *ши-чжи юань* (时之元).

В некоторых селениях Китая в этот момент разжигают яркий костер во дворе своего дома — *ван-хо* (旺火), который означает, что клубящийся дым достигает неба, а в жизни людей наступают расцвет и радость. Вокруг этих костров прыгают и веселятся детишки, они зажигают от пламени свои хлопнушки, которые для безопасности держат на длинных бамбуковых шестах. Веселье продолжается.

Новогодние приметы

Китайцы очень верят в приметы, особенно — в Новогодний праздник. Например, по всему Китаю запрещено в эту ночь подметать сор, чтобы не вымести из дома удачу и богатство. Если же необходимость уборки все же возникла, то делать это надо по-особому: мести от порога к центру комнаты. А чтобы в праздничную ночь никто не пользовался веником, 1-е число месяца *чжэн* в наступившем году назвали «днем рождения метель», *сао-чжоу шэн-жи* (扫帚生日), подчеркивая тем самым, что 30-го числа ее просто нет и не может быть в доме.

Еще одна примета: в Новый год нельзя бранить детей, а произнося слова, надо быть особенно внимательным. Например, если ре-

бенок по неосторожности разбил пиалу, никто не станет его ругать; наоборот, все скажут: «Спокойствия из года в год!» — *суй-суй пхин-ань* (岁岁平安). Потому что слово «разбить», «осколки» звучит так же, как и «год» — *суй* (碎 и 岁). Подчеркивая слово «год», они избегают «несчастливого» слова «осколки».

Взрослые больше всего боятся, что дети могут не сдержаться, и во время праздника у них вырвется какое-нибудь слово, сулящее беду. В некоторых районах даже принято «подтирать» рот ребенка красной тряпочкой, либо туалетной бумагой, как бы уподобляя его рот нижней части туловища. Так что если ребенок все же произнесет лишнее слово, сулящее неудачу — все просто посчитают, что он «выпустил газы».

Другая примета: люди кладут плоды апельсинов и *ли-чжи* (荔枝) рядом с подушкой и считают, что эти фрукты могут сделать год стабильным, спокойным. Потому что правая часть иероглифа «апельсин» (桔子) означает «счастье» — *цзи* (吉), а иероглиф *ли* в слове *ли-чжи* похож по звучанию на слово *ли* (利) — «удача». Так что сочетание этих фруктов можно «расшифровать» как «счастье и удача» — *цзи ли* (吉利).

В разных областях существует множество обычаев, связанных с символическими пожеланиями. Например, в районе города Ханчжоу принято в центре зала ставить уголь, на котором жарили каштаны, и это означает «пышность», «расцвет».

Если на левую стену наклеивают изображение синего дракона — это означает приход весны.

Если в «летающие» карнизы китайских крыш втыкают корни кунжута, это означает «все выше и выше» (к успеху).

Если лучинку кипариса втыкают в хурму — это означает «успех во всех делах», *вань-ши да-цзи* (万事大吉). Здесь тоже используется игра слов: «палочка, лучинка» — *цень* (筵) звучит так же, как «тысяча», а «кипарис» — *бай* (柏) похож по звучанию на «сто»; «хурма» — *ши* звучит идентично слову «дело». Значит, этот ребус можно расшифровать так: «Пусть все сто тысяч дел завершатся успехом».

Есть еще забавный обычай, когда люди крадут у кого-нибудь изображение бога Богатства Цхай-шэня и прячут его в мотню штанов. Это называется «Цхай-шэнь вошел в хранилище» — *цхай-шэнь жу-кху* (财神入库), потому что слова «склад, хранилище» и «штаны» — абсолютные омонимы.

Новогодние подарки и развлечения

Во время прекрасного новогоднего праздника китайцы приветствуют Небо и радуются Земле. Они выходят из дома, чтобы наве-

стить родных и близких, а также принимают гостей, пришедших поздравить с Новым годом, с праздником Весны.

Атмосфера на улицах необыкновенно радостная и оживленная. Женщины и дети особенно красиво наряжены, так что их вид радует глаз.

Традиционными новогодними подарками считаются цветы, фрукты; особенно ценятся редкие, маленькие деревца, украшения, ткани. Что касается цветов, то китайцы любят заранее покупать луковицы нарциссов, которые они называют «водными небожителями» — *шуй-сень* (水仙), стараясь так подгадать, чтобы цветы распустились именно на Новый год. В какой-то степени этот растительный атрибут сродни нашей елке. Луковицы цветов помещают в широкие низкие горшочки, не глубже суповой тарелки, поэтому букет получается особенно изящным.

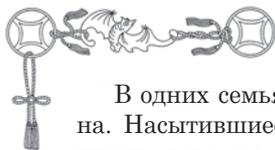
Дарят иногда и деревца с декоративными маленькими мандаринами. Но даже небольшое дерево-куст в цветочной кадке выглядит внушительно. При написании иероглифа «мандарин» используется ключ *цзи*, означающий «удача», «счастье», так что подарок такой — со смыслом.

Празднование длится несколько дней и постепенно затихает к 5–6 числу первого месяца *чжэн*. Однако впереди, 15 числа, — еще один радостный, яркий день — *юань-сяо-цзе*, праздник Фонарей, который отмечают в ночь с 15 на 16-е. Поэтому многие китайцы и после 6-го числа продолжают гулять и радоваться жизни вплоть до 15-го, считая, что только после этого новогодние праздники завершаются, и можно приступать к трудовым будням.

Вручение денег детишкам

В новогоднюю ночь детишки с нетерпением ждут, когда придет черед до них, и взрослые подарят им деньги в ярко-красном бумажном конвертике. Этот обряд называется *я-суй-цень* (压岁钱) — «деньги, придавливающие возраст», или «деньги, заставляющие ребенка подольше быть маленьким», или «деньги, продлевающие молодость».

Нельзя не обратить внимания на эти красные конвертики величиной с ладонь, которые в изобилии продаются накануне *чхунь-цзе*. Купила и я несколько десятков видов, а в магазинах и на уличных лотках попадались все новые и новые, с самыми разными рисунками и надписями, выполненными золотом и цветными красками. Вполне можно за один только праздник составить целую коллекцию этих удивительных конвертиков.

В одних семьях деньги вручают сразу после праздничного ужина. Насытившиеся не имеют права встать и уйти — они должны ждать, пока все закончат трапезу. Затем старшие раздают деньги младшим, желая детям и внукам хорошо учиться и быть послушными в новом году.

В других же семьях родители подкладывают конвертики детям под подушку после того, как те крепко уснут. Однако в большинстве случаев малыши вбегают в гостиную и, толкаясь, громко выкрикивают поздравления папам, мамам, дедушкам и бабушкам, затем становятся на колени и кланяются им. Поздравляя старших, говорят трафаретно, обращаясь к каждому: «Счастья вам — целое Восточное море, долголетия — как у Южных гор!» (福如东海寿比南山). Или еще проще: «Хорошего нового года!» (过年好!). После приветствия дети протягивают руки за красным конвертиком.

А бывает и так, что дети вбегают в спальню бабушки и дедушки, прыгают у кровати, выкрикивая: «*Я-суй-цень! Я-суй-цень!*».

Старики, чтобы добавить шума и оживления, притворяются рассерженными и пытаются вырваться из окружения детворы, но, в конце концов, деньги извлекаются, раздаются детям, и те, выкрикивая благодарность, убегают.

Этот обычай — *я-суй-цень* — имеет и другие названия: *шоу-суй-цень* (守岁钱), *я-шэн-цень* (压胜钱), *дай-суй-цень* (带岁钱), *я-яо-цень* (压腰钱), *я-яо-цень* (压妖钱), *я-се-цень* (压邪钱). Разгадка странного названия кроется также в омонимичности: слово «возраст» (岁) и «дьявол» (祟), или «дух, приносящий зло», звучат одинаково. Отсюда еще одно объяснение и обычая, и фразы: стремление оградить

детей от нечистой силы, обеспечить им «спокойствие из года в год» — *суй-суй пхин-ань* (岁岁平安), «придавив нечисть деньгами».

В древности, когда в ходу были только медные монеты с квадратными отверстиями в центре, их нанизывали на красную нитку и такую связку вешали ребенку на грудь. А спящему младенцу могли положить связку к ногам. Часто монет нанизывали столько, сколько лет ребенку, именно такую «низку» называли *дай-суй-цень*.

Хлопушки и фейерверки

«Как только стемнело, одна за другой затрещали хлопушки, их поджигали во многих местах одновременно. Тихая улица сразу стала необычайно шумной. Разрывы петард с фейерверками сотрясали землю, грохот и треск доносились со всех сторон, и поэтому никому не удавалось различить, откуда же, в конце концов, исходят эти звуки. Треск и грохот, стоявшие в воздухе, напоминали топот десятков тысяч мчавшихся коней или бешеный рев волн».

Все приготовления давно завершены, и дети с нетерпением ожидают назначенного времени. И вот отовсюду — как говорится, и с востока, и с запада — слышались хлопки, взрывы и выстрелы. Начиналась настоящая пальба, стоял невообразимый грохот, сыпались искры, пахло порохом и серой.

Наиболее храбрые запускают огромные ракеты-хлопушки, самые маленькие в это время зажимают уши и отбегают подальше, а те, кто постарше, хоть и прикрывают уши, все же стоят рядом и напряженно следят, ожидая взрыва. Такое зрелище, такая обстановка надолго запоминаются не только детворе, но и седым старикам.

Нередко хлопушки привязывали к концу длинной бамбуковой палки и держали ее, как удочку, чтобы хлопушки и петарды взрывались подальше от глаз и лица. И все равно такое развлечение нередко приводило не только к пожарам, но и травмам. Недаром несколько лет назад власти больших городов официально запретили использовать пиротехнику.

Однажды во время праздника Весны мы с делегацией посольства побывали в городе Далень по приглашению мэра города Бо Си-лая. И там для китайских и иностранных гостей устроили новогоднее представление с традиционными взрывами хлопушек и фейерверками. Так что на собственном опыте пришлось испытать, насколько это красивое зрелище опасно.

Несмотря на необычность происходящего, видеть это все же лучше по телевизору, или хотя бы издали. Потому что если находишься рядом, то задыхаешься от запаха пороха, глоснешь от целой серии залпов, а огненные брызги обжигают лицо и норовят попасть в глаза.

Хлопушки имеют разные названия: *бао-чжу* (爆竹) — взрывающийся бамбук, *бао-чжан* (爆竹) — ракеты, *пхао-чжан* (炮仗) — петарды, *хуа-пхао* (花炮) — фейерверки и другие. Их изготавливают из нескольких слоев бумаги, в которую заворачивается порох; сверху крепится нитка, которую поджигают, когда хотят взорвать хлопушку.

История такой «игрушки» и такого развлечения насчитывает более двух тысяч лет. Первоначально хлопушки придумали для того, чтобы отпугивать некое дикое животное по имени *нень*, которое пожирало людей. И только гораздо позже фейерверки и хлопушки стали неотъемлемым атрибутом новогодних праздников.

Первоначально порох закладывали в бамбуковые трубочки, от тех времен и осталось название — «взрывающийся бамбук» (*бао-чжу*). В период правления Северной Сун (960–1127) порох стали заворачивать в бумажные трубочки, тогда и название изменилось — «взрывное боевое оружие» *бао-чжан* (炮仗).

«...Рано утром двое носильщиков Кхэ-дина сбегали в сад в бамбуковую рощу, спилили два толстых бамбуковых ствола и, разрезав их на короткие трубки, принесли в дворницкую. Там собрались и остальные носильщики, чтобы помочь им. Одни обстругивали трубки, другие делали запалы, третьи набивали трубки порохом и закладывали в них измельченные медные монеты для того, чтобы искры, вылетевшие из трубок, горели, пристав к человеческому телу, и сразу бы не падали. Все трудились с воодушевлением, предвкушая веселье в нынешний вечер. Вскоре было готово несколько десятков *хуа-пхао*. Носильщики отнесли их в людскую на общий суд. *Хуа-пхао* гордо стояли в ряд на длинной скамье и равнодушно поджидали своих пленников...»

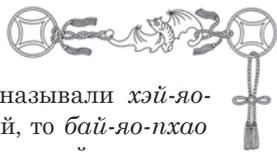
Существовало много видов хлопушек, в зависимости от их размера и назначения.

Например, шумовые хлопушки; первоначально они могли производить лишь один громкий хлопок и назывались *ма-лэй-цзы* (麻雷子) — «громовая». Затем появились более усовершенствованные, издающие два хлопка подряд. Их принято называть *эр-тхи-цзы* (二梯子) — «двойная ступень», или *эр-тхи-цзяо* (二蹄脚) — «двойное взрыкивание копытом», или *шуан-сян* (双向) — «двойной звук».

В период правления последних династий Мин и Цин изготовление хлопушек превратилось в разновидность народного искусства. Появились настоящие мастера-специалисты, возникли и подробные инструкции-книги, которые продавались в Пекине.

Первый взрыв пороха, разрывая трубочку, подбрасывал ее высоко в небо, затем следовал еще один взрыв, подобный грому.

Позже возникли *бень-пхао* (鞭炮), как бы гроздь хлопушек, целая связка. Их стали красиво оформлять. Если порох заворачивали в цветную бумагу, то они назывались *хуа-пхао-чжан* (花炮仗) — «разноцветные», а если в красную, то так и говорили: *хун-пхао-чжан* (红炮仗) — «красные хлопушки».

Если заправляли черный порох, хлопушки называли *хэй-яо-пхао* (黑药炮) — «с черным порохом», а если белый, то *бай-яо-пхао* (白药炮). Есть еще несколько разновидностей и названий, в зависимости от заряда. После того, как поджигали эти *бень-пхао*, связки маленьких хлопушек, раздавалось множество взрывов, один за другим, как будто строчил пулемет.

Они так понравились китайцам, что их стали использовать не только на Новый год, но и во время свадеб, переезда в новый дом, при открытии магазина и т. д.

Гроздь хлопушек, в зависимости от размера, называли *цхунь-бень* (寸鞭), «дюймовые шутихи», и *сяо-бень* (小鞭), «маленькие шутихи». А в зависимости от количества хлопушек в одной грозди их называли:

- *у-бай тхоу-бень*, т. е. с пятью сотнями хлопушек;
- *и-цень тхоу-бень*, с одной тысячью;
- *у-цень тхоу-бень*, с пятью тысячами;
- *и-вань тхоу-бень*, с десятью тысячами и т. д.

Встречались еще *бень-ли цзя-пхао*. Это такие гроздь хлопушек, в которых после каждых 10 или 12 маленьких взрывов следовал дополнительный, особенно сильный и громкий.

Изготавливали хлопушки *пхао-да-дэн*, которые не только дважды взрывались, но и, взлетая в небо, выбрасывали брызги красных и зеленых огней.

К сожалению, ни во время больших праздников, ни на новогоднем фестивале фейерверков в городе Далень я не увидела таких хлопушек, о которых читала в старых книгах: после первого взрыва хлопушка взмывала в небо и там, в воздухе, появлялось изображение Шоу-сина, китайского бога долголетия.

После того, как все успевали рассмотреть его длинные брови и усы, Шоу-син падал, и когда до земли оставалось совсем немного, из его головы вырывалась с громким взрывом еще одна хлопушка, и в воздухе возникало изображение сидящего монаха; не успевал он достигнуть земли, как раздавался третий взрыв, и взорам окружающих предстала красавица с зонтиком, подобно богине на облаках.

Описывается еще одна разновидность хлопушек — *ци-хуа* — «поднимающиеся цветы». Их привязывали к шесту, взлетали они особенно высоко и, подобно падающей звезде, быстро прочеркивали небо. И хотя эти хлопушки не издавали взрывного звука, они поражали высотой и скоростью полета.

Поэтому в Пекине даже появилось новое выражение: о человеке, который особенно быстро ходил, говорили «ходит, как поднимающиеся цветы».

Еще один вид — «бесшумные хлопушки», или «цветы». Хоть они и не издавали громкого звука, но сделаны были по принципу *эр-тхи-цзы*, т. е. двойного хлопка.

Исходными компонентами для таких огненных забав являлись сера, селитра и древесный уголь, кроме того, немного черного пороха. Направляющие трубочки для них делали из бумаги, глины либо металла. Это были прародительницы нынешних фейерверков.

В старом Пекине они носили красивые названия: *тхай-пхин-хуа* — «цветы *тхай-пхинов*», *пхэнь-хуа* — «цветы в вазоне» и другие. По форме они напоминали цветы бахчевых растений. А еще использовались фейерверки под названиями *ба-цзяо* — «анис», *пху-тхао-цзя* — «гроздь винограда».

Подобные развлечения стоили недешево, поэтому перед праздником дети обычно соскребали ножичком со старых стен известь с селитрой, смешивали с угольным порошком и поджигали. Получалось жалкое подобие фейерверков.

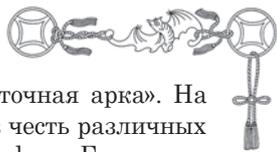
Шкатулка с цветами. Это особенно зрелищная разновидность развлечений с огнем, и называется она *хуа-хэ* (花盒), — шкатулка с цветами. В этом случае хлопушки в большом количестве выкладывались слоями.

В старом Пекине во время новогодних праздников, особенно — в завершающий гуляния день, который называется *юань-сяо-цзе*, в каждом парке, каждом магазине после фейерверков непременно демонстрировали одну-две «шкатулки с цветами».

Особенно любила такое развлечение императрица Цсы Си и по долгу любовалась огненным искусством в окружении сановников. А император Кореи, ставший однажды свидетелем этого красивого зрелища, даже направил своего посла в Китай с наказом привезти мастера огненных дел в Корею.

Что же это за зрелище? Целая картина. Например, строили небольшой город со всеми атрибутами настоящего: имелась городская стена с четырьмя угловыми башнями, со знаменами и воинами-охранниками. Поджигался шнур, и на «городской стене» загорались красивые, изящные фонарики. Пока они горели, рушились опоры мостов в «городке», и весь мост покрывался цветами лотосов. Эти эффекты достигались путем использования всех трех видов хлопушек: стреляющих, выбрасывающих цветы и «шкатулок с цветами».

Или другая картина, под названием «Красавица во дворце о восьми башенках». После того, как поджигали шнур, в башенках загорались яркие фонарики, а красавица в это время двигалась во дворце, как живая.

Описывают и еще одно произведение — «Цветочная арка». На арке *пхай-лоу*, каких в Китае возведено немало в честь различных событий, появлялась надпись из четырех иероглифов: «Безграничного долголетия». Под аркой выстраивались в ряд животные: лев, слон, тигр, пантера, олицетворяющие выражение *бай-шоу цин-шоу* (百兽庆寿), «100 зверей желают долголетия».

Поджигали фитиль, арка при этом ярко светилась, а из вазы на спине слона высоко в небо взлетала хлопушка. Затем одни животные начинали извергать огонь из пасти, а другие — «выплевывать» фейерверки. Глаза же зверей «выстреливали» цветы лотоса.

Пока не заканчивался фейерверк, животные стояли, опустившись на колени. Минут через 10 огонь и взрывы прекращались, и обнаруживалось, что арка стоит, абсолютно целая.

Еще одно зрелище — «шкатулка с цветами» из девяти слоев-этажей, и на каждом — сценка-сюжет из какой-нибудь сказки или оперы с благопожелательным смыслом.

Один придворный мастер полгода думал-колдовал и, наконец, устроил эту шкатулку так, что на всех девяти этажах происходили разные действия одной и той же пьесы; этажи постепенно, один за другим, опадали, однако представление продолжалось на оставшихся. Цы Си, любовавшаяся спектаклем в течение 10 минут, пришла в восторг.

В завершение приведу еще один отрывок, в котором Ба Цзинь описывает новогоднее празднование, непосредственным участником которого стал он сам. Эпизод этот связан с традицией изгнания Огненного Дракона и иллюстрирует любовь китайцев к огненным зрелищам.

«Барабаны и гонги гремели, не переставая, Огненный дракон пришел в движение. Этот дракон, состоявший из девяти звеньев, начиная с головы и кончая хвостом, был сплетен из бамбука, внутри стояли свечи, а снаружи бамбуковый каркас был оклеен бумагой с нарисованной на ней чешуей. Люди, приводившие в движение огненного дракона, поддерживали его снизу на бамбуковых пестях, на каждого из них приходилось по одному звену. Еще один человек нес впереди круглую жемчужину. Дракон двигался вслед за жемчужиной, то извивался, то размахивал хвостом, то изворачивался, крутил головой или вдруг стлался по земле, и опять извивался, потом быстро закружился, живо напоминая настоящего живого дракона, танцующего в воздухе. Грохот барабанов и гонгов словно подчеркивал его могущество.

Внезапно раздался звук, похожий на выстрел, в воздух взвились искры, дракон быстро заплясал, точно рассердившись на кого-то. В

него начали бросать хлопушки, они рвались на его туловище, он увертывался от них то влево, то вправо и снова плясал. Барабаны и гонги загремели еще сильнее, казалось, это ревет раненый дракон.

...Затем носильщики одновременно пустили несколько ракет в людей, управляющих Огненным драконом, не давая им укрыться. Такой метод, конечно, оказался эффективным. Хотя дракон по-прежнему отчаянно увертывался, искры целыми снопами летели прямо на обнаженные тела, часть их тут же падала, но другие прилипали к телу и жгли его. Обожженные громко кричали. Потом они опустили руки и перестали двигаться, они стояли, опираясь на бамбуковые шесты, как на посохи, предоставляя возможность носильщикам жечь их и при этом яростно тряслись, чтобы искры не приставали к телу. Их тела изменили свой цвет, как только искры попадали в них, люди издавали слабый крик и продолжали трястись. А зрители смеялись от удовольствия...».

После описания всей этой экзотики остается еще раз добавить, что в Пекине в целях безопасности давно запрещено взрывать хлопушки: и пожары случались, и несчастные случаи. Если же кто-то считает, что взрывы и треск — обязательный атрибут Нового года — можно поехать за город и там отвести душу, или же просто купить звуковую кассету с полным арсеналом всевозможных взрывов, отпугивающих злых духов. Так что веселого шума в Пекине в дни праздника Весны меньше не стало.

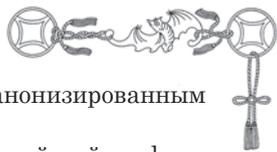
Встреча Цхай-шэня — бога Богатства

Самое распространенное пожелание, которое то и дело можно услышать на улице и дома в новогодний праздник — *гун-си фа-цхай* (恭喜发财), т. е. «Поздравляю и желаю разбогатеть».

У нас во время любого празднества, прежде всего, желают здоровья, у китайцев — богатства. Есть даже божество Цхай-шэнь (财神), т. е. бог Богатства. Расскажем немного и о нем. Кто такой Цхай-шэнь? Согласно древним записям, такой человек действительно когда-то жил в Китае. Фамилия его Чжао, имя — Гун-мин.

Он занимался самосовершенствованием, изучая «Дао-путь» в пещере Ло-фу, что в горах Э-мэй. Так как он помогал правителю Чжювану династии Шан в войне против У-вана (основателя следующей династии Чжоу), его после смерти удостоили четырех почетных званий, небесных должностей.

И все эти должности связаны с богатством, за которое он отвечал, в названии каждой есть слова «привлекающий богатство», «привлекающий сокровища», «принимающий драгоценности». Так что

даоский бог Богатства Цхай-шэнь и является канонизированным Чжао Гун-мином.

Остается лишь удивляться «нелогичности» китайской мифологии: во всех исторических документах Чжоу-ван описывается, как негодяй и садист, а Вэнь-ван и его сын У-ван — как избавители народа Шан от злого правителя. Но почему-то пособник этого Чжоу впоследствии стал божеством. Подробно о правителях Шан и Чжоу и их борьбе читайте в книге «Монахи Срединной империи».

Согласно даоскому учению, обожествленный Чжао Гун-мин родился в Чжун-нань-шане. А в начале правления династии Цинь он удалился высоко в горы, стал даосом. И после того, как добился на этом пути больших успехов, Яшмовый император (главное китайское божество) дал ему титул маршала оккультного храма, который сокращенно называют «храмом Чжао».

В старые времена бога Богатства Цхай-шэня и в храмах, и в каждом доме, в каждой семье изображали с темным лицом, густой бородой, сердитым взглядом круглых, крупных глаз. На голове у него — металлический шлем, а в руках — металлическая плеть и денежный слиток. Нередко он восседал на черном тигре.

Люди верили, что Учитель Чжао Гун-мин способен избавить от болезней, мора и различных бедствий, всегда способствует торжеству справедливости.

Занимаясь торговлей, китайцы мечтали разбогатеть, и Цхай-шэнь помогал им. Первоначально, получив должность на Небе, он вовсе не являлся божеством богатства, однако мог способствовать обогащению людей, поэтому в народе и стали поклоняться ему как богу Богатства.

В древности почитали двух таких богов: У Цхай-шэня и Вэнь Цхай-шэня. Люди верили, что на Небе есть два департамента, ведающих богатством; один покровительствовал военным, и руководил им У Цхай-шэнь, а другой — гражданским, и главой его был Вэнь Цхай-шэнь.

Но почему же не все стали богатыми, хотя поклонялся богу Богатства каждый китаец? В народе говорили, что Цхай-шэнь слышит моления лишь зажиточных людей; если же приношения совершали бедняки, то божество-дух к ним не являлся.

Существует сказание о том, как Цхай-шэнь развелся с женой. Оказывается, была у него жена, и прежде в храмах рядом с его статуей ставили изображение и его супруги — красивой молодой женщины. Затем богиня-красавица куда-то исчезла. Оказывается, Цхай-шэнь отказался с ней жить, развелся. Почему?

Виноват во всем один нищий, который уже не знал, куда податься от своей беды. Брел он по дороге, прося подаяния, и попался на пути его храм. Войдя в него, попрошайка не поклонился ни одному божеству, а направился напрямик к статуе Цхай-шэня и стал бить поклоны лишь ему одному, умоляя дать возможность разбогатеть.

Чжао Гун-мин лишь взглянул на него одним глазом и подумал: «Даже свечу не удосужился зажечь — пожалел денег на благовоения, а еще просит о богатстве... На свете так много нищих, почему же я должен облагодетельствовать именно этого?» И он спокойно задремал.

Однако бедолага считал по-другому. Он надеялся, что Цхай-шэнь поможет именно бедному, ведь богатым не приходится печалиться и мечтать о еде и одежде, им-то зачем бить поклоны богу Богатства и отвлекать его просьбами? И он продолжал без устали кланяться и просить.

Цхай-шэнь тем временем безмятежно дремал, но дрогнуло сердце его жены. Преисполненная сочувствия, она стала будить мужа, чтобы тот проявил хоть немного снисхождения к бедняку. Но супруг не внял и ее просьбам — зевнул сладко и вновь закрыл глаза.

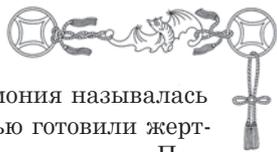
Что делать, как помочь? Хоть она и жена Цхай-шэня, но все богатство — в его руках, и если он не кивнет согласно головой, то она не вправе добром распоряжаться. Однако и нищего жаль. Сняла молодая женщина золотые серьги и бросила молящемуся. Тот заметил, что к ногам что-то упало, и обнаружил пару золотых серег. Нищий понял, что это милость богини, и стал с жаром бить поклоны и благодарить ее без конца.

Муж в это время открыл глаза и обнаружил, что жена пожертвовала нищему серьги, а ведь это был его подарок во время помолвки! Он страшно рассердился и выгнал ее из царства небожителей. С тех пор прошли сотни лет, но Цхай-шэнь не помог ни одному бедняку, как бы тот ни просил о помощи.

А еще в народе говорят, что существуют Цхай-шэни «пяти дорог», «пяти путей», есть и картинки с изображением всех пяти — *у-лу Цхай-шэнь* (五路财神). «Пять путей» — это восток, запад, юг, север и центр, а смысл картинки в том, что человек, выйдя за порог дома, может разбогатеть где и когда угодно.

В 5-й день первого месяца *чжэнь* нового года полагалось поклониться пяти божествам:

- *хан-шэню* (行神) — покровителю профессии;
- *ху-шэню* (户神) — покровителю семьи;
- *тху-шэню* (土神) — духу земли;
- *мэнь-шэням* (门神) — охранникам дверей;
- *цао-шэню* (灶神) — богу очага.

В этот же день встречали Цхай-шэня, и церемония называлась *цзе Цхай-шэнь* (接财神). Для него накануне ночью готовили жертвенное мясо, пирожные с фруктами, ароматные свечи и прочее. При этом били в барабаны и гонги, приветствуя и поздравляя божество. Считалось, что 5-го числа месяца *чжэн* — его день рождения.

Встречая бога Богатства, полагалось преподнести ему баранью голову и карпа, и это имело символический, благопожелательный смысл. В слове *цзи-сян* (吉祥), «счастье», иероглиф *сян* имеет в своем составе ключ «баран», значит, и баранья голова — намек на пожелание счастья. А в слове «кари», *ли-юй* (鲤鱼), иероглиф «рыба», *юй*, звучит так же, как и слово «остаток, излишек», а иероглиф *ли* по звучанию похож на слово «выгода, удача».

Богу Цхай-шэню желали счастья, удачи, богатства. Люди глубоко верили, что если к ним спустится дух божества, они непременно в этом году станут богатыми и знатными. Поэтому в 0 часов 0 минут 5-го числа они открывали большие ворота и все окна в доме.

Приветствуя Цхай-шэня, воскуривали благовония, запускали фейерверки, зажигали хлопушки, поскольку взрывы и хлопки были призваны не только возвестить о приходе нового года и отпугнуть недобрые силы, но и привлечь богатство.

К раскрытым воротам дома подходили ряженные с цветным изображением божества на бумаге и выкрикивали: «Пришел Цхай-шэнь и принес богатство!» Хозяин дома выходил навстречу (ведь он заранее распахнул ворота) и в знак приветствия бога Богатства выносил деньги и раздавал их сопровождавшим «портрет».

При этом произносились благопожелательные фразы, например, «в ваш дом пришло богатство в виде золота, серебра и драгоценностей» — *цзинь-инь цхай-бао гунь-цзинь-лай* (金银财宝滚进来) или «слева — пара золотых львов, справа — пара золотых фениксов» — *цзо-бень ёу дуй цзинь ши-цзы, ёу-бень ши дуй цзинь-фэн-хуан* (左边有对金狮子, 右边是对金凤凰).

Люди, которые приносили изображение главного для китайцев божества, нередко и сами наряжались в Цхай-шэня. Они надевали красные халаты, черные флеровые шапочки (которые носили чиновники до династии Цин), прикрепляли фальшивые бороды, а за спиной держали желтые матерчатые мешки для денег (желтый — цвет золота).

Позади ряженого шли сопровождающие, которые били в барабаны и гонги. Вся эта группа ходила по домам, раздавая изображения Цхай-шэня и зарабатывая при этом деньги. Подойдя к воротам, они начинали петь: «Слева — хранилище, полное золота и серебра, справа — комната, доверху наполненная богатством и драгоценностями!»

Ряженые наговаривали целую кучу благопожеланий, пока хозяин не принимал изображение божества на красной бумаге и не раздавал деньги пришедшим. А те, поблагодарив, шли к другому дому, другим воротам, стуча в барабаны и гонги.

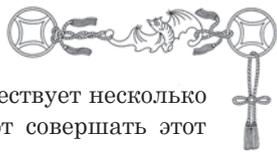
Бог богатства с летучей мышью

Проводы бедности

Шестое число месяца *чжэн* считалось днем «проводов бедности» — *сун-цюн* (送穷). Это очень древний обычай. Смысл его в том, чтобы принести жертвы божеству бедности и расстаться с ним. Его называют Цюн-шэнь (穷神), а еще — *Цюн-цзы* (穷子) или *Цюн-гуй* (穷鬼).

Считалось, что это божество всегда ходило в рваной одежде, полуистлевшем белье, и даже если ему преподносили новое одеяние, Цюн-шэнь прежде рвал его, либо прожигал в нем дыры, и только после этого надевал. Внешне его изображали слабым, хилым, маленького роста, ибо, как считалось, он ел лишь жидкую кашу, в которой больше воды, чем рисинки.

Трудно сказать, когда возник обычай провожать бога Бедности, но благодаря историческим записям известно, что в эпоху Тхан он уже существовал, причем проводы эти сопровождалась пышной церемонией, которую воспевали в своих стихах даже поэты того времени.

Относительно даты «проводов Цюнь-шэня» существует несколько мнений, разные старинные книги предписывают совершать этот обряд в разные дни. Например, говорится, что делать это надо накануне «дня человека», т. е. накануне седьмого дня месяца *чжэнь*. (Напомним, что из первых семи дней нового года шесть принадлежат животным — петуху, собаке, свинье, овце, корове, лошади, а седьмой — человеку).

В книге «Тху-цзин» указывается, что проводы Цюнь-шэня следует устраивать в 29-й день месяца *чжэнь*. Есть и другая рекомендация: в последний день месяца, потому что в книге «Вэнь цзун бэй вэнь» говорится, что в этот день божество умирает.

И хотя в разных местностях этот обряд совершают в разные дни, сам ритуал всегда похож: подметают сор, смахивают пыль и выбрасывают все это в воду. Затем пекут блины — семь штук, и накрывают их. Все это делают накануне, а в день проводов разбрасывают блины на широкой дороге, «прощаясь с бедностью».

Для самого же божества Цюнь-шэня мастерам миниатюрную тележку из ивовых веточек и плетут лодочку из травы. И в телегу, и в лодочку насыпают зерно, затем телегу привязывают к ярму буйвола, а лодку — к мачте парусного судна.

Этот обычай отображает стремление людей расстаться со старым, плохим: нуждой, бедами, и встретить в новом году только хорошее, в том числе и зажиточность.

Новогодние визиты и поздравления

«Рано утром Цзюе-синь и трое его дядюшек опять сели в паланкины и отправились с визитами, а женщины, ступая по обгоревшим ракетам, хихикая дорогой, вышли из главных ворот на улицу и направились «в сторону бога Радости», разыгрывая повторяющееся из года в год представление «выхода в путь». Поскольку за весь год женщины имели возможность открыто выйти из дому только один раз, они с любопытством и жадностью рассматривали сонную пустынную улицу, где все им казалось новым и интересным. Им не хотелось с ней расставаться, но вместе с тем они боялись встретить посторонних мужчин и вынуждены были поспешить домой».

Обычай наносить визиты с новогодними поздравлениями называется *бай-нень* (拜年). Иероглиф *бай* означает «класть земные поклонь», поэтому общепринятый перевод этого выражения — «поздравлять с Новым годом» — не совсем точен, ибо речь идет об особых, специальных церемониях. И называются они по-разному:

- *бай-цзе* (拜节) — «поклоны в связи с праздником», или «праздничные поклоны»;
- *хэ-нень* (贺年) — «поздравление с Новым годом»;
- *хэ-чжэн* (贺正) — «поздравление с первым месяцем года»;
- *хэ-суй* (贺岁) — «поздравление с Новым годом»;
- *цзоу-чхунь* (走春) — «весенние походы в гости»;
- *тхань-чхунь* (探春) — «весенние визиты», дословно — «проведать весной» и пр.

В древности существовал похожий обряд — *хэ-нень*, который отличался от *бай-нень*. Сейчас и то, и другое выражение означают просто «поздравление с Новым годом», однако в старину *бай-нень* означало поздравлять старших, став на колени и ударяясь лбом об пол, а *хэ-нень* — взаимное поздравление людей одного поколения.

Встретив ночью Новый год семьей, за плотно закрытыми дверями, люди наутро выходят из дома, чтобы проведать родных и знакомых, поздравить их с праздником. При этом они говорят друг другу шаблонные, графаретные фразы, из года в год, из века в век — одни и те же, вовсе не страдая, как мы в таких случаях, что они неоригинальны:

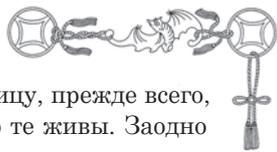
- «Поздравляем с радостным событием и желаем разбогатеть!»
- «Спокойствия и благополучия вам в течение всего года!»
- «Поздравляем с новым счастьем!»

Перечисление подобных общепринятых поздравлений можно продолжить, взяв их с любого новогоднего лубка:

- «Стабильности и спокойствия из года в год!»
- «Поздравляем с новой радостью!»
- «Веселого Нового года!»
- «Пусть все сбудется по вашему желанию!»
- «Попутного ветра вашим парусам!»
- «Огромной радости вам, больших успехов!»
- «Успехов во всех делах!» и т. п.

На предыдущих страницах уже рассказывалось, что в очень давние времена люди страдали от какого-то невиданного чудовища *нень*, которое ежегодно 30 числа последнего месяца в году — *ла* — приходило в селения к людям и поедало всех, кто не успел спрятаться.

Чтобы спастись, люди не просто заранее заходили в дом и крепко закрывали все двери и ворота, но и оставляли чудовищу угощение в виде куска мяса у своего порога.

А утром, когда они осмеливались выйти на улицу, прежде всего, навещали родных и друзей, чтобы убедиться, что те живы. Заодно и всех знакомых, которых встречали по пути, поздравляли с тем, что их не съело чудовище *нень*. Поэтому первоначально *бай-нень* означало «кланяться чудовищу», т. е. ублажать его, чтобы не быть съеденным.

И только в период правления Цинь и Хань (221 г. до н. э. — 220 г. н. э.) это выражение приобрело нынешний смысл — поздравление с наступлением первого дня нового года. В установлениях, правилах того времени говорилось: «Утром 1-го числа месяца *чжэн*, как только прокричат петухи, следует, прежде всего, запустить бамбуковые хлопушки, а затем, нарядившись, идти с поздравлениями».

Бай-нень следовало совершать в определенном порядке; это тоже регламентировалось правилами:

— в первый день нового года навещали своих родственников по крови и близких соседей;

— на второй и третий день — поздравляли тестя, дядей по материнской линии, мужей сестер отца и др.;

— позже, вплоть до 15-го числа, навещали остальных родственников и друзей, и это уже называлось *бай-гэ вань-нень* (拜个晚年), т. е. «позднее поздравление с Новым годом».

В старые времена соседей и близкой родни насчитывалось много, и если не удавалось посетить и поздравить каждого лично, то отправляли слуг с визитными карточками, которые назывались «летающие поздравления», «летающие карточки» — *фэй-тхе* (飞帖).

Перед дверями каждого дома наклеивали мешочки из красной бумаги, на которых писали иероглифы *цзе-фу* (接福) — «прием пожеланий счастья». Туда и складывали поздравительные карточки, чтобы не беспокоить хозяев. Обычай этот возник в высшем обществе во времена эпохи Сун.

В состоятельных домах существовали специальные журналы *мэнь-бу* (门簿) — «блокноты у ворот» для учета визитов гостей и врученных ими «летающих карточек». В них записывали примерно следующее: «Первый день. С поздравлениями приходил старый господин Лин, проживающий в переулке Бай-суй. Приходил молодой господин Гуй У-цзи, проживающий у Арки канцлеров. Навестил старый господин Фу Чжао-лин, проживающий в особняке У-фу» и т. д. Современные поздравительные открытки и «визитки» произошли именно от «летающих карточек».

Поздравление с праздником Весны родственников и друзей является очень важным обычаем. Маленькая забавная деталь. Непри-

личным считалось поздравлять друзей и родных с пустыми руками. Полагалось захватить шкатулочку с пирожными. В каждой семье эти пирожные покупали заранее. И нередко случалось так, что родня, получив угощение, передаривала его друзьям, а те — своей родне и т. д. Так одна и та же коробочка со сладостями могла неоднократно переходить из рук в руки до тех пор, пока не закончится праздник. Она вполне могла вернуться к первому хозяину, купившему ее.

В любом случае, последний, кому доставалась шкатулка, обнаруживал в ней пирожные, твердые, как камень, а то и покрытые плесенью.

Новый год в деревне

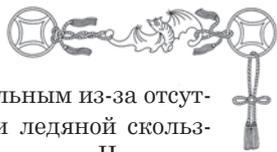
1.

Хочу рассказать о своих впечатлениях от встречи Нового года в горной деревушке провинции Хэбэй, в гостях у китайских друзей по фамилии Фэн. Пекин называется Северной столицей, наш же маршрут лежал еще выше, гораздо севернее города Чхэндэ, где морозы зимой стоят трескучие.

Огромные толпы наемных рабочих спешили добраться в родные деревни на отдых, и купить билеты оказалось делом нелегким. Нам не хватило мест в отъезжающем автобусе, и пришлось ждать на морозе под пронизывающим ветром следующий.

Втиснувшись, наконец, я поняла, что первое испытание началось: все мужчины безостановочно курили прямо в салоне так, что за облаками дешевого дыма невозможно было разглядеть происходящее на экране телевизора, да и дышать стало очень трудно. Громко отхаркивались и сплевывали прямо на пол. Кому надоело курить, щелкали крупные, серые китайские семечки с мелкими семенами. Шелуха покрывала пол сплошным ковром.

Горная дорога, по которой мы двигались на стареньком автобусе, оказалась по-настоящему опасной: через некоторое время наш водитель остановился и все выбежали на улицу, подойдя к краю пропасти. Оказалось, предыдущий рейсовый автобус, в котором нам не досталось мест, упал с серпантина и лежит на боку, примерно на глубине пяти-шести метров. Что произошло с пассажирами, я не увидела, потому что поспешила вновь занять свое место: я и без того очень боюсь передвигаться по горным дорогам. Остальные пассажиры еще долго, переговариваясь, рассматривали детали трагедии, пока не приехала «скорая».

Путешествие показалось мне долгим и мучительным из-за отсутствия элементарного комфорта, антисанитарии и ледяной скользкой дороги. Было голодно и страшно. Пересадку сделали в Чхэндэ, а позже еще раз пересели в маршрутное такси, старое и ненадежное, чтобы добраться до маленького городка Чжан-сань-ин (张三营). Это был частный транспорт, и ноги в нем уже по шиколотку утопали в шелухе от семечек. Поразило то, что и владелец машины, водитель, не отставал от пассажиров, щелкая громко и со вкусом.

Несмотря на теплую одежду, замерзла так, что превратилась в сосульку. Однако я знала по книгам, что в домах у северян полкомнаты занимает *хо-кхан*, отапливаемая горячим дымом лежанка, и надеялась вскоре по-настоящему согреться. Что касается местных жителей, то они даже перчаток не надевали, а лицо обогревали сигаретами, — большинство пассажиров оказались мужчинами.

2.

В деревню мы добрались к вечеру, когда уже стемнело. Мы — хэцзянский сын 18 лет по имени Ень Ян и я. Я работала вместе с этим мальчиком и его отцом в Пекине, и прекрасная семья, зная о моем интересе к культуре их страны, великодушно пригласила меня в гости. В деревне проживали маньчжуры — одно из нацменьшинств Китая, люди гордые, рослые, крепкие, молчаливые и несуетливые, аскетичные в быту и привыкшие к суровому климату. По дороге мой попутчик рассказал, что семья у них дружная, однако есть в ней настоящая беда. Крестьяне любят играть в *ма-цзян* в свободное от работы время, но делают это из скуки, на зернышки кукурузы. Мама же в семье Фэн пристрастилась играть на деньги и проигрывает все, что зарабатывает семья.

Дом, как это принято, построили большими окнами и дверью к югу, чтобы яркое зимнее солнце дополнительно согревало помещения. Прямо в прихожей, справа, на низкой кухонной плите *цзао-тай*, или *цзао-хо* (灶台, 灶火), я увидела вмонтированный огромный казан, который, похоже, никогда не вынимали. Соответственно, справа располагалась восточная, главная комната с *кханом*: утром принято топить печь, готова рис на весь день, и теплый дым уходит не на улицу по дымоходу, а пропускается по специальным змеевидным трубам под лежанкой, согревая ее.

К отапливаемому *кхану* приставили круглый стол с добротными крестьянскими закусками, вокруг стола уже сидели на стульях люди, а мне, как почетному гостю, досталось место на обогреваемой лежанке. Она оказалась выше, чем я себе представляла, и мои ноги болтались, не доставая до пола.

Поначалу я сгоряча сняла верхнюю одежду, соблюдая приличия, но осталась в сапогах. Тщетно надеялась почувствовать живительное тепло и шепотом спросила у Ень Яна, почему в праздник *кхан* остается холодным? Мальчик засмеялся и ответил, что лежанка очень теплая. Незаметно приподняв край циновки, я прикоснулась к глиняной лежанке. Я бы согласилась, что она не ледяная. И только.

Мне представили некоторых гостей — родственников и соседей, но я никого не запомнила: «второй дядюшка», «третья младшая сестра»... За столом особо не разговаривали. Лишь посматривали на меня, и в глазах читалась приветливая улыбка.

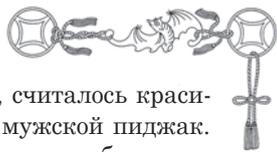
Позади хозяйки на маленьком столике рядом с термосом стоял фарфоровый чайничек с водкой в горячей воде, и именно она ухаживала за гостями, подливая жгучую жидкость в крошечные рюмки. Пили одну за другой без всяких предисловий. Одни гости выпивали и закусывали, а потом молча уходили; появлялись новые соседи и родня, близкие и дальние, без приветствий и поздравлений садились за стол, без тостов выпивали, закусывали и уступали место следующим. Поток казался нескончаемым, не исключено, что приходили поглазеть на меня — многие из крестьян никогда не видели иностранцев.

Меня удивило, что гости даже в праздник такие немногословные. Может, меня стесняются? Сын хозяина пояснил: «Мы болтать не любим. Говорят, человек с длинным языком может столько «наплевсти», что из его болтовни впору веревку сплести, чтобы привязать осла (嘴嚼起来可以拴一头驴)».

Для меня хозяин припас несколько ящичков миндального молочка в металлических банках, поскольку знал, что крепкие напитки я не употребляю. Это холодное сладкое молочко мне не понравилось, но отказываться казалось неловко. Кое-кто из соседей, когда разливали водку, тихо и несмело спрашивал глазами у хозяев, указывая на меня, почему не наливают гостье? И отец Ень Яна, демонстрируя свою осведомленность, достаточно громко протестовал: она не пьет!

Я вновь натянула дубленку, чувствуя, что нос и щеки у меня посинели. Входная дверь постоянно была открыта, дверь в комнату — тоже. От лютого холода нас отделяла лишь зеленая стеганая ватная занавеска, что висела со стороны улицы. Я вновь шепотом спросила у юноши: «А почему в доме не закрывают дверь?»

Вопрос услышала его мама и, засмеявшись, громко ответила: «Да ведь не так уж холодно! Люди ходят туда-сюда, и мы то и дело выбегаем по делам, открывать и закрывать двери — целая морочка!»

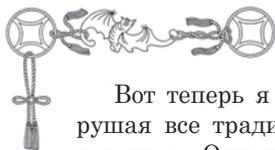
Среди местных женщин, молодых и пожилых, считалось красивым и нарядным надеть поверх теплого свитера мужской пиджак. Зимой, весной и осенью все женщины на севере ходят в брюках с кальсонами. Щеки у крестьян даже не алели, а «багровели»: и от постоянных северных ветров, и от спиртного. Они в своих пиджачках, переходя по улице из дома в дом, выглядели счастливыми и веселыми, а я в помещении, в дубленке и огромном платке вместо шарфа, мечтала оказаться в Пекине, чтобы согреться в своей квартире.

Стол ломился от угощений, присутствовали блюда из разных сортов мяса и птицы, хозяйка то и дело добавляла и подрезала для очередных гостей. Из-за холода мне запомнились лишь горячие пельмени, остальные блюда даже затрудняюсь перечислить, но не все, что казалось лакомым крестьянам, я оценила. Я мечтала о стакане водки! Даже непьющий понимает, что спиртное согревает. Но мне никто не предлагал ничего, кроме «полезного, восстанавливающего баланс между Инь и Ян» — как написано на банке — миндального молочка! Как попросить чего-либо покрепче в малознакомой компании, если мне уже создали славу «трезвенницу»?... Лютый холод в праздничном помещении — мое второе испытание!

Вошел очередной гость, малорослый, полный, круглолицый. Я, видимо, уже была так раздражена из-за окоченевших рук и ног, что в душе отнеслась к нему с неприязнью. Судя по всему, вновь пришедший занимал довольно высокую должность в деревне. Он, не в пример остальным, вел себя смело и уверенно. Пристально взглянув мне в глаза, он попросил: «Налейте гостю водки!»

Хозяина дружно поддержали соседи за столом, которые уже считали себя моими старыми знакомыми: «Она не пьет!» Однако толстячок, единственный из всех, правильно расценил обстановку: «Со мной выпьет!» Моя неприязнь переросла в обожание. Я с надеждой ждала, чем закончится спор. На вопрос хозяина Фэна я делано безразлично ответила, что могу и выпить. В Китае «тостуемые» молча смотрят в глаза друг другу и приподнимают рюмки, показывая, что хотят с тобой выпить. Мой спаситель, мой «тостуемый» толстячок поднимал и поднимал рюмку, предварительно взглянув на меня, пока не убедился, что я ожила. Не суди о человеке по внешности!

Водка оказалась крепчайшей! А в теплом виде она просто валила с ног. Голова моя была незамутненной, настроение улучшилось, развеселившись, я стала предлагать различные тосты, поражая стеснительных крестьян: и за дружбу, и за гостеприимство, и за неповторимую китайскую культуру, и за крепких деревенских жителей, которые не могли понять, — почему русская боится холода.

Вот теперь я почувствовала, что мы отмечаем Новый год! Нарушая все традиции, предложила отодвинуть стол и приступить к танцам. Однако при ясной голове ноги меня не держали. Через некоторое время к дому потянулась молодежь — сарафанное радио сработало отлично. Я уже пришла в себя и показывала некоторые «па». Совсем маленькие дети и молодые мальчики с удовольствием присоединились ко мне, девушки и пожилые люди робко жались к стене. Когда я пыталась втянуть девушек в круг, они прикрывали ладошкой-лодочкой нос и рот и энергично отрицательно мотали головой, не произнося ни слова.

Наконец, и я прислонилась к стене, чтобы отдохнуть. Ко мне подошли две девчужки лет 14. Очень близко заглядывая в лицо, стали комментировать, будто я была неодушевленным предметом:

— Смотри, глаза голубые!

— И возле глаз есть морщинки!

Затем одна из них взяла мою руку в свои. Я решила, что они разглядывают кольца, но вдруг услышала:

— Смотри, пальцы такие же, как у нас!

Танцы так понравились всем присутствующим, что потом ежевечернее мы их повторяли, собирая в доме всю молодежь.

В Новогоднюю ночь не обошлось без запуска ракет и петард, и я видела, что для мужской части семьи это самый долгожданный элемент праздника. Глава рода так увлекся, что взрывом выбил стекло в доме.

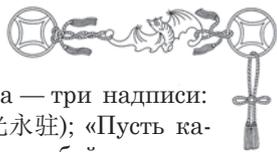
3.

Перед сном я внимательно рассмотрела небольшой дом, записав все благопожелания, наклеенные на стены и двери.

На задней стене, напротив входной двери, на красной бумаге я прочла: «Подними голову и стань счастливым (увидишь счастье)!» (抬头见喜).

На двери восточной комнаты вверху висела надпись: «Как дракон взлетает, как тигр прыгает!» (龙腾虎跃). Это призыв к совершенному подвигу или славного деяния. Под ней — еще два вертикальных полотнища: «Все вокруг фиолетовое и красное, яркое и пестрое, значит, — пришла весна!» (万紫千红总是春). «На пяти озерах и четырех морях (т. е. повсюду) установится год великого благоденствия!» (五湖四海太平岁).

У входа в кухню — свои надписи, как всегда — горизонтальная и две вертикальных: «Прекрасны цвет, аромат и вкус!» (色香味美). «Все четыре времени года не будет недостатка в праздничной еде!» (四季不乏节令鲜). «Пусть в течение всего года радуется соответствующая сезону пицца!» (一年尚有应时菜).

У дверей западной комнаты с запасами зерна — три надписи: «Пусть всегда красуется весенний пейзаж!» (春光永驻); «Пусть каждая семья радуется богатству и знатности, подобным буйному цветению!» (花开富贵家家乐); «Год от года радуйтесь яркому счастью!»

На двери кладовой начертано: «Пять видов счастья — у самых дверей!» (五福临门); «Полный дом золота и яшмы!» (金玉满堂富贵门); «Благодатный для урожая снег встречает весну, кружась в танце в воздухе» (瑞雪迎春银花舞).

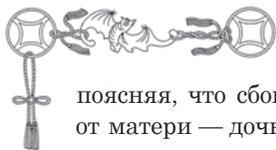
Обстановка в доме, на мой взгляд, абсолютно аскетичная: ни кресла, ни занавесочки, ни половичка. В главной комнате, помимо *кхана*, присутствовали лишь круглый стол, на котором в обычные дни стоял телевизор, шкаф да выдавший виды табурет, на который ставили старый таз для умывания, доставая его из-под шкафа. В нем не только мыли руки, лицо и ноги, но и стирали. Еще в семье пользовались низкой скамейкой со странным названием «лошадиный затвор», *ма-чжа* (马闸), которую в случае надобности подхватывал то один, то другой. Мне нравилось сидеть на ней у «огненного таза», чтобы греть не только руки, но и лицо.

На кухне утварь очень скромная, в ведре с водой плавает черпак, выполненный из половинки тыквы-горлянки. Как удобно и приятно пить из него воду!

Самым красивым и желанным предметом в доме мне показался «огненный таз» *хо-пхэнь* (火盆), края которого сделаны в виде лепестков цветка и украшены узором. В него накладывали золу, которая тлела, испуская благодатное тепло. Совсем озябнув, члены семейства могли подойти к нему и согреться, подержав над жаром ладони. В семьях позажиточнее — я видела — таких огненных тазов имелось по одному в каждой комнате. В семье Фэн — лишь один.

Зимой темнеет рано, спать ложатся рано: в 8–9 часов. В доме, где меня принимали, второй комнатой, западной, пользовались лишь в теплое время года, потому что отопления в ней не было, а потому спать мне предложили вместе со всей семьей на *хо-кхана*. Я не поверила своим ушам! Это оказалось моим третьим испытанием. *Кхан*, протянувшийся от стены до стены, оказался не таким уж широким. Он упирался в широкое окно, однако спать следовало не головой к окну, как я предполагала, чтобы можно было бы легко спустить ноги на пол, вставая, а лицом к югу, т. е. ногами к окну и головой — к краю *кхана*.

В центре всегда спали родители, рядом с матерью — дочь, рядом с дочерью — сын. Получалось довольно «густо», впритык друг к другу. Крестьяне считали, что если у каждого есть свое одеяло, значит, все спят отдельно. Я запаниковала и меня стали успокаивать,

поясняя, что сбоку от отца ляжет сын, нарушив правила, а сбоку от матери — дочь, а потом и я, у самой стены. Либо меня положат между матерью и дочерью, как почетную гостью. Но я никак не могла принять такую ситуацию — спать среди малознакомых людей «в одной кровати». Как разрешили эту проблему — отдельный рассказ.

Четвертое испытание — туалет. Я была готова к тому, что все удобства находятся на улице, и это меня не пугало: вполне естественно в деревне уединиться в крошечном домике, а то и просто в каком-то огороженном месте. И ключевое слово тут — «уединиться».

Но по законам гостеприимства приветливых северян считалось, что гостя нельзя ни на минуту оставить без помощи, тем более — иностранку, «избалованную жизнью», супругу дипломата. От изобилия непривычной пищи у меня начались колики в животе, и я постаралась незаметно выскользнуть в темный двор. Не тут-то было! По кивку головы отца семейства за мной выскочила его дочь и «приклеилась» ко мне.

За домом я не обнаружила ни выгребной ямы, ни намека на загородку. Но зловонную кучу на ровной земле все же нашла. Как мне пояснили потом, все, что оставлял на земле человек, съедали домашние куры. Для их удобства ямы не роют.

Девушка встала рядом со мной, приговаривая: «Не бойся, никто не придет!» Она, конечно, удивилась, что я через некоторое время вернулась в дом «ни с чем», о чем и рассказала простосердечно всем окружающим, и это всех, похоже, расстроило. Еще несколько раз я делала попытки отлучиться, умоляя не сопровождать меня — бесполезно! Девушка, выполняя свой долг, просто преследовала меня.

4.

Довольно рано утром я в сопровождении молодых членов семейства отправилась изучать деревню в ожидании общего празднования на улице. Видом деревни и домов я была поражена — настолько все добротно и красиво. Постройка таких кирпичных домов обходится в среднем по 8–9 тысяч долларов, хотя есть, конечно, и дороже — двухэтажные. Постройки немного напоминают *сы-хэ-юары* столицы (двор-колодец, образованный домами, принадлежащими одной семье), но в деревенском варианте отсутствовали западный и восточный флигели.

Сразу за воротами лицом к югу расположен первый дом, смотрящий на юг огромными окнами, ловящими тепло. Остальные стены окон не имеют. Предназначен он, по правилам, для старшего сына, с которым будут коротать старость родители. Дом возводят заранее, пока наследник еще не вырос. Но в семье, где я остановилась, види-

мо, по причине нужды, «южный» дом так и не достроили, пользуясь помещениями, как складом для сельхозинвентаря.

Растянувшийся с востока на запад сыновний дом должен иметь две двери: на юге и севере, чтобы через последнюю можно было попасть во двор, разделяющий два здания.

Второе жилище располагается почти в конце двора, и тоже вытянуто с запада на восток. Северная, восточная и западные стены абсолютно глухие. Дверь и окна смотрят на юг. В зажиточных семьях таких домов, нанизанных на ось, может насчитываться и три, и четыре, но правила проживания всегда одни: в последнем, наиболее удаленном от дороги, живет старшее поколение. В старину там же обитали незамужние девицы, чтобы не пересечься ненароком не только с посторонними мужчинами, но и старшими братьями и дядьями. По той же причине гулять они могли лишь в заднем дворике.

В западном и восточном флигелях могла жить прислуга и женатые сыновья. Посторонних и дальнюю родню могли принимать лишь в первом доме, наиболее близком к воротам.

В маньчжурской деревне западных и восточных домов не было, и дворы с боков оказывались открытыми постороннему взгляду. Но было местное своеобразие: перед северным домом — огромная солнечная терраса. Я по своим городским меркам тут же представила, как здорово смотрелась бы там летом плетеная мебель для отдыха — чтения и чаепития. Терраса называется *юэ-тхай*, т. е. «лунная терраса» (月台), в отличие от Пекина, где балконы, веранды и лоджии зовутся *ян-тхай* — «солнечная терраса» (阳台). Крестьяне на мой вопрос об использовании террасы ответили, что летом на ней сушат зерно.

В восточной части двора я обнаружила корову в стойле и очень удивилась: зачем же мы привезли из Пекина так много молока в пакетах? Я любитель кофе с молоком, а Ень Ян, живя в столице, тоже пристрастился к молоку, так что с собой прихватили несколько ящиков. Я спросила у хозяйского сына:

— Это корова или бык?

— Корова.

— Разве у нее нет молока?

— Наши крестьяне никогда не доят коров, молочные продукты им не знакомы.

— Зачем же держать корову?

— Для работы в поле.

Более чем скромную обстановку в доме компенсировали украшенные дворы и улицы. Как и в доме, на улице висели самые разнообразные надписи на красных вертикальных полотнищах и го-

ризонтальных полосках, больших и крошечных. Казалось, нет ни одного места без этих весенних наклеек *чхунь-лень* (春联). Лишь на многочисленных домашних животных их нельзя наклеить, поэтому свиней, лошадей, коров и курей просто «пометили» красной или розовой краской на лбу, сделав довольно крупные полоски.

В деревне почти в каждом дворе возвышалась колонка для воды, и надписи красовались похожие: «Пусть всегда благоденствует колодец-родник» (井泉兴旺) или «Царь драконов родниковой воды» (井泉龙王). Перед входом в хлев для домашней скотины: «Пусть будет полный загон жирных свиней!» (肥猪满圈) или «Свиньи жирные, лошади крепкие» (猪肥马壮). Даже на курятниках атели ленты с надписями: «Полные насесты золотых петухов и курочек» (金鸡满架).

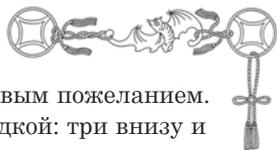
Мы проходили мимо частных машин, мотоциклов, велосипедов и даже небольших тракторов, стоящих во дворах, и на каждой «телеге» (этот иероглиф присутствует в названиях всех видов транспорта) написано: «Пусть этот транспорт обеспечит безопасность!» (人车保平安), «Пусть в день пробегает тысячу *ли*!» (日行千里路). Или еще: «Пусть машина преодолет 10 тысяч *ли*, и это принесет радость» (车行万里欢欢喜喜), «Пусть человек идет во всех восьми направлениях, и пусть ему нигде не встретится преград» (人走八方顺顺当当).

Сельскую школу тоже украшали надписи, горизонтальная — «Пусть будет полный сад персиков и слив!» (桃李满园), и две вертикальные по обе стороны от ворот — «Пусть сладкий родник напоит молодые росточки, чтобы выросли!» (甘泉哺育幼苗成长); «Пусть солнца лучи осветят сливовые и персиковые деревья, чтобы сад стал полным!» (阳光普照桃李满园). Так деликатно и непрямолинейно пожелали успехов в учебе детям.

5.

Главными достопримечательностями для меня стали местные храмы Кумирня девяти святых (九神庙) и Храм Царя драконов (龙王庙). Как же эти скромные храмы отличаются по содержанию от многочисленных городских, которых я посетила великое множество в разных городах Китая! Состоят они лишь из одного зала, в нем нет служителей, и содержат их на свои средства сами крестьяне.

Храм Царя драконов посвящен божеству вод, дождя и колодецев, которому поклоняются все жители и которого они называют «бабушка Царь драконов» (龙王爷). Как пояснил мне молодой Фэн, крестьяне перед ним благоговеют, ведь от его милости зависит их урожай, а в более широком смысле — жизнь. Поэтому каждая семья преподносит ему дары в виде пяти пампушек из хорошей муки.

Сверху их посыпают мукой, что является счастливым пожеланием. Пампушки складывают особым способом, пирамидкой: три внизу и две — сверху.

13 числа шестой луны крестьяне отмечают день рождения Царя драконов и непременно навещают храм. У северной стены, обращенной к дверям на юге, восседает огромное мифическое чудовище Дракон. Рядом с ним — птица Феникс, супруга, составляющая с ним пару *Инь-Ян*. Они же являются символами императора и императрицы.

У северной стены, несколько ниже, расположились изображения еще одного дракона, а также реально существующих животных: справа от Царя драконов — батюшка Царь лошадей (马王爷), слева — батюшка Царь коров (牛王爷), покровитель крупного рогатого скота.

У левой, западной стены храма восседают еще три божества: дух Земли (土地爷), дух Гор (山神爷) с топором в руке и дух Трав (草王爷). У правой, восточной стены сидят глиняные идолы еще более трогательных духов, или божеств: Князь насекомых (虫王爷), держащий в руках птицу; Князь молодых росточков, побегов (苗王爷), держащий в руке початок кукурузы и метелочку проса, и Владыка пяти дорог, пяти миров, пяти типов перерождений (五道爷). Пять видов перерождений в буддизме — это Небо, человек, домашние животные, голодные духи и ад.

Так что в крошечном храме соединены воедино буддизм, даосизм и народные культы. Такие религиозные верования завещаны жителям деревни, как они уверяют, их предками, и завет строго соблюдается. Покидая кумирню, я еще раз оглянулась на надписи на красных полотнищах у входа. Над дверью — пожелание: «Пусть ветер будет мягок, а дожди — благоприятны» (风调雨顺). Справа и слева на вертикальных скролах написано: «Когдаходишь, пусть в спокойствии живет народ всей страны» (入海府国泰民安) и «Когда выходишь из дворца Дракона, пусть ветер будет мягок и дожди благоприятны» (出龙宫风调雨顺). Поистине, в течение веков все мечты китайского народа были лишь о мире и хорошем урожае!

Во второй кумирне на пьедесталах восседают все те же духи и божества, что и в храме Царя драконов, плюс несколько новых персонажей: Владыка ада (阎君), маленький дьявол с высунутым языком (小鬼) и Пхань-гуань (判官), делопроизводитель с дощечкой и кистью в руках для записей — чиновник при владыке подземного царства, который ведет учет жизней и смертей.

Водяной дракон

Напротив храмов возвышается гора Цин-жэнь-я (情人崖) — Утес влюбленных. Во время празднования Нового года все влюбленные поднимаются туда.

Прося у духов Неба и Земли о ниспослании счастья, долголетия, удачи, об избавлении от бедствий, о всяческой защите, крестьяне в более давние времена делали подношения и молились восьми покровителям, и об этом свидетельствуют исторические документы. Перечислим их.

Дух **Сень-сэ шэнь** (先嗇神), еще его называли Святой Шэнь-нун (神农) — обожествленный император, основоположник земледелия;

Хозяин хлебов **Сы-сэ шэнь** (司嗇神), это поэтическое имя Царя-Просо (后稷), мифического покровителя земледелия и предка династии Чжоу;

Дух земледелия **Нун-шэнь** (农神), в древности его называли «чиновником полей» (古时田官之神);

Дух межи на поле **Ёу-бяо** (邮表畷神), первый человек, который когда-то, живя в шалаше в поле, прокладывал дорожки и проводил границы между полями;

Дух охоты на тигра **Ле-ху шэнь** (猎虎神), считалось, что он поедает грызунов и диких животных, защищая ростки риса;

Дух дамб, плотин и насыпей **Фан-шэнь** (坊神), полагали, что он защищает от наводнений;

Дух каналов и канав **Шуй-юн шэнь** (水庸神), он помогал отводить излишки воды с помощью системы каналов во время наводнений, а также подавать воду к полям;

Дух насекомых **Кхунь-чхун** (昆虫), он помогал избавиться от вредителей.

Для местных жителей их храмы и «весенние надписи» — обычное явление, главным событием стали выступления самодеятельных артистов в стиле *ян-гэ*. Для иностранки, впервые оказавшейся в деревне, самым интересным показалось посещение храмов со сказочным содержанием и домов крестьян, потому что «храмовых праздников» с ряжеными, танцорами, цирковыми представлениями и барабанщиками я повидала множество и в столице, и в других городах.

Драконы в сопровождении ряженых на ходулях с раннего утра танцевали на деревенских улицах, окружая каждую машину, автобус или мотоцикл и требуя выкупа. Получив 10 юаней, привязывали на счастье красную ленточку к зеркалу и освобождали дорогу.

По-настоящему насладиться праздником на улице помешал все тот же лютый, трескучий мороз, от которого у меня ооченели не только руки-ноги и лицо, но и, кажется, мозги. Спасибо молодому Фэну, который снимал все происходящее на мою видеокамеру, вынув руки из перчаток для удобства. «Русская» из северной страны была на такой подвиг не способна и лишь пыталась согреть лицо руками в варежках: глаза слезились, и слезы тут же превращались в лед.

Сжалившись надо мной, семья Фэн стала водить меня по домам соседей и многочисленной родни. Самой женственной из всех мужеподобных северянок оказалась древняя бабушка, которая практически жила на *кхане*, редко слезая с него. Он оказался намного теплее, чем в доме, где я остановилась, а рядом еще и жаровня стояла — огненный таз. Я с удовольствием села на край лежанки, протянув руки к тлеющим углям.

Бабушка — совсем крошечного роста, очень худенькая, сидела, скрестив ноги. Она постоянно курила то сигарету, то длинную трубку и жаловалась на плохое зрение: «Один глаз — совсем слепой, второй — еле видит, никого из пришедшей родни не узнаю». Вдруг, заметив на мне украшения, она оживилась и неожиданно быстро и ловко подползла ко мне поближе. Внимательно ощупала каждое кольцо, серьги, браслеты, определяя металл. Я заметила, что и у нее на пальцах красуются несколько золотых колец, чего не видела у других крестьянок.

Ей рассказали, что я интересуюсь народными обычаями, праздничными традициями, и бабушка поведала, что во времена ее молодости в бедных семьях, справляя Новый год, на тарелке в центре

стола укладывали деревянную рыбу. Известно, что рыба — непременный атрибут этого праздника, намекающий на достаток в доме и даже излишки. Те, кто жили побогаче, выкладывали на блюдо настоящую рыбу, однако в течение нескольких дней, принимая гостей, к ней не прикасались: она выполняла роль «бутафорского» украшения, и лишь в последний день праздника ее съедали.

Сын бабушки в молодости был избран секретарем партийной ячейки (党支部书记), поэтому обстановка в доме осталась соответствующей: на стене висел большой портрет Мао Цзэ-дуна, под ним на столе — бюст все того же Мао, на другой стене висела карта Китая. У него единственного в деревне был домашний цветок — огромный кактус 27 лет, домашняя собака и говорящие птицы в клетке. Обычно крестьянам — не до этого баловства. Он единственный в деревне носил не «европейский» пиджак, а традиционную шелковую куртку со стоячим воротничком.

«Мы помним правила, но сейчас их мало кто соблюдает, — продолжила бабушка, — первый день Нового года посвящен курице, второй — утке, третий — кошке, четвертый — собаке, пятый — свинье, шестой — овце, седьмой — человеку, восьмой — злакам, девятый — плодам, десятый — пище, одиннадцатый — росточкам в земле.

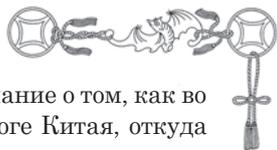
В десятый день нового года запрещено куда-либо выходить из дома, нельзя работать, поэтому этот день называют «десятого не двигаться» (十不动). 3, 6 и 9 числа считаются очень счастливыми, и в эти дни люди покидают дом, отправляясь по своим нуждам. 2, 5 и 8 числа — благоприятные дни для возвращения, дорога непременно окажется безопасной, спокойной и успешной. И люди предпочитают в эти три дня возвращаться в родной дом.

Для женщин — свои правила: в первый день нового года она остается в доме мужа, во второй день навещает родителей, а в третий может повидаться с остальной родней».

Бабушка в течение вечера еще не один раз заводила разговор с родственниками о моих украшениях, до того они ее впечатлили, хотя и были достаточно скромными. Вот это женщина!

Известный китайский карикатурист Фэн Цзы-кхай считается нашим современником (умер в 1975 г.), однако родился он в 1898 году, а значит, застал еще и правление императора, и демократическую республику.

Сочетая китайскую и европейскую манеру живописи, он создал собственный карикатурный жанр, в котором прославился. Но Фэн Цзы-кхай известен не только как художник, но и прозаик. И я с

большим интересом прочла его короткое воспоминание о том, как во времена его детства праздновали Новый год на юге Китая, откуда он родом.

Согласитесь, никакие сведения из книг и энциклопедий не сравнятся по достоверности с живыми воспоминаниями человека, который в течение многих лет вместе с родственниками и односельчанами встречал Новый год именно так, как было принято в тех краях, согласно старым традициям. Предлагаю свой перевод.

«В детстве я не знал, что такое Григорианский календарь, мы все пользовались лишь лунным крестьянским календарем. 15-го числа последнего в году месяца *ла* предновогодняя атмосфера уже начинала «сгущаться». Три работника из нашей красильной мастерской были родом из города Шао-син, а потому 16 числа они уезжали на родину. По этой причине 15 числа в мастерской накрывали праздничный стол, чтобы проводить красильщиков, и это можно назвать самым первым новогодним застольем.

По установившейся традиции на банкетном столе должна присутствовать цельная тушка курицы, и считалось, что тот, на кого «смотрит» голова курицы, вскоре потеряет работу. Поэтому во время рассадки за столом, следовало быть осторожным.

Мастерская была небольшой, в ней работало всего шесть человек, из-за тесноты особо не развернешься, поэтому работники за праздничным столом не придавали большого значения дурной примете, зато мама строго следила, чтобы слуга ставил курицу так, чтобы ее голова «смотрела» в пространство между сидящими.

Вечером 23 числа месяца *ла* следовало провожать на Небо Цзао-вана, бодхисаттву домашнего очага. Он ежегодно проводил на Небе семь дней: с 23 числа до новогодней ночи, а потом возвращался. В каждой семье такой Цзао-ван восседал высоко над очагом, вдыхая аромат готовящихся блюд и наблюдая за поведением домочадцев.

23-го во всех домах готовили кашу из красной угловатой фасоли и клейкого риса, и, прежде всего, накладывали и ставили перед Цзао-ваном большую пиалу этого лакомства, и лишь потом кашей наслаждалась вся семья. После заката отец надевал праздничную одежду, чтобы совершить церемонию поклонения. Вслед за отцом вся семья становилась на колени и била челом бодхисаттве очага.

После поклонов обращались к Цзао-вану с просьбой спуститься и сесть в приготовленный паланкин. Этот паланкин заранее покупали на рынке, и он был склеен из красной и зеленой бумаги. С его обеих сторон прикреплялись парные каллиграфические надписи: «На Небе докладывай о добрых делах и хороших поступках» и «Тем самым обеспечь благополучие в подлунном мире».

Мы брали немного семян кипариса *бай-цзы* (柏子) и втыкали их в паланкин с обеих сторон, ибо название семян напоминало пожелание «иметь сотню сыновей». Затем мы вешали на паланкин связку «золотых слитков», выполненных из специальной бумаги, а также подкладывали немного сахарного печенья, пытаясь вставить его в рот Цзао-вана.

Конечно, Цзао-ван попытается пожаловаться Небесному императору, но, поскольку язык и губы его будут липкими, речь станет невнятной, и ему не удастся четко изложить то, что он собирался сказать.

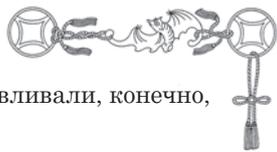
Отец торжественно нес Цзао-вана в паланкине, высоко подняв руки, до больших ворот, а за воротами сжигал его. Пока бумажная конструкция горела, следовало изловчиться и сорвать с паланкина один из бумажных «золотых слитков», отнести его на кухню и припрятать там, чтобы в новом году в доме появились настоящие золотые слиточки.

После церемонии мама подносила отцу жареные овощи, чтобы он «сопроводил» ими рюмочку водки, и считалось, что вкус овощей и напитка необыкновенно хорош, потому что в доме нет Цзао-вана, который обычно носом втягивал в себя все ароматы съестного и напитков. Отец довольно улыбался, подтверждая, что и вправду все очень вкусно.

Я вспоминаю, что папа вел себя дурашливо, не упуская случая повеселиться. Потому что в конце правления императоров он успел лишь сдать экзамены на первую ученую степень *цзюй-ши*, и на этом империя прекратила свое существование, была провозглашена республика, и получить следующую степень *кхэ-цзюй* уже не представлялось возможным.

Лишившись возможности получить хорошую чиновничью должность, папа говорил о себе уничижительно, как это было принято в старом Китае, подчеркивая свою скромность и проявляя вежливость: «соломенные двери в моем убогом жилище в захолустной деревне». Отец был безутешен, а потому оставалось лишь во время великого праздника повеселиться, побалагурить, разгоняя тоску.

После проводов Цзао-вана вся семья принималась за изготовление новогодних пирожных. Поскольку делали их из клейкого риса, они получались крупными и эластичными. Мы готовили два огромных пласта пирожных под названием «пирожные данного семейства» (当家年糕), длина которых достигала 3 *чи* (около метра), были пирожные длиной и в 2 *чи*, и в 1 *чи*, кроме того готовили множество маленьких новогодних пирожных с красным и белым сахаром. По форме они напоминали серебряные слитки, лотосы, ман-

дарины, получалась целая экспозиция. Их изготавливали, конечно, мама и старшие сестрицы.

Сестры заранее готовили и небольшие пирожные для «малого Нового года», т. е. сочельника, чтобы в последний день старого года поднести их изображениям бодхисаттв.

Я тоже мыл руки и принимался помогать, но у меня ничего не получалось. Иногда мне помогал слуга, которого почти все звали Лу-а второй, иные же окликали его У-а второй, поскольку слуга носил фамилию Лу («суша»), а его отец — У («шпателька»). В конце концов, испорченные пирожные я сам и съedal.

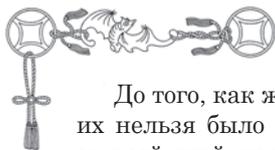
Ночь 27 числа считалась важным церемониальным этапом в подготовке к Новому году. Днем вся семья была занята сжиганием ритуальных предметов и денег для жертвоприношений: свиная голова, тушка курицы, большая рыбина, свинина (大肉, «великое мясо»), и все дары красиво выкладывали на большом блюде.

После позднего ужина два квадратных стола, которые называются «стол Восьми бессметных» (八仙桌), составляли вместе и сверху устанавливали «шесть табличек святых» (六神牌). Переднюю часть стола накрывали красной скатертью и водружали на нее огромную курильницу и большой подсвечник.

На столе раскладывали множество предметов для новогоднего жертвоприношения божествам, при этом пирожные располагали кругом справа и слева. Этим специальным залом для жертвоприношений одновременно пользовались три семьи, потому что в центральной части дома жили мы, в правом флигеле — семья пятого дядюшки, в левом — семья дядюшки Цзя-линя. Комната сияла от ярких светильников, дымились ароматные свечи, обстановка была праздничной!

Подношения от нашей семьи выглядели наиболее достойно, тем более, что у нас имелись даже статуэтки божеств. Ради них мы к большим столам добавляли два чайных столика, куда и водружали статуэтки. Перед ними мы устанавливали маленькие курильницы, подсвечники и жертвоприношения на маленьких тарелках, и мне казалось, что это маленькое государство, в котором фарфоровые человечки празднуют Новый год.

Больше всего меня, помню, восхищали «шесть табличек святых» и красные бумажные «крышечки» на тарелках с дарами. Деревянных дощечек было шесть, но на каждой нарисовано по несколько святых и божеств: Гуань-инь, Нефритовый император, Конфуций, Кхуй-син, император Вэнь-чхан (文昌), покровитель просвещения, и многие другие, и каждое божество было нарисовано чрезвычайно тонко и красиво!

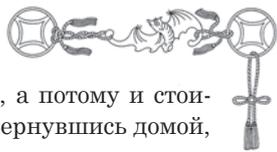
До того, как жертвенные дары выставят в специальной комнате, их нельзя было рассматривать. Теперь же можно было любоваться всей этой красотой. «Крышечки» представляли собой вырезки из красной бумаги, которыми накрывали блюда, и выглядели они чрезвычайно красиво. Вырезала их тетушка по отцу, и на них были сквозные изящные узоры в виде иероглифов «счастье» (福), «карьера» (禄), «долголетие» (寿), «радость» (喜), «первый ранг при дворе» (一品当朝), «подняться сразу на три ступени в должности» (连升三级) и пр. благопожелания. В ту пору мне было семь лет, и то, что я восхищался талантливой работой мастерицы, видимо, свидетельствовало о том, что изобразительное искусство — моя судьба и предназначение.

Фу, Лу, Шоу

Большинство жителей встречало Новый год в ночь с 27 на 28 число, поэтому все лавки были открыты вплоть до глубокой ночи, и лишь после проводов божеств, когда ворота домов прочно закрывались, прекращали работу и магазинчики.

Мы договаривались с мальчишками и выходили на улицу, чтобы прогуляться и купить хлопушки и фейерверки. Разнообразие их было чрезвычайно велико, мы покупали шутихи, трещотки, петарды, ракеты с двойным выстрелом, но больше всего любили снежные пушки (雪炮), падающие звезды (流星), «тазики, в которых золото превращается в серебро» (金转银盘), «водяных крыс» (水老鼠), калейдоскопы (万花筒) и другие виды фейерверков и салютов.

Самыми впечатляющими были калейдоскопы, а потому и стойли они намного дороже остальных развлечений. Вернувшись домой, мы взрывали и запускали всю эту красоту в «колодцах» своих дворишков, и тем самым еще больше усиливали праздничную атмосферу.

Мне нравилось разделять связку комбинированных хлопушек и взрывать их по одной. Я поджигал хлопушку и быстро надевал на нее пустую консервную банку. Раздавался страшный грохот: «дун»! И консервная банка высоко подпрыгивала в воздухе.

Сначала я не осмеливался поджигать, держа хлопушку в руке, но затем старший братец Шэн-лэ научил меня, и я уже не боялся проделывать такой трюк. Надо легонько держать двумя пальцами хлопушку за самый краешек, и, как только подожжешь ее, следовало тут же отвернуть лицо. Постепенно я так наловчился, что проделывал все спокойно, как ни в чем не бывало, и все обходилось без травм.

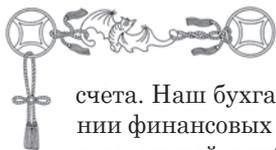
В последний день года готовились к бессонной ночи. В нашей мастерской уже давно был зажжен фонарь с новогодней свечой. Палочки и плоски для трапезы были заранее вынуты и приготовлены, чтобы «в будущем году увеличивалось потомство». Во время еды нельзя было съедать нечетное количество порций. Съел три плоски закусок — следует еще наложить плосечку, чтобы получилось парное количество. Пусть даже положишь совсем чуточку, если уже насытился, но четное количество — обязательное условие.

Во время еды мама раздавала нам деньги в красных конвертиках, *я-суй-цень* (压岁钱); я все свои деньги тратил на петарды и хлопушки.

По улицам ходили, высоко поднимая фонари, сборщики задолженностей. Собирая долги, они ходили всю ночь, до самого рассвета. А кто-то просто бегал по селению с фонарями, ибо фонари — неотъемлемая часть новогодней ночи. Исчезли с улиц фонари — значит, новый год уже наступил.

Собирать долги в первый день нового года строжайше запрещено, так что должник вполне может отвесить несколько пощечин «на память» тому, кто пришел за долгом 1-го числа, да еще может потребовать в течение трех лет предоставлять благоприятные условия для займа.

Наша семья давно расплатилась с долгами, поэтому мы спокойно закрываем ворота и встречаем в доме Цзао-вана, прикрепляя над очагом его новый портрет, зажигая перед ним благовонные свечи и кланяясь всей семьей. После этого положено есть клецки со сладкой начинкой, которые называются «встреча Цзао-вана», и обсуждать

счета. Наш бухгалтер ест клецки и докладывает матушке о положении финансовых дел. Когда рассказывает о прибыли, расплывается в довольной улыбке. Распрощавшись, он уходит, а мы все убираем и готовимся ко сну.

Поспать удается не больше двух часов, и уже надо вставать: прибили гости с поздравлениями.

С утра в первой половине дня нового года все заняты приемом гостей. На улицах полно нарядных крестьян, малых и старых, мужчин и женщин, оживленно снующих в разных направлениях. Кто-то ест *шао-май* (烧麦), жареные пирожки с мясной начинкой, кто-то заходит в винную лавку, кто-то покупает «разноцветную бумагу», как у нас говорили, т. е. новогодние лубочные картинки, кто-то смотрит выступление фокусников, — кругом толчея и теснота.

Во второй день нового года мы наносим визиты родственникам и друзьям. Отец надевает парадную чиновничью шляпу с красной кисточкой, верхнюю одежду и в сопровождении слуги выходит из дома. В это же время и к нам в дом приходят гости в парадной одежде с поздравлениями. Если не повезет застать кого-то дома, то оставляют красную поздравительную карточку.

После смерти отца мать велела мне надевать парадную одежду и отправляться с визитами для поздравлений. Мне это дело совсем не нравилось, потому что 11–12-летний мальчик в парадной одежде отца выглядел очень странно; кто-то тарашил на меня глаза, кто-то посмеивался, а кто-то и завистливо вздыхал, и это меня еще больше злило. Вспоминая сейчас прошлое, я понимаю, что и маме было в те моменты очень горько.

Она как будто забывала, что экзамены на чиновничью должность давно упразднены, и все мечтала, что я, когда вырасту, успешно сдам экзамены на степень *цзюй-жэнь*, возродив семейное дело. Поэтому и наряжала меня таким образом, теща свое самолюбие.

В 4-й день нового года, вечером, следовало встречать бога Богатства, все остальное в этот день не имело значения. Помпезно происходила встреча или скромно — неважно. Кстати, в самых бедных семьях старались эту встречу провести наиболее шумно и пышно, видимо, в надежде, что они смогут разбогатеть, если с уважением и ласково обойдутся с божеством.

Можно сказать, что после 5-го числа новогодние празднества, в общем-то, заканчивались, хотя оживление и веселье во время продолжающихся поздравительных визитов, застолий и обмена подарками продолжались. На кухне оставалось большое количество новогодней еды, и стоило прийти очередным гостям, как яства тут же выставлялись на стол. Лишь к середине первого месяца *чжэнь* практически все заготовленное съедали. Отсюда и возникла поговорка:

«Поздравления с Новым годом длятся до половины лунного диска *чжэн*, а когда вся праздничная еда съедена, жарим овощи» (拜年拜到正月半, 烂漉鸡屎炒青菜). (Автор рассказа, напомним, родом из провинции Чжэцзян, и на их диалекте странное выражение «烂漉鸡屎», «тухлое, полужидкое, куриный помет», означает всего-навсего «самая простая еда», — комментарий для китаеведов).

Мой папа не ел мясное, любил постную еду, поэтому накануне Нового года у нас в доме жарили большой котел редьки, порезанной соломкой, и соевого творога. Жарили в большом количестве растительного масла, поэтому получалось невероятно вкусно.

В новогодние дни во время очередной трапезы набирали этой еды, клали в котел и разогревали. Получалось самое вкусное в мире блюдо! Я до сих пор помню его вкус. Кстати, сколько я ни просил своих домашних уже во взрослой жизни приготовить подобное, — ни разу не получалось так же вкусно, вот удивительно!

15-е число месяца *чжэн* — праздник Фонарей, стало быть, приходило время каждой семье вывешивать фонарики. К сожалению, эта традиция в Китае пресеклась. Во время праздника сейчас лишь на рынке можно купить фонари в форме зайчиков или бабочек, да городские власти украшают города фонарями, устраивают их выставку в парках. Чисто формально осталось название праздника, но исчезла суть.

20-го числа после каникул открывались все магазины, возобновлялась обычная торговля, начинали работать учебные заведения. Новогодние праздники на этом заканчивались».

Настоящий китайский гороскоп

Познакомившись с новогодними календарями древнего Китая, никак нельзя обойти вниманием такой самобытный элемент китайской культуры, как знаки зодиака и гороскоп.

Приехав в Китай, я столкнулась с тем, что посторонние люди (например, таксисты, продавцы, соседи) часто спрашивали меня о возрасте не привычной фразой, которую я выучила еще в молодости в институте, «сколько тебе лет», а совершенно незнакомой: «к чему ты принадлежишь?» Лишь позже я поняла, что это сокращенный вариант фразы «к какому зодиакальному знаку ты относишься», или «под каким знаком ты родилась» (你属什么?)

У китайцев не считается неприличным спрашивать у женщины о ее возрасте, так что это едва ли не первый вопрос, который они задают при знакомстве.

Согласно даоскому гороскопу, существует 12 циклических зодиакальных знаков — *ши-эр шэн-сяо* (十二生肖) — соответствующих

определенным животным. А пять 12-летних циклов составляют «большой круг» — 60 лет. Значит, если вы родились в год Мыши, то это приходится на 1900 год, либо 1912, 1924, 1936, 1948, 1960, 1972, 1984 и т. д.

И собеседник (а китайцы прекрасно ориентируются в этом гороскопе), узнав о вашем Знаке и глядя на вашу внешность, определяет, сколько вам лет.

Большой, 60-летний цикл образуется путем сочетания чередующихся 10 «небесных ствол» и 12 «земных ветвей». Например, когда 1-й «ствол» сочетается в 1-й «ветвью», это 60-летний цикл с 1924 по 1984 гг. А сочетание 2-го «ствола» со 2-й «ветвью» дают 60-летний цикл с 1925 по 1985 гг. Подробнее о зодиакальных знаках — в конце книги, в приложении.

Таблицы таких знаков возникли в период правления Восточной Хань (25–220 гг. н. э.), и люди с древности поклонялись своему звездному покровителю, под знаком которого они родились.

В даосском храме (монастыре) Белых облаков в Пекине существует специальный зал с 60 глиняными статуями Небесных генералов, среди которых каждый может найти своего, подарить ему немного денег, положить благовонные палочки и попросить защиты и покровительства.

Есть в храме и стена из белой яшмы, на которой вырезаны 12 животных зодиакального цикла. Им положить подарки значительно труднее, однако люди умудряются «притулить» на маленьких выступах и монеты, и курительные палочки.

Вот эти 12 знаков-животных:

Мышь	1900 1972	1912 1984	1924 1996 и т. д.	1936	1948	1960
Буйвол	1901 1973	1913 1985	1925 1997	1937	1949	1961
Тигр	1902 1974	1914 1986	1926 1998	1938	1950	1962
Заяц	1903 1975	1915 1987	1927 1999	1939	1951	1963
Дракон	1904 1976	1916 1988	1928 2000	1940	1952	1964
Змея	1005 1977	1017 1989	1929 2001	1941	1953	1965

Лошадь	1906	1918	1930	1942	1954	1966
	1978	1990	2002			
Баран	1907	1919	1931	1943	1955	1967
	1979	1991	2003			
Обезьяна	1908	1920	1932	1944	1956	1968
	1980	1992	2004			
Петух	1909	1921	1933	1945	1957	1969
	1981	1993	2005			
Собака	1910	1922	1934	1946	1958	1970
	1982	1994	2006			
Свинья	1911	1923	1935	1947	1959	1971
	1983	1995	2007			

Вот какие пояснения к этим знакам дают даосы.

Первой благодаря своей сметливости стоит Мышь. Говорят, в глубокой древности, когда еще не было земной тверди и неба, а стоял сплошной хаос и темнота, именно Мышь, которая прекрасно видит в ночи, и которая умеет взбираться очень высоко, прогрызла первозданный хаос, отделив Небо от Земли, создав нынешний мир. За это ее и поставили первой в череде 12 животных.

Есть и другая легенда, согласно которой первоначально Мыши вообще не нашлось места среди 12 знаков зодиака, но находчивый зверек, не желая мириться с такой несправедливостью, юркнул для начала внутрь хобота огромного слона и таким образом отправился вместе с другими животными на встречу с Яшмовым императором (главное небесное божество).

Император призвал всех, чтобы выбрать из них самых умных и достойных, которые могли бы дать свои имена зодиакальным знакам. И тогда Мышь, видя, что всех обгоняет Буйвол, перебралась к нему на спину, благодаря чему вырвалась вперед.

Когда же 11 зверей, подоспевших первыми, выстроились в шеренгу, согласно очередности, Мышь вдруг спрыгнула на землю и пристроилась перед Буйволом, в результате чего и получила первое место, а толстоногий Буйвол стал вторым.

Сказаний на этот счет существует множество. Вот еще одно. Кот и Мышь раньше дружили. И когда узнали, что Яшмовый император назначил сбор зверей, договорились на следующий день вместе отправиться в дорогу.

Однако Мышь, желая победить, во что бы то ни стало, ушла тайком рано утром, так и не разбудив Кота. И кто бы мог подумать, что, несмотря на ее старания и ухищрения, она пришла одновременно с Буйволом, а не раньше его.

Схитрив, Мышь предложила: «Давай решим спор так. Пусть окружающие скажут, кто из нас больше. На кого укажут — тот и первый».

Подумав, доверчивый Буйвол согласился. А Мышь вспрыгнула ему на спину, и тот пошел по дороге. Встречные, с удивлением рассматривая «наездницу», восклицали:

— Вот эти Мышь! Какая высокая! Ну и громадина!

Так Мышь стала первой, а Буйвол — вторым. Кстати, вернувшись домой, Мышь расхвасталась перед Котом, так и не попавшим в число избранных, своей ловкостью и своей победой. Сообразив, что Мышь его провела, Кот бросился, чтобы проглотить плутовку. С тех пор, говорят, их потомки и враждуют.

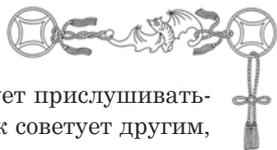
Уважаемая Мышь, *лао-шу* (老鼠), в Китае является символом многочисленного потомства (сыновей, конечно) и большого счастья. По ночам она возится, шебуршит и скребется в темноте, занимаясь своими делами: *си-су-си-су...* (так слышат эти звуки китайцы). И кажется, что это торговец подсчитывает прибыль, постукивая костяшками счет и медными монетами. Поэтому люди привыкли говорить, услышав, как копошится мышь: «Мышь считает деньги! (*шу-шу цень*)».

Есть в году один день, когда «Мышь выдает замуж свою дочь», и тогда люди ведут себя особенно тихо, чтобы не помешать, не всгугнуть зверьков. Так что китайцы относятся к Мыши с симпатией и уважением. Недаром из всех животных лишь ее и тигра китайцы называют «уважаемыми», добавляя приставку *лао* (老).

Считается, что люди, родившиеся в год Мыши, находчивы и бдительны, очаровательны и амбициозны. Они всегда заняты, всегда в работе и не могут остановиться, чтобы отдохнуть.

Родившиеся под знаком Мыши обладают особым дарованием предчувствовать опасность. Имея очень тонкую организацию, они проницательны, умны и их очень нелегко проведи.

Мышь по-настоящему предана семье и любит лишь однужды. Она великодушна, щедра, благородна и настоящий трудоголик — всю жизнь усердно трудится. Будучи щедрой по отношению к другим, она, тем не менее, экономна и бережлива. Нередко присутствует жадность. И если Мышь себя не контролирует, то жадность может создать проблемы.

Мышь дает прекрасные советы, и к ним следует прислушиваться, однако сама она никогда не поступает так, как советует другим, ибо ее ведет по жизни интуиция.

У некоторых людей, родившихся под этим знаком, развита практичность. Жаль, однако, что им недостает храбрости и куража. Впрочем, отдельные личности могут быть экстравагантными.

Люди, родившиеся под этой звездой, скрытны, своекорыстны и обычно потакают своим слабостям и желаниям. Неравнодушны к сплетням и осуждению других.

Для Мышей-мужчин самые желательные сферы деятельности включают в себя рекламу, общественное питание, а также все, связанное с гостеприимством: гостиницы, больницы, богадельни, благотворительные школы и т. д. Больших успехов они могут добиться и в области музыки, средств массовой информации, в научно-исследовательской работе.

Для Мышей-женщин, если говорить о современных профессиях, самые удачные — литературное творчество, карьера певицы, а также все виды бизнеса, связанные с красотой.

Если Мышь по-настоящему любит партнера, ее отличают необыкновенная нежность, страстность и преданность. В супружестве для Мыши-мужчины хорошую партию составят Обезьяна или Дракон, которые моложе по возрасту. А для женщины идеален партнер Дракон или Буйвол. Но Мышам следует избегать Лошади, Кролика-Зайца и Овцы.

Второй знак — **Буйвол**, *шуй-ню* (水牛) который «усердно трудится в поле, обеспечивая достаток на весь год». Поклонение Буйволу в Китае существует издавна, ибо страна эта с древности — аграрная. Буйвол — постоянный помощник человека во всех его делах, связанных с физическим трудом, сам же требует к себе минимум внимания и заботы.

Еще писатель Лу Синь отметил это чудо: буйволица ест траву, которая ничего нам не стоит, зато людям дает молоко — удивительный, ценный продукт.

Трудолюбивого человека в Китае принято сравнивать со священной рыжей коровой. А еще Буйвол — символ весны, ведь в этот период начиналась пахота и сев, и даже сам император участвовал в особой церемонии — вспашке первой борозды.

Не удивительно, что в некоторых местах Китая построены даже храмы, посвященные Буйволу, и во время праздников народ приносит жертвы духу-покровителю буйволов и просит о богатом урожае.

С буйволом связана и польза, которую приносит людям вода — речная, озерная, морская, — так считают китайцы. Ведь на

юге буйволы работают в воде на заливных полях. Поэтому местные жители ставили на берегах рек, озер, морей огромные изображения этого животного из бронзы или камня. Живущие в Пекине могут увидеть статую бронзового буйвола (раньше покрытого слоем золота) на берегу озера в парке И-хэ-юань. Животное смотрит на воду, как бы усмиряя ее — ведь издавна вода, помимо пользы, приносила и неисчислимые страдания.

Если вы родились в год Буйвола, то вы, скорее всего, не любите перемены и предпочитаете ортодоксальность во всем. Это животное готово тяжело работать всю жизнь ради достижения материальных благ, к которым стремится его сердце.

Обычно Буйвол — спокойное, тихое, мирное животное. Оно безмятежно, и редко выходит из себя, однако если это все же случается, то ярость и бешенство Буйвола могут испугать кого угодно.

Сколько хороших слов можно сказать об этом животном: надежный, искренний, чистосердечный, лояльный и терпеливый, настойчивый и упорный. Но можно вспомнить и не очень лестные: он придает большое значение тому, что ест, пьет, и вообще любит роскошь.

Прежде чем высказать свое мнение, Буйвол хорошо обдумает его. В любви Буйволы не романтичны, однако могут быть страстными и искренними в чувствах. Они верны и преданны, явно ориентированы на создание семьи.

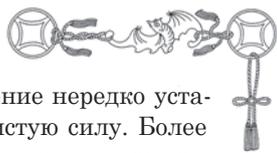
Как бы там ни было, Буйвол в отношениях проявляет себя жестким, твердым, непреклонным, догматичным и ему, к сожалению, недостает чувства юмора. Если его обидели, помнит об этом очень долго.

Он скареден, скуповат. А что касается профессии, то из них получаются неплохие доктора, юристы, учителя и писатели.

Идеальные романтические партнеры его — Мышь, Кролик или Обезьяна. Но пусть избегает Лошадей, Драконов и Овец!

Следующий по гороскопу — **Уважаемый Тигр**, *лао-ху* (老虎). В легенде говорится, что Тигр и Дракон бежали практически рядом, пытаясь поспеть на встречу с Яшмовым императором. И тут вдруг, откуда ни возмись, выскочил поперек дороги заполошный Заяц, о которого споткнулся Дракон. Так что среди этих троих Тигр поспел первым, Заяц — за ним. И только потом прибежал, прихрамывая, Дракон.

Будучи третьим в гороскопе, Тигр является королем среди «100 диких животных», и китайцы традиционно считают его способным «изгонять нечисть, подавлять дьяволов».

Он храбрый и сильный, поэтому его изображение нередко устанавливают перед храмом, чтобы он отгонял нечистую силу. Более того, многие божества нередко изображаются восседающими верхом на тиграх.

А среди простых китайцев испокон веков принято во время праздника «дуань-у» надевать детям фартучки с изображением тигра на кармане, который служил амулетом. Зимой вышивали тигра и на обуви, и на воротнике, и на шапочке, да и саму шапку нередко шили в виде головы тигра.

В китайском гороскопе Тигр чрезвычайно высоко ценится и разделяется почти сверхъестественной силой. Человек-Тигр рожден командовать, а не подчиняться. Он динамичен и обладает притягательным обаянием. К таким людям относятся с уважением даже противники, потому что Тигр до последнего отстаивает то, что считает правильным, и контролирует дела, в которые вложил свои силы, до самого конца.

Люди-Тигры теплы, сердечны, человечны, но и честолюбивы, великодушны, щедры, терпимы, способны понять другого.

Разумеется, и у Тигра есть недостатки. Он импульсивен, мятежен и непредсказуем. Он терпеть не может повиноваться и не выносит вмешательства в свои дела. У него дурной характер, Тигр — эгоцентрист.

Люди-Тигры рано добиваются успеха в жизни, однако они должны оставаться высокомерными, чтобы не оказаться сброшенными с вершины достигнутого. Им следует воздерживаться от импульсивных поступков, чтобы избежать финансовых потерь.

В любви им везет с Лошадью, Собакой и Драконом, а со Змеей, Обезьяной и Кроликом счастья им не видать.

Кролик, *тху-цзы* (兔子), как мы помним, бросился под ноги Дракону и занял четвертое место. Какие у этого зверька положительные черты? Он миролюбив, добр, очень мил и ведет хорошо организованную жизнь. Он стремится избегать столкновений с окружающими, обладая хорошими дипломатическими способностями и умением договариваться.

Дома у Кролика прекрасная мебель; он предпочитает проводить время с семьей и неохотно покидает свое жилище. В Китае Кролик — символ долголетия, и он действительно нередко доживает до преклонных лет. Согласно легендам, он белый, как яшма, и живет на Луне, скрашивая существование одинокой богини Чхан Э. Поэтому Зайца-Кролика нередко считают символом ночного светила. Чхан Э на Луне собирает целебные травы, а Заяц неустанно толчет

их в ступке под коричневым деревом, чтобы в конечном счете получились пилюли бессмертия.

В Китае говорят: «хитрый заяц три шкуры имеет», намекая на его изворотливость и хитрость. Да, в процессе борьбы с природой и многочисленными врагами Заяц накопил богатый опыт и умеет принимать меры предосторожности для предотвращения несчастий. «Берегись бед, пока их нет», — считает Заяц. Он настолько предусмотрителен, что, даже живя в спокойствии, думает о бедствиях.

Человек-Заяц нежен, тих, умиротворен, осторожен и сдержан, если не скрытен. Он изящен и обладает хорошими манерами. У него прекрасная память, он интеллигентен, дальновиден и обладает хорошей интуицией. Методичен и дает замечательные советы. Будучи проницательными в бизнесе, Кролики добиваются в этой области блестящих успехов.

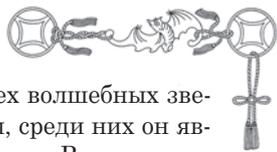
К отрицательным чертам можно отнести следующее. У Кролика легко меняется настроение; он нерешителен, обидчив, чересчур чувствителен и подозрителен. Мужчины-Кролики — неверные любовники и склонны к внебрачным связям. А Кролики-Женщины — прекрасные матери и жены. Идеальные партнеры для них — Овца, Собака, Дракон и Свинья. Избегать следует Петуха, Мышь и Тигра.

Дракон, лун (龍), в гороскопе — пятый. Мог бы стать третьим, да подвернувшийся Заяц сбил с ног. «С помощью облаков может подняться в Небо, а с помощью тумана может опуститься в омут», — говорят китайцы об этом мифическом животном. Клубясь в благовеющих облаках, он посылает дождь на Землю, а благодатнее дождя ничего нет для Земли-кормилицы. Китайцы любят изображать двух Драконов в облаках, сражающихся за жемчужину-дождевку, готовую упасть на землю.

Кто же такой Дракон? В любом случае — доброе существо, приносящее и дождь, и богатство, и радость. В древности он служил символом императора, и только на одежде и утвари Сына Неба разрешалось изображать это прекрасное мифическое животное.

Позже пошли на компромисс: пусть Драконом любуются и другие, но только у императорского должно быть по пять пальцев на каждой лапе, у всех же остальных — по четыре. Являясь перевоплощением императора после его смерти, Дракон в глазах людей являлся символом власти и могущества.

Кроме того, китайцы считают Дракона и символом своей нации, поскольку еще во времени династии Ся (2140–1711 гг. до н. э.) жители Поднебесной поклонялись изображениям этого животного.

Дракона китайцы относят к одному из «четырех волшебных зверей» (черепаха, *ци-лин*, феникс, дракон), причем, среди них он является главным. Сине-зеленый Дракон — это и символ Востока, в то время как белый Тигр — символ Запада.

У Дракона голова верблюда, рога оленя, глаза кролика, уши коровы, шея змеи, брюхо лягушки, чешуя карпа, лапы тигра, а когти ястреба. У него растут усы, как у карпа, а с подбородка свисает борода.

Говорят, у Дракона есть девять сыновей, и у каждого — не только специфическая внешность, но и свои характерные особенности, а потому — и свое предназначение в жизни.

Качества Дракона, которые ему приписывают китайцы, это, прежде всего, — сила, доброта, бдительность, поэтому он — символ безопасности. Кроме того, это дух изменения, а потому — дух самой жизни.

В августе он хоронит себя в толще воды, а весной пробуждается, символизируя возрождение природы. Паря с грозовыми тучами, он обрушивает на землю потоки живительной воды. Поэтому во время праздника Весны, или китайского Нового года, обязательным является и танец Дракона, которого люди несут высоко на бамбуковых шестах.

Есть такая песня: «На древнем Востоке есть Дракон, имя его — Китай. На древнем Востоке живет множество людей, все они — потомки Дракона». В легендах говорится, что Дракон, выплывший из океана, подарил императору Фу Си элементы иероглифической письменности.

Люди, родившиеся в год Дракона, отличаются очарованием, жизнерадостностью. Они интеллигентны и решительны, с твердым характером, а порой даже и самоуверенны. Они отстаивают свои взгляды и следуют собственным решениям, прекрасно контролируют и умело решая любые проблемы.

В любовных отношениях Драконы эгоцентричны и слонны к поздним бракам. Несмотря на то, что к Драконам, как правило, окружающие относятся с обожанием, близких друзей у них бывает немного. Это потому, что Драконы и в дружбе выбирают роль диктатора и редко прислушиваются к советам.

Будучи эксцентричными и эгоистичными, Драконы крайне редко уступают даже старшим по возрасту. Их отрицательные черты: могут быть резкими, нетерпеливыми и нетерпимыми, а то и зазнайками.

Из них получаются великолепные бизнесмены, актеры, спортсмены и певцы.

Они прекрасно уживаются с Мышью, Обезьяной и Петухом, но ни в коем случае — не с Буйволом или Собакой.

Змея, шэ (蛇), — следующая среди знаков зодиака. Если вспомнить легенду о животных, спешивших на встречу с Яшмовым императором, то в тот момент, когда Дракон собрался занять свое место, в спор с ним вступила Змея, пытаясь его оттеснить. Но Дракон и без того уже был раздражен вмешательством заполошного Зайца, поэтому он грозно возразил:

— Куда тебе тягаться со мной! Под твоим брюхом нет ног, как у меня, а на голове нет украшения в виде рогов! — и он гордо шагнул вперед, оставив Змее шестое место.

Но люди начали поклоняться Змее еще раньше, чем Дракону, отчего и называют ее китайцы уважительно «маленьким драконом, осмотрительным, ловким и умным». Благодаря Змее со временем возник и образ Дракона.

Прародительницей людей у китайцев считается Нью-ва, и ее род поклонялся Змее. Постепенно ее потомки вышли замуж за представителей рода Фу Си, который поклонялся тотему Дракона. Поэтому на черепице, извлеченной из могильников эпохи Хань (206 г. до н. э.—25 г н. э.) изображены существа с человеческой головой и телом змеи.

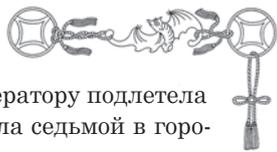
И еще интересно, что среди животных, относящихся к 12 «земным ветвям», нет Змеи, как таковой, а есть два Дракона: Большой Дракон и Маленький Дракон (Змея).

В даосизме ее не называют иначе, как Волшебной. А в народе считают символом ума и мудрости. Нередко Змея проявляет и другие качества: коварство, злобность и мстительность. В китайском же гороскопе Змее приписываются такие качества, как решительность, ум, талант.

Человек, родившийся в год Змеи, считается великим организатором, хорошим мыслителем и философом, удачливым в бизнесе. Змеи романтичны и очаровательны, неукротимы и неугомонны по отношению к противоположному полу. В то же время, они — опасные лгуны! Будучи требовательными и упрямыми, терпеть не могут советы других и не могут спокойно пережить неудачу. Они собственники и потому очень ревнивы.

Считается, что Змея больше всего подходит для таких профессий, как политик, артист, продавец. У людей, родившихся под этим знаком, прекрасно складываются отношения с общественностью.

Наилучшие партнеры для Змеи — Петух и Буйвол. Остерегаться следует Тигра, Свиньи и другой Змеи.

Итак, после Дракона и Змеи к Яшмовому императору подлетела **Лошадь**, *ма* (馬), — вся в поту и мыле; она и стала седьмой в гороскопе. «Лошадь преодолевает 10 тысяч *ли*, добываясь успеха», — говорят китайцы. На протяжении всего существования человечества у людей с лошадьёю наиболее тесная связь: это главный друг и помощник.

Лошадь помогает и крестьянину на поле, и любителю охоты, и при перевозке тяжестей; лошадь помогает пасти скот, участвует в спортивных состязаниях, в сложных экспедициях и даже в войнах.

Человек, рожденный в год Лошади — душа компании. Он наслаждается встречами с новыми людьми и легко устанавливает дружеские отношения. Лошадь чрезвычайно трудолюбива, уверена в себе, любит экспериментировать, обожает приключения. Она эlegantна, независима и лояльна. Будучи очень умной, Лошадь все же недостаточно интеллигентна.

К сожалению, этот знак зодиака импульсивен, имеет взрывной характер, эгоцентричен, упрям и нетерпелив. Чаще всего он неспособен воспринимать советы окружающих.

Лошадь нередко болтлива и не может хранить секреты. Сама она не всегда приходит к назначенному часу, однако других любит торопить и понукать.

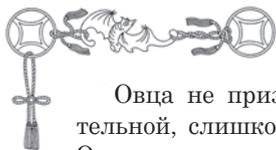
Человеку-Лошади удаются такие виды деятельности, как связи с общественностью, туризм и коммерция.

Такие люди склонны к ранним бракам и нередко в молодости же и разводятся, потому что длительным связям мешает их эгоцентризм. Овца, Тигр и Собака — вот кто нужен Лошади, а Мышь, Обезьяна и Буйвол — плохие партнеры.

После Лошади на аудиенцию одновременно подоспели и **Овца**, *ян* (羊), и Обезьяна. Так что рассудило их само Верховное божество, определив Овцу как восьмую, а Обезьяну как девятую в гороскопе. В глазах китайцев Овца символизирует добро, любовь, мир, стремление к стабильности и счастливой жизни.

Оттого, что ягненок опускается на колени, когда пьет молоко матери, Овца является еще и символом сыновней и дочерней любви к родителям. Овца спокойна, легка, миролюбива, нежна, заботлива, хотя и несколько склонна покомандовать другими.

Есть и другие достоинства: она артистична, склонна к творчеству, любит модно одеваться, легко приспосабливается и адаптируется при необходимости. Будучи романтической и жалостливой, Овца сентиментальна и легко находит друзей. Но это, одновременно, и самое капризное существо из всего гороскопа.

Овца не признает дисциплину. Будучи чрезвычайно чувствительной, слишком близко к сердцу принимает любые замечания. Она мечтательна, но часто бывает уныла, пессимистична, беспокойна без причины.

Некоторые из представителей этого знака ленивы и нерешительны. С бизнесом дела у них обстоят неважно из-за их неорганизованности. Овца не любит, когда ее подталкивают, подгоняют, не любит брать инициативу в свои руки.

Чувство безопасности Овца черпает в собственном доме. Ей нужна семья для стабильности и уверенности. Мужчина-Баран — прекрасный супруг, однако он имеет тенденцию стать шовинистом и слишком требовательным к жене. Женщина-Овца — замечательная жена и мать, но ей постоянно требуются максимальное признание со стороны мужа.

Овцы — замечательные танцоры, музыканты, писатели, парикмахеры, художники и кокетки. Успех приходит к ним постепенно, но неизбежно.

Парой для Овцы является Кролик, Лошадь и Свинья. Ей следует избегать Мышь, Буйвол и Собаку.

Следующая в гороскопе — **Обезьяна**, хоу (猴). Говорят, человек произошел от обезьяны, так что они — почти родственники. Обезьяна умна, сметлива, самостоятельна. И человек, родившийся под этим знаком, интеллигентен, находчив, остроумен, смешлив. Его можно назвать компанейским, легко приспосабливаемым.

Обезьяна полна энергии, фантазий и планов. Острый ум, жизнерадостность и подвижность привлекают окружающих. Кроме того, человек-Обезьяна легко решает проблемы. Конечно же, в любой компании Обезьяна — в центре внимания благодаря своему очарованию и чувству юмора. Даже оскорбления она переносит легко, имея иммунитет против них.

Но есть и издержки такого характера: Обезьяна порой беспринципна и неразборчива в средствах, эгоистична и хитра, доходя в хитрости до нечестности. Нечестность, изменчивость, непоследовательность — вот те черты, из-за которых Обезьяна не пользуется уважением среди окружающих. Обезьяна ревнива и легко поддается искушениям, соблазнам.

Люди этого знака чрезвычайно привлекательны для противоположного пола. Прежде чем отказать, дать отпор, Обезьяны наслаждаются весельем, забавами, вечеринками, развлечениями с большим количеством представителей противоположного пола. Хорошие партнеры для Обезьяны — Дракон, Кролик, Мышь. Тигры противопоказаны.

Успех приходит к обезьянам рано на поприще торговли, маркетинга, масс-медиа и рекламы.

Петух, *гун-цзи* (公鸡), и Собака тоже прибежали к Яшмовому императору одновременно: каждый торопился, ибо знал, что требуется лишь 12 животных, и мечтал оказаться в их числе. Как решить спор? Петух предложил: «Существует пословица про нас с тобой: «Петух отвечает за рассвет, а Собака сторожит ночь». Значит, прежде — рассвет, затем — ночь. Так что позволь мне стать первым, а уже потом — ты».

Так Петух (Курица) стал десятым среди знаков зодиака. «Петух возвещает о восходе Солнца на востоке», — говорят китайцы. Но Петух — не только «живые часы». Много есть прекрасных черт, которые передаются человеку, рожденному под этим знаком.

Курица мила, заботлива, проворна, трудолюбива, она заботится обо всех и обо всем. Недаром самых заботливых женщин называют «клушами». А Петух — гордый герой, отчаянный воин с непобедимым духом. Поэтому у китайцев Петух с древности — символ светлых надежд, прекрасного будущего.

В китайской мифологии есть птица — Феникс. Согласно легендам, стоит появиться Фениксу, как на земле воцаряются мир, покой, счастье и изобилие. А ведь прототип Феникса — все тот же Петух.

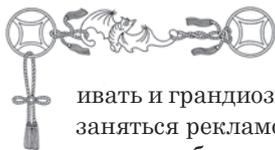
Так как в природе Петух является врагом сколопендры — сороконожки, то в сказочных произведениях Петуха изображают справедливым и славным героем-победителем. Отсюда Петух — символ справедливости, силы, спасающий людей от всяческих врагов и вредителей.

Считается, что человек, рожденный в год Петуха, обладает острым зрением, остроумный, храбрый, восторженный, умелый и честный.

Но у кого нет слабостей? Петух любит, чтобы на него обращали внимание, почаще хвалили и даже льстили. Люди, рожденные под этим знаком, очень внимательны к своей внешности и придирчивы к своей одежде.

Обмануть Петуха не просто — он всегда недоверчив, осторожен, начеку. У него прекрасная память, он интеллигентен, всегда бдителен и жизнь его хорошо организована. Это очень волевая личность. Кроме того, Петух гостеприимен, любит устраивать вечеринки и к друзьям относится великодушно и с благородством. Приятная черта — Петухи всегда сдерживают свое обещание.

Люди этого знака уверены в себе, умны, и у них прекрасно получается любая работа, связанная с финансами. Они способны устра-

ивать и грандиозные представления. Если вы — Петух, то вам стоит заняться рекламой, выступлением на сцене, управлением кадрами, связью с общественностью или управлением финансами.

А на какие недостатки Петуха следует обратить внимание? Он хвастлив, любит критиковать, упрям, своеволен, чрезмерно самоуверен. Кроме того, известный задира и забияка, и с ним легко может наступить размолвка.

Если вы — Петух и ищите партнера в любви, то нет никого лучше, чем Буйвол, Змея или Дракон. Однако держитесь подальше от Кролика, Собаки и ... Петухов. Мужчины, помните, что женщина-Курица — прекрасная жена и мать, поскольку она и привлекательна внешне, и талантлива в ведении домашнего хозяйства.

Собака, гоу (狗), — одиннадцатый знак зодиака, и не следует забывать, что предки ее — волки. Однако человеку удалось приручить это животное и сделать его своим лучшим другом. Китайцы нередко считают Собаку символом верности, благородного рыцарства, потому что она в трудную минуту способна, забыв о себе, до последнего защищать и спасать хозяина. И совсем непонятно, как могут отдельные китайцы употреблять в пищу животное, которое считается первым другом человека.

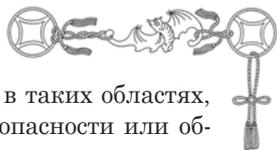
Есть у китайцев обычай: 5-го числа 5-го месяца, во время праздника Дуань-у, люди вырезают из бумаги изображения собачек и бросают их в реку. Смысл в том, чтобы эти «собачки» защитили людей и избавили их от бедствий, всяческого зла и несчастий, помогли добиться мирной жизни в здравии и в радости.

Другой обычай — во время похорон бумажных собачек закапывают в землю вместе с умершим, чтобы они оберегали душу покойного от нечисти и зла.

Китайцы считают, что если за человеком бежит собака, это хорошая примета, потому что Собака приносит везение в денежных делах, знатность. Еще Собаку считают символом лояльности и мудрости.

Собаки на первое место ставят честь и долг, им доставляет удовольствие помогать другим людям. Честная, добрая, эмоциональная, с глубоким чувством справедливости Собака всегда играет только по правилам. За принципы она готова сражаться.

Типичные слабые места Собаки — постоянное беспокойство, тревожность, стремление преувеличивать опасность, а также вспыльчивость, опрометчивость. Они злы и раздражительны, когда оказываются в трудном положении или конфликтуют с кем-то. К сожалению, Собаки редко счастливы в любви из-за простодушия, подозрительности и упрямства.

Работу для себя Собаки должны подыскивать в таких областях, как общественная деятельность, обеспечение безопасности или обслуживание правительственных органов.

Собаки склонны к романтизму, они прекрасные супруги и родители, однако истинную любовь они не встретят до тех пор, пока не преодолеют бесчисленные препятствия и пока не заживет неоднократно разбитое сердце.

Идеальным союзником в браке для Собаки является Лошадь, Кролик или Тигр. Союз с Драконом, Овцой или Петухом закончится для нее печально.

И последняя из знаков зодиака — **Свинья**, *чжу* (猪). Она тоже спешила и мечтала стать первой, однако когда добралась до резиденции Яшмового императора, собравшиеся встретили ее дружным хором: «Слишком ленива ты, подруга, только о еде и думаешь. Опоздала, как всегда. Будешь последней».

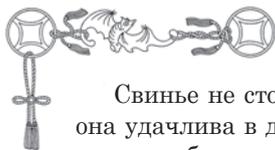
Как правило, люди часто заблуждаются насчет этого животного. Взять, к примеру, общепринятое мнение, которое ярко выражено в таких фразах: «неряшлив, как свинья», «грязный, как свинья». На самом же деле свинья — очень чистоплотное животное. И не его вина, что человек содержит его в таких условиях, когда нет возможности помыться и почиститься, как могла бы свинья сделать это на воле. В китайском гороскопе Свинья является его украшением, одним из драгоценных камней.

Не все знают, что у свиней необыкновенное обоняние, их используют в некоторых странах в качестве помощников при поиске мин, радиоактивных веществ и наркотиков. По последним данным ученых, интеллект свиньи не ниже лошадиного.

Человеку, родившемуся в год Свиньи, присущи такие черты, как осмотрительность, рассудительность, спокойствие, доброта, честность, простодушие. Самые главные ценности для Свиньи — здоровье, семья, благосостояние, процветание, счастье и удача.

Свинья отличается искренностью, честностью и надежностью. Она терпима ко многому и старается избегать споров. Люди, родившиеся под этим знаком, миролюбивы и предпочитают наслаждаться простыми радостями, которые дает жизнь, однако никогда этим не злоупотребляют.

К несчастью, следует признать, что, пользуясь доверчивостью ее природы, Свинью часто обманывают. А сама она нередко допускает ошибки из-за своего упрямства, своенравия и настойчивости. Будучи материалистом, этот знак готов на самопожертвование ради своих близких и любимых.

Свинье не стоит переживать и заботиться о карьере, поскольку она удачлива в денежных вопросах. Но бизнесом ей не стоит заниматься, ибо ее могут легко обмануть. Главное ее счастье — в семье, и она не зря на нее ориентируется. Она, обычно, бывает удачлива в длительном супружестве. Ее лучшие партнеры — Кролик или Овца. Преданной, но далеко не романтичной Свинье лучше избегать Обезьяну и Змею.

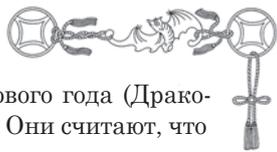
Гороскоп

Новогодние обычаи народности мяо

Поскольку Китай — страна многонациональная, то и новогодний праздник у разных народностей отмечается по-разному. В качестве примера возьмем широко известную всем народность *мяо*, одну из 56-ти, населяющих Китай. Проживают *мяо* на юго-западе, на склонах холмов, и являются одной из древнейших народностей.

Мяо по сей день живут по календарю династии Чжоу, той самой, которую основал князь У-ван с помощью рыбака Цзян Цзы-я. По чжоускому лунному календарю Новый год приходится на 10-й месяц, что соответствует ноябрю по григорианскому.

Китайский праздник Весны *мяо* не отмечают вообще, рассматривая его как Новый год других этнических групп. Первый день нового года по своему календарю *мяо* считают днем Дракона, седьмой день посвящен Обезьяне, а последний — Буйволу. Предпоследний и последний дни перед Новым годом, когда уже проходят необходимые подготовительные церемонии, называются днем Тигра и днем Кролика.

Интересно, что в первый и последний дни Нового года (Дракона и Буйвола) угощение готовят только мужчины. Они считают, что женщины, которые ежедневно стоят у плиты в течение года, должны отдохнуть в праздник.

В новогоднюю ночь все рано ложатся спать, а на заре, когда пропоет петух, мужья принимаются за работу на кухне. Когда все готово, они будят жен, и с утра начинается новогодний праздник-банкет. Причем, в этот день не следует есть за столом, откладываются в сторону и палочки. Видимо, в память о своих древних предках, все рассаживаются на полу и едят только руками. Из новогодних блюд обязательны цыпленка, утки, рыба и мясо.

Новый год у народности *мяо* — это еще и традиционное время свадеб.

Приложение

Чжун Кхуй — повелитель бесов

Рассказывая о *мэнь-шэнях*, охранниках дверей, мы упомянули Чжун Кхуя (钟馗). Его изображения тоже принято наклеивать на двери во время празднования Нового года. Герой этот — очень яркая, одаренная личность, а судьба его — трагическая, и о нем непременно следует рассказать.

Однажды я пошла на любимый пекинский рынок «Сад семьи Пхань» с приятелями Натальей и Андреем Денисовыми, которые бывали там крайне редко. К тому же это их посещение являлось завершающим: заканчивалась командировка, предстоял окончательный отъезд на Родину, хотелось купить сувениры друзьям.

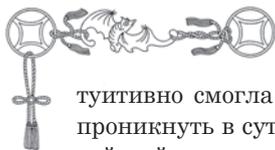
Мы осматривали ряд за рядом, и вдруг Наталья остановилась перед большой фарфоровой фигурой воина с жутковатой внешностью, выпученными глазами и торчащей бородой. Она попросила меня узнать, кто это. Оказалось, его имя — Чжун Кхуй. К большому сожалению, я тогда почти ничего не знала об этом герое.

Наталья не могла оторвать взгляд от Чжуна Кхуя, — так он ее поразил: «Я не собираю фарфор, ничего в нем не понимаю, но этого я бы с удовольствием купила. Я поставлю его в коридоре или прихожей на красивую тумбочку».

Помню, в душе я удивилась: почему — в коридоре?

Цену за Чжун Кхуя запросили немалую, и Андрей привел много аргументов против покупки: и дорогая, и тяжелая, и хрупкая...

Я видела, как переживала приятельница, и очень ей сочувствовала; по себе знаю, как трудно отказаться от полюбившейся вещи. Бедная Наташа! Эта фигурка должна была стать твоей, раз ты ин-

туитивно смогла понять ее значение! Как тебе удалось так тонко проникнуть в суть прототипа фигурки, будучи не знакомой ни с китайской культурой, ни с китайской мифологией!

Оказывается, его изображение китайцы используют для отпугивания нечистой силы, всяческого зла и болезней, так что самое место ему — у входа в жилище, чтобы охранял и защищал семью. Больше ничего подобного я на рынке уже не видела, сколько ни искала в течение многих лет.

Самое обидное, что у меня-то к тому времени уже имелся Чжун Кхуй, очень тонко и изящно выполненный, хотя тогда я еще не знала, кто именно стоит у меня на подоконнике. Никто из знакомых китайцев не мог мне его «расшифровать»: подолгу смотрели на фигурку, задумавшись, однако ни с кем из известных им героев идентифицировать не могли.

А между тем, вылеплен он классически, с соблюдением всех атрибутов.

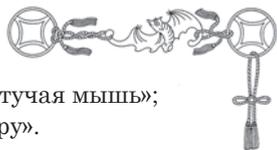
Из-под черной чиновничьей шапочки — глаза навывкате; свирепо торпорщатся усы, большой, слегка отвисший живот обтянут шелковой сорочкой, которая в деталях повторяет рельефы полной фигуры. Правая рука лежит на рукояти меча, а в левой, поднятой — черная летучая мышь! И рука эта, хоть и полная, однако мускулистая, с длинными пальцами и аккуратными ногтями из прозрачного фарфора.

Вся фигура — как живая, а главное, понимаешь, что эта свирепость — напускная, и даже выпученные глаза на самом деле добрые. Это и покорило меня. Я могла подолгу разглядывать Чжун Кхуя, медленно поворачивая его. Как ни взгляни — почти живой человек перед тобой, только уменьшенный.

Но больше всего меня интриговала летучая мышь в его руке. Я вообще очень люблю эти существа и собираю их изображения во всех видах. Секрет такой привязанности прост, если знать, какой символ здесь заложен: слово «летучая мышь» созвучно в китайском языке слову «счастье». Но с какой стати мышь — в руках сердитого воина?

Оказалось, совсем не случайно. Существует много легенд о Чжун Кхуе, и каждой из них соответствует своя картина или статуэтка. Мне известны следующие классические сюжеты:

- «Чжун Кхуй уезжает из дома»;
- «Чжун Кхуй во хмелю»;
- «Чжун Кхуй с маленьким дьяволом»;
- «Чжун Кхуй ловит беса»;
- «Чжун Кхуй встречает летучую мышь»;

«Чжун Кхуй схватился за меч, и прилетела летучая мышь»;
«Чжун Кхуй выдает замуж свою младшую сестру».

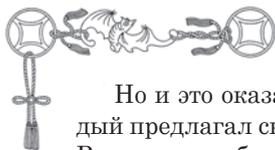

Чжун-кхуй

Рассказывают, что когда-то император Сюань Цзун династии Тхан вместе с Ян *гуй-фэй* (одна из четырех красавиц древности) поехал развлечься из столицы Си-ань в горы Ли-шань. Время стояло летнее, и там, в загородной резиденции, можно укрыться от невыносимого зноя.

Император к тому времени уже давно забросил дела и веселился с фавориткой, устраивал пиры и дальние прогулки, чтобы та не скучала. Но прошло несколько дней, и красавица закапризничала. Что-то ей пришлось не по нраву, и она вернулась во дворец раньше времени. Старый император, оставшись без любимой наложницы, загрустил и приболел.

Недомогание перешло в странную болезнь: то ему становилось жарко, и тело горело, как в огне, то бросало в холод, да так, что бил озноб и зуб на зуб не попадал. Лежал несчастный, покинутый император на своем ложе, украшенном резными драконами, и было ему уже не до мирских радостей — выжить бы! Придворные лекари сбились с ног, предлагая то одно снадобье, то другое — ничего не помогало. Оставалось последнее — созвать на совет всех знаменитых врачевателей Поднебесной.

Но и это оказалось делом бесполезным. Те судили-рядили, каждый предлагал свой метод, а здоровье Сюань Цзуна все ухудшалось. Весь двор пребывал в слезах и горе.

Однажды, когда император, ослабев, на какое-то время забылся в полудреме, он увидел перед собой маленького беса, да такого наглого в своих выходках! Одет он был в коротковатые штанишки фиолетово-красного цвета, одна его нога оставалась босой, другая обута в сапожок, второй сапог привязан к веревке, а за пояс небрежно заткнут бамбуковый веер.

Бес нахально прохаживался по дворцу, с любопытством рассматривая и переворачивая вещи. Он стащил фиолетовый, расшитый шелковыми нитками мешочек с благовонными травами, принадлежавший Ян *гуй-фэй*, понюхал и остался очень доволен. Привязав мешочек к своему поясу, он взял нефритовую флейту самого императора и начал в нее дуть. А так как играть не умел, то лишь забил слюной все отверстия. Он стал носиться по залу, хулиганя и дразня императора.

Сюань Цзун громко позвал на помощь, но вокруг почему-то не оказалось ни одного человека. Пришлось ему самому, обессиленно-му, шагнуть вперед и возмутиться:

— Кто ты такой? Как смеешь паясничать у меня на глазах?! Сейчас же положи на место наши вещи — мои и *гуй-фэй*!

Кто бы мог подумать — бесенок вовсе не испугался!

— Да что ты важничаешь! Чем тебе кичиться, старый император? А вот я, если захочу, могу тебе сильно навредить!

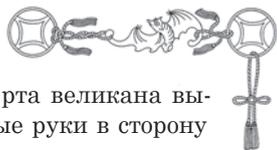
С этими словами он вдруг дунул холодным воздухом, и императора затрясло в ознобе — даже слышно стало клцанье зубов. А бесенок захохотал и вновь дохнул на Сюань Цзуна — горячим воздухом. Больному показалось, что его бросили в котел с кипящей водой. Обожгло так, что он закричал страшным голосом, призывая на помощь.

— Вашего почтенного слугу зовут Сюй Хао — Суегливый Вредитель, — насмешливо представился, наконец, бесенок.

— Я никогда не слышал такого имени, — простонал император.

— Меня прозвали Суегливым, потому что я просто так, забавы ради, ворую у людей вещи, внося беспорядок в их жизнь. А Вредителем меня называют потому, что я люблю вмешиваться в чужие дела. Если мне удастся огорчить кого-нибудь — это самая большая радость для меня, — нагло пояснил маленький бес.

Император еще раз кликнул стражников, но вместо стражи в зале вдруг появился второй бес — огромный и страшный. На нем развевался синий халат с поясом, на голове — драная шапка из

черного шелка, на ногах — высокие сапоги. Изо рта великана вырывалось пламя. Он протянул огромные волосатые руки в сторону Суетливого и закричал басом:

— Ах ты, жалкая тварь! Видно, забыл, что такое вежливость?

Вредитель в ужасе съежился, будто мышь перед кошкой. От его самоуверенности не осталось и следа, он даже пошевелиться боялся. Большой бес подошел не спеша и схватил Суетливого за пояс (дальнейшие подробности не читайте на ночь детям). Для начала он выковырял у бесенка глазки, затем откусил голову и начал неторопливо жевать. Вскоре от Вредителя и ступней не осталось.

Однако император не обрадовался, а запаниковал: если этот великан поедает живьем нечисть, то чего ждать ему, простому смертному, большому старику?

А большой бес тем временем, повернувшись к императору, пал на колени:

— Я пришел на помощь, услышав ваши крики.

Успокоившись немного, Сюань Цзун спросил:

— Кто ты? И почему решил помочь мне?

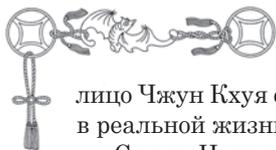
— Я родом из Чжун-наня и получил в свое время ученую степень *цзюй-жэнь* после сдачи экзаменов в провинции. Фамилия моя Чжун, имя — Кхуй. Я жил в эту же эпоху Тхан, только очень давно, когда правил первый император Гао Цзу под девизом «Дэ», — рассказывал Чжун Кхуй. — Я поехал в столицу сдавать экзамены на звание *цзинь-ши*, но провалился. С позором вернулся домой. Никак не мог успокоиться, с гневом и обидой вспоминая все, что произошло во дворце. На мой взгляд, со мной поступили несправедливо, и я покончил с собой.

Не удалось мне при жизни послужить стране, поэтому после смерти я поклялся приложить все силы, чтобы искоренить на земле несправедливость, зло и всякую нечисть.

Правда, потом император Гао Цзу раскаялся, он пожаловал мне роскошный синий халат и велел похоронить меня, как подобает. Так что теперь я на него не в обиде.

Растроганный Сюань Цзун, выслушав эту историю столетней давности, хотел наградить пришельца какой-нибудь должностью, но тут услышал вдруг громкие стенания и проснулся. Оказывается, все предыдущее было сновидением, а проспал он три дня и три ночи подряд, так что все окружение решило — император скончался, вот и голосили над ним наложницы. А любимая Ян *гуй-фэй* сидела у изголовья кровати и слезами омывала лицо императора — будто с цветов груши капало на него после дождя.

К своему удивлению император почувствовал себя абсолютно здоровым, и хотя все случившееся с ним оказалось сновидением,

лицо Чжун Кхуя стояло перед глазами, как будто встреча состоялась в реальной жизни.

Сюань Цзун позвал придворного художника У Дао-цзы и велел ему нарисовать портрет, подробно описав своего героя. Самое удивительное, что на рисунке Чжун Кхуй получился именно таким, каким видел его император, — это ли не чудо?

Император с удивлением посмотрел на У Дао-цзы и произнес:
— Такое впечатление, что сон приснился не мне, а тебе!

Он щедро одарил художника, — говорят, две сотни *лянов* золотом не пожалел, а портрет повесил во дворце, чтобы Чжун Кхуй охранил его.

Эта история постепенно распространилась среди простых людей. Они прозвали Чжун Кхуя «повелителем бесов» и в конце каждого года тоже стали вывешивать его изображение на дверях своих домов. Следуя традиции, они зажигали яркие фонарики и в течение всей новогодней ночи освещали все вокруг: в комнатах, под кроватями, даже в туалетах. Таким образом они надеялись обеспечить себе спокойствие на весь год, и назывался этот обряд — «Высветить беса Сюй Хао».

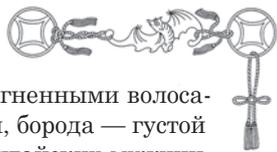
Сюжет этот стал любимым в народе — «Чжун Кхуй ловит беса». Надо напомнить, что в Китае издавна существуют боги дверей, братья-генералы, по-китайски — *мэнь-шэнь*, изображения которых всегда наклеивают на створки дверей в новогоднюю ночь. Однако Чжун Кхуй так полюбили людям, что его портретами стали часто заменять прежних *мэнь-шэней*.

А во времена правления Мин и Цин постепенно распространился и другой обычай — портрет защитника Чжун Кхуя стали вывешивать в центральных комнатах и во время праздника «Дуань у-цзе», пятого числа пятого месяца.

В глубокой древности в Китае существовал обычай — в конце года проводить помпезную церемонию, цель которой — отогнать болезни и злых духов. При этом участники церемонии, устрашая всякую нечисть, размахивали дубинками, которые назывались *чжун-кхуй* (終葵). Иероглифы, обозначающие дубинку и имя героя, — разные, но звучат они абсолютно одинаково. Совпадение ли это?

Говорят, что когда-то, во времена династии Тхан, действительно жил человек по имени Чжун Кхуй. Он слыл талантливым и успешно сдал государственные экзамены в столице. Но его безобразная внешность не понравилась императору, и его не удостоили ученой степени.

В те времена ценились лишь чисто черные волосы и узкие глаза. Чжун Кхуй же значительно отличался от обычных китайцев. Черные волосы имели рыжеватый оттенок (что дало повод художникам

впоследствии изображать героя с ярко-рыжими, огненными волосами и бородой), глаза — круглыми и выпученными, борода — густой и лопатообразной. Это тоже не характерно для китайских мужчин, у которых на щеках нет растительности, и борода бывает жидкой и длинной.

Да и роста герой был огромного, телосложения — крупного и грубого. Он так выделялся среди малорослых и тщедушных соплеменников, что вызывал отторжение, как что-то инородное.

В порыве отчаяния Чжун Кхуй покончил с собой. Ведь он столько надежд возлагал на эти экзамены. Родители его рано скончались, и на его попечении осталась взрослая сестра, которую надлежало выдать замуж. Да только денег ни на свадьбу, ни на приданое не имелось. Чжун Кхуй столько лет прилежно учился и был так талантлив, что надеялся решить все свои проблемы трудом и образованностью.

Люди знали его доброту и отзывчивость, поэтому все очень огорчились из-за такой несправедливости по отношению к великану. Молва о нем разошлась широко, а его история стала обрастать слухами и небывлицами.

Постепенно образ Чжун Кхуя стал символом борьбы за справедливость, борьбы со злом на земле. Его внешность отличалась свирепостью, неприглядностью, однако сердце оставалось добрым, а по характеру он слыл прямолинейным, преданным и храбрым; вот и превратили его люди в пугало для нечистой силы, в своего защитника.

В легендах говорится, что Яшмовый император (на Небе), узнав об истории Чжун Кхуя, присвоил ему после смерти титул генерала, изгоняющего зло и уничтожающего нечисть, и дал трехтысячное войско, чтобы генерал помогал людям.

Еще его называют «святой Чжун Кхуй», «небожитель Чжун Кхуй». Изображают полным, крупным мужчиной с широкой, торчащей во все стороны бородой и сердитым лицом.

Существуют не только легенды, но и пьесы, спектакли о нем. Вот о чем рассказывается, например, в пьесе «Чжун Кхуй выдает замуж свою сестру».

На родине, в Чжун-нани, Чжун Кхуй когда-то учился вместе с другом, богатым человеком Ду Пхином. Вместе они и в столицу отправившись: Чжун Кхуй — на экзамены, чтобы получить следующую, более высокую ученую степень, а Ду Пхин — по торговым делам.

Господин Ду оказался порядочным, добрым человеком, и он щедро одолжил другу деньги на путевые расходы — сотню «золотых». Зная, что семья Чжун Кхуя испытывает трудности без кормильца, он и им с каждой оказией передавал деньги. Более того, Ду Пхин нанял служанку, чтобы та помогала по хозяйству младшей сестре

Чжун Кхуя — лишь бы его друг спокойно готовился к экзаменам. Ду Пхин не сомневался, что талантливый юноша добьется успеха, получит хорошую должность и выбьется из нужды.

И действительно, Чжун Кхуй сдал экзамены лучше всех, став первым среди победителей. Однако из-за его отталкивающей внешности император отказался дать ему высокую должность, которую обычно занимал зять властителя. Ведь тогда пришлось бы отдать ему в жены дочь.

Как мы уже знаем, обиженный Чжун Кхуй покончил с собой. В ту пору в столице присутствовал, завершив дела, и его друг Ду Пхин, который позаботился о похоронах, — ведь стоило это в Китае всегда очень дорого.

Чтобы поблагодарить преданного Ду Пхина, Чжун Кхуй, как это случается в сказках, принял на время свой земной облик и спустился на землю в сопровождении целого полчища маленьких бесенят, своих помощников. Он выдал свою красавицу сестру за благородного Ду Пхина и подарил их семье симпатичного маленького дьяволенка, чтобы тот охранял и защищал их счастье.

Существует много старинных картин, на которых изображен наш герой. Например, «Чжун Кхуй покидает дом», где он на ослике едет в столицу. Самая забавная — «Чжун Кхуй во хмелю». Шапка съехала набекрень, одежда растрепана, а бесенята вокруг забавляются: один вцепился в сапог хозяина, другой пытается стащить с него шапку, еще один украдкой лакомятся его вином.

На наш взгляд, интереснее всего картинки, статуэтки и легенды, связанные с летучей мышью. Вот одна из них. Однажды Чжун Кхуй направился в город Ван-сы, название которого переводится очень странно — «Несправедливо погибший». До города оставалось уже недалеко, лишь перейти через реку Най, однако на мосту он увидел маленького дьявола, который загородил путь, не давая пройти.

— Ну что, Повелитель бесов, осмелишься ли перейти через речку по мосту? — спросил он задиристо.

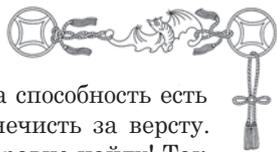
— Я получил распоряжение от Яшмового императора проходить повсюду в Поднебесной, где мне понадобится, чтобы уничтожать нечистую силу, всяких оборотней, — гордо ответил Чжун Кхуй.

При упоминании имени Яшмового императора дьяволенок присмирел и заговорил совсем по-другому:

— Уважаемый святой Повелитель! Если у тебя такое серьезное поручение, возьми и меня с собой в помощники.

— А что ты умеешь делать, чтобы сопровождать меня повсюду в моих заботах?

— Я умею превращаться в кого угодно. Только что, перед твоим приходом, я был кротом, что живет в земле. А до того превращался

в летучую мышь и порхал над лесом. И еще одна способность есть у меня, — продолжал бесенок, — я чую всякую нечисть за версту. Куда бы и как бы глубоко она ни спряталась, все равно найду! Так что, если у вас, уважаемый повелитель, такое задание, позвольте мне стать вашим проводником!

Чжун Кхуй обрадовался:

— А мне как раз и не хватало такого помощника, который бы подсказывал, где прячется зло. Давай же, не мешкая, проверим твое мастерство! Превратись опять в летучую мышь!

И бесенок тут же принял новый облик. Чжун Кхуй возликовал, и с тех пор он боролся со злом не только мечом, но и с помощью летучей мыши.

В народе эту сказку быстро переиначили на свой лад. Ведь иероглиф *фу* в слове «летучая мышь», *бень-фу* (蝙蝠), звучит так же, как иероглиф *фу* в слове «счастье» (福), и на слух «летучая мышь» звучит, как благопожелание.

Аналогично выражение *чжи-цзень фу лай* (执剑福来) — «стоит взяться за меч, как прилетает летучая мышь», можно на слух понять совсем по-другому: «пусть приходит только счастье» (只见福来).

Вот почему изображения Чжун Кхуя с летучей мышью в руке вывешивают на дверях и воротах в Новый год, а во время празднования «двойной пятерки» (т. е. в пятый день пятой луны) его портрет украшает парадный зал. Современные мужчины украшают свое тело татуировкой Чжун Кхуя во весь рост, — китайцы знают толк в древней символике.

Чжун-кхуй и летучая мышь

Новый год в Пекине в 2016 году

Я так многословно и радостно описывала самый большой и важный для китайцев праздник, уверенная, что так будет всегда, что полученное от друзей письмо меня очень огорчило. Именно супруги Ван Нань-чжи (имя переводится «Южная Веточка», и оно намекает на весну, ведь южная веточка первой покроется цветами и листьями) и Шэн Ши-лян (имя переводится «обладающий лучшими качествами среди представителей рода») открыли для нас культуру Китая. Они организовывали совместные ближние и дальние поездки, рассказывали и показывали, снабжали материалами, отвечая на самые сложные вопросы. Ради меня уважаемый Шэн перерывал все словари и энциклопедии, выискивая точные ответы.

Никто не вложил в меня столько знаний и любви к Китаю, как профессор Шэн, и эту любовь, полученные знания я передаю своим читателям. Вот их письмо.

«В 2016 г. первые три дня нового года стали самыми теплыми за период с 1952 г. — более 10° тепла. В последние несколько лет в Пекине во время праздника Весны взрывают все меньше хлопушек, петард и ракет, — китайцы, наконец, осознали, что защита экологии гораздо важнее так называемого «вкуса праздника», ощущения новогодних торжеств (年味).

Стало значительно меньше площадок, на которых проводятся знаменитые «храмовые праздники» с ярмарками (庙会). В парке Лотосовый пруд, где мы часто бывали с вами, уже два года вообще не проводятся новогодние мероприятия. Вчера мы съездили в парк Тхао-жань-тхин (陶然亭, Павильон беззаботности) и оказалось, что полицейские проверяют и всех посетителей, и их сумки. Это уже повлияло на праздничный настрой. А в самом парке оказалось так много представителей органов безопасности и волонтеров, что соотношение гуляющих и охранников составляло примерно двадцать к одному.

Устроители ярмарок уже не стремятся, как раньше, к экономической выгоде, а потому стало значительно меньше новогодних сувениров и традиционных лакомств, совсем мало передвижных лотков, где продают закуски и напитки. Зато улучшилось качество продаваемого, стало чище и опрятнее.

А помните, как мы вместе гуляли на ярмарках, стараясь посетить как можно больше мест, как радостно рассматривали и покупали и неповторимые новогодние атрибуты, которые раз в году и увидишь, и книги, как радовались концертным номерам в исполнении крестьянских артистов, как лакомились новогодними сладостями? Как было весело, шумно, интересно! Мы чувствовали себя детьми! Больше этого нет».

Праздник Фонарей — Юань-сяо цзе

Китайский Новый год, или праздник Весны, и праздник Фонарей, в общем-то, не связаны друг с другом по своей сути. Однако так совпало по календарю, что Юань-сяо *цзе* (元宵节) отмечают 15 числа первого месяца, когда только-только завершились новогодние празднования. Поэтому повелось, что фестиваль Фонарей является завершающим аккордом предыдущего события — Нового года и естественным образом к нему примыкает. Познакомим с его историей.

Истоки праздника

Иероглиф *юань* (元) имеет значение «начало», потому что отмечается он в первый месяц года. Иероглиф *сяо* (宵) означает «ночь», и вместе два иероглифа несут смысл «первая в году полная (круглая) луна».

Говорят, что в начале правления династии Западная Хань члены дома Люй подняли мятеж, но императору Вэнь-ди удалось подавить его с помощью высокого сановника Чжоу Бо, военного и политика. В этот день, 15 числа 1 месяца, как раз сияла яркая луна, и император устроил для своих подданных ночные гуляния, которые впоследствии закрепились, как ежегодный праздник.

Еще более глубокие корни таких гуляний — в даосизме. В этой религии имеется такое понятие как *сань-юань* (三元), которое подразумевает трех главных властителей:

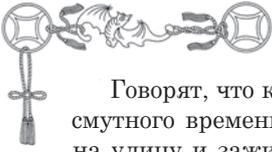
Шан-юань (上元) — на Небе;

Чжун-юань (中元) — на Земле;

Ся-юань (下元) — в воде.

Их дни рождения, соответственно, отмечают 15 числа месяца *чжэн* (первого в году), 15 числа 7-й луны и 15 числа 10-й луны, так что в эти три даты полагается совершать церемонии поклонения и жертвоприношения. При этом первый праздник носит название Шан-юань *цзе* (上元节), или Юань-сяо *цзе*.

В даосизме есть еще один святой — *Тхай-и* (太一, 泰一 или 泰乙), которого очень почитают и отмечают его день рождения 15 числа месяца *чжэн* пышными церемониями поклонения.

Говорят, что как-то во времена династии Хань наступил период смутного времени, поэтому император запретил ночами выходить на улицу и зажигать фонари. Даже торговля в будние дни оказалась под запретом. Единственная ночь, когда снимались все ограничения, — праздник 15 числа месяца *чжэн*, поклонения *Тхай-и*, ибо церемонии следовало проводить только ночью. Постепенно, с годами, люди, забыв о *Тхай-и*, стали ежегодно в эту ночь любоваться луной и зажигать фонари.

В следующие столетия празднование становилось все более ярким и широким, но в период династии Суй император Вэнь-ди наложил запрет на него. Причина — в рачительности владыки: он считал, что затраты на проведение гуляний слишком велики. Он даже увольнял со службы чиновников, которые все же принимали участие в этом мероприятии.

Однако очередной император, его сын Ян-ди, всеми силами подерживал проведение Юань-сяо, ратовал за его расширение, за народные гуляния, любованье фонарями. Он даже написал красивое стихотворение, посвященное этому празднику, ставшее популярным.

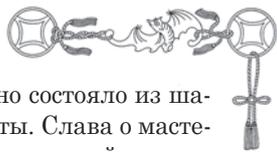
В период Тхан экономика страны процветала, в обществе наблюдалась стабильность, и праздник Юань-сяо стали отмечать еще более пышно, для него отвели уже три дня — 14, 15 и 16. Многие известные поэты того времени посвящали ему стихи, а художники переносили на картины праздничные сюжеты, по которым мы можем судить, что фестиваль этот проводился действительно грандиозно. Тогда-то праздник и обрел современное название — Юань-сяо.

В следующий период — династии Сун — для празднования отвели еще несколько дней — 17 и 18, — пять ночей гуляний. После этой династии праздник хоть и не отменяли, но значительно ограничили в масштабах, как, впрочем, и все остальные праздники в году.

В период правления Мин, наоборот, гуляния продлили до 10 дней, при этом всех чиновников столицы отпускали на десятидневные каникулы. Что же касается простых людей, то в разных местностях сроки гуляний различались от трех до десяти ночей. Во времена последней династии Цин праздник по-прежнему отмечали широко, гуляя пять ночей.

Легенды о празднике

Во времена императора У-ди династии Хань в столице Чхан-ань жила красавица с добрым сердцем и хорошим характером по имени Юань Сяо. Она зарабатывала тем, что изготавливала и продавала

блюдо *тхан-юань* (汤圆), ароматное и сладкое. Оно состояло из шариков клейкого риса с начинкой из фасолевой пасты. Слава о мастерице гремела в столице, и вскоре ее увезли в императорский дворец, чтобы своим блюдом она радовала только императора.

Прожив там три года, Юань Сяо затосковала по дому, родителям и младшему братику, с которым они когда-то вместе работали в лавке. Но императорские правила и законы очень строги, покидать дворец запрещалось, оставалось лишь проливать слезы.

Однажды до девушки дошли слухи о том, что ее родители тяжело заболели, а денег на лечение в доме нет. Придя в отчаяние, Юань Сяо бросилась к колодцу, намереваясь утопиться. На ее счастье, рядом оказался один из сановников, приближенных к императору, который как раз срезал для повелителя ветки с цветами сливы. Звали его Дун Фан-шо, и он слыл известным литератором.

Бросившись к нему в ноги с мольбой, Юань Сяо рассказала Дун Фан-шо о своей беде и попросила о помощи. Говорят, литератор обладал не только талантом, но и великолепным чувством юмора, и добрым сердцем. Он любил справедливость, и часто помогал людям, находя в этом радость. Сановник умел уговаривать и убеждать.

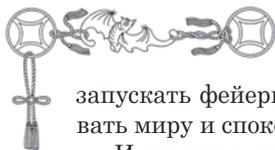
Ради Юань Сяо он немедленно сочинил четыре стихотворные строки и через своих доверенных слуг распространил их по городу. В стихах говорилось:

Чхан-ань в беде! В ночи его охватит пламя,
И будет поглощен огнем и город, и дворец.
И сбудется все это непременно пятнадцатого,
То есть завтра! Ничто не отвратит беды!

Жителей города охватила паника, люди причитали: «Горе! Беда! За что прогневался на нас Яшмовый император? За что велел духу Огня сжечь наш город?» Китайцы поклонялись богу (духу) Огня и очень боялись его.

Новость достигла и ушей императора, он изменился в лице от страха, велел всем подчиненным срочно придумать какой-нибудь способ, как избежать беды. И тут вперед выступил литератор Дун Фан-шо: «Ваше Величество, Священный и Лучезарный! Насколько я знаю, дух Огня имеет одну слабость — очень любит ароматное и сладкое. А у вас во дворце, насколько я знаю, работает девушка по имени Юань Сяо, которая умеет делать такое блюдо, как никто. Прикажите выпустить ее из дворца, чтобы к ночи она успела приготовить лакомство. Заоблив духа Огня, мы сможем избежать беды.

И еще прошу Ваше Величество издать священный указ, чтобы порадовать и Яшмового императора на небе: пусть народ в эту ночь устроит гуляния до утра — зажгут разноцветные фонари, начнут

запускать фейерверки, взрывать хлопушки. Это сможет способствовать миру и спокойствию в Поднебесной».

Император повеселел и согласно кивнул головой, отдав необходимые распоряжения. Юань Сяо встретила с родителями и братиком, а Сын Неба с любимыми наложницами тоже покинул стены дворца и вместе с простыми жителями столицы развешивал фонари и поджигал хлопушки и петарды.

На улицах и в маленьких переулках от многочисленных фонарей стало светло, как днем. Народ радовался и веселился, довольным остался и император: так вот какой «огонь» имелся в виду, — огонь свечей и масляных ламп в разноцветных фонарях! Вся столица ослеплена пламенем, в том числе — и императорский дворец.

В честь этого события император приказал и впредь ежегодно 15 числа месяца *чжэн* отмечать праздник Фонарей, есть шарики со сладкой начинкой — как напоминание о круглой луне, а название он получил в честь девушки — Юань-сяо.

В другой легенде представлена иная история. Более двух тысяч лет назад Нефритовый (Яшмовый) император, правящий на Небе, жил уютно, как и положено владыке, но уж больно скучной казалась ему спокойная, сытая жизнь. Ему докладывали, что на земле люди гораздо счастливее: чем больше сталкиваются с проблемами, тем ярче радуются благополучным моментам. Это злило императора, и однажды он приказал своему волшебному гусю, который умел выдыхать пламя, полететь на землю и осветить ее заревом — поджечь жилища людей. Произошло это 15 числа месяца *чжэн*.

Одна из добросердечных фей, что проживала во дворце, поспешила к людям, чтобы предупредить их об опасности. Жители Поднебесной встревожились, но среди них нашелся смекалистый юноша, который придумал выход. Он велел людям немедленно приступить к плетению большой клетки, чтобы посадить в нее волшебного гуся.

Не успел этот любимец императора приземлиться, как был схвачен и посажен в клетку. Он так и не успел выхонуть огонь, поджигая жилища. По совету все того же смышленного юноши люди, празднуя победу, зажгли свечи и лампы в своих фонарях, обтянутых красной бумагой или шелком, и высоко подняли их. У каждого дома, в каждой руке адели фонари. Дети добавили шума, дыма и огня, поджигая хлопушки, петарды и ракеты.

Обманутый Нефритовый император тоже остался довольным: он увидел сверху, что на земле все «горит» и решил, что волшебный гусь выполнил приказ.

Китайцы с тех пор ежегодно в середине первого месяца года украшают города и деревни красивыми фонариками в память о счастливом избавлении от беды.

Любование фонарями

Поскольку суть праздника — в любовании фонариками, яркими, как огромная луна, то его нередко называли еще и праздником Фонарей (灯节) или Ночными фонариками (灯夕).

В период Восточной Хань в Китай проникла новая религия — буддизм, согласно которому пламя свидетельствует о наличии божества, поэтому перед статуями в храмах всегда ставят светильники.

Император Мин-ди, принявший это учение, стремился распространить его по всей стране, поэтому издал указ с повелением зажигать светильники перед изображениями буддийских святых в ночь *шан-юань* (上元), т. е. 15 числа, и первым показывал в этом пример, посещая храмы и зажигая лампы.

Существует еще одна легенда о происхождении праздника. Якобы Небесный император разводил небесных лебедей и очень любил их. Но однажды одна из птиц спустилась на землю, где ее убил охотник. Чтобы отомстить людям, Небесный император приказал своим солдатам и генералам 15 числа сойти в мир людей и сжечь всю их домашнюю живность.

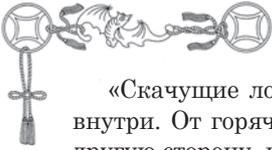
Один из бессмертных небожителей посчитал такую месть несправедливой и решил помочь людям. Он научил их в ночь на 15-е число, когда луна станет круглой, зажечь как можно больше фонарей, чтобы все вокруг озарилось ярким светом. А сам, обратившись к Яшмовому императору, доложил, что уже поджег все загоны и сараи в Поднебесной, так что генералам и солдатам нет нужды беспокоиться.

Верховное божество вместе со всеми небожителями собрались у Южных ворот небесного дворца, чтобы взглянуть на Землю. Все убедились, что в каждом дворе, в нескольких местах сразу, виден огонь, который осветил все вокруг, словно и не ночь вовсе.

Так люди избежали беды, и с тех пор ежегодно поддерживают эту традицию вплоть до наших дней.

Большинство фонарей принято называть «раскрашенными», *хуа-дэн* (花灯) или «разноцветными», *цхай-дэн* (彩灯), а также «лампами в клетках», *дэн-лун* (灯笼). Фонарики *хуа-дэн* являются предметом древнейшего народного искусства, а *цхай-дэн* появились позже, в период правления Хань.

Во времена Тхан научились изготавливать различные по предназначению и форме фонари: настенные, висячие, на палочке, чтобы носить с собой, напольные, фонарь скачущих лошадей и пр.

«Скачущие лошади» (走马灯) — фонарь с маленькой каруселью внутри. От горячего воздуха каруселька крутилась то в одну, то в другую сторону, и на абажуре появлялись тени телег, лошадей, людей. Все фигурки были соединены длинным волосом. От пламени свечи он нагревался, и фигурки начинали шевелить руками и ногами, как будто шли или бежали.

Изготавливали фонари с красивыми пейзажами и людьми, с рыбами, птицами, цветами и бамбуковыми рощами внутри. Иные мастера делали светильники в виде бараньих рогов, тигра или золотой рыбки, расшитого шара или куска яшмы. Встречались фонари «неугасимые», «бессмертия». Использовались и сюжеты известных литературных произведений и мифологии, например, «Гуань-гун любит времена года», «Вэй Чжэн обезглавил дракона».

У маленьких детей — свои фонарики: белые зайчики, шевелящие лапками, причем, внизу имелись колесики, чтобы катить по земле за веревочку. Все звери «лицом» больше напоминали людей: им рисовали глаза-щелочки и дугообразные брови.

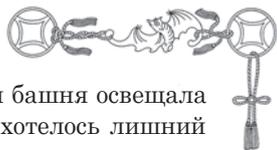
Фонари-шары, которые дети носили на бамбуковой палочке, вырезались многогранными. На полочке из бамбукового лыка устанавливался бамбуковый штырек, а под полочкой крепили два колесика, в результате, когда ребенок шел вперед, шар безостановочно крутился.

Еще одна игрушка — фонарь-лошадка. Состояла она из головы и задней части. Веревочкой голову лошадки привязывали к телу ребенка спереди, а круп — сзади. Обе части светились, и ребенку казалось, что он оседлал волшебного коня.

Для детей предназначалось еще одно праздничное развлечение — *вэй-пхин* (围屏), «окружная», или «створчатая» ширма. Каркас состоял из прямоугольных рамок твердого дерева примерно 3 *чи* высотой и 1 *чи* с лишним шириной. На шелке, натянутом на рамы, рисовались картины с изображением популярных героев сказаний. Поскольку створок делали много — около тридцати, сюжеты разворачивались богатые.

В праздник Фонарей ширмы выставляли в храмах и позади них зажигали свечи; благодаря такой подсветке картины «оживали». Несмотря на то, что содержание картин не менялось из года в год, и дети знали все сюжеты наизусть, они с удовольствием, вновь и вновь, приходили в храмы, и им казалось, что без этого развлечения и праздник не похож на праздник.

Любовь к празднику Фонарей оказалась настолько велика, что император Ли Лун-цзи династии Тхан (тот самый, чье имя связано с наложницей Ян *гуй-фэй*) приказал построить фонарную башню вы-

сотой в 150 *чиш*. Говорят, украшенная фонарями башня освещала всю столицу Чхан-ань. Конечно же, императору хотелось лишний раз развлечь свою любимицу.

Позавидовав, ее старшая сестра, супруга князя Хань Го, решила перещеголять соперницу в оригинальности. Она велела соорудить «дерево с сотней веток с фонарями». Это «фонарное дерево» достигало 80 *чиш* в высоту; оно возвышалось, как гора, свет фонарей слепил глаза и был виден за сотню ли вокруг.

Фонари с загадками

В период Сун и позже разнообразие фонарей стало еще богаче. Они не только отличались красотой, яркостью и причудливыми формами, но и привлекали необычным новшеством: возникло поветрие наклеивать на фонари иероглифические загадки (字谜). Зеваки, любуясь искусством мастеров, еще и ломали голову над решением. Тот, кто находил ответ, получал приз.

Фонари с загадками называли необычно: «тигр» (灯虎), потому что люди говорили о них: «попасть в тигра стрелой чрезвычайно трудно, но разгадать загадки еще труднее». Составлением загадок увлеклись даже известные литераторы.

Как возник этот обычай? Жил один странный человек, который перед богатыми заискивал и кланялся, не жалея поясницы, а столкнувшись с бедными людьми, становился злым и во всем перечил. Однажды в праздник кто-то из соседей расписал фонарь рифмованными строками и повесил над воротами неприятного человека. В стихах говорилось:

«Голова острая, а тело тонкое и блестящее, как серебро.
Если его взвесить — не будет и половины *хао* (меньше грамма).
Глаз длинный и находится на попе.
Он заинтересует лишь одеждой и не знается с людьми».

Выйдя из дома и увидев фонарь с надписью, хозяин разозлился и обиделся. Он решил найти автора и поквитаться с ним. Вскоре он нашел острослова, но тот спокойно пояснил, что господину не стоит гневаться, ибо это всего лишь загадка. А разгадка — «игла». Сбравшиеся зеваки стали смеяться, а смущенный любитель оценивать людей «по одежке» ретировался.

Любям понравилась такая остроумная идея, и все стали подражать, писать загадки на своих фонарях.

Загадками и иносказаниями китайцы увлекаются давно, ибо сам язык к этому располагает. Еще до нашей эры, в периоды Весны и Осени, а также Воюющих царств, правители удельных княжеств

любили общаться друг с другом, отправляя послания-загадки. Это превратилось в негласное соревнование, свидетельствующее об изобретательности ума, а потому некоторые из них специально держали при себе особо одаренных в этом деле людей.

Знаменитый полководец Цхао Цхао принадлежал к таким любителям блеснуть остротой ума. Однажды он повесил на большие двери вновь построенного дома один иероглиф 阔 («просторный», «обширный»). Люди ходили мимо и не могли понять, что же означает сей жест.

И тогда Цхао Цхао приказал переделать дверь, чтобы она стала крошечной. Люди еще больше удивились, а Цхао пояснил: «Неужели непонятно, что иероглиф «жить» (活) в «дверях» (门) означает «просторный»? (Следует пояснить, что каждый иероглиф состоит из элементов, имеющих свои названия). Но в просторную дверь никто не захотел входить, и я решил сделать маленькую».

Вспоминают еще один случай. Цхао отправил группе чиновников коробку для пирожных, написав на ней иероглиф 合 («совместный»). Внутри оказалось лишь одно пирожное, и чиновники не понимали, кому же оно предназначалось. И только один из них, Ян Сю, понял намек Цхао Цхао.

Он предложил каждому откусить по кусочку. «Почему?» — удивились остальные. «Иероглиф хэ (合) состоит из трех элементов, — пояснил Ян Сю, — 人 («человек»), — («один») и 口 («рот»). Именно это Цхао Цхао и хотел сказать: «каждому человеку — по одному кусочку».

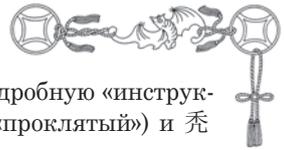
Знаменитый поэт Су Дун-пхо династии Сун тоже оказался любителем и мастером составлять загадки. Однажды он остановился на ночлег при маленьком храме, где его принял молоденький монах, очень грубый, отвратительно обращавшийся с постояльцами. Когда Су Дун-пхо покидал постоялый двор при храме, монашек обратился к знаменитому поэту с просьбой написать ему на память «парные надписи», которыми обычно украшают двери.

Недовольный поэт взял приготовленные кисть и тушь и написал:

一夕化身人归去,
千八凡夫一点无。

Написанные иероглифы не имеют внятного смысла:

Один вечер растаял, человек ушел,
Тысяча восемь простых мирян, нет одной капли.

Дело в том, что строки представляют собой подробную «инструкцию» по написанию всего двух иероглифов: 死 («проклятый») и 秃 («плешистый»).

Иероглиф 死 поэт расписал так: «один» пишется вверху (一), «вечер» пишется внизу слева (夕). Элемент, который пишется внизу справа, встречается и в иероглифе «таять» (化), но его левая часть, которая называется «человек», нам в иероглифе 死 не нужна, поэтому поэт говорит, что «человек» ушел.

Иероглиф 秃 поэт в деталях расписал так: «тысяча» пишется вверху (千), «восемь» — пониже (八). А последний элемент 儿, который пишется внизу, Су Дун-пхо пояснил следующим образом: в слове «мирянин» (凡夫) отсутствует «точка».

Таким образом, если монашек сумеет «расшифровать» написанное, он услышит ругательство в свой адрес — «проклятый плешистый» (буддийские монахи бреют головы).

В другой раз Су Дун-пхо отправил свою служанку к другу-монаху Фо Инь за какой-то вещицей. Когда служанка хотела уточнить, что именно она должна принести, поэт не ответил, лишь попросил ее надеть на голову соломенную шляпу, а на ноги — деревянные башмаки.

Когда монах увидел посланницу, он сразу догадался, что поэту нужен чай (茶). Судите сами. В этом иероглифе вверху (на голове) пишется ключ «трава» (艹), внизу (на ногах) пишется ключ «дерево» (木), а посередине, между «травой» и «деревом», находится «человек» (人).

Так что загадки, особенно связанные с написанием иероглифов, выделились в отдельный элемент культуры, яркий, богатый и своеобразный. Достаточно сказать, что существует более 40 способов составления загадок, по-китайски — *ми-гэ* (谜格). Для разных *ми-гэ* требуются и разные принципы разгадок. Например, при способе «потерянный сапог» (脱靴格) используют принцип, при котором к разгадке следует самостоятельно добавить иероглиф, который отсутствует, как потерянный сапог. Вот одна из таких загадок.

个人独走 («один человек самостоятельно идет»). Эту мысль можно выразить немного иначе: 自己行走 («сам передвигается»). Разгадка — 自行 («сам передвигается»). Добавляем недостающий иероглиф 车 («телега»), и получается слово 自行车 («велосипед»).

Танец дракона

Праздник Фонарей неотделим от танцующего дракона, ведь он — символ Китая. Этих мифических зверей изготавливают из бу-

маги, шелка, сухой травы и бамбука. Сочленения остова принято делать из дерева либо проволочного каркаса. Есть парные сочленения, есть одинарные, когда одно звено несут два человека или один. Количество сегментов — нечетное, чаще — 9, 11, 13, максимально — 29. Если больше 15, то дракон становится слишком тяжелым и неповоротливым, и с ним трудно танцевать. Нечетное количество в нумерологии и натурфилософии считается счастливым (吉利).

Команда, управляющая драконом, состоит из 11 или 13 человек. С особо длинным может управляться даже сотня человек. Отдельный артист несет перед драконом на палке «расшитый» шар, или «жемчужину», которой он дразнит чудовище. Подобные танцы называются «дракон играет с жемчужиной» (单龙戏珠) или «пара драконов играют с жемчужиной» (双龙戏珠).

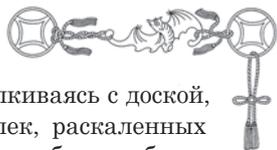
Днем принято исполнять танец дракона из ткани, *бу-лун* (布龙), вечером — дракона с фонарями. Полное тело дракона позволяет устанавливать внутри свечи или масляные светильники; прозрачная ткань делает его светящимся.

Основные движения дракона — броски вправо и влево, взмывание вверх, к облакам, и приседания, т. е. ныряние в морские волны, потряхивание головой и хвостом, а также свивание в клубок. Таких праздничных драконов называют «драконий фонарь» не только потому, что его голова нередко представляет собой собственно фонарь, но и по другой причине.

Во время танца дракона его непременно окружает толпа зрителей, которые «запускают цветы», т. е. фейерверки (放花). Издавна это происходило так. В трубку из сухого бамбука (или металлическую трубку) насыпали порох и поджигали. «Цветы» в виде искр выстреливали во всех направлениях, приликая к поверхности дракона и телам танцующих с драконом артистов, и те старались уворачиваться: чем меньше искр прилипало к танцующим, тем более ловкими они считались, тем выше оценивалось их мастерство.

При большом количестве искр ткань на «теле» дракона прожигалась насквозь во многих местах. Если артисты, управляющие чудовищем, были недостаточно поворотливыми, от дракона, порой, оставался лишь остов, — ткань сгорала полностью, а артисты принимали боевой вид, стараясь выглядеть героями в глазах зрителей. Такой обгоревший дракон назывался «огненным» (火龙) или «дракон — обгоревший фонарь» (烧龙灯).

Самым устрашающим и впечатляющим зрелищем следует признать «цветы из жидкого чугуна» (铁水花). При этом один человек, находясь на возвышении, зачерпывает ложечкой расплавленный металл и выливает его вниз. Одновременно другой виртуоз «встре-

чает» страшную жидкость, подставляя доску. Сталкиваясь с доской, металл брызжет множеством мельчайших капелек, раскаленного докрасна, и этот страшный дождь обрушивается с неба, как будто «небесная фея разбрасывает цветы». Умеют китайцы даже к страшным явлениям подбирать поэтические названия!

Если несколько артистов с разных мест разбрасывают с высоты «цветы» из расплавленного металла, вся площадка, на которой пляшет дракон, превращается в море огня. Обнаженные до пояса танцоры с драконом на шестах проявляют поистине героический дух, оказавшись под градом раскаленного металла.

Акробатика на ходулях и прочие развлечения

Ходули в Китае имеют несколько названий: *тха-цяо* (踏跷), *чжа-гао-цяо* (扎高脚), *до-гао-цяо* (跺高跷), *цахай-гао-цяо* (踩高跷), *цахай гао цзяо-цзы* (踩高脚子). Это оригинальное изобретение использовали в Поднебесной еще до нашей эры, в период Весны и Осени. В древней книге «Ле-цзы шо-фу» (列子说符) есть рассказ о юноше на ходулях, который, развлекая князя из царства Сун, не только быстро передвигался, но одновременно и жонглировал семью мечами: пока два из них держал в руках, пять летали в воздухе.

В период Южных династий ходули называли *цяо-цзи* (跷伎), во времена династии Сун — *тха-цяо* (踏跷).

Говорят, что ходули в древности изобрели крестьяне для удобства сбора диких плодов с высоких деревьев. Они привязываются к ногам, высота этих приспособлений в среднем — 3–4 *чшы*, но бывают и меньше двух *чшы*. По высоте китайцы разделяют их на три вида: *гао-цяо* (高跷), «высокие», около *чжана* высотой; *чжун-цяо* (中跷), «средние», и *пхао-цяо* (跑跷), «для бега».

Артисты на ходулях для развлечения публики облачаются в костюмы известных героев опер. Могут не только ходить, но и танцевать, и прыгать, и крутиться вокруг своей оси. Могут исполнять акробатические и цирковые номера, «летая» и переворачиваясь, перепрыгивая через скамейки, столы и мостики, порой, пугая зрителей до холодного пота.

Если артист упал, он дожидается, пока кто-то его поддержит, затем, подпрыгнув, вновь встает на ходули, и опять прыгает и кувыркается, заставляя зрителей кричать от восторга.

Те, кто выступают на ходулях выше одного *чжана*, не в состоянии представлять акробатические номера, и развлекают зрителей своими костюмами, раскрашивая лица и переодеваясь в героев

классических романов «Речные заводи», «Троецарствие», «Путешествие на Запад».

Традиционно артисты на ходулях подразделяются на «военных» и «чиновников». Представители первой группы вызывают восторг у зрителей своими великолепными и в то же время страшными (опасными) номерами, изображая героев-воинов, а «гражданские чиновники», в основном, танцуют *ян-гэ* и поют стихи с мелодией *цзы* (词) и арии из опер *чхан-дуань* (唱段). Выступление на ходулях — одно из любимых зрелищ китайцев.

Под мелодию *ян-гэ* выступают не только артисты на ходулях. Сухопутная лодка — тоже непереманный атрибут, по-китайски такое выступление называют «не видно дна» (无底景), «гребти на лодке» (划水船), «лодка, колышущаяся на озере» (荡湖船).

Немолодая женщина надевает на талию бамбуковый каркас лодки, обшитый тканью, чтобы не были видны ее ноги, и ткань, окружающая ее, подобно юбке, разрисована волнами. На лодке сверху лежат сложенные крендельком искусственные тонкие ножки в красных детских туфельках, потому что артистка изображает молоденькую девушку. Несоответствие морщинистого лица и детских ножек особенно комично, и публика весело смеется.

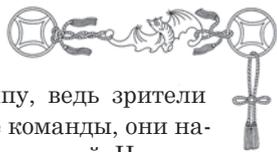
Рядом пританцовывает лодочник, гребущий веслом, словно он перевозит девушку через реку. Пронзительная *со-на*, громкие гонги и барабаны задают ритм. Пожилая женщина, семящая возле лодочника, сварливо пререкается с ним, вызывая у зрителей взрывы смеха.

Нередко среди ряженых присутствует бабушка с длинной курительной трубкой и некрасивым рябым лицом. Непременный герой — «тупоголовый» дурачок (呆头呆脑的傻柱子): на плечи ряженого надета огромная голова, которой он трясет, подобно болванчику.

В выступлении участвуют герои популярных романов «Западный флигель», «Путешествие на Запад», Восемь бессмертных, представители разных слоев общества — рыбак, дровосек, крестьянин и студент-ученый. Женские роли нередко исполняют мужчины, что, естественно, вызывает смех зрителей.

Главная роль в *ян-гэ* принадлежит музыканту, играющему на дудочке *со-на*, — все зависит от его игры и гонгов. Встречались такие виртуозы, которые одновременно и играли, и приплясывали, и вставляли в ноздри две зажженные сигареты, да еще держали на голове и плечах пиалы с водой. При этом вода не выливалась, а из ноздрей валил дым.

Группы артистов *ян-гэ* перед выступлением, прибыв на новое место, старались, прежде всего, отыскать самого талантливому му-

зыканта, чтобы победить другую подобную группу, ведь зрители платили деньги. Если случайно сталкивались две команды, они начинали соревноваться между собой, переманивая зрителей. Но если видели в команде настоящего мастера *со-ны*, то сдавались без «боя».

Угощение юань-сяо

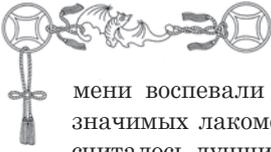
Лакомство *юань-сяо* (元宵) — обязательный атрибут праздника — появилось в конце правления династии Сун — начале правления Юань. Жители Сун называли их *фу-юань-цзы* (浮圆子), т. е. «плавающие шарики», потому что после варки они плавали в воде. Луна в этот праздник впервые в году показывается совершенно круглой, а шарики повторяют ее форму, поэтому в старину их называли еще и *юань-сяо* (圆宵), где иероглиф *юань* означает «круглый».

В отдельных районах Китая встречаются и другие названия: *тхан-тхуань* (汤圆), *тхан-юань* (汤圆), *юань-цзы* (圆子), *тхуань-цзы* (团子), и все они, судя по иероглифам, несут в себе идею «объединения всех членов семьи» (за круглым столом). Китайцы всегда придавали большое значение символике круглой или ущербной луны. Круг — это единение помыслов всей семьи, а не только сбор родственников в одной компании во время праздника.

Китайцы рассказывают легенду о «сладких шариках». В период Весны и Осени в княжестве Чху правил князь Чжао-ван, который однажды 15 часа месяца *чжэн* переплывал на судне Янцзы и увидел на поверхности воды плавающие белые круглые предметы. Он выловил несколько и попробовал. Оказалось — вкусные и сладкие. Князь обратился к Конфуцию за разъяснением, и тот ответил: «Плавающие плоды предвещают возрождение и укрепление твоего государства». Чжао-ван очень обрадовался, и память об этом событии, возможно, сохранилась в иероглифах «плавать» и «вода», потому что на юге Китая *юань-сяо* до сих пор называют *фу-юань-цзы* (浮圆子) и *шуй-юань* (水圆), т. е. «плавающие шарики» и «шарики на воде».

Не только названия, но и способы приготовления *юань-сяо* — разные. Единственный постоянный компонент — мука из клейкого риса. До периода Северная Сун шарики не имели начинки, но их варили в сладкой воде и ели с медовыми финиками, цветками корицы, сушеной мякотью плодов «драконий глаз» и пр. В период правления Южной Сун в шарики стали добавлять сладкую начинку.

Во времена правления последней династии Цин окончательно закрепилось современное название этого блюда — *юань-сяо*, а рецепт изготовления сохранился до наших дней. В стихах того вре-

мени воспевали изготовление и предпраздничную продажу этих значимых лакомств знаменитым семейством Ма Сы-юань, которое считалось лучшим в столице в своем мастерстве, и имя которого вошло в историю.

В настоящее время *юань-сяо* — это уже не только символическое блюдо для конкретного праздника; его с удовольствием едят и в другие дни в качестве лакомства. Существует несколько десятков рецептов шариков из клейкого риса, поэтому отведать можно и «пустые», и с начинками — сладкой, соленой, кислой, острой и ароматной — всех пяти вкусов.

В сладкую начинку, как и в старину, добавляют кунжут, цветки корицы, пасту из фиников, пюре из мелкой фасоли и пр. Готовят *юань-сяо* теперь не только в бульоне, но и обжаривают в масле.

Истории о празднике Фонарей

Чхэнь Ле написал стихи

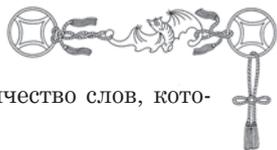
Рассказывают, что во времена династии Сун в городе Фу-чжоу жил начальник округа по имени Цхай Цзюнь-мо. Перед праздником Фонарей он издал странный указ о том, что одна семья имеет право вывесить лишь семь фонариков, и при этом привел несколько доводов.

Известный в те времена литератор Чхэнь Ле, возмущившись таким указом, решил высмеять высокого сановника, изготовив огромный фонарь, высотой более одного *чжана*, на котором написал шесть стихотворных строк:

Для богатой семьи один фонарь —
 все равно, что одно зернышко для столичного зернохранилища.
 Для бедной семьи один фонарь —
 чтобы отец с сыном расплакались, глядя друг на друга.
 Знает ли «талантливый» правитель области о том,
 что ненавидящий пение, музыку и танцы
 Не способен услышать прекрасные мелодии?

Можно устраивать пожары

Еще один классический случай произошел в период той же династии Сун. И тоже с начальником округа, которого звали Тхень Дэн. Согласно традициям феодального Китая, подданные императора не имели права произносить имена своих правителей, а также девизы их правления, ибо они заменяли имена. А поскольку весь китайский язык — это сплошные омонимы, постоянно повторяющи-

еся слоги, то под запрет попадало огромное количество слов, которые звучат так же, как имена императора.

Некоторые чиновники, подражая главному правителю страны, тоже запрещали произносить слова, похожие по звучанию на их имена. Начальник округа Тхень Дэн, заняв свой пост, издал аналогичный указ. Некоторые из его подчиненных ослушались, и последовало телесное наказание — порция плеток.

Приближался праздник Фонарей, и Тхень Дэн, очень любивший его, заранее предупредил, что никто не должен произносить слово «фонарь», который звучит, как его имя — *дэн*, и издал следующий указ: «Разрешаю во вверенном мне округе в течение трех дней отмечать праздник **ПОЖАРОВ**».

Узнав о таком приказе, люди и плакали, и смеялись, однако не осмеливались нарушить указ. Заменяв в документе иероглиф *дэн* («лампа», «фонарь») на *хо* («огонь»), правитель округа получил вместо «зажигать фонари» слова «устраивать поджог», «устраивать пожар». Получается, можно устраивать пожары, но нельзя зажигать фонари. С тех пор начальника Тхень Дэна за глаза стали называть «начальником, устраивающим поджоги».

Украла золотую рюмку

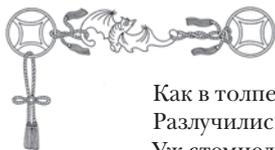
Говорят, что император Вэй-цзун (Чжао-цзи) отличался неискренностью, позерством, создавал себе дутую репутацию, любил изобразить «красивую картинку». Чтобы создать видимость своей близости к народу, он отмечал праздник Фонарей среди простых людей. Взялся на самую высокую башню столицы и милостиво повелевал угостить всех подданных, что оказались рядом, у подножия башни, вином в золотых чарочках.

Однажды пришла и пара супругов, чтобы поучаствовать в празднике. Вскоре толпа их разлучила. Когда женщина дошла до главных ворот, ей преподнесли чарочку. Воспользовавшись случаем, она, выпив, припрятала рюмку, надеясь «разбогатеть неправедным путем». Однако охранник заметил ее хитрость и поволок несчастную к императору Чжао-цзи.

Узнав, что женщина пыталась присвоить императорское имущество, т. е. совершить самое большое преступление, Сын Неба, конечно, возмутился и потребовал ее наказать.

Воровка оказалась очень талантливой и находчивой и тут же продекламировала правителю импровизированные стихи:

Любовалась фонарями с милым за руку,
Но, увлекшись красотой, не заметила,

Как в толпе я потеряла друга-селезня:
 Разлучились мандариновые уточки.
 Уж стемнело, и дошла я до башенки,
 Там мне в рюмке поднесли угощение.
 И от сладкого напитка Сына Неба
 На лице моем весна проявилась.
 Испугалась я гнева свекрови, —
 Ведь домой вернусь одна, и хмельная.
 Прихватила я рюмку из золота,
 Как свидетельство милости Вашей,
 Чтобы знали, — не шлялась я где-то,
 А с самим императором вышла!

Выслушав эти строки, прочитанные красивым, певучим голосом, Сын Неба восхитился смышленостью женщины. Он не только не казнил ее, но и подарил золотую чарочку.

Разбитое зеркало вновь стало круглым

В конце IV столетия нашей эры четыре китайские династии, правившие на юге Китая, — Сун, Ци, Ляо и Чхэнь — в истории принято называть Южными династиями. У последнего правителя Чхэнь по имени Хоу-чжу была младшая сестра, принцесса Сун Пхин, которую выдали замуж за одного из подчиненных правителя округа династии Чхэнь по имени Сью Дэ-ень.

Видя, что чиновники династии погрязли в коррупции, Сью Дэ-ень понял, что это государство скоро рухнет, и начнутся волнения, паника, неразбериха, поэтому условился со своей женой: «Если судьба разлучит нас, если потеряем друг друга в суматохе событий, давай станем искать друг друга 15 часла месяца *чжэн* на городском рынке».

С этими словами он разбил круглое бронзовое зеркало и вручил супруге его половинку.

Через какое-то время династия рухнула, и супруги оказались вдали друг от друга. Принцессу приютили в семье *го-гуна* (княжеский титул) царства Юэ. В праздник Юань-сяо она отправила свою служанку на рынок с половинкой зеркала.

Разыскав ряды с лавочками, где торговали зеркалами, служанка отдала полученный осколок, а сама спряталась за ширмой. Тем временем Сью Дэ-ень, пропыленный и преодолевший много *ли* пути, тоже пришел на рынок и стал внимательно осматривать ряды со старыми зеркалами. Обнаружив осколок бронзового зеркала, он приложил свою половинку и понял, что они идеально подходят,

составляя безупречный круг. Взволнованный супруг написал на осколке несколько стихотворных строк:

Ушло с любимой зеркало когда-то,
И вот настала встречи нашей дата.
Есть — обе половинки, милой — нет.
Как разгадать печальный сей секрет?
Не отражает зеркало красавицу-жену,
В нем вижу я лишь полную луну.

Когда служанка принесла осколок зеркала со стихами, принцесса впала в тоску. Она ничего не ела и проплакала несколько дней. Заметив ее состояние, хозяин дома выпытал у девушки все подробности, был до глубины души тронут историей ее любви и приказал слугам разыскать Сюй Дэ-еня. Все закончилось счастливо — супруги соединились и прожили в любви до седых волос.

Как часто случается в Китае, на эту же тему существует похожая легенда, в которой утверждается, что история произошла во времена династии Суй, принцессу звали Лэ Чхан, а ее супруга — Сюй Дэ-ень, и служил он приближенным чиновником наследника престола. Как бы то ни было, а соединиться супругам посчастливилось в праздник Фонарей, и красивая легенда дошла до наших дней.

Праздник Фонарей в стихах

Из трех дней, которые посвящали празднику, первый, 13-го числа, назывался *шан-дэн* (上灯), «зажигание фонарей», — в этот день в магазинах, лавочках и на рынках вывешивали и зажигали различные фонарики.

Второй день, 14-го числа, назывался *ши-дэн* (试灯), «канун праздника» (дословно — «пробовать, испытывать фонари»), в этот день города и селения украшены фонарями так густо, что кажется, будто они «втиснуты» в каждую щель.

Третий день, 15-го числа, назывался *чжэн-дэн* (正灯), «день праздника», фонари ярко горели повсюду, и даже люди, пришедшие полюбоваться ими, несли в руках на бамбуковых палочках свои фонарики.

Праздничное оживление продолжалось в течение нескольких ночей, — до 18-го, и этот день назывался *ло-дэн* (落灯), «снятие фонарей», «гашение фонарей».

В эпоху Тхан император Чжун-цзун во время праздника приказал поэтам сочинить стихи, прославляющие это событие. Откликнулись сотни поэтов, состязаясь в изяществе слова. С тех пор для по-

томков осталось множество прекрасных произведений, по которым можно судить, как в ту пору проходил праздник.

Как цветы на деревьях — огоньки фонарей,
Или, может быть, это — следы звездопада,
Может, ветер подул, нам готова награда, —
И обрушились звезды дождем на людей?

Тут смешливые девушки стайкой гуляют,
Словно птички щебечут, бровями играют,
И, взмахнув наилегчайшими рукавами,
Ароматными волнами всех накрывают.

Среди тысяч прелестниц нужна мне одна,
Только где же сегодня гуляет она,
Что подобна коралу среди серых камней,
Что прекраснее всех небожительниц, фей?

Оглянулся — она промелькнула вдали
В ярком отсвете праздничных красных огней,
Нежно-алое платье из шелка на ней,
И вослед ей кивают, грустя, фонари...

В последние годы в Китае возрождается прекрасная традиция любования фонарями, и если вам удастся посетить хоть одно подобное мероприятие, это станет одним из самых ярких впечатлений в вашей жизни. Изготавливают их настоящие мастера, соревнуясь друг с другом в умении, знании традиций и культуры, находчивости, выдумке и чувстве юмора. Чтобы несметные толпы людей могли хорошо разглядеть работы художников, фонари выполняют огромными, — в человеческий рост и больше, и выставляют на высоких пьедесталах.

Для детей на рынках продают прелестные яркие фонарики, которые можно, как в старину, нести на палочке, правда, — пластмассовой, а не бамбуковой, да и светят они благодаря батарейке. Некоторые из них не только светятся, но и воспроизводят завораживающую китайскую мелодию.

Не знаю, как к ним относятся китайские дети, но меня они настолько очаровали, что я тоже купила два и берегу их, как самое большое сокровище.

Удивительные обычаи

Странный обычай существует в народе в дни праздника Фонарей, — китайцы поклоняются и приносят жертвы «фиолетовой девушке», Цзы-гу (紫姑), которая известна, как богиня отхожих мест.

Ее обычное место в течение года — туалет, однако 15 числа месяца *чжэн* ее выставляют на улицу, рядом с отхожим местом или загонем для свиней, чтобы провести обряд.

Говорят, когда-то эту девушку звали Хэ Мэй. Родные заставили ее выйти замуж за некоего Ли Цзина из провинции Шаньси, который занимал высокую должность *цзы-ши* в городе Шоу-ян. Но недолго несчастная Хэ Мэй была женой, — старшая супруга возненавидела молоденькую красавицу и, улучив момент, убила ее в туалете. Случилось это 15-го числа. Душа девушки осталась рядом, и когда супруг Ли Цзин зашел в отхожее место, он услышал плач.

В то время в Поднебесной у власти находилась единственная в истории Китая императрица-правитель. Узнав об этой трагической истории, она так растрогалась, что повелела сделать девушку духом (богиней) отхожих мест.

Поскольку «фиолетовая девушка» подвергалась насилию и в родной, и в семье мужа, особенно сочувствовали ей бесправные женщины Китая. Они чаще других молились ей. Как именно почитали Цзы Гу — тоже любопытно. Из соломы изготавливали куклу, надевали на нее платье, на бумаге рисовали лицо и наклеивали на куклу. Существовал и менее хлопотный способ сделать куклу, — платье надевали на веник.

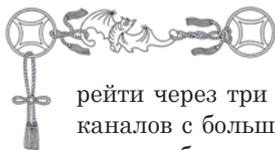
Установив изображение Цзы Гу рядом с туалетом, женщины читали молитвы. Они верили, что душа погубленной девушки вселяется в куклу и способна нагадать людям их судьбу: и счастье, и горе. И хотя данная богиня «отвечает» за туалет, люди просят «фиолетовую девушку» обо всем на свете, — чтобы вокруг сохранялись мир и спокойствие, чистота и уют.

Естественно, перед этим днем хозяйки старательно вычищали и в туалете, и в загоне для свиней.

Еще один интересный обычай соблюдали девушки в праздник Фонарей, чтобы избежать болезней и заслужить счастье. Особенно популярна эта традиция оказалась в период последних двух династий Мин и Цин.

Женщины выходили для прогулки на улицу рука об руку, соединив плечи. Считалось, что таким образом можно избежать 100 болезней, и такие прогулки называли *цзоу бо-бин* (走百病). Но женщины не просто гуляли, они еще и натирали руками медные украшения на главных городских воротах, чтобы отвратить болезни от своих семей.

Иногда этот обычай называют еще «идти по мосту», *цзоу-цяо* (走桥). А на юге, в Сучжоу, «китайской Венеции», его называют «пе-

рейти через три моста» (走三桥). Этот город пересекает множество каналов с большим количеством мостов, и люди, видимо, считали, что чем больше мостов перейдешь, тем дальше оставишь позади себя болезни.

Еще один обычай, несколько похожий на наш, — прыжки через костер. Он называется «зажарить сто болезней» (烤百病). 15-го числа в каждой семье разжигали небольшой костер, и вся родня прыгала через него. Сначала дети, потом — взрослые. Даже несмышленные младенцы должны были символически перепрыгнуть, ибо китайцы верили, что таким образом смогут избежать болезней и бедствий в наступившем году.

Интересный обычай стал популярным в Пекине в период последней династии Цин. 15-го числа женщинам следовало непременно «потрогать гвоздь». Речь идет об огромных декоративных позолоченных шляпках на воротах Чжэн-ян-мэнь в императорском дворце Гугун. После такого прикосновения якобы можно было родить сына.

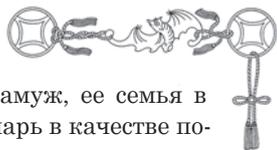
На юге Китая распространен иной интересный обычай: *тхин-сян* (听香), т. е. «почуять аромат». 15-го числа жители сначала кладут поклоны и ставят благовонные палочки перед статуями божеств, а затем следуют за дымом фимиама в «указанном» направлении, чтобы, идя по дороге, случайно подслушать разговор посторонних людей.

Запомнив первую фразу, они возвращались для гадания в надежде узнать, что данная фраза сулит. В народе такое гадание называется «гадать по дыму на хорошего зятя» (听香卜佳婿).

Существует обычай «моление о ниспослании сына» (求子). Его соблюдали немолодые женщины, у которых так и не появились сыновья, либо молодые, которые состояли в браке более двух лет, и тоже не родили сына.

Формы этого обычая различны, в зависимости от района Китая. Один из вариантов — родственники или близкие друзья дарят женщине маленький красный бумажный фонарь. Как правило, они заранее предупреждают о своем приходе, поэтому семья приглашает музыкантов с барабанами и гонгами, выражая радость и гостеприимство.

Дарители вешают фонарь над кроватью женщины, и в будущем, если действительно родится сын, родители щедро вознаграждают дарителей фонаря. Такой обычай называется *сун дэн цю-цзы* (送灯求子), «посылать фонарь, моля о сыне».

Иная вариация этого обычая — выдав дочь замуж, ее семья в первый же праздник Юань-сяо отправляет ей фонарь в качестве пожелания, но и с намеком на рождение сына.

Забавный обычай — «бить женщину, моля о сыне» (打妇求子). Он распространен в провинции Цзянсу. Рано утром 15-го числа замужняя женщина, не имеющая детей, выходит на улицу. Во всех дворах открываются ворота, и соседи, выходя к женщине, начинают бегать вокруг нее, толкая и дергая, и даже гоняются за ней, пытаясь ударить палкой, веником или бамбуковой трубкой.

Бьют «не смертельно», но чувствительно. И только когда выходит ее супруг и начинает угощать соседей конфетами и сигаретами, женщину оставляют в покое.

В провинции Гуандун 15-го числа принято украшать мосты, прикрепляя к их перилам множество бумажных цветов. Белые цветы символизируют сыновей, красные — дочерей.

Желающие иметь детей молятся, кланяясь мосту, и просят о рождении ребенка.

Немало обычаев связано с «воровством». Например, в некоторых районах на юге Китая незамужние девушки во время праздника Юань-сяо должны украсть на чужом огороде лук и чеснок, в соответствии с прибауткой: «украдешь лук — выйдешь замуж за достойного мужчину», *тхоу-дэ цхун, цзя хао-гун* (偷得葱嫁好公).

В провинции Гуанчжоу в ночь праздника следовало украсть и съесть салат *во-цзюй* (莴苣), потому что съесть «сырой овощ» (生菜) звучит похоже на фразу «родить талантливую дочь» (生才).

Во многих местах Китая в этот праздник было принято воровать фонари. Считалось, что если украдешь и принесешь домой горящий фонарь, то непременно родится сын. Интересно, что хозяева, видевшие, что совершается кража, абсолютно не возражали и не препятствовали.

Женщине с чужим фонарем полагалось не просто идти, а бежать с добычей. Если во время бега светильник не гас, это означало, что все задуманное сбудется (能灵验).

Дракон поднимает голову — *Лун тхай-тхоу*

Красивое название для праздника! В народе говорят, что ежегодно второго числа второго месяца по лунному календарю поднимает голову до этого спавший Дракон, который отвечает на Небе за тучи и дожди. Весна в Китае наступает довольно рано, и то, что Дракон после зимы проснулся, означает, что пришла пора обновления природы, что дожди отныне пойдут все чаще на радость крестьянам. Отсюда и другие названия этого дня — праздник Весеннего дракона (春龙节), праздник Весенней вспашки (春耕节), праздник Крестьянских работ (农事节).

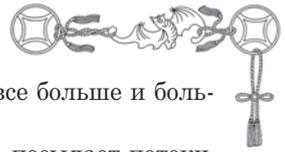
На севере Китая, едва наступит этот день, как на рассвете все крестьяне, подхватив зажженный фонарь в виде дракона и коромысло с ведрами, направляются к колодцу или реке за водой, ведь любая вода — стихия дракона. Недаром даже в наши дни обычный кран в душевой или на кухне носит название *лун-тхоу* (龙头) — «голова дракона».

Вернувшись домой с полными ведрами, люди зажигают еще большее количество фонарей, а также благовонные палочки в качестве даров, чтобы поблагодарить мифическое существо за бесценный дар — воду. В прежние времена этот ритуал называли «приглашение дракона на пашню» (引田龙).

В старину в этот день «взрывали» зерна кукурузы, и это называлось «золотые бобы распустили цветы, Царь драконов поднялся в небо и пролил дождь; будет богатый урожай пяти злаков».

Праздник отмечали по всему Китаю. Царь драконов на небе считается духом, отвечающим за дожди. Этот период как раз совпадает с одним из сельскохозяйственных сезонов *цзин-чжэ* (惊蛰) — испуг и пробуждение от зимней спячки насекомых, поэтому в народе бытует поговорка: «Насекомые в испуге проснулись, — дракон поднял голову».

Если ориентироваться по этим сезонам, то во время *дун-чжи* (冬至), зимнего солнцестояния, Царь драконов впадает в зимнюю спячку. А в сезон *цзин-чжэ* весенний гром начинает так грохотать, что в испуге просыпаются насекомые в земле. Пробуждается и дракон,

поднимая голову. С этого дня дождей выпадает все больше и больше, готовя землю к рождению всего съестного.

Это Царь драконов, проснувшись после зимы, посылает потоки дождей, так как же крестьянам не отблагодарить его, не устроить праздник в его честь?

Истоки праздника поясняет легенда.

Происхождение праздника

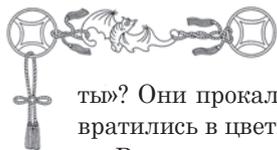
Во времена правления императрицы У Цзэ-тхень Небесный император страшно разгневался на нее, первую и единственную женщину, правившую в Поднебесной. Она сама себя провозгласила «Священным императором великого государства» (大周神圣皇帝). Женщина забыла о своем месте в природе! Яшмовый император в наказание запретил Царю драконов в течение трех лет посылать на землю дожди. Царь, в свою очередь, передал приказ драконам четырех морей Поднебесной. (В другой легенде утверждается, что Яшмовый император разводил и очень любил небесных лебедей, но однажды, когда один из его любимцев спустился на землю, охотник убил его; это страшно разгневало Небесного повелителя, и он решил наказать людей).

Но весенний дракон, ведающий Млечным путем (по-китайски — Небесной рекой), глядя на пересохшие водоемы, выжженные солнцем поля, страдания людей, сжалился и решил помочь им, не побоявшись ослушаться приказа. Он обрушил на землю благодатные, спасительные дожди, воспользовавшись водами Небесной реки. Произошло событие 2-го числа 2-го месяца.

Сделать это ему удалось лишь один раз, потому что тут же последовало наказание. Владыка неба лишил дракона статуса небожителя, отправил его на землю, придавив огромной горой, и поставил памятник со словами:

Царь драконов, послав дождь, нарушил небесные законы,
В наказанье он проведет на земле тысячу осеней.
Если он вновь захочет подняться в мир бессмертных небожителей,
То сделать это сможет лишь тогда,
когда распустятся цветы на золотых бобах! (То есть никогда!)

Чтобы спасти Царя драконов, люди повсюду искали цветущие золотые бобы, но безуспешно. На следующий год, 2-го числа 2-го месяца, когда крестьяне просушивали на солнце кукурузу, они заметили, что ее зерна очень напоминают «золотые бобы», о которых говорил Яшмовый император. Но как заставить их «распустить цве-

ть»? Они прокалили зерна на сковороде, и те, «взорвавшись», превратились в цветы.

Во всех домах жители приступили к изготовлению «цветущих золотых бобов», а во дворах установили столы для жертвоприношений и воскуривания благовоний. Придавленный дракон приподнял голову, взглянул на все приготовления и понял, что крестьяне его спасли. Он громко крикнул Яшмовому императору: «Золотые бобы распустили цветы! Освободи меня скорее!»

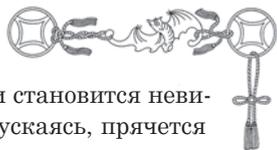
Делать нечего, пришлось Владыке отдать повеление вернуть дракона в Небесный дворец, чтобы тот и впредь занимался своими обязанностями — посылал на землю благодатные дожди. А у китайцев появился обычай 2-го числа 2-го месяца жарить кукурузные зерна, превращая их в «цветущие золотые бобы» в качестве лакомства.

Китайцы — великие сказочники! И сами они — потомки дракона, и символ Китая — дракон. В старом же Китае дракон считался символом императора, а феникс — императрицы. Существа эти — необычные, их облик описывается так. У дракона — глаза кролика, уши — коровы, тело — змеи, лапы — тигра, когти — орла. Есть и другой вид, у которого голова — верблюда, усы — зайца, глаза — быка, шея — змеи, брюхо — ящерицы, чешуя — карпа, когти — орла, лапы — тигра. У феникса горло — ласточки, клюв — петуха, шея — змеи, хвост — рыбы, лоб — журавля, голова — утки, спина — черепахи, ее перья — пяти цветов: желтые, белые, красные, синие и черные.

Попробуйте изобразить такого зверя, например, дракона! А еще существует следующая классификация различных типов:

- Дракон небесный, охраняющий обитель богов;
- божественный Дракон, посылающий ветер и дождь;
- земляной Дракон, определяющий глубину и направление рек и ручьев;
- Дракон, охраняющий сокровища;
- желтый Дракон, символизирующий императора;
- змеевидный Дракон *цзяо-лун* (蛟龙), вызывающий наводнения;
- извивающийся (или свернувшийся) Дракон *пхань-лун* (盘龙), изображением которого принято декорировать различные предметы.

Как видим, чаще всего дракона все же связывают с водой. «Дракон может увеличиваться и уменьшаться, может взлетать в сиянии и скрываться в поднебесье. Увеличиваясь, дракон раздвигает обла-

ка и изрыгает туман; уменьшаясь, теряет форму и становится невидимым. Поднимаясь, он носится во вселенной, опускаясь, прячется в глубинах вод. Когда весна в разгаре, дракон в поре превращения — так описывал его Цхао Цхао, один из героев классического произведения «Троецарствие».

Существует еще один аспект праздника, — астрологический. То, что современные астрономы называют «созвездиями» (星座), китайцы называли «домами», *син-сю* (星宿). Наблюдая за годичным оборотом звезд, они разделили небо на 28 зодиакальных созвездий («домов»). Всего они различали по семь созвездий в каждой четверти неба, согласно сторонам света. 28 «домов» делятся на четыре «дворца», *гун* (星宮) по секторам: восточный, западный, южный и северный. Четырем дворцам соответствуют четыре вида животных.

Например, семь «домов» восточного «дворца», состоящие из 30 звезд, по конфигурации напоминают огромного дракона, вытянувшегося с юга на север. Иногда Земля располагается относительно Солнца так, что люди не видят на небе огромного дракона. Но через какое-то время положение Земли меняется, и созвездие Дракона вновь «появляется».

Совершился оборот, и все начинается сначала. Люди заметили такую закономерность и стали по ней определять сезоны и времена года. Выражение «дракон поднимает голову» возникло не случайно. Крестьяне всегда внимательно наблюдали за природой, за небом. Они обнаружили, что в этот день вечером на востоке неба появляются звезды, напоминающие очертания дракона: сначала — его рога, затем и вся голова с раскрытой пастью, потом — лапы.

Стоило «рогам» дракона показаться над линией горизонта (а «рога» представлял собой первый из семи «домов» восточного «дворца»), как люди понимали: приближается весна. На земле начинается сезон дождей, так как же не соединить эти два события: появление дракона и начало дождей?

Ритуалы и традиции

Ежегодно 2-го дня 2-го месяца изготавливали из ткани или бумаги цыплят или кошечек, затем их «коптили» в дыму и приклеивали на стены. Цыплята съедают вредных насекомых, а кошки ловят мышей, — эти полезные существа помогают человеку избавиться от вредителей.

Еще один обычай — «пронизывание хвоста дракона». Для этого из стебля гаоляна нарезают сегменты длиной примерно в один с

лишним *цхуня*. В один из них вставляют кусочек яркой, разноцветной тряпочки. Затем все сегменты нанизывают на красную нить, получая связку, напоминающую тело сказочного дракона. В завершение к хвостовой части привязывают одну, три или пять медных монет с отверстием внутри (количество должно быть нечетным) и связывают «хвост» и «голову» вместе, чтобы получилось кольцо.

Утром в день праздника главная в доме женщина вывешивала длинных «пронизанных» драконов на входную дверь, на двери комнат, а также на потолочную балку. Такое действие символизировало пожелание: «пусть дракон поднимется к облакам и одарит дождем!» Маленьких драконов укладывали под циновку или под сундучок, которые находились на *кхане*, — большой отапливаемой лежанке. Смысл этого действия — привлечение богатства и удачи, богатого урожая и отпугивание вредоносных червей, способных уничтожить выращенное.

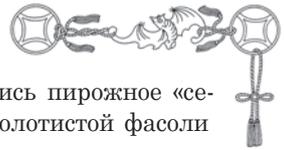
Описывают еще один странный обычай, когда крестьяне заранее готовили прочные, толстые, крепкие стволы гаоляна и легонько стучали ими по дверям, потолочным балкам и основанию очага, приговаривая «заклинение»:

2-го 2-го стучу по дверям,
Пусть скорпионы и сколопендры останутся без голов;
2-го 2-го стучу по сундукам,
Пусть пять ядовитых гадов окажутся в преисподней;
2-го 2-го стучу я по балкам,
Пусть всем ядовитым насекомым будет негде спрятаться... и т. д.

Можно перечислить и иные традиции, например, «копчение насекомых» (熏虫), «освещение насекомых» (照虫), хотя в данном случае речь идет не о манипуляциях с насекомыми, а о праздничных лепешках, жареных в масле, которые получили такие неблагозвучные названия. Другие обычаи — «выбрасывать пепел, вызывая дракона» (撒灰引龙), «оказывать помощь дракону» (扶龙).

В этот день во всех семьях непременно едят тонкую лапшу (吃龙须) — намек на усы дракона, жареные сладкие пирожки (吃龙鳞) — намек на чешую дракона, «взрывающиеся кукурузные цветы» (爆玉米花), т. е. современный попкорн, и другие блюда, заменяющие «уши», «желчный пузырь», «яйца» и прочие части дракона.

Все это символизирует трафаретные благопожелательные фразы: «поднятие головы дракона», «поедание *желчного пузыря дракона*» (это китайское название лечебной травы горечавки), «золотые бобы расцветают, Царь драконов взмывает в небо, радостные облака посылают благодатные дожди, суля небывалый урожай

пяти знаков». Праздничным лакомством считались пирожное «середина ладони» (掌腰糕), обжаренная паста из золотистой фасоли (煎焖子) и пр.

В этот день женщинам запрещалось брать в руки иглу, чтобы «не повредить глаза дракона». Поскольку в первом месяце года *чжэн* не следовало стричься (бытовала поговорка: «отрежешь волосы в месяце *чжэн* — умрет твой дядюшка»), все спешили расстаться с волосами в месяце *ла*, и именно — в праздник 2-го 2-го. Люди в шутку называли это «обрить голову дракона».

Возможно, в деревнях еще отмечают этот праздник, но в городах о нем давно забыли.

Далее по календарю следует широко отмечаемый и очень популярный праздник Цин-мин цзе, праздник Чистоты и света. Но поскольку он относится в трем печальным праздникам, о нем уже рассказано в начале книги.

Праздник Драконовых лодок. Поэт Цюй Юань

Соревнования на лодках и цзун-цзы

«Праздник Драконовых лодок» — это всего лишь одно из названий летнего праздника. Мы насчитали их более двадцати в разных источниках, что само по себе удивительно. Речь идет об одном из трех великих праздников китайцев, которые они называют *сань да цзе-жи*.

В пятый день пятой луны — день «двойной пятерки», по-китайски — *дуань-у* (端午), в китайских южных городах проходят соревнования на драконовых лодках. А в Гуанчжоу и Гонконге даже устраивают ежегодные международные соревнования, в которых принимают участие команды многих стран. Таким образом, древнейшее развлечение китайцев становится новым видом спорта на международном уровне.

Лодки для соревнований используют очень узкие и длинные, в них размещается примерно десять пар гребцов. Корпус лодки изукрашен «чешуей», нос — в виде изогнутой головы дракона с очаровательными рожками. Если человек встанет в лодке во весь рост, он окажется ниже этой головы. А корма лодки сделана в форме хвоста дракона, изогнутого дважды.

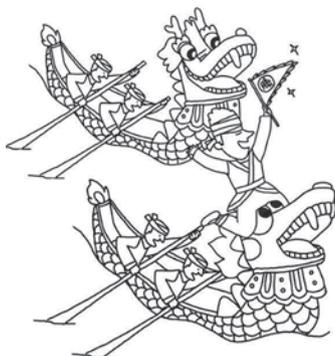
Зрелище необыкновенно красивое; в команде — гребцы и цимбаллисты; они бьют в гонги, размахивают флагами, а на носу сидит музыкант, неистово бьющий в барабан, что придает еще большую напряженность соревнованию, вдохновляет гребцов, развлекает зрителей. Малейшая несогласованность в движениях, и лодка опрокидывается.

Раньше в команду брали пятьдесят человек, и все одевались в белые одежды либо в костюмы полководцев из китайских театральных спектаклей, с настоящим оружием.

В полдень, отобедав, гребцы — участники соревнований шли обычно в кумирню Царя драконов, чтобы зажечь свечи, воскурить благовония и поклониться изображению Дракона, накинув ему на голову красную ткань.

划龙舟

Затем начиналось празднество. Длина лодок — около сорока метров. Встречались и короче, но не менее двадцати метров, иначе — какой же это «дракон»? Борта лодки пестро раскрашивались; преобладали красный цвет и позолота. Звучало три удара в барабан, выбрасывалось красное знамя, и два «дракона» бросались в воду. Взметались волны, сверкали мечи участников, шум и грохот барабанов приводили всех в состояние экстаза. Зрители на берегу неистовствовали, криками сотрясая воздух. Лодке-победителю полагалось совершить обряд поклонения Дракону.

Говорят, что в этот день, 5-го числа 5-ой луны, в древности (III в. до н. э.), в воды реки Ми-ло бросился знаменитый поэт Цюй Юань. Рыбаки, пытаясь найти его тело, сновали на лодках по воде. Впоследствии поиски его тела превратились в ритуал, а позже — в гоночные соревнования. Рыбаки бросали в воду рис. Одни полагают — для того, чтобы накормить душу поэта, другие считают, — для того, чтобы задобрить злого дракона, повелителя воды, третьи говорят, что ради сытости мелких подводных животных, чтобы не объедали тело любимого в народе поэта.

Те, кто полагает, будто рис бросают в качестве жертвенной пищи самому Цюй Юаню, утверждают, что со временем клейкий рис стали заворачивать в листья растений, делая треугольные пирожки и перевязывая их нитками, чтобы до пищи не могли добраться различные рачки или иная водная фауна.

Как бы то ни было, объемные треугольные *цзун-цзы* (粽子), которые задолго до начала праздника начинают продавать повсюду, являются неотъемлемой частью и обязательным атрибутом празднования Дуань-у цзе.

Пирожки эти делают из особого сорта клейкого риса *но-ми*. Внутрь кладут начинку: кашу из красной сладкой фасоли, пасту из фиников, фарш из свежего мяса, солонины или окорока, а то и сало, маленькие финики, красную фасоль и прочее. Помимо клейкого риса пирожки — гораздо реже — делают из клейкого пшена. В зависимости от начинки, получаются сладкие, соленые, острые, а также без всяких добавок и специй — с «натуральным» вкусом. Что касается формы, то я видела только треугольные, в виде маленьких пирамид, но слышала, что бывают и удлиненные, заостренные с одного конца, и с ровными, как бы срезанными концами, и в виде подушечки...

Изготовление *цзун-цзы*

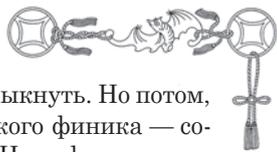
В настоящее время, особенно на юге, *цзун-цзы* стали одним из продуктов повседневного питания — они вкусны и оригинальны. Что касается меня, то я с удовольствием ими люблююсь, но по вкусу они мне как-то не «пришлись». Возможно, мне еще предстоит «от-

端午節

крыть» их для себя. Но за все годы сложилось твердое убеждение: если китайскую кухню можно назвать одной из самых вкусных в мире, то китайские лакомства и сладости для европейцев практически неприемлемы.

Сваренный рис начиняют финиками, оборачивают листьями, формируют «треугольничек» и варят в воде, пока рис не станет мягким и нежным. Откусываешь первый кусок, в котором нет начинки, и кажется, что совсем безвкусно, потому что рис

не сладкий и не соленый, — и к этому трудно привыкнуть. Но потом, когда в рот попадает рис с куском большого сладкого финика — совсем другое дело: напоминает фруктовый плов. Но в финиках не принято вынимать косточки, так что следует есть осторожно, беречь зубы.

В древности *цзун-цзы* называли «просо с рожками», *цзяо-шу* (角黍), или «трубочки с рисом», *тхун-цзун* (筒糍), так как они делались в форме бамбукового коленца. А чтобы листья тростника, или *цица-ниш*, не разворачивались, их перевязывали пятью разноцветными ниточками, которые назывались «прядь долголетия».

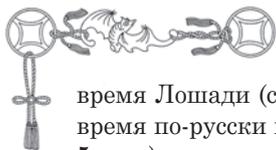
Некоторые подробности

А теперь — более подробно о празднике. Ученые полагают, что китайцы отмечают его вот уже 4–5 тысяч лет. В древнекитайском языке иероглифы *чху* (初) — «начало» и *дуань* (端) — «конец», «оконечность», имели одинаковое значение.

Праздник отмечается в самом начале сезона *ли-ся*, название которого переводится как «начало лета», «установление лета». Ведь иероглиф *дуань* раньше означал «начало», отсюда и название «Дуань-у». Но почему использован еще и иероглиф *у* (午), который в современном языке означает «полдень»? Потому что в древности китайцы пятый день недели *у-жи* (五日) часто записывали не иероглифом «пять», а одинаково звучащим «полдень», тоже *у-жи* (午日). Кроме того, в лунном календаре месяц делился на два отрезка по пятнадцать дней, значит, в каждом отрезке — три раза по пять дней. Первая «пятерка» и называется по-китайски *дуань-у* (端午).

При летоисчислении китайцы традиционно пользовались шестидесятилетним циклом, в котором представлены различные символы: так называемые «земные ветви» (12) и «небесные стволы» (10). Если считать по порядку, «земные ветви» называются *цзы* (子), *чхоу* (丑), *инь* (寅), *мао* (卯), *чхэнь* (辰), *сы* (巳), *у* (午), *вэй* (未), *шэнь* (申), *ёу* (酉), *сюй* (戌), *хай* (亥). По лунному календарю первый, например, месяц — это *инь* (寅), а пятый, соответственно, — *у* (午). И если в современном языке эту дату, т. е. день праздника, записали бы иероглифами *чху-у* (初五), то в древнем записывали *дуань-у* (端午), что переводится одинаково: «самое первое пятое число».

В древности для записи времени суток пользовались 12 циклическими знаками, или 12 «земными ветвями», а так как в сутках двадцать четыре часа, то каждый отрезок времени соответствовал двум часам. На русском языке эти отрезки времени принято называть именами животных, которые им соответствуют, например:

время Лошади (с 11 до 13 часов), время Обезьяны (15–17). Ночное время по-русски называют «стражами», их всего пять (с 7 вечера до 5 утра).

Пятый отрезок времени в сутках, например, — это время с семи до девяти утра, что по-китайски звучит *чхэнь* (辰), точнее, *ян-чхэнь* (阳辰), поэтому праздник начала лета называют иногда еще и *Ян-чхэнь*.

Почему добавляется иероглиф *Ян* (阳)? Потому что в двенадцатеричном цикле шесть знаков, в том числе и *чхэнь*, являются нечетными, «мужскими»: *цзы* (子), *инь* (寅), *чхэнь* (辰), *у* (午), *шэнь* (申), *суй* (戌).

Есть и еще одно название праздника — «Чхун у», что значит «Дважды повторенная пятерка», «Двойная пятерка» (ведь и месяц, и день — пятые по счету).

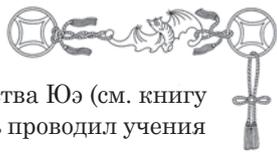
Каково происхождение праздника? Исторические записи свидетельствуют о том, что первоначально в эти дни совершали обряды жертвоприношения жители древних государств У и Юэ. Их тотемом являлся Дракон. Ежегодно в пятом месяце проводились пышные празднества в его честь. В чем они заключались?

Все виды имевшихся продуктов заворачивали в листья деревьев или других растений и бросали в воду. Кроме того, под тревожные звуки барабанов соревновались в гребле на лодках, выдолбленных из цельного ствола дерева и украшенных изображениями дракона. Да и сами лодки напоминали тело дракона. Кто быстрее переплывет водоем от одного берега до другого? В этом и состоял смысл состязания.

В период правления династии Чжоу (1066–256 гг. до н. э.) возникло две традиции, истоки которых содержатся в этом празднике: вывешивание на двери красного канатика (первоначально это был пучок нитей пяти цветов) и пятицветной печати (из древесины грецкого ореха вырезали печать, длиной в шесть и шириной в три *цхуня*, с выгравированными иероглифами пяти цветов).

А когда запястье руки перевязывали пучком ниток пяти цветов либо вешали на грудь амулет на красной нитке, это означало, что люди надеются избежать встречи со злыми духами. Такие браслеты на запястьях служили оберегами.

Итак, в глубокой древности в этот день поклонялись и совершали жертвоприношения предкам, просили друг у друга прощения, молили о новой должности, о новых титулах, о продвижении по службе. Так оставалось вплоть до династии Хань. А в конце правления Хань праздник постепенно превратился в событие, связанное с какой-нибудь исторической личностью.

Сначала это был Гоу Цзень, правитель княжества Юэ (см. книгу «Красавицы древнего Китая»), который в этот день проводил учения войск на воде. Причем, вся сложность заключалась в том, что открыто осуществлять подготовку своих войск он не мог — несколько лет назад его земли покорил правитель соседнего княжества У по имени Фу Чхай. Поэтому Гоу Цзень, чтобы отвлечь врага от государственных дел, подослал к нему красавицу Си Ши, а сам тайно тренировал войска, готовясь к реваншу.

Чтобы Фу Чхай ничего не заподозрил, учения на воде проводились под видом соревнований на «драконовых» лодках. В других исторических документах утверждается, что в этот день погиб, сгорев заживо, Цзе Цзы-гхуй (хотя, согласно некоторым источникам, он погиб весной, и в память о нем «Цин-мин» называют еще и днем «Холодной пищи»).

В этот день поминали У Цзы-сюя (период «Весны и Осени»), который занимал высокий пост в государстве У при Фу Чхае; когда Фу Чхай собрался пойти войной на Юэ, У Цзы-сюй выступил против, за что и был казнен. Он всегда заботился о простых людях, помогал им, как мог: заранее купил огромную гору риса и сказал, что после его смерти люди смогут войти к нему во двор и разобрать весь рис; он переживал, что в той тяжелой обстановке в случае его гибели никто не станет думать о голодном населении.

Цхао Э тоже поминали в этот день. Речь идет о девушке, жившей в эпоху Хань и известной, как образец почтительной дочери. Ее отец утонул, переплывая реку на «драконовой лодке». Цхао Э плакала семь дней и ночей, ныряла, пытаясь найти тело отца, и, в конце концов, ей это удалось. В честь нее реку назвали Цхао-э и построили храм, посвященный любящей дочери.

Трудно сказать однозначно, когда и почему возник этот праздник, но ясно одно — существовал он задолго до гибели поэта, так как в его же произведении «Девять напевов» есть описание соревнования на «драконовых» лодках. А после гибели Цюй Юаня вот уже много веков подряд 5-й день 5-го месяца связывают с его именем. Цюй Юань жил в государстве Чху: там и возник обычай помянуть его в этот день, а затем уже он распространился по всему Китаю, особенно после правления династий Тхан и Сун.

Как уже говорилось, этот праздник имеет множество названий. Одно из них — *нюй-эр цзе* («женский праздник»): в этот день девушки поклонялись духам, читая магические заклинания. Они украшали волосы цветами граната, а замужние женщины навещали своих родителей, родню.

Как правильно проводить праздник

Помимо того, что в праздник Двойной пятерки проходили соревнования на «драконовых» лодках, и все лакомились пирожками *цзун-цзы*, еще в этот день принято:

- пить желтое вино;
- принимать горячую ароматную ванну;
- повязывать на руку пучок из пяти разноцветных нитей;
- вешать на шею шнурок из нитей «долголетия»;
- носить на поясе «ароматный мешочек»;
- декламировать стихи;
- изгонять пять ядовитых тварей;
- втыкать в двери и окна ветки полыни и айра;
- вешать в доме изображение Чжун Кхуя;

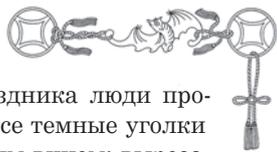
Существует прелестная народная частушка, в которой перечисляется все характерное для данного праздника:

Двойная пятерка – праздник Дуань-у,
Двери украшены ветками полыни,
Залы полны аромата.
Все едят *цзун-цзы*, разбрызгивая сахарную воду,
Драконовые лодки спущены на воду
И радостно покачиваются на волнах.

В старом Пекине в этот день было принято печь лепешки с начинкой, на которых изображали скорпиона, змею, сколопендру, жабу и ящерицу. На улицах среди праздничных яств продавали и эти лепешки, и жители столицы не только сами ели, но и дарили их родственникам, друзьям в качестве праздничного подношения. Начинка для лепешек в виде пасты состояла из смеси лепестков розы, меда, сахара, кедровых орешков и различных фруктовых добавок.

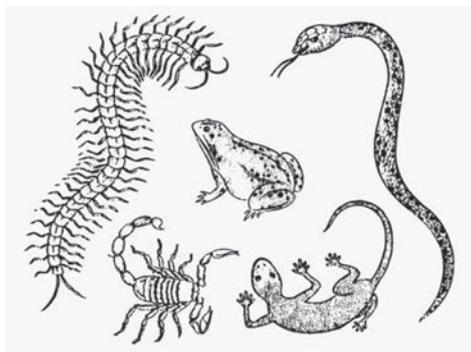
Существовали специально сшитые для детей карманы-сумочки с изображением тигра, а для малышей шили жилеточки ярко-желтого цвета и обувь, украшенные изображениями «пяти ядовитых тварей». И хотя их так устрашающе называли, далеко не все из этих тварей опасны для человека. Просто перечисленные «маленькие животные» имели грозный вид, и праздник напоминал о том, что малышей надо беречь. В народе говорили, что одетый в такую одежду ребенок избежит болезней. Пятый месяц является периодом цветения растений и появления большого количества различных насекомых вокруг них. Изображения насекомых на детской одежде «кричали», предупреждая о необходимой бдительности: соблюдайте гигиену, берегите малышей!

Пятый месяц вообще считался «ядовитым», поскольку появлялись многие ядовитые насекомые и часто свирепствовали различ-

ные инфекционные заболевания. Накануне праздника люди производили уборку и обрабатывали свои жилища: все темные уголки сбрызгивали раствором гашеной извести и желтым вином; вырезали из красной бумаги изображения «пяти ядовитых тварей» и наклеивали их в доме. Считалось, что таким образом их «прижали», «раздавили».

Чтобы избежать воздействия «пяти ядов», люди сжигали особые лекарственные растения, и дымом обкуривали все в доме. Кроме того, повсюду втыкали ветки аира, пучки полыни, надевали на голову венки из полыни, вешали на пояс или шею мешочки с ароматическими травками; в доме наклеивали различные картинки-амулеты; собрав «сто трав», принимали ароматные ванны с лекарственными растениями.

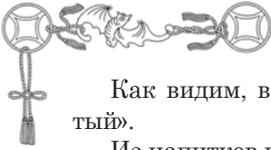
Пять ядовитых гадов

Обычай эти пришли из древности, когда люди в сезон «хлебных дождей», готовясь к сезону «начало лета», рисовали «пять ядовитых гадов» и втыкали в них иглы. Детям на шею, запястье или щиколотку повязывали канатик из ниток пяти цветов: красной, желтой, белой, синей и черной.

Еще одна традиция — омовение в ванне с цветами орхидеи, так как люди верили, что цветы этого растения способны очистить тело, защитить его от инфекционных болезней.

Повсюду в Китае в этот день семья собиралась за столом, на котором непременно должны быть выставлены:

- *хуан доу-я* — ростки желтой фасоли;
- *хуан-юй* — желтый горбыль (название рыбы);
- *хуан-шань* — ложный угорь;
- *хуан-гуа* — огурцы.

Как видим, в названия всех этих блюд входит иероглиф «желтый».

Из напитков непременно выставляли *сюн-хуан цзю* (雄黄酒), настойку на реальгаре — «желтое» вино. Реальгар — кристаллы сернистого мышьяка. Такое «вино» способно не только «нечисть», но и самого человека погубить. Кристаллы замачивали в воде, называя настойку вином. Попадая в организм, оно наносило страшный вред, происходило медленное отравление, «вино» могло даже вызвать онкологические заболевания. В древности его пили, несмотря на запрет со стороны властей, зато при наружном применении оно даже иногда помогало — убивало инфекцию.

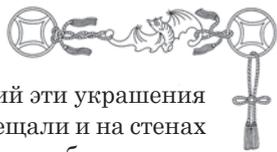
Люди верили, что *у-хуан* (五黄), «пять желтых», укрепляют организм, уничтожают болезни. Настойкой же рисовали на лбу ребенка иероглиф *ван* (王), «князь», служивший символом храбрости, оберегом от дурного глаза, кроме того, ее закапывали ребенку в уши и нос.

Пятый день пятой луны считался и самым несчастливым днем, и потому рождавшиеся в этот день обречены были страдать. Так, например, в исторических записях говорится, что канцлер государства Ци (эпоха Воюющих царств) Мэн Чхан-цзюнь постоянно испытывал пренебрежительное отношение со стороны соседей, родни и собственного отца именно из-за того, что родился 5-го числа 5-го месяца.

Или еще один пример. Генерал Ван Чжэнь-э, который жил в период правления Сун (Южные династии), получил ужасное имя от родителей — «Зло для всего нашего поколения» только потому, что родился 5-го 5-го.

Существовало немало странных обычаев. Так, если у молодой женщины рождался ребенок, которому к 5-му 5-му еще не исполнилось и недели, она уходила отмечать этот праздник к бабушке по материнской линии, чтобы «убежать, спрятаться от этой даты»: пусть зло придет не к ней в дом, а к бабке (ее не жаль, ведь она — родня по женской линии, а все женское — «прах»).

Интересна история амулетов-мешочков с ароматными травами. Их изготавливали самой разнообразной формы: в виде золотой рыбки, белого зайчика, тигренка, котенка, персика, тыквы-горлянки, золотой тыковки... На мешочках вышивался красивый, изящный орнамент. Носили их, как правило, дети и женщины. Зародился этот обычай еще при династии Цинь, когда женщины надевали на голову украшения из ниток пяти цветов, означающие, что их владелица — замужем. Встречаясь со свекровью, женщина непременно надевала такое украшение, которое называлось «ароматный султанчик», «ароматный плюмаж».

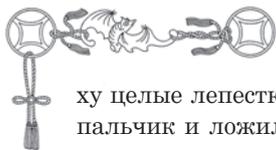
И только в период Южных и Северных династий эти украшения постепенно заменили мешочки-амулеты. Их размещали и на стенах жилища в качестве украшения, а также для того, чтобы ароматизировать, освежать воздух. А если вешали на шею, такое женское украшение становилось оберегом.

Ароматные мешочки носили и мужчины, и это являлось признаком того, что человек принадлежит к высшей знати. А в эпоху Тхан они превратились в мячи, набитые ароматными травами; в эпоху Сун — распространились повсеместно, как емкости для ароматных трав, отпугивающих вредоносных тварей. Обычно внутри клали пять видов трав, помня о дне «двойной пятерки». Среди них — полынь, атрактилис яйцевидный, камфора, лофантус морщинистый и другие растения, а также реальгар.

От прошлых обычаев многое сохранилось и по сей день, особенно на юге Китая, хотя, возможно, уже никто и не помнит, какой смысл в них заложен первоначально. Например, в последние годы в Пекине очень популярна кухня народности *дай*. Этнически близкая ей заселяет север Таиланда. А в Китае они компактно проживают в провинции Юньнань. Дайские рестораны декорированы в виде бамбуковых хижин с мебелью из бамбука, а многие блюда готовят прямо в кокосе, ананасе либо в полой бамбуковой трубочке. Так вот, когда приходишь в дайский ресторан, красивые, нежные дайские девушки повязывают каждому гостю красную шерстяную ниточку на запястье: женщинам — на правое, мужчинам — на левое. А в конце представления, которым сопровождается трапеза, обязательно бросают в сторону каждого столика шелковые мешочки, набитые ароматными травами, которые можно повесить на шею (есть тесемочка). Кто поймает такой мешочек, тому и повезло.

Много интересных подробностей о празднике «начала лета» можно узнать из легенд о Белой змейке, ведь главные герои встретились во время праздника Цин-мин, а многие важные события в их совместной жизни происходили на фоне празднования Дуань-у и гонок на «драконовых» лодках; муж заставил Белую змейку выпить несколько чашечек «желтого вина», она и приняла свой истинный облик, превратившись из женщины в змею (см. книгу «Восемь бессмертных»).

Встречались и другие обычаи, смысл которых заключался все в том же: избавиться от зла, болезни, от «вредоносных тварей». Например, накануне праздника молодые, незамужние женщины собирали в большом количестве *фэн-сень хуа* (цветы бальзамина) и делали сок из его лепестков. Предварительно вымыв дочиста ногти, девушки смазывали их соком красных цветов и накладывали свер-

ху целые лепестки, затем — кусочки ваты, забинтовывали каждый пальчик и ложились спать. К утру ногти заметно розовели, и процедуру повторяли еще три-пять раз, в результате чего они на долгое время становились интенсивно красными. Ногти светлели лишь срастая, когда полностью менялась ногтевая пластинка.

Итак, главные атрибуты праздника лета — соревнования на «драконовых» лодках и *цзун-цзы*. Но если треугольные пирожки из риса распространены по всему Китаю, то соревнования традиционно проводятся лишь на юге страны, где много рек и других водоемов.

Приводим перечень названий праздника, чтобы, встретив в какой-нибудь книге другое, непривычное, вы не сомневались в том, что речь идет о празднике лета:

- *дуань-у цзе* — Праздник пятого числа;
- *у-сэ сы* — Пучок ниток пяти цветов;
- *чжу со* — Красный канатик;
- *бай со* — Белый канатик;
- *чхан-мин люй* — Пучок долголетия;
- *би-бин цзэн* — Завязывание веревочки оберега;
- *дуань ян* — Начало пятой стражи;
- *чхун-у* — Двойная пятерка;
- *пху-цзе* — праздник Аира;
- *ди ла* — Пятый месяц;
- *тхень-чжун цзе* — Праздник середины дня;
- *тхень-чхан цзе* — Праздник долгого дня;
- *му-лань цзе* — Праздник купания среди орхидей;
- *цзун-бао цзе* — Праздник *цзун-цзы*;
- *нюй-эр цзе* — Праздник девушек;
- *у-юэ цзе* — Праздник пятого месяца;
- *ши-жэнь цзе* — праздник Поэта;
- *лун-чхуань цзе* — праздник Драконовых лодок;
- *лун-чжоу цзе* — праздник Драконовой лады;
- *нюй-ва цзе* — Праздник Нюй-ва (прародительницы китайцев);
- *у-жи цзе* — Праздник пятого числа;
- *у-юэ цзе* — Праздник пятого месяца;
- *э жи* — Злой день;
- *ся чжи* — Летнее солнцестояние;
- *юй-лань цзе* — Праздник ванны из орхидей;
- *юй-лань лин-цзе* — Сезон купания в орхидеях;
- *юй-лань ши-суй* — Время купания в орхидеях;
- *ду цзе* — праздник Ядов.

Легенды о празднике

Как появился обычай вывешивать лианы

В Китае проживает множество народностей, и не все праздники у них совпадают; однако случается и так, что чужой праздник становится своим. Рассказывают, что представители народности *яо* некогда жили в долинах на берегу океана. Но однажды доведенное до крайней бедности население восстало против главного в стране правителя. Дело их было правое, да разве могли простые люди справиться с войсками владыки?

Выступление мятежников подавили, и солдаты получили приказ стереть с лица земли все следы этой маленькой народности. Кровь в деревнях лилась рекой. Встречали человека — убивали, попадалась под руку вещь — забирали; даже если натыкались на камень, принадлежавший *яо*, и по тому трижды рубили ножом.

Те, кто сумели, бежали далеко-далеко от родных мест. Среди несчастных оказалась и молодая женщина. Выбиваясь из сил, она шла по дороге, неся на спине пятилетнего ребенка и ведя за руку, как ни странно, трехлетнего. Дорога привела ее к высокой крутой горе, и не было никакой возможности на нее взобраться. Вся гора заросла лианами и, похоже, никогда человеческая нога не ступала там. Что делать? Позади — солдаты-преследователи, а впереди нет пути. Обняв трехлетнего и прижав его к себе, она, обливаясь слезами, проговорила:

— Дитя мое, не думай, что мать твоя бессердечная. Если я возьму тебя с собой, нам не удастся убежать, и мы пропадем все трое. Ради того, чтобы спасти старшего из вас, я вынуждена бросить тебя.

Намертво вцепившись в мамины ноги, ребенок заголосил:

— Мамочка, я ведь хороший, послушный; не бросай меня!

И в это время рядом неожиданно появился спустившийся по лиане старец с белой бородой. Он спросил:

— Отчего ты несешь на себе старшего, а не младшего?

— Потому что за спиной у меня — дитя народности *чжуан*. А обнимаю я свое собственное дитя.

Старик еще больше удивился:

— Отчего же ты бросаешь своего ребенка?

— Да ведь у чужого солдаты убили и мать, и отца. Это их единственный ребенок, оставшийся в живых. Вырастет и сможет отомстить за родителей.

С этими словами она отвернулась от собственного ребенка, не обращая внимания на его слезы, хотя сердце ее кровоточило, и собралась идти.

Старик с серебряной бородой был тронут ее благородством, он остановил женщину:

— Успокойся, я помогу тебе избежать опасности. Взирайся на гору, держась вот за эту самую толстую и длинную плеть лианы.

Он дважды дернул за конец лианы, и — о чудо, — в зарослях появилась ровненькая тропинка. Не теряя ни минуты, женщина *яо* стала взбираться по крутой дорожке, выбиваясь из сил под тяжестью ребенка *чжуан*.

Едва она достигла вершины горы, как к подножью подошли солдаты. Задрав головы, они увидели беглецов, которые оказались вне досягаемости. В бешенстве метались они внизу в поисках тропы к вершине горы, но все скрывали густые заросли лиан. Они кричали, ругались, тараща глаза на две фигурки наверху, маленькую и большую, однако ничего предпринять не смогли: видит око, да зуб неймет. В конце концов, пришлось им отказаться от дальнейшего преследования и, скрежеща зубами, вернуться ни с чем, ведь лиановые чащи совершенно непроходимы.

А тем временем женщина народности *яо*, добравшись до вершины, сама удивилась, оглянувшись вниз: никакой тропинки — вновь непролазная масса зелени. Не желая видеть, как солдаты станут убивать ее ребенка, она, обхватив голову, спряталась, не в силах сдерживать слезы.

Когда солдаты ушли, она спустилась вниз и с радостью обнаружила своего ребенка, живого и невредимого. Он, как ни в чем не бывало, пил воду из родника — день выдался очень жарким.

— Как же ты оказался цел? Почему солдаты пощадили тебя? — она бросилась к нему и обняла.

— Это белобородый дедушка меня спас. Он посадил меня за спину и взлетел, — ответил мальчик, прижавшись к маминому лицу.

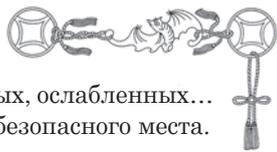
— А где же сам дедушка?

Оглянулись вокруг — никого. И не знали они, что это был Дух той самой горы, святой старец. Благодаря ему женщина с двумя детьми двинулась дальше. Шли они очень долго, и вот оказались у деревни, обнесенной частоколом. Здесь собралось немало беженцев.

— Папа! — трехлетний своими зоркими глазками узнал родную фигуру.

Да, среди бежавших от беды оказался и муж женщины. Все обнялись, выслушали рассказы друг друга. Удивился отец услышанному и поведал, что им тоже помог седобородый старец.

— Когда мятеж подавили, поступил приказ убить всех. Кто-то погиб, а некоторым удалось избежать смерти. Вернувшись домой и не обнаружив вас, я присоединился к толпе беженцев. Путь оказался

очень тяжелым, да еще среди нас было много старых, ослабленных... Если бы не седой старец, не добраться бы нам до безопасного места. Это он посоветовал молодым и крепким идти позади всех и волочить за собой ветки лиан, чтобы замести следы. Приближалась погоня, но когда солдаты увидели на дороге вместо наших следов извивающиеся полосы, они решили, что здесь водятся огромные ядовитые змеи, иначе — куда девались люди? В панике солдаты вернулись, не смотря на невыполненный приказ.

Люди стали обсуждать случившееся, высказывать предположения. Одна бабуся сказала:

— Это, наверняка, был наш добрый покровитель, какой-то дух!

А старичок напомнил:

— Ведь сегодня — Дуань-у цзе! Все жители Китая празднуют «начало лета». Я думаю, это не кто иной, как дух поэта Цюй Юаня. Давайте и мы, *яо*, станем впредь почитать его в этот день!

А самый старый среди всех предложил:

— Давайте ежегодно в этот день на каждом доме, в каждой семье вывешивать лианы: они помогут нам сохранить мир и покой, оберегут от несчастий.

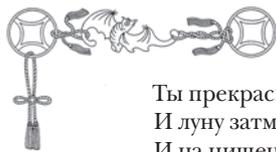
С тех пор эту традицию поддерживают из поколения в поколение.

Почему пятого числа пятого месяца жилища украшают полынью?

Давным-давно одна из небесных фей решила спуститься на землю, посмотреть, как живут люди. Переодевшись в странницу, она спрятала за пазухой три волшебные бутылочки с водой, огнем и молнией. Неспешно подойдя к небольшой горе, перешла вброд маленькую речку и оказалась в деревушке, стоявшей на ее берегу. Замет добрела до дома, в котором жили молодые супруги.

Открыв большие двери, она увидела, что муж пьян — он храпел, скрючившись на кровати в неловкой позе. Жена сидела на *кхане* (отапливаемая лежанка) и прихлебывала ароматный чай. Рядом с хозяйкой в собачьей плошке лежал огромный кусок вареного мяса. А ребенок забавлялся большой жареной лепешкой из отборной белой муки. В сторонке стояла лохань, куда сливали помои — еду для свиньи. Однако плавали в ней не пустые стручки от бобов и прочие отходы, а целые пампушки да куски лепешек, замешанных на белой муке. А ведь урожай выдался не очень удачным: в том году слишком часто шли обильные дожди и дули сильные ветра, много пшеницы полегло в поле.

Фея подошла и, поклонившись, обратилась:

Ты прекрасна так, что в небе
И луну затмишь красотой.
И на нищенку седую
Ты не бросишь взгляд косой.
Если нет добра на сердце,
Проку вовсе нет в красе...
А твоя душа подобна
Чистой яшмовой росе.
Дай, пожалуйста, старухе
Хоть кусочек из еды.
Будешь доброй к тем, кто слабый —
Тоже избежишь беды!

Женщина, услышав, хмыкнула себе под нос, затем холодно рассмеялась и дерзко произнесла:

Лучше дам кусок собаке,
И спокойно ночью сплю —
Сторожит меня за это.
 Попрошак не терплю!
Даже куры в загородке,
Что едят мое зерно,
Мне снесут яйцо за это —
Так у нас заведено.
Уходи-ка ты подальше
С глаз моих скорей долой!
Ненавижу побирушек!
Лучше грязь с лица отмой!

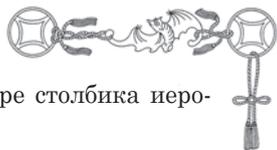
Фея сдержала гнев и вновь обратилась к красавице: «Я не ела два дня, но если ты не желаешь покормить голодного человека, то подай хоть напиток — я не пила три дня». У красавицы от злости, казалось, даже глаза побелели. Вне себя, она сорвала, не глядя, со стены шумовку, которой обычно вылавливала пельмени: «На, напейся, если сможешь! Зачерпни себе воды!»

Дав свой ответ, она позвала огромную собаку. Та, лениво дремавшая у своей миски, вскочила и бросилась, как бешеная, на старушку.

«Это одна из тех женщин, о которых говорят, что они злее цепной собаки», — подумала небожительница. Она слегка взмахнула рукавом в сторону собаки, и та вдруг замерла, словно окаменела.

— А ты, бесчувственная женщина, взгляни-ка на стену, — слегка обернувшись к хозяйке, сказала странница.

Красавица испугалась не на шутку: такая свирепая собака оказалась послушной одному жесту! Она подняла глаза и взглянула

на стену своей усадьбы. На ней появились четыре столбика иероглифов:

Две «пятерки» — день известный!
Полыхнет огонь небесный!
И домов — как не бывало!
Не покажется вам мало!

Жадная женщина прямо одурела от страха, у нее вывалился язык, и ей никак не удавалось закрыть рот. «Кто она? Зачем пришла в мой дом? Что означают иероглифы на стене?» — думала она. Оглянулась, а странницы и след простыл...

Люди в деревне тоже видели, как какая-то старушка вошла в дом красавицы, но никто не заметил, чтобы она выходила... Все бежались, стали расспрашивать. Так эта новость распространилась из дома в дом по всей деревне. Все, на чем свет стоит, ругали молодницу, не понимавшую, что такое вежливость, гостеприимство, сочувствие. Упав на колени, жители деревни молились Небу. После этого дня, в ожидании праздника Дуань-у, люди жили в страхе, боясь, что им придется расплачиваться за грех своей односельчанки. В конце четвертого — начале пятого месяца люди начали собирать пожитки и группами покидать свои жилища, спасая жизнь и добро.

На рассвете пятого числа пятого месяца фея, переодевшись, вновь превратилась в нищенку-побирушку и, спрятав за пазухой три заветных флакончика, опять появилась у той же горы, к которой притулилась деревенька. Вновь перешла вброд речушку, оказавшись на другом берегу, чтобы по всей деревне разлить пламя из бутылочки. И тут она увидела старушку с двумя детьми. Взгромоздив на плечи старшего, та пыталась вброд перейти реку, а младший ребенок шагал сам вслед за бабушкой. Видно было, что старой женщине приходится нелегко, она еле передвигала ноги и даже не сразу отреагировала на вопрос изумленной феи-нищенки:

И как же странно ты идешь:
Большого — на спине несешь,
Забыв о малом...
Когда же так ты добредешь
До берега с привалом?
Ведь если хочешь побыстрее туда добраться,
То старший должен на своих
Ногах остаться;
Его бы за руку вести,
А крошку — на себе нести...

Бабушка, скрючившись под тяжестью внука, продолжала осторожно ступать по речным камням, низко наклонив голову. Шаг за шагом она продвигалась вперед. Фея повторила вопрос, но старая женщина молчала, словно и не слышала, знай себе ступала по камешкам, тяжело дыша. Лишь добравшись до противоположного берега и опустив ребенка на землю, она, отдышавшись, ответила: «Ребенок этот мне не родной, а вода в реке очень холодная, боюсь, как бы он не простудился». И продолжила:

Лишь одна в деревне зло
Проявила в прошлый раз,
А наказаны мы все,
С ней сожгут теперь и нас...
Я хотела убежать
От беды с моим дитем,
Только разве мог кто знать,
Что чужого мы найдем.
Потерял отца и мать
В суматохе этих дней,
Плачет, бедный, на дороге...
Кто теперь из них родней?

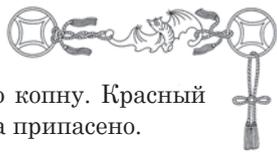
Младший мой имеет мать,
Что сумеет защитить.
А чужой успел познать,
Что такое — потерять.
Он и так судьбой обижен.
Пусть мой маленький неловок
И не так еще подвижен,
Все же главное — чужой,
Даже если он — большой.
Так что ты не удивляйся,
Все я сделала, как надо.
И река мне — не преграда!

Посмотрела фея задумчиво на старую женщину, потрогала под одеждой бутылочки и заколебалась: разве можно сжечь жилище такой доброй женщины? Потоптавшись еще немного в нерешительности, она сказала:

Возвращайся-ка в деревню
И бери с собой детей.
Все втроем полыни горькой
Вы нарвите поскорей;
Привяжите крепко к двери
Алым шелковым платком:
Будет это мне сигналом,
Будет дом твой мне знаком.
Дух полыни, цвет платка —
Чтоб узнать издалека.
Только ты и уцелеешь,
Раз чужих детей жалеешь.

Бабушка просияла лицом, она сразу поняла, что перед ней — та самая фея. Неожиданно поднялся смерч, который и перенес ее с детьми в деревню.

Но разве могла сердобольная женщина думать только о себе? Ведь добрый человек добр ко всем... Она бросилась срезать полынь,

откуда и силы взялись... Быстро нарезала целую кошку. Красный шелк? И он нашелся в сундуке — целых три куска припасено.

Она бегала по деревне, привязывая красной тканью веточки полыни к дверям каждого жилища, делая таким образом метки для феи. Прикрепила полынь даже к дверям того дома, где жила злая, обидевшая фею женщина. И только после того, как на всех домах заалели шелковые платочки, она привязала полынь и к своей двери.

Прошло три четверти после пятой стражи, где-то вдали показался огненный шар, который летел к деревне. Ослепив оставшихся жителей, он вдруг на лету распался на множество маленьких, и огненные язычки разлетелись по всей деревне. Но поскольку на всех домах алел шелк, и повсюду раздавался аромат полыни, пламя не вспыхнуло. Наоборот, все язычки опять собрались в огромный шар, который улетел в небо. Ни один дом не сгорел. Все благодарили добросердечную старую тетюшку, кланялись ей. Да и злобная молодичка получила урок на всю жизнь. С тех пор в той деревне царили мир, покой и забота друг о друге.

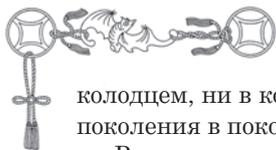
Немыслимо давно, в 278 году до нашей эры погиб Цюй Юань, а стихи его дошли до наших дней. Вот строки из его поэмы «Ли сао» («Скорбь отлученного»).

Длинная, длинная жизнь нам дается;
Я же ищу свой единственный путь,
Чтоб не наощупь идти, как придется,
Чтоб, оступившись, с него не свернуть...

И в наши дни китайцы читают такие его произведения, как «Цзю чжан» («Девять напевов»), «Тхень вэнь» («Вопрошаю небо»). А чтобы о древнем китайском поэте узнали и ваши дети, прочтите им еще одну легенду — о маленьком мальчике Цюй Юане.

Колодец, отражающий лицо

Родина Цюй Юаня — провинция Хубэй. Там, в уезде Цзы-гуй, как раз напротив равнины с красивым названием Курильница есть утес Три Звезды. На том утесе, примерно на середине его склона, имеется колодец с родниковой водой. Вода настолько чиста и прозрачна, что видно дно, а поверхность воды подобна зеркалу. Рядом установлена каменная стела, на которой высечены три крупных иероглифа «*Чжао-мень цзин*» («Колодец, отражающий лицо»). А еще в столбик мелкими иероглифами написано пояснение: «Это колодец, оставленный нам в наследство господином Цюй, ни в коем случае не загрязняйте его! Зеленое дерево, которое растет рядом с

колодецем, ни в коем случае не срубайте. Об этом пусть передают из поколения в поколение — вечно».

Рассказывают, что это то место, где маленький Цюй Юань вместе со своей старшей сестрой Нюй Сюй причесывались и приводили себя в порядок, совершая утренний туалет. Земляки Цюй Юаня бережно относятся к нему в течение многих, многих столетий и рассказывают о маленьком мальчике красивую легенду.

Цюй Юань с детства рос чрезвычайно аккуратным, любил чистоту. Каждый день по утрам он первым делом просил свою сестру Нюй Сюй помочь ему умыться, причесаться, привести себя в порядок, затем надевал чистую одежду. А сестричка, помогая ему совершать утренний туалет, причесывая его, рассказывала ему сказки, различные истории, в которых говорилось о необходимости поддерживать не только физическую чистоту, но и нравственную, душевную.

Мальчик подрастал и постепенно осознавал всю глубину услышанного: есть чистота, опрятность, которая видна всем окружающим, а есть — скрытая, то есть благородство помыслов, поступков.

Однажды, когда он помылся и причесался на берегу маленькой речки в ущелье, он вдруг подумал, как было бы здорово иметь колодец с чистой-пречистой, светлой водой, такой, о которой рассказывала сестрица. Чтобы, если заглянуть в него, увидеть не только грязь на лице, но и весь душевный сор. Эта мечта так захватила его, что ребенок тут же побежал домой, схватил маленькую мотыжку, помчался к утесу и начал копать колодец.

Земля оказалась твердой, поддавалась плохо, так что после упорного труда в течение трех дней, несмотря на старания до седьмого пота, ему удалось выкопать лишь ямку размером с медный гонг.

Его упорство растрогало Духа этой горы, он-то понимал, что такое — сражаться с твердой породой; понимал, за какое сложное дело принялся мальчик; он превратился в обычного для тех мест старика-дровосека, чтобы не испугать ребенка, и подошел к нему, неся вязанку хвороста. Он поинтересовался:

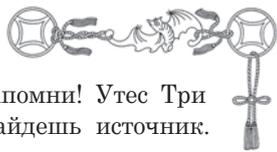
— Маленький Цюй Юань, что это ты копаешь, колодец?

— Да, дедушка, — оживленно ответил мальчик, — я хочу выкопать необычный колодец, чтобы из него можно было пить, а его водой смывать грязь, чтобы в его гладь смотреться, видеть свое лицо, да еще — чтобы в воде отражалась душа человека!

— А ты, оказывается, волевой мальчик, и у тебя есть цель! — сказал старик и поднял большой палец в знак восхищения. — Однако ты выбрал неверное место.

Цюй Юань расширил глаза:

— А разве нужно специальное место? Не может ли уважаемый дедушка указать мне такое? — вежливо попросил он.

— Хорошо. Слушай же. Утес Три Звезды. Запомни! Утес Три Звезды. Ориентируйся на три звезды, и ты найдешь источник. В разломе почвы, что называется Кость дракона, откроется «глаз» ключевой воды, который сможет отражать и лицо, и душу, и смыть любую грязь — в прямом и переносном смысле, — сказав это, дровосек погладил свою бороду и, засмеявшись, подхватил вязанку и ушел.

Цюй Юань был смекалистым мальчиком. В тот же вечер он пришел в долину Курильница и повернулся лицом к утесу. Затем он поднял голову и увидел три звезды на небе. Ориентируясь на них, как учил дровосек, нашел то место, о котором говорил старец, и рано-рано утром следующего дня принялся за работу.

Узнав, что замыслил брат, Нюй Сюй тоже поднялась в горы помочь ему. Дети копали три дня подряд, а вырыли лишь ямку величиной с совочек. Дух горы Три Звезды опять сжалился над ними и в облике старика-дровосека спустился к детям.

— Цюй Юань, я вижу, твоя мотыжка затупилась; возьми мою кирку.

Приняв инструмент, Цюй Юань воскликнул:

— Вот это да! Она сверкает, как золото!

И маленький Цюй Юань с сестрой опять принялись за работу. Малыш сидел в увеличивающейся яме и копал, а Нюй Сюй принимала землю.

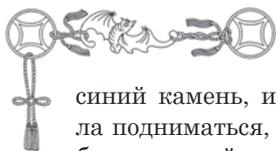
Эта золотистая кирка действительно была необычной: на вес — совсем легкой, всего четыре *ляна*, но когда она опускалась, врубаясь в породу, то казалось, что она весит не меньше тысячи *цзюней* (1 *цзюнь* = 30 *цзиням*). В течение семи дней брат копал, а сестра выбирала землю. Колодец выглядел уже неплохо: девять *чшы* и девять *цхуней* в глубину, а в окружности — три *чжана* и три *чшы*. Как раз в это время Цюй Юань, ударив киркой, услышал звон: *дин-дан!* Брызнули искры, и копать дальше стало невозможно.

— Ха-ха-ха! Наткнулись на кость дракона? — услышали опечаленные дети знакомый голос.

Они подняли головы — с горы спускался все тот же дровосек. Он поведал:

— В этой горе лежит дракон, которому уже тысяча лет. Его кости окаменели и передавили земную артерию, закрыли «глаз» родничка. Дайте-ка, я пророю канавку!

Взяв свою кирку, он начал копать; из колодца то и дело вылетали окаменевшие «кости дракона». Наконец, он подозвал Цюй Юаня и велел ему нанести инструментом последний легкий удар, чтобы мальчик сам довершил свое дело. Отлетел в сторону небольшой

синий камень, и открылся «глаз» родника. Вода источника начала подниматься, постепенно заполняя колодец. И какая вода! Она была сладкой и чистой, как прозрачная яшма.

Когда брат и сестра, придя в себя от восторга, оглянулись, чтобы поблагодарить чудесного старика, его уже не было рядом: оседлав облако, он улетел на вершину горы.

С тех пор Цюй Юань приходил по утрам только сюда, к своему колодцу. Он умывался чистой родниковой водой, мыл волосы, стирал. Приведа себя в порядок, заглядывал внутрь, чтобы увидеть свое отражение: нет ли грязи на лице? И нет ли сора у него в душе? Не совершил ли он какого-нибудь поступка, которого следует стыдиться? Любит ли он людей, предан ли родине, как учила его Нюй Сюй?

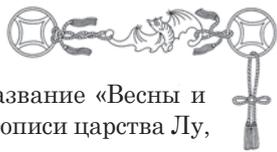
Поэт Цюй Юань

Приложение

Праздник Начала лета существовал давно, но так как Цюй Юань погиб именно пятого числа пятого месяца, то впоследствии этот день стали связывать и с его именем — велика оказалась любовь народа к нему.

Какая завидная судьба! Человек родился в 340 г. до н. э., а его до сих пор почитают, его стихи любят, о его жизни и поступках пишут в учебниках истории!

Этот отрезок истории китайцы называют «Весны и Осени» и «эпоха Воюющих царств». В те времена шли бесконечные войны меж-

ду маленькими княжествами за гегемонию, а название «Весны и Осени» этот период получил по наименованию летописи царства Лу, где в сухих и кратких записях фиксируются события того времени. Авторство летописи традиция приписывает китайскому мудрецу и учителю древности Конфуцию.

Постепенно маленькие княжества были поглощены более крупными и сильными, в результате их осталось всего семь: Ци, Чху, Ень, Хань, Чжао, Вэй и Цинь. Их еще называют «семью героями Периода войн», поскольку только они выжили среди всех. Однако и эти «семь героев» вели войны между собой.

Забегая вперед, скажем, что победителем в результате оказалось Цинь, поэтому в 221 г. до н. э. всем известный император Цинь Ши-хуан объединил шесть царств и создал первое в истории Китая централизованное государство — империю Цинь, просуществовавшую всего четырнадцать лет.

Территория получилась огромной: от нынешней южной Маньчжурии до Сычуани и Гуандуна. Трагедия поэта-патриота Цюй Юаня в том, что он любил свое маленькое государство Чху и, став свидетелем падения своей столицы под ударами более сильного Цинь, он покончил жизнь самоубийством.

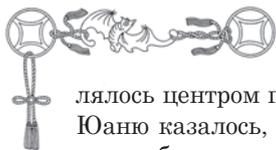
Цюй Юань родился в 340 г. до н. э. на территории уезда Цзы-гуй нынешней провинции Хубэй. Имя его — Пхин («ровный», «спокойный», «благополучный»), прозвище — Юань («источник», «начало»), еще одно прозвание — Цзюнь («ровный»). Напомним, что прозвание должно иметь тот же смысл, что и основное имя, как бы усиливая его значение (см. книгу «Жизнь среди символов»).

Будущий поэт рос в знатной семье. В период Чжань-го (Воюющих царств) знаменитыми считались три великие фамилии — Цзин, Чжао и Цюй, потому что все три рода давали государству правителей-князей, так что у Цюй Юаня и правителя княжества Чху имелись общие предки.

Благодаря своему знатному происхождению юноша получил блестящее образование и стал первым в истории Китая великим поэтом. До двадцати семи лет Цюй Юань пользовался благосклонностью и доверием правителя-князя, и ему пожаловали должность канцлера.

Однако поэт относился к своим обязанностям не формально — лишь бы получать высокое жалованье. Он очень переживал, что их некогда процветавшее государство приходит в упадок, а прежде отсталое Цинь крепнет, угрожая спокойствию чхуского народа.

Чху находилось на юге, и когда-то являлось одним из сильнейших. Княжество обладало изысканным, роскошным двором и яв-

лялось центром политической жизни и утонченной культуры. Цюй Юаню казалось, что, если бы князь Хуай прислушивался к его советам, беды удалось бы избежать. Поэт призывал правителя отдать все силы процветанию страны, осуществить реформы, установить четкий правовой режим, использовать на государственной службе добродетельных и талантливых людей. Что касается внешней политики, то Цюй Юань советовал создать коалицию, объединив все государства на востоке, и всем вместе выступить против общего врага на западе — княжества Цинь.

Однако его призыв к реформам во внутренней политике вызвал недовольство знатных сановников. Они оклеветали поэта, и Хуай-ван стал отдаляться от него. Сначала он понизил поэта в должности, назначив управляющим так называемого третьего *люй*, которое занималось регистрацией вновь рождавшихся членов княжеского рода.

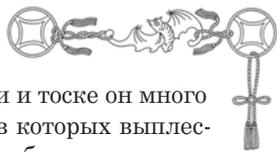
Циньский правитель знал о планах Цюй Юаня создать союз с другими государствами против него, поэтому считал поэта самым опасным противником. Он подкупил нескольких человек в княжестве Чху: высокого сановника Цзинь Шана, избалованную фаворитку князя Чжэн Сю и младшего сына князя Цзы И.

Получив взятки через посла циньского княжества Чжан И, эти люди начали травить Цюй Юаня. Они всеми способами сеяли вражду между ним и князем Хуаем, наушничали, устраивали провокации, не стыдились откровенно клеветать на поэта. Их интриги увенчались успехом: князь стал относиться к Цюй Юаню с подозрением, и когда тот выступил против планов чхуского правителя породниться с помощью детей с князем Цинь, правитель Хуай расстроился, отлучил поэта от должности и отправил его в ссылку.

Надо сказать, что циньский князь и не собирался становиться родственником Хуай-вана. Он лишь хотел под таким предлогом заманить доверчивого Хуая к себе. Цюй Юань предвидел подвох, потому и отговаривал своего высокого родственника от опрометчивого шага.

В результате сам он оказался в ссылке в районе реки Хань-цзян, которая в верхнем течении огибает южную часть города Ся-си, а в низовьях, на юге, достигает города Ханькхоу и впадает в Янцзы. Заметим, что Хуай-ван все же поехал в столицу княжества Цинь и стал пленником, как и предполагал Цюй Юань.

В изгнании поэт не просто тосковал, но и страшно переживал за судьбу своей прекрасной родины. В нем бурлила ненависть к Хуай-вану, такому скудоумному и бестолковому, поставившему на ответственные посты коварных и лживых изменников, продавших

свою страну за большие взятки. В глубокой печали и тоске он много размышлял и написал несколько произведений, в которых выплеснул свое возмущение людьми, которые привели к гибели его страну. Всего до наших дней дошло двадцать пять произведений поэта.

Тем временем Хуай-ван, который в 299 г. до н. э. оказался во враждебном государстве под «мягким» арестом, умер по прошествии трех лет, снедаемый запоздалыми сожалениями и раскаянием. Узнав о кончине князя, Цюй Юань написал поэму «Чжао хунь» («К душе»), в которой призывал душу умершего правителя вернуться на свою многострадальную родину — Чху.

Преемником князя стал Сян-ван — старший сын по имени Цин Сян. Он оказался еще более бездарным, чем его отец. Назначив младшего брата — предателя Цзы И — на должность *цзай-сяна* — самого главного чиновника в государстве — новый князь сослал поэта Цюй Юаня еще дальше, на юг (нынешняя провинция Хунань), в захолустную местность.

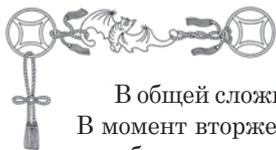
На берегу озера Дун-тхин-ху поэт и создал свои бессмертные произведения. В изгнании он страдал и морально, и физически. Цюй Юань высох, лицо обрюзгло и похудело, глаза и щеки ввалились. От прежнего красивого человека ничего не осталось. Будущее представлялось беспросветным: растоптанное государство не восстановить, самому ему больше не служить родине.

Во время второй ссылки он скитался по разным местам в нижнем течении реки. Это нынешние Чхан-ша, Чхэнь-си, Сюй-пху: на берегу реки Сюй-шуй, а также в районах, прилегающих к рекам Сян-цзян (что в Хунани), и Юань-шуй, впадающих в озеро Дун-тхин-ху, а также на севере провинции Хунань, у реки Ли-шуй.

Затем он оказался на берегу реки Ми-ло, где провел свои последние три года. Сначала он жил в селении Нань-ян, что к востоку от горы Юй-сы (Яшмовая чаша). Но с горы, что находилась позади Нань-яна, хлынули потоки воды и затопили поселение. Поэтому местные крестьяне построили для поэта примитивное жилище на горе Яшмовая чаша.

Согласно преданиям, когда вода окружила со всех сторон его дом, затопив Нань-ян, Цюй Юань, ничего не замечая, продолжал писать стихи при свечильнике. Так что рыбакам пришлось спасать его, посадив в лодку и переправив на гору. Поселившись в новой хибарке, поэт облюбовал себе огромный камень-валун, по форме напоминавший лежащего тигра. Возле него он и писал свои стихи.

В 278 г. до н. э. циньская армия разрушила столицу его родины Ин-ду, глубоко проникла на территорию Чху, оккупировав и район озера Дун-тхин-ху, где находился в ссылке поэт.

В общей сложности он провел в изгнании в Хунани двадцать лет! В момент вторжения Цинь ему исполнилось 62 года. На его глазах погибло некогда процветавшее государство, а у него не осталось возможности противостоять злу и насилию.

В последние годы Цюй Юань написал свои лучшие стихи, в которых рассказал об идеалах и достижениях, подвел итоги своей жизни, сказал прощальное слово стране, князю, миру.

Пятого числа пятого месяца он вышел из дома и в глубокой тоске пошел вдоль берега реки Ми-ло на запад; дошел до бездонного омута — самого опасного места, что в тридцати *ли* от Яшмовой горы. Довольно долго ходил по берегу в раздумьях и, в конце концов, положив за пазуху большой камень, прыгнул в воду.

Трагическая смерть поэта окружена легендами, и одну из них мы расскажем ниже. А день его гибели ныне объявлен Днем поэта. Его творчество оказало огромное влияние на развитие всей китайской поэзии. По духу Цюй Юань похож на всех поэтов-пророков, поэтов-мятежников. Стихи полны мифических и космогонических образов. Как и всякий огромный талант, он был неудобен для окружающих, потому что оказался прозорливее других, и ему не удалось найти среди них понимания.

У поэта был огромный лоб — спереди он начинал лысеть, а на макушке оставался тяжелый пучок волос, по моде того времени спрятанный под маленькую шапочку. Лицо украшали маленькая бородка и черные усы в виде иероглифа *ба* (八), «восемерка».

Из-под длинного шелкового халата выглядывало еще более длинное платье, тяжелыми складками опускавшееся на туфли с приподнятыми квадратными носами. Широченные рукава-карманы завернуты, в левой руке — свиток со стихами, в правой — что-то вроде хризантемы в изящных пальцах. Таким он изображен на старинной картине.

Самый древний памятник китайской поэзии XI–VII вв. до н. э. — «Ши цзин» («Книга песен»); говорят, стихи отобрал и отредактировал сам Конфуций. Для большинства этих песен характерен четырехсложный стих. Цюй Юань же написал свою «Скорбь отлученного» на основе народной песенной формы, характерной для того времени. Он нарушил каноны «Ши цзина» — четырехсложную строку, и в конце, и в середине строки часто вставлял слово *си*, что-то вроде эмоционального междометия. Сама строка стала длиннее: и шесть, и семь, и восемь слов.

Я прочла в подлиннике не многое из того, что написано Цюй Юанем: «Го шан» («Смерть за родину») и «Шэ цзян» («Переправа через реку»). «Смерть за родину» содержит всего восемнадцать строчек,

но они производят глубокое впечатление, потому что тема является вечной. Из-за территориальных притязаний правителей гибнет огромное количество воинов. Вот об этих мужественных героях и сложил поминальную песню Цюй Юань.

«Переправа через реку» — одна из «Девяти элегий», «Девяти тревожных песнопений», «Девяти поэм» — не знаю, как лучше перевести. Цюй Юань написал их в разные периоды ссылки, а потомки сложили их воедино и дали название «Девять поэм».

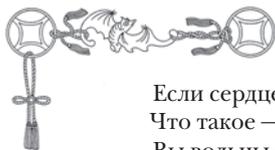
В той, которую я прочла, — шестьдесят строк, и она меня просто потрясла. Я, конечно, теоретически понимаю, что идеалы людей, в общем-то, не меняются из поколения в поколение. Каждый мечтает жить в гармонии с внешним миром, с гармонией в душе. Но никогда не думала, что мысли далекого китайца древности окажутся так созвучны моим. Такое ощущение, что я прочла дневник близкого мне по духу современника.

Описывая в поэме свое путешествие, когда он из Э-чжу (провинция Хубэй) добирался в район Сюй-пху и Сян-цзян (район озера Дун-тхин-ху, место второй ссылки), поэт попутно делится своими идеалами, взглядами. Кстати, вспоминая о древности, он сравнивает себя с У Цзы-сюем и Би Ганем, к советам которых также не желали в свое время прислушиваться правители.

У Цзы-суй жил в период «Весны и Осени» в царстве У и был важным сановником при князе Фу Чхае. Речь идет об интриге с «засылкой» красавицы-шпионки, и У Цзы-суй неоднократно предостерегал Фу Чхая, советовал ему убить Гоу Цзенья, князя покоренного государства Юэ, так как не верил в его искреннюю преданность. Однако правитель не прислушался, в результате и царство его погибло, и сам он покончил с собой (см. книгу «Красавицы древнего Китая»).

Би Гань тоже был талантливым чиновником, родственником князя Чжоу Синя, правителя Шан-Инь (см. книгу «Монахи Срединной империи»). Свирепый, бесчеловечный Чжоу-ван не желал прислушиваться к советам, постепенно деградировал, превратившись в садиста, и привел к гибели свое государство. Не пощадил даже родного дядю Би Ганя: когда тот посмел упрекнуть племянника в жестокости и несправедливости, князь приказал вырезать у дяди сердце.

И хотя в поэме Цюй Юаня описываются реальные события, все произведение пронизано символикой. Здесь упоминаются и драконы, уносящиеся в небо, и небожители, и легендарный император Шунь — образец справедливого отношения и к чиновникам, и к простому люду, и горы Кхунь-лунь с залежами нефрита. Переведу хотя бы несколько строк.

Если сердцем тверд, и верен идеалам неизменным,
Что такое — даль глухая или ссылка без возврата...
Вы вольны распоряжаться только этим телом бранным,
Ну, а сердца не изменит даже родины утрата.

Не смогу я измениться и идти, как все, с толпою.
Воля, дух даются Небом; сохраняю их до конца.
Даже если жить мне — в горе, правду лостью не прикрою;
Пусть и в бедности, но — с гордым выражением лица.

Было так и в древнем мире, все — свидетельство тому:
Раздают чины и званья — льстивым, а не по уму.
Не всегда дают лишь честным все высокие посты,
Не всегда в цене таланты; чаще — правила просты:

Ловишь взгляд и угождаешь, —
Значит, ты не раздражаешь.
Если мнение свое,
Пусть и верное, предложишь,
Значит, ты свои невгоды,
Неприятности умножишь.
Не в цене ни ум, ни честь, —
Лишь бы сладко спать и есть.

Да, я знаю, что во мраке беспросветном утону,
Но свой путь считаю верным, не смирюсь и не сверну...

После смерти Цюй Юаня в государстве Чху появился еще один поэт — его младший брат, Сун Юй. Он возвысился по протекции друзей сразу после того, как его великого старшего брата сослали подальше от двора, и стал придворным литератором-поэтом при новом князе — правителе Сян-ване.

Братья оказались абсолютно разными. Младший любил роскошь, жил все время при дворце и слагал стихи для увеселения и развлечения государя: до философских проблем ему не было дела.

А идеалист-мученик, как говорится, навеки остался в памяти народной. На родном диалекте и на основе народных песен южного Китая он создал цикл, который впоследствии потомки называли «Чху-цсы» («Чхуская строфа»). В стихах, одушевляя ветер, дождь, гром, молнию, облака и луну, поэт летел в колеснице, запряженной драконами, к своей мечте.

Обожествляя своего поэта, народ после его смерти создал множество преданий, — им так не хотелось верить в то, что он мертв. Например, рассказывают, что рыбаки, узнав о гибели поэта, бросились на лодках искать его тело, но прошло несколько дней, а им так и не удалось обнаружить его. Тогда они стали лепить из риса пи-

рожки и бросать их рыбам, чтобы те не повредили тело Цюй Юаня. А народный врачеватель выливал в воду даже знаменитое «желтое вино», чтобы всякая нечисть, в том числе и злой Дракон, держались подальше от поэта. Прошло более двух тысяч лет, а обычай этот до сих пор существует.

Есть и другая версия — рис бросали духу самого Цюй Юаня. Рассказывают, что одному из рыбаков приснился сон: якобы погибший поэт в этом сне очень красиво одет — в жемчугах и яшме, а на поясе у него висел огромный драгоценный меч, на голове — высокая корона из облаков. Вот только выглядел он очень печальным и изможденным. Рыбак заботливо спросил, съел ли Цюй Юань рис, который ему бросали в воду. Тот поблагодарил за сострадание и пожаловался, что вся пища достается рыбам, черепахам да креветкам.

— Что же делать? — расстроился рыбак.

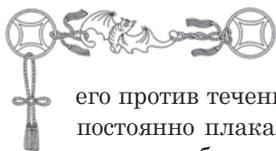
— Если вы завернете рис в листья молодого бамбука, сделав маленькие треугольные пирожки, речная живность подумает, что это просто водяные каштаны, и не станет их есть, — посоветовал Цюй Юань.

На следующий год в этот же день поэт опять явился рыбаку и сказал, что хотя ему и перепадает кое-что, большая часть все же достается рачкам да рыбкам; он опять выглядел ослабевшим от голода. Поэт предложил перевязывать листья ниточками пяти цветов — речные жители их больше всего боятся — и в этот день, пятого числа пятого месяца, бросать *цзун-цзы* в воду прямо с лодок, разрисованных так, чтобы напоминать дракона, — его рыбы тоже остерегаются.

Отсюда и пошел обычай соревноваться на «драконовых» лодках, есть *цзун-цзы*, — рис или гаолян, завернутые в листья бамбука или лотоса, и перевязанные уже обычными нитками. Иногда — повязывать детям на запястье, на шею нитки пяти цветов, смазывать детям «желтым вином» *ци цяо* (七窍), т. е. «семь отверстий»: глаза, уши, нос, рот, чтобы нечисть не осмеливалась навредить детям, души которых так же невинны, как у Цюй Юаня.

В литературе можно встретить и еще одну версию: рис бросали самому Царю драконов — жертвоприношение это имело целью умилостивить его, чтобы и дракон по-доброму относился к Цюй Юаню, душа которого живет на дне.

А в одной гонконгской книге я прочла, что все обстояло совсем не так. Дракон, хотя и слыл свирепым, но, видя, как люди любят поэта, зная, каким самоотверженным тот был, расчувствовался и запретил рыбам прикасаться к его телу. Больше того, он повелел всякой нечисти, которая ему подчинялась, поднять поэта со дна и нести

его против течения прямо к песчаному возвышению на отмели, где постоянно плакала «дочь» поэта Нюй Сюй, вглядываясь в воду в надежде обнаружить труп. (На самом же деле, согласно историческим записям, Нюй Сюй была его сестрой).

Увидев тело, приближающееся на волнах, она бросилась на встречу. Прослышав об этой новости, сбежались рыбаки и крестьяне, вытащили поэта и положили его на песчаный холм, чтобы потом обрядить и похоронить. Впоследствии это место так и назвали — «Холм, где обсыхало на солнце тело» (китайцы — удивительные «натуралисты»).

Из-за гибели любимого поэта жители Чху еще больше возненавидели Цинь и своих продажных чиновников, помогавших врагу. В то время даже бытовало выражение: «*Чху суй сань ху, ван Цинь би Чху*» (楚虽三户亡秦必楚), — «Даже если в Чху останется лишь три семьи, все равно именно Чху уничтожит Цинь».

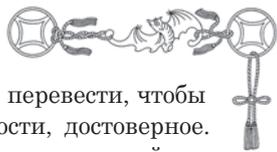
Смерть поэта окружена множеством легенд, так что даже в рядах армии Цинь ощущалась паника. Солдаты верили, что душа поэта жива и способна мстить, поэтому очень боялись даже погибшего Цюй Юаня. Чтобы успокоить солдат, издали приказ разрыть могилу поэта на песчаной горе, извлечь тело и выпороть плетью.

Новость эта быстро достигла южной стороны, и Нюй Сюй, сестра поэта, обливаясь слезами, решила обмануть врагов, возведя рядом с настоящей могилой фальшивый могильный холм. Несмотря на палящее солнце, она стала носить землю в подоле своего платья. День таскала, два... Тысячу ходок сделала, десять тысяч и, наконец, насыпала лишь небольшой холмик. Когда она на какое-то время уснула от усталости прямо на земле, Яшмовый император, — верховное божество китайцев — растроганный ее преданностью и любовью, послал на землю небожителей, и те за одну ночь построили двенадцать фальшивых могильных холмов, которые невозможно отличить от подлинной могильной насыпи.

Чтобы увековечить память поэта, люди стали называть реку Мило его именем — Цюй-тань (водоем Цюй Юаня), а также построили недалеко от нее грандиозный по размерам храм — Цюй-цзы мяо. Храм этот берегут, как святыню, регулярно реставрируя его.

***

Обычно, когда я заканчиваю очередную главу, мне в течение какого-то времени даже вспоминать о ней не хочется: я так долго жила ею, что пресытилась, устала; появляется желание переключиться на другую тему. Ведь за несколькими десятками страниц написано

го — изнуряющая работа. Сколько надо прочесть, перевести, чтобы отобрать лишь самое интересное и, по возможности, достоверное. Мало — прочесть; надо еще и проконсультироваться у китайцев, чтобы убедиться в том, что ничего не исказила.

Но бывает, что когда, наконец-то, ставишь точку и думаешь, что можно двигаться дальше, к тебе в руки попадают такие интересные материалы, что хоть заново все начинай!

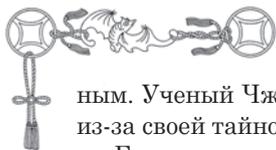
Бывает, годами ищешь хоть какую-то информацию по определенной теме, расспрашиваешь даже случайных людей: таксистов, торговцев, соучеников на курсах, веря в случайное везение. А уж о друзьях и говорить нечего: они знают не хуже меня, какие из моих тем самые «голые», и трудолюбиво, как пчелы, собирают для меня по крупицам информацию. И вот на этот раз попалась не «крупица», а целая «глыба», потому что китайская подруга Си Сяо-дун принесла мне мешок книг! Я доставала их по одной, и мне казалось, что вот-вот остановится сердце: нельзя получать так много радости сразу!

Так что еще раз возвращаемся к великому поэту Цюй Юаню. Всемирный Комитет защиты мира в 1953 г. назвал его одним из четырех великих представителей культуры! Китайцы привыкли к трогательной легенде о самоубийстве поэта, пересказывают ее из поколения в поколение. Но вот молодой ученый Чжу Да-кхэ высказал предположение об убийстве. Ведь единственным доказательством самоубийства со времен историка-летописца Сыма Цяня и до наших дней считалось произведение самого поэта «С песком за пазухой», в котором он говорит о намерении утопиться.

Однако ученые на основе анализа доказали, что эти стихи написаны уже после смерти поэта. Так что версия о самоубийстве весьма сомнительна. Даже ребенку понятно, кому и зачем понадобилось писать стихи вместо Цюй Юаня и приписывать их именно ему. В те времена не было возможности опровергнуть подлинность творения, поэтому недругам и удалось, совершив убийство, спрятать концы в воду. А если кто и знал или догадывался о том, как именно погиб поэт, то по разным причинам молчал.

А врагов у Цюй Юаня оказалось больше, чем у кого бы то ни было: начиная от самого правителя и до сановников; ведь редко кто любит выслушивать правду о себе, мало, кто способен между делом и деньгами выбрать первое.

В новой версии его гибели поэт выглядит еще более близким, понятным и реальным. Убить его замыслили многие политические противники, например, Цзы Лань, льстивый и жадный Цзинь Шан. Однако необходимость в убийстве отпала после того, как Цюй Юань оказался в ссылке и в политическом плане стал абсолютно безопас-

ным. Ученый Чжу Да-кхэ полагает, что поэт погиб из-за женщины, из-за своей тайной любви.

Будучи личностью яркой, поэтической, он был переполнен любовью и написал огромное количество стихов о любви. Кроме того, в своих произведениях он часто описывал реальную любимую, называя ее «богиней», «небожительницей». Таковы, например, «Молоденская прорицательница», «Фея в облаках», «Дьяволица гор», «Супруга Сян».

Наибольшего внимания заслуживает стихотворение «Супруга Сян», так как в образ этой женщины поэт вложил больше всего любви, тайны и загадки. Если внимательно прочесть его, можно сделать три вывода: женщина отличалась ошеломляющей красотой; она занимала более высокое положение, чем Цюй Юань; существовали какие-то причины, преграды, не позволявшие им открыто встречаться, лишь изредка им удавалось втайне от всех повидаться за пределами столицы, на лоне дикой природы.

Такой женщиной могла оказаться только любимая наложница Хуай-вана по имени Чжэн Сю (выше упоминалось, что она, якобы, помогала раздувать вражду между поэтом и князем). Об этом можно догадаться уже по названию произведения: «Сян» — название реки, протекающей через нынешнюю провинцию Хунань, и это же — другое название самой провинции Хунань, старое название той местности, где и находилось царство Чху, так что «Чху» нередко называли еще и «Сян». Значит, супруга Сян — это супруга или наложница князя государства Сян, т. е. княжества Чху.

Прознав об их тайных отношениях, политические противники Цюй Юаня доложили обо всем князю Хуай-вану, подливая масла в огонь, подогревая в нем подозрительность. Ревность, несомненно, стала одной из причин ссылки поэта. Когда же Хуай-ван умер в «мягком плену», и прошло десять с лишним лет жизни поэта вдали от двора, в захолустье, политические противники прибегли к убийству, чтобы не допустить возвращения Цюй Юаня.

Они не сомневались, что его возлюбленная Чжэн Сю, рано или поздно, поможет ему вернуться в столицу, так как власть ее оставалась еще велика. Более того, убийцы разыграли трагедию: подсланный ими человек догнал поэта на середине реки, когда тот прогуливался на небольшой лодочке, и, сделав свое черное дело, попытался скрыть следы: спрятал тело в холщовый мешок и бросил его в воду на середине реки, в самом глубоком месте. Затем кто-то в стиле поэта написал стихи «С песком за пазухой», в которых якобы поэт высказывал намерение покончить с собой.

Так что крестьяне, хотя и подозревали, что имело место тайное убийство, да не могли в этом Богом забытом месте свидетельствовать против властей, и стали в день смерти поэта поминать его душу, бросая в реку *цзун-цзы*. Рис внутри символизировал тело человека, а листья, обернутые вокруг, — путы, которыми поэта связали.

Эта версия ученого очень похожа на правду. Как бы то ни было, в мире нет другого такого поэта, чей праздник так пышно отмечали бы по всей стране в течение тысячелетий, и нет другого такого поэта, чьи стихи читали и любили бы до сих пор, по прошествии более двух тысяч лет.

В 2004 году, примерно за месяц до праздника, заместитель министра культуры КНР Чжоу Хэ-пхин получил письмо из северо-восточного Китая от профессора У Бин, в котором сообщалось, что Южная Корея планирует обратиться в ЮНЕСКО с просьбой включить в Список мирового культурного наследия корейскую версию праздника Драконовых лодок в качестве непреходящей культурной ценности.

Китайских фольклористов, да и обычных людей, взбудоражила эта новость. «В каком же положении мы окажемся, если иностранное государство затвердит этот праздник в качестве своей собственной культурной ценности! Ведь праздник Драконовых лодок отмечается в Китае более двух с половиной тысяч лет!» — заявил заместитель министра господин Чжоу.

Естественно, на эту новость отреагировали и в городе Юэ-ян, что в провинции Хунань. Городская общественность провела специальный симпозиум. Вице-мэр города господин Суй Го-цин заявил: «Наша обязанность — защитить древний китайский праздник». На симпозиуме выступил и директор управления культуры города Юэ-ян, который сказал: «Праздник Драконовых лодок тесно связан с историей древнего города Юэ-ян, где поэт-патриот Цюй Юань утонул в водах реки Ми-ло».

В свою очередь, представитель Южно Корейского посольства в Пекине заявил, что Сеул намерен обратиться в ЮНЕСКО с просьбой признать за своей страной этот праздник не в широком смысле, как праздник вообще, а лишь часть его, т. е. конкретную церемонию жертвоприношения поэту Цюй Юаню, которая традиционно проводится в городе Каннун.

Некоторые представители Южной Кореи, работающие в Китае, считают, что китайцы напрасно так бурно реагируют на это событие. Один из преподавателей, по фамилии Ким, заявил журналистам, что праздник Драконовых лодок отмечается в Корее в течение тысячи лет. И хотя он пришел из Китая, однако в течение столетий инте-

гировался в корейскую культуру, так что сейчас его празднование мало чем напоминает китайское.

В современном Китае, как признают сами же китайские ученые, падает интерес к народным традициям, к древним праздникам, таким, как праздник Середины осени, праздник Драконовых лодок и пр. И наоборот, заметно возрос интерес к таким заимствованным торжествам и праздникам, как Рождество, день св. Валентина, Хэллоуин и пр. С каждым годом они привлекают внимание все большего количества китайцев, в глазах которых такое уникальное искусство, как, например, театр теней, выглядит безнадежно устаревшим.

В последние годы Китай активно обращался в ЮНЕСКО с просьбой о внесении в Список мирового культурного наследия своих культурных ценностей, однако сложные процедуры и формальности иногда вынуждали китайцев отказываться от своих попыток. «Тем не менее, — заявил заместитель министра культуры КНР, — Китаю не следует ждать, когда какая-нибудь другая страна внесет в этот список праздник Весны, то есть китайский Новый год». Ни для кого не секрет, что большинство китайских традиций и древних праздников, многие элементы культуры в той или иной форме распространились в других странах Азии. И все же китайцы должны любить свое бесценное прошлое, крупицы знаний о которых собираем даже мы, иностранцы.

Разве не стала известной на весь мир именно японская чайная церемония, например? Хотя и церемония, и сам чай попали в эту страну из Китая. Английский синолог Gilles H.A. еще в 1884 г. писал: «Нездоровое восхваление Японии, одиозные сравнения поверхностных наблюдателей, принижающие Китай, — все это вызывает неприятие и обиду у тех, кто знает, благодаря кому Япония когда-то научилась есть палочками, писать кистью иероглифы, философствовать...».

А такое уникальное явление, такое древнее искусство, как театр теней, к которому в Китае абсолютно пропал интерес, процветает в Индонезии и признано принадлежностью этой страны в качестве культурного сокровища, хотя попало оно в Индонезию, опять же, из Китая. Обидно, если китайская молодежь, пытаясь внешне подражать Западу, кстати, не вникая и не понимая сути тех же европейских праздников, потеряет свои корни. Им что Рождество, что Пасха, что Новый год — все едино. Да и про свои праздники они мало что могут рассказать. Обидно, если Цюй Юань станет «корейским народным героем».

Праздник тетушек — *Гу-гу цзе*

Зазнавшийся канцлер

Шестого числа шестого месяца в деревнях издавна принято приглашать вернуться в родной дом уже вышедших замуж женщин, молодых и пожилых. Их следовало щедро угостить, хорошо принять и вновь проводить в их новую семью.

Согласно преданиям, давным-давно, в период Весны и Осени, в царстве Цзинь жил канцлер по имени Ху Ень. Царство ослабло в результате постоянных войн, и претендент на трон семнадцатилетний Чхун Эр вынужден был бежать и скрываться в других княжествах, ибо его хотели убить, чтобы посадить на трон его брата.

Бежавшего принца окружали «пять мудрых мужей», в том числе его дядя канцлер Ху Ень, который теперь играл роль охранника и везде сопровождал племянника в течение 19 лет. Другие же министры и слуги постепенно разбежались. Кроме дяди, оставался еще один человек, преданный принцу до конца, имя которого осталось в памяти народной, и связано оно с праздником Холодной пицци, — Цзе Цзы-тхуй, тот самый, что спас принца от голодной смерти, накормив его частью собственного тела.

Кстати, занять трон скитальцу удалось лишь в 62 года, получив имя для правления Вэнь-гун. Помог ему в этом все тот же дядя.

Когда в смутное время дядя с племянником оказались в вассальном государстве, Ху Еню пожаловали должность канцлера. Свои обязанности он исполнял прилежно, государством управлял справедливо, и в княжестве все, от верхов до низов, относились к нему с большим уважением.

Ежегодно 6-го числа 6-й луны Ху Ень отмечал день рождения, и люди потоком шли к его дому, чтобы поздравить, несли многочисленные подарки. Однако постепенно канцлер зазнался, стал смотреть на окружающих свысока. И хотя чиновники и простые люди роптали все больше, Ху Ень этого не замечал. Возмущение росло, однако прямо высказать все в глаза никто не решался.

Дочь свою он выдал замуж в семью министра по имени Чжао Цхуй. Девушка осуждала поведение отца, говорила ему об этом

откровенно и пыталась увещевать, убеждать, но все — бесполезно. Отец не желал прислушиваться к дочери, ему становились неприятны ее «добрые советы, горькие на вкус», как говорят китайцы.

Обозлившись еще больше, Ху Ень стал прилюдно ругать своего свата Чжао Цхуя. А тот был человеком пожилым, да и здоровьем не мог похвастаться, так что вскоре, не выдержав нападок со стороны канцлера, он скончался. Сыну Чжао Цхуя, зятю Ху Еня, согласно конфуцианской традиции, следовало относиться к тестю, как к собственному отцу, однако он, презрев все нормы, решил отомстить за родного батюшку.

На следующий год в царстве Цзинь из-за засухи погиб летний урожай. Канцлер собрался выехать из столицы, чтобы одолжить где-нибудь зерна. Перед отъездом он объявил всем, что непременно вернется до 6-го числа 6-го месяца, чтобы отпраздновать свой день рождения.

Его зять решил воспользоваться этим праздником, чтобы в суете, при большом скоплении гостей убить Ху Еня. Но прежде он решил посоветоваться с женой:

— Как ты думаешь, любит ли простой народ моего тестя?

Супруга ответила:

— Даже мы с тобой ненавидим этого негодного человека, что уж говорить о чужих людях!

— Я хочу убить его во время празднования!

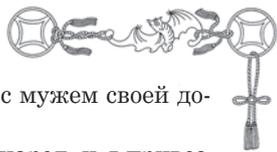
Жена от неожиданности покраснела, потом побледнела. Помолчав немного, она тихо сказала:

— Ты знаешь, что после замужества женщина больше не принадлежит к родительской семье. Я стала членом вашей семьи, так что возражать не могу: делай, как знаешь.

После этого разговора дочь Ху Еня стала сама не своя, она целый день испытывала тревогу на сердце, а плоть ее трепетала. Она ненавидела чванливого отца, который вел себя со всеми высокомерно и перессорился даже с родней. Но, в то же время, она оставалась родной дочерью этого человека, видела много хорошего от него в детстве и не могла позволить, чтобы его убили.

Не выдержав внутренней борьбы, накануне возвращения отца, 5-го числа вечером, она отправилась в дом матери и рассказала ей о планах мужа. Изумленная и испуганная мать всю ночь писала супругу письмо и отправила его со слугой, чтобы предупредить об опасности.

Зять Ху Еня, обнаружив, что жена сбежала из дома, понял, что его планы раскрыты. Он просидел в тоске всю ночь в доме, ожидая расправы со стороны канцлера. Однако 6-го числа тесть Ху Ень собственной персоной пришел в дом зятя. На лице его не было злости,

и он впервые за много лет откровенно поговорил с мужем своей дочери.

«Я обратил внимание на то, как страдает мой народ, и я привез зерна, чтобы люди могли посеять его, — сказал он. — В последние годы я совершил много ошибок и глубоко раскаяваюсь. Сегодня мой достойный зять намеревался погубить меня, и хотя это намерение можно назвать бессердечным, ты все же не совершил непростительное зло. Я понимаю, что ты хотел отомстить за отца и заступиться за народ, так что я не имею права осуждать тебя. Дочь спасла меня, выполнив дочерний долг, и я чту ее за это. Надеюсь, что и достойный зять меня простит, и мы сможем жить в мире».

После этого разговора канцлер чистосердечно исправил свои ошибки и поведение, семья стала дружной, и канцлер Ху Ень в честь своего исправления стал ежегодно 6-го 6-го приглашать в дом дочь с зятем. Ведь известно, что в старые времена дочь, выйдя замуж, считалась «принадлежностью» новой семьи и не имела права навещать родителей, когда ей вздумается: для этого отводились редкие определенные дни.

Просушка одежды

В этот же день отмечают и другой праздник, и суть его иная. Он носит необычное название — Сушка одежды (晒衣节), и даже — Просушивание книг (晒书). Возник он в период династии Хань. В легендах говорится, что к северу от императорского дворца Цзень-инь (建音) располагался пруд Тхай-е-чшы (太掖池), а к западу от него — Павильон для просушивания одежды.

Люди наблюдали, как 6-го 6-го дворцовые девушки-служанки сушили там одежду — бесчисленные зимние халаты. Летом солнце особенно жаркое, и оно всюду распространяет свои горячие лучи. Обычай возник, прежде всего, как стремление убить микробов и освежить одежду.

К периоду правления династий Вэй и Цзинь этот обычай видоизменился и обрел другой смысл, — как день просушки книг. Рассказывают, что будущий основатель династии Цзинь, командующий вэйской армией Сыма И (司马懿) был наказан императором династии Вэй по имени У-ди за самоуправство.

В знак протеста тот притворился сумасшедшим и улегся на постель, как больной. Император направил слуг проверить, чем там недужный занят. Это происходило 6-го числа 6-го месяца, и все жители, как обычно, сушили одежду. Но в доме Сыма И посланники обнаружили, что «сумасшедший» сушит книги, и доложили об увиденном владыке.

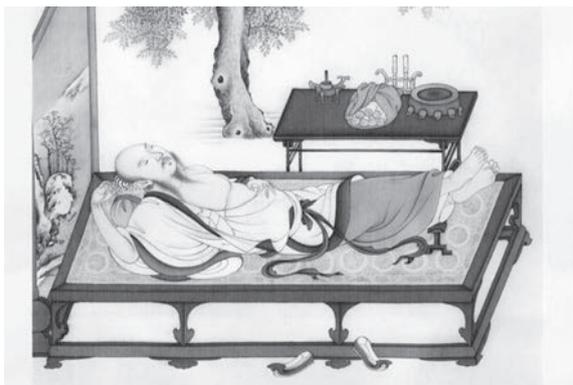

Император *У-ди* повелел Сыма И немедленно вернуться во дворец и приступить к своим обязанностям, а в случае неповиновения пригрозил арестом. Сыма И ничего другого не оставалось, как подчиниться.

Образованные люди, его современники, стремясь прославиться и привлечь к себе внимание оригинальностью, стали подражать Сыма И и просушивать свои книги вместо одежды. Им казалось, что они демонстрируют глубокую мудрость, заботясь о свитках, а не о «тряпках». Так возникла новая традиция.

Но некоторые интеллигенты пошли еще дальше, демонстрируя остроумие и игру слов. Дело в том, что о человеке, жаждущем знаний, находящем радость в учебе, в Китае говорят «полный живот науки», «полный живот знаний» (满腹学问). 6-го 6-го, когда одни люди сушили одежду, а другие — книги, некий Хао Лун (郝隆) демонстративно разлегся на солнышке, обнажив живот.

Когда Хао Луна спросили, что он делает, тот ответил: «Я сушу свои книги!»

Сушка книг

Еще один оригинал по имени Юань Сень (远咸) в день, когда все вывешивали свои шелковые одежды, продев в них сквозь рукава бамбуковые шесты, и когда от пестроты и красоты рябило в глазах, нанизал на бамбуковый ствол свой драный халат. Зеваки, надеясь услышать что-то оригинальное, стали спрашивать, зачем Юань Сень это демонстрирует. И тот ответил: «Я не могу не следовать обычаю, вот и все!»

Так практичный обычай расширился и обрел новые оттенки.

Осталось лишь добавить, что некоторые источники относят данный обычай к 7-му числу 7-го месяца, т. е. к празднику Ци-си.

Ткачиха и Волопас — Ци-си цзе

Легенда о влюбленных

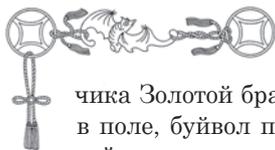
7-го числа 7-ой луны китайцы отмечают праздник, который называют Ци-си (七夕) — Ночь седьмого, Шао-ной цзе (少女节) — праздник Девушек, Ци-цяо цзе (乞巧节) — Моление о мастерстве, или Цин-жэнь цзе (情人节) — день Влюбленных. В народе его называют еще Тхень хэ-пхэй (天河配) — Супруги у Небесной реки. Как всегда, названий много, а суть одна: праздник посвящен любви супругов Ткачихи и Волопаса, которые могут встречаться лишь один раз в году, ночью, 7-го числа 7-ой луны.

У китайцев существует прекрасная легенда о звездах Вега и Альтаир, которых они уподобили живым существам: небесной фее, которая вместе с сестрами ткала ажурные облака, а потому получила имя Ткачиха, и земному юноше, что работал в хлеву и получил имя Волопас. Легенда появилась еще во времена Западной Чжоу, а далее в течение столетий ее дополняли и обогащали все новыми деталями.

Подробно она описана в моей книге «Восемь бессмертных», а вкратце ее содержание таково. Волопас жил в семье старшего брата, поскольку родители давно умерли, и невестка его так ненавидела, что бедный юноша, в конце концов, вынужден был уйти из дома и обустроить свою жизнь где-то далеко от деревни, в диком поле.

В хозяйстве у него имелся лишь буйвол, которого он пас, когда жил у брата, и которого ему оставили в качестве наследства. Буйвол когда-то был Золотой звездой на небе (金星), в европейской астрологии — Венерой, а в животное его превратили в наказание за нарушение небесных законов, чтобы он познал тяжелый физический труд. Так что волшебный вол помогал юноше во всем, время от времени получая возможность говорить человеческим языком и давать хозяину советы.

Он научил юношу, как познакомиться с небожительницей, чтобы жениться на ней. Ткачиха давно мечтала познать земную жизнь и любовь, а Пастух часто смотрел на звездное небо, грезя о небесной фее. Молодые счастливо прожили три года, родив близнецов, маль-

чика Золотой братец и девочку Яшмовая сестрица. Пастух работал в поле, буйвол помогал ему, а Ткачиха занималась домашним хозяйством и ткала такую красивую парчу, которой никогда не видели на земле.

Но однажды небесная матушка Си-ван му, которая давно искала пропавшую фею, обнаружила ее на земле, и отправила небесных солдат и генералов, чтобы вернуть беглянку к прежним обязанностям. Возвратившись с поля, супруг не нашел жены, в доме плакали лишь оставленные дети.

Буйвол дал последние наставления хозяину и научил, как подняться в небо, чтобы встретиться с супругой. Подхватив коромысло с корзинами и посадив туда маленьких детей, Волопас полетел вдогонку жене. Однако Си-ван му, обнаружив погоню, провела рукой по небу, и появилась Небесная река (Серебряная река) — так китайцы называют Млечный путь.

Плачущие дети и супруг пытались вычерпать реку маленьким ковшиком, который Волопас захватил, чтобы поить малышей, однако на землю пролился лишь мелкий дождик, а воды в реке меньше не стало. Так и стояли супруги по обе стороны Млечного пути, обливаясь слезами и протягивая друг к другу руки.

Сердце Яшмового императора не выдержало страданий влюбленных, и он позволил им встречаться лишь раз в году, ночью 7-го числа 7-й луны. Множество сорок, которые в Китае символизируют счастье, слеталось в эту ночь к Небесной реке, чтобы построить из своих тел мостик для влюбленных: одна птица держалась клювом за хвост другой. Супруги при встрече рассказывали друг другу о своей любви и одинокой жизни. В эту ночь в Китае непременно моросит мелкий дождик. «Ткачиха и Волопас плачут!» — вздыхают люди.

А сороки в эти летние дни почему-то теряют перья на голове. Возможно, потому, что по ним шагали влюбленные на небе.

Из шелка сотканы искусно облака.
 В печали звезды: ведь не быть влюбленным вместе.
 Течет далекая и вечная река...
 И пусть лишь раз в году на этом росном месте,
 Где ветер золотой пыланье щёк остудит,
 Им встретиться позволят на мосту из птиц,
 Счастливее супругов все равно не будет,
 Не будет радостнее и прекрасней лиц.

И нежность чувств — как омут: можно утонуть.
 Свиданья быстрые мгновенья — будто сон.
 Любовь чиста и глубока, как Млечный путь;
 Сердца в разлуке, как и прежде, — в унисон.

...А впрочем, вовсе нам не надо их жалеть,
Ведь если жар любви несут через века,
На зависть, им земные мерки — птичья клеть!
Любить! — пока есть небо, есть земля пока...

Ткачиха и Волопас

Как праздновали в древности

Одно из названий праздника «Моление о мастерстве» раскрывает суть основных обрядов. В эту ночь девушки просили Ткачиху ниспослать им искусное мастерство в вышивке, рукоделии. Они устраивали во дворе «встречу» с небожительницей: зажигали свечи, молясь Серебряной реке, двум созвездиям, Лиры и Орла: в этот день Вега и Альтаир предельно сближаются на небосклоне. Девушки просили для себя счастья и удачной судьбы.

Молоденькие просили у Ткачихи красоты и такого же счастливого супружества, как у нее с Волопасом. Женщины постарше просили как можно скорее подарить сына и послать им любовь со стороны суровой свекрови.

В начале правления династии Цин этому празднику придавали большое значение и проводили его особенно пышно. В императорском дворце сооружали «цветочную башню» (彩楼), устанавливали столы для жертвоприношений, где возлагали дары, — бахчевые плоды, чай, вино и закуски, и начинали бить поклоны звездам.

Поэты слагали стихи о любви небесной пары. Но наибольший интерес к празднику проявляли, конечно же, женщины. Они наряжались в новые одежды и проводили множество обрядов, главным из которых считалось «вдевание нитки в иголку». Этот обычай сам по себе существовал в Китае еще в период правления Хань, и лишь позже его связали с легендой о влюбленных звездах.

Иглы, которые использовали во время обряда, были не обычными, а с двумя, пятью, семью и даже девятью отверстиями! Ночью во время праздника девушки брали шелковую нить и при свете луны вправляли ее в ушко иглы (по-китайски — в ноздри иглы). Побеждала та, которой удавалось выполнить задание. Если девушка в темноте роняла иглу, это считалось дурным предзнаменованием.

Еще один обычай. Воду в тазу ставили днем на солнцепек, и через какое-то время на ее поверхности появлялась тонкая пленка пыли. На воду осторожно опускали иглу, золотую, серебряную или латунную, и она плавала на поверхности пленки. Девушки при этом рассматривали, что напоминает тень иглы на дне таза. Если она походила на птичку, зверька или ножнички для рукоделия, то это означало, что девушка «обрела мастерство».

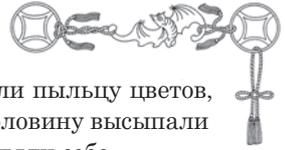
Если никакой фигуры не получалось, и тень напоминала что-то примитивное, например, дубинку или барабанную палочку, значит, мастерства девушке не видать! Победившие вели себя радостно, а проигравшие, понунив головы, роняли слезы.

В случае, если для такого обряда использовали не настоящую иглу, а, например, сосновую или тонкую травинку, то «изображение» на дне таза могло получиться и вовсе неожиданным.

Этой же ночью чашу с чистой водой ставили под «звездные лучи» и осторожно опускали сосновую иглу или иголку для вышивания. Затем, как и в вышеописанном обряде, следили за ее тенью на дне чаши, чтобы определить, станет ли девушка высококлассной мастерицей в работе с иглой?

Иные девушки, насобирав свежих цветов, клали их в медный таз с водой и выставляли во дворе, а на следующий день умывались цветочной водой, веря, что лицо станет нежным, а кожа — белой.

Многие девушки собирали садовый бальзамин, растирали лепестки и выдавливали сок, чтобы окрасить ногти на безымянном пальце и мизинце. Или срывали семь листьев диких растений и, отжав сок, мыли им волосы на реке. На реке же или озере девушки пускали на воду мандариновых уток или других водоплавающих птиц, выполненных из воска, ведь праздник посвящен любви, а утки-мандаринки — известный символ счастливого супружества.

Веря в силу природы, юные женщины собирали пыльцу цветов, чтобы использовать в качестве пудры; при этом половину высыпали на крышу дома — для Ткачихи, а половину оставляли себе.

Среди ночных жертвенных даров Ткачихе на столиках выкладывали фрукты и цветы, а также «пять сыновей» (五子): драконий глаз, красные финики, фундук, арахис и тыквенные семечки.

Непрененно присутствовали и бахчевые плоды; девушки надеялись, что ночью на них опустится «паучок радости» *си-цзы* (喜子) и сплетет нежную паутинку, напоминающую тонкую ткань. Если это произойдет, значит, девушке суждено стать искусной мастерицей.

Почему китайцы испытывают такую симпатию к маленькому и быстрому паучку на длинных ножках? Во-первых, его название по написанию и звучанию очень похоже на иероглиф «радость», во-вторых, его паутина напоминает восьмигранник *ба-гуа* (八卦) с древними символическими триграммами.

Иногда паучков сажали в серебряные коробочки, чтобы утром проверить: сплел ли он паутину, станет ли владелица коробочки искусной мастерицей?

На юге Китая принято ставить на столик во дворе у входной двери семь стаканов с чистой водой, ароматные цветы и бахчевые, а также собственноручно расшитые цветами туфельки из шелка, наволочки с вышитыми мандариновыми уточками, юбки с вышитыми гранатами, детские шапочки с головой тигра, мешочки для ароматной травы, украшенные вышитыми лотосами и другие работы.

Плетеные изделия мастериц, детские игрушки, вырезки из бумаги тоже являлись предметом гордости мастериц: пусть смотрят, любят и оценивают и сама Ткачиха, и родственники, и друзья, и соседи. Пусть высказывают свое мнение, разнося славу. Каждая девушка надеялась привлечь внимание молодых людей своим искусством, чтобы превзойти в их глазах других невест. Так целые улицы превращались в экспозицию произведений искусства.

В старину говорили: «три дня не поработаешь руками, и они станут неловкими; три дня не почитаешь вслух, и рот станет косноязычным» (三天不动手生三天不念口生). И еще одна пословица: «в первый раз пытаешься — ничего не получается, во второй раз попробуешь — станешь более умелым, в третий раз сделаешь попытку — почувствуешь себя мастером» (一回生二回熟三回巧). Так что трудились девушки неустанно, и чужим опытом не пренебрегали.

Интересный обычай в праздник «двойной семерки» — изготовление милых кукол *мо-хэ-ло* (魔合罗). У них есть не менее девяти других названий (摩诃罗, 摩合罗, 摩孩罗, 摩侯罗, 摩喉罗, 摩眠罗, 磨

喝乐, 磨合罗, 魔侯罗), но синолог сразу поймет, что все они — не китайского происхождения. Обычай пришел из Индии, и на санскрите название куклы звучит «mahākala». Китайцы же всегда сокращают количество слогов в иностранных словах, значительно искажая их.

Куклу делали из дерева, глины, слоновой кости или воска — это зависело от достатка семьи. В праздник ими любовались девушки, используя, как атрибут, символизирующий деторождение, а потом они доставались какому-нибудь ребенку в качестве игрушки. Не мог праздник любви и женского мастерства в рукоделии обойтись без молений о хорошем муже, доброй свекрови, многочисленных сыновьях.

Интересна театрализованная игра, когда семь девушек, собравшись во дворе под лунной, завязывали глаза платком, поднимали лицо к небу и пытались, мысленно вопрошая Ткачиху и Волопаса, увидеть свое супружеское будущее, а затем рассказывали окружающим о своих видениях. Конечно же, они ничего не могли увидеть на небе, зато оживали причудливые иллюзии и фантазии.

И последний атрибут праздника — слоеные лепешки с кунжутом *ци-цяо-го* (乞巧果), жареные в масле, сладкие, хрустящие. Повсюду на улицах продавались и другие лакомства из муки: жареные в патоке (油面糖蜜), «смеющиеся сытники» (笑灰儿), фигурные лепешки (果食花样).

Как мы помним, ночью двойной семерки на жертвенные столы выставляли бахчевые плоды, при этом арбузы и дыни украшали резьбой в виде цветов, птиц и называли их «цветочными», «узорными» (花瓜).

Однако обычаи, связанные с лакомствами в этот праздник, в разные времена менялись. Например, при династии Вэй готовили вареные лепешки, вареную лапшу (汤饼), в период Тхан лакомились лепешками с насечками (斫饼), во времена Южной Сун — плодами в вине (酒果) и жареными блинчиками. Жившие при династиях Мин и Цин предпочитали блюдо из риса *ло-хоу-ло-фань* (罗喉罗饭), «прекрасный пейзаж с западной вершины» (西峰秀色), «банкет в седьмую ночь» (七夕巧筵). Что кроется под этими поэтичными названиями — трудно сказать.

Конечно же, в этот день не принято работать с иглой, — шить, вышивать, или прясть нити, ткать, ибо кто же осмелится взяться за иглу, когда с неба смотрит на тебя сама Ткачиха?

Волопас и Ткачиха

Астрономия и Кхуй-син

В эту ночь на небе можно увидеть белую полосу с севера на юг, похожую на Серебряную реку. Звезда Ткачихи сияет на востоке от реки. Рядом с ней — четыре небольшие звезды, напоминающие ткацкий станок. Звезда Волопаса находится к западу от реки, как раз напротив Ткачихи и светит не менее ярко. Перед Волопасом и позади него — две звездочки, как будто пастух несет коромысло с детьми.

Более трех тысяч лет назад в произведении Ши-цзин, в Малых одах, уже встречается упоминание об этих звездах:

Далекий космос, в нем колышется широкая река из серебра,
Вода — без волн, как будто светлое зеркало.
В работе целый день снует челнок в руках у Веги,
Но как ей трудно мыслить о работе
И создавать цветные облака, что легче пуха...
Она взирает на сияющего Альгаира,
Но переправиться не суждено к нему.

7-го числа 7-ой луны отмечают еще один праздник — день рождения господина Кхуй-сина (魁星爷). Кхуй-син (иногда это имя записывают иероглифами 奎星) — первая звезда Большой Медведицы, одна из семи в созвездии Северного Ковша *Бэй-доу* (北斗星). Звезду почитают, как божество, как гения-покровителя литературы и культуры (гений Кхуй), которого в иконографии принято изобра-

жать, подбрасывающим ногой Ковш, а также как духа-покровителя ирригации и военных походов против тиранов. Так еще называют первого кандидата, сдавшего экзамен на степень *цзинь-ши*.

В этот день повсюду в Китае сооружали башни или павильоны Кхуй-сина, где люди молились ему.

Китайцы во время застолья часто развлекаются *хуа-цюань* (划拳), т. е. игрой на пальцах, когда надо угадать суммы пальцев, выброшенных обоими играющими. На русский эту игру принято переводить как «приказ». Любители такого развлечения, упоминая цифру «пять», нередко говорят «у-кхуй-шоу» (五魁首), что значит «пять первейших». При этом сами они, скорее всего, понятия не имеют, что эта фраза означает на самом деле.

А вот в старые времена интеллигенты были непосредственно «связаны» с ней. Фраза «у-кхуй» означала то же, что и «у-цзин-кхуй». *У-цзин* (五经) — это «Пятикнижие» конфуцианского канона, пять классических произведений «И-цзин», «Шу-цзин», «Ши-цзин», «Ли-цзи» и «Чжунь-цю». «Кхуй» означает «главный», «шоу» — «первый».

Что касается господина Кхуй-сина и его отношения к государственным экзаменам на получение ученой степени (科举功名), то в народе рассказывают такую легенду.

Господин Кхуй-син родился чрезвычайно уродливым. Все лицо покрывали оспины и бородавки, да еще он удался колченогим. Люди над ним часто насмехались. Но воля, дух и целеустремленность Кхуй-сина оказались удивительными. Он с детства отличался трудолюбием, а учился так, что в классе не было ему равных.

Став взрослым, Кхуй-син лучше всех сдал экзамены на степень *цзинь-ши*. Когда его экзаменовал сам император во дворце, он стал умышленно высмеивать уродливого соискателя:

— Почему, интересно, у вас на лице так много оспинок?

Тот ответил:

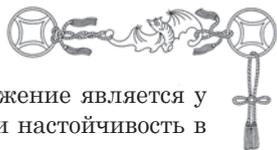
— У всех рябых лицо напоминает небо, полное звезд!

— А нога почему хромая?

— Потому что я на одной ноге перепрыгнул Ворота дракона! — ответил Кхуй-син.

В Китае с древности существует образное выражение «проскочить через Врата дракона», которое означает «получить ученую степень». Кхуй-син оказался столь успешным в учебе, что хотел подчеркнуть, как легко ему удалось сдать экзамены — «на одной ноге перепрыгнуть».

Бытует сказание, что карпы, обитающие в Хуан-хэ (Желтой реке), стремясь к нерестилищу, плывут против течения, преодолевая невероятное сопротивление. Считается, что если кому-то из них удастся, выпрыгнув из воды, перепрыгнуть мифические Ворота дракона, то

они и сами превратятся в дракона. Данное выражение является у китайцев метафорой, характеризующей усердие и настойчивость в достижении цели.

Ворота дракона

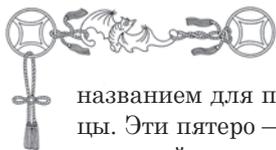
Император понял, что перед ним не только одаренный, но и находчивый человек, и записал его имя в список победителей.

Есть и другая легенда. Согласно ей, несмотря на великолепные знания и образованность соискателя, Кхуй-сину не удалось сдать экзамены. Он делал несколько попыток, и когда провалился в последний раз, бросился в реку, чтобы покончить с несчастной жизнью. Его спасла гигантская рыба *ао* (鳌鱼) и за его таланты отправила на небо, превратив в Кхуй-сина, духа-покровителя литературы. Иногда эту рыбу называют черепахой *ао*.

Древние верили, что Кхуй-син ведает судьбой любого интеллигента, а соискатели должностей считали его покровителем ученых людей, поэтому многие из них держали в гостиной своего дома статуэтку или портрет этого духа.

С одной стороны, они поступали так, чтобы обеспечить себе защиту и покровительство во время экзаменов, с другой — чтобы похвастать перед гостями, что в их доме «витают ароматы книг», и что многие поколения в семье поддерживают литературные традиции.

Во многих храмах Китая есть статуи этого божества с красными волосами, голубым лицом, выпученными глазами, обнаженными клыками, со вздутыми мышцами и ущербной ногой. Его размещают, как правило, среди Пяти *вэнь-чхан* (五文昌), что является общим

названием для пяти (из семи) звезд в созвездии Большой медведицы. Эти пятеро — Господин блестящий литератор (文昌帝君), Божественный повелитель в красных одеждах (朱衣神君), один из Восьми бессмертных Люй Дун-бинь (吕洞宾), Священный экзаменатор (文衡圣帝) и военачальник царства Шу эпохи Троецарствия Гуань Гун (关公).

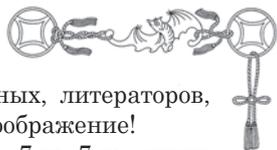
Чтобы скрыть хромоту любимого святого, его изображение в глине опирается правой большой ногой на рыбу (черепаху) *ао*, а левая нога наступает на звезды. Вся фигура его немного сгорблена. В правой руке он держит кисть, в левой — сосуд с тушью.

В период правления династий Тхан и Сун на ступенях, ведущих в императорский дворец, в самой середине, вырезали изображения дракона и черепахи *ао*. Тот из соискателей, кто получал степень *цзинь-ши* (进士), во время церемонии должен был стоять на нижних ступенях, встречая объявление о результатах, а тот, кто получал *чжуан-юань* (状元), т. е. становился первым из сильнейших, согласно правилам, вставал на голову черепахи.

В период Мин во время подобной церемонии соискателей усаживали в особом павильоне с наклеенной справа картиной с изображением Кхуй-сина. А во дворе, где проходили экзамены, желающим продавали маленькие глиняные статуэтки этого божества. Первоначально, когда появилась система подобных экзаменов, претенденты на чиновничью должность надеялись лишь на судьбу и везение, но позже образованные люди 7-го числа 7-ой луны стали поклоняться господину Кхуй-сину, надеясь и на его помощь.

Еще более удивительна связь Кхуй-сина с лягушкой. Во многих местах Китая, поклоняясь божеству, помогающему на экзаменах, ученые покупали лягушку и тут же отпускали ее на волю. Почему? В старину иероглиф 魁 писали иначе — 奎 (созвездие Кхуй), а поскольку иероглиф «лягушка» писался похоже, но с добавлением слева элемента «лягушка» (蛙), то, покупая лягушек и отпуская их на волю, люди своеобразно поздравляли божество с днем рождения. Естественно, в этот день существовал запрет на употребление этих земноводных в пищу — это явилось бы проявлением неуважения.

Постепенно написание 奎 заменили на 魁, потому что эти иероглифы являются омофонами. В свое время, когда люди одушевили звезду, оставалось придать ей определенную внешность. Недолго думая, люди взяли за основу написание иероглифа 魁. Опираясь на левую часть, которая означает «дьявол» (鬼), представили его в виде урода со страшным лицом и хромой ногой. Правая часть иероглифа — слово «емкость», «чаша», «сосуд» (斗), поэтому в левой руке покровитель держит сосуд с тушью. Осталось добавить в пра-

вую — кисть. Вот и получился покровитель ученых, литераторов, образованных людей. Вот уж, поистине, богатое воображение!

Поклоняясь Кхуй-сину в его день рождения 7-го 7-го, люди вырезали из бумаги его изображение размером 2 *чшы* в высоту и 5–6 *цхуней* в ширину, с голубым лицом и красной кистью в правой руке. На столике для жертвоприношений непременно должна присутствовать голова барана с рогами. Голову отваривали, рога оборачивали красной бумагой и укладывали на блюдо. Остальные подношения — на усмотрение поклоняющихся: чай, вино, цветы...

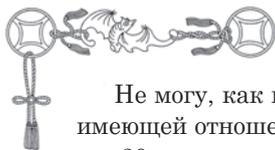
Молились ему ночью, при свечах и луне, как и Ткачихе с Волопасом. После моления, еды и развлечений люди сжигали бумажное изображение.

Среди развлечений существовала, например, игра «добиться ученой степени» (取功名). Брали три засушенных плода: драконий глаз, фундук и арахис, которые символизировали трех первых кандидатов, выдержавших дворцовые экзамены (鼎甲): *чжуан-юань* (状元), *бан-ень* (榜眼) и *тхань-хуа* (探花). Один человек выбрасывал три сухих плода на стол, и они произвольно катились, останавливая свое движение перед кем-то из участников игры и, соответственно, тот становился победителем.

Для девушек важнее всего считалось удачно выйти замуж; для мужчин — сдать государственные экзамены; но и у старых, и бедных, и богатых тоже имелись свои желания, и они загадывали их этой ночью Ткачихе, Волопасу и Кхуй-сину. Причем, считалось, что загадывать можно лишь одно желание, притом, — три года подряд, и только тогда оно сбудется.

Кхуй-син

Не могу, как коллекционер, не похвастать прелестной вещицей, имеющей отношение к Ткачихе и Волопасу. Ее удалось приобрести лет 20 назад, когда на блошинных рынках еще можно было откопать подлинные шедевры крестьянских мастеров. Речь идет о небольшом панно из твердой породы дерева, на котором вырезаны несчастные супруги. Между ними — волны реки и четыре сороки. У Волопаса (его иногда называют еще Пастухом) в корзинах на коромысле сидят дети, мальчик и девочка.

Меня поразили красота и изящество работы, но известных героев я в них не признала, потому что на тот период не слышала варианта легенды, в которой упоминались бы корзины. Вот как важно читать много и, в свою очередь, представлять читателям несколько версий известных сказаний.

Следующий праздник, если соблюдать последовательность, отмечают 15 числа 7-го месяца, — праздник голодных душ. Но мы отнесли его к трем печальным праздникам мертвых и рассказали о нем в начале книги.

Праздник Середины осени — Чжун-цзю цзе

Висит в вышине нефритовый заяц-луна.
Вечной тоскою душа полна.
Только одно желание иногда оживает во мне:
Яшмовой плетью — чтобы мчался быстрее —
Гнать-торопить доброго скакуна...
Нет, уже никогда туда, где красавица ждет одна,
Мне не примчаться на быстром коне.

Гуань Хань-цин

Перевод И. Смирнова

История праздника

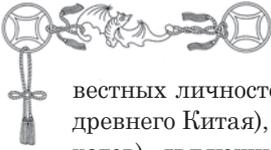
Последний из трех великих праздников, *сань-да цзе-жи* (三大节日) — праздник Середины осени, или праздник Лунной лепешки. Какое вкусное название! Иногда по-русски эти кондитерские изделия называют лунными пряниками. Но при слове «лепешка» представляешь что-то вроде мусульманского хлеба, при слове «пряник» — только наши, русские, пряники.

Однако это китайское изделие ничего общего ни с тем, ни с другим не имеет. Это круглые, величиной чуть меньше ладони, и пухленькие, сантиметра три-четыре толщиной, печеные в формочках изделия из муки с начинкой.

Главное — они всегда круглые, так как являются символом Луны. Китай — страна огромная, поэтому и рецептов приготовления этих лепешек множество, но есть три основных: пекинский, сучжоуский, гуандунский.

Я бы, скорее, назвала их песочными пирожными, однако перевод слова *бин*, как «лепешка», — более точный. Так что не стану нарушать традицию.

Где бы их ни изготавливали, сверху непременно делают узор в виде оттиска. Это, прежде всего, благожелательные иероглифы «счастье», «карьера», «долголетие», «радость», но могут быть и целые фразы, названия произведений, связанных с Луной, или имена из-

вестных личностей, героев. Например, «Си Ши» (одна из красавиц древнего Китая), *ло-хани* (пришедшие с буддизмом 18 *ло-ханей* (архатов), являющиеся заместителями Будды на Земле), «Ласточкино гнездо с озера Си-ху», «Феникс и Дракон», «Млечный путь», «Жемчужное море», «Чхан Э сбежала на Луну», «Дун-пхо улетел к ясной Луне» (поэт Су Дун-пхо) и др.

Начинку делают не только сладкой, из традиционных красной фасоли, фиников и орехов, сладкого целого яичного желтка (он же — символ луны), но и — соленой: мясо, окорок...

Должна признать, что еще не встречала иностранца, которому бы эти лакомства пришлись по вкусу. Насколько вкусна китайская кухня вообще, настолько несъедобны их сладости, в том числе и лунные лепешки. Сами-то китайцы привыкли к ним с детства, поэтому очень любят.

Но если говорить о внешнем оформлении, то это, конечно, настоящий праздник! Задолго до Середины осени все магазины украшены этой продукцией: в упаковке и без, в картонных и металлических коробках, в больших и маленьких, дорогие и дешевые — на любой вкус.

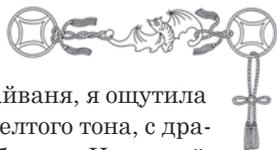
Причем, упаковка, порой, — настоящее произведение искусства по оформлению и красочности, — намного интереснее, чем содержимое. Однажды мне удалось сфотографировать лепешку диаметром не меньше метра! Наверное, рекламный вариант.

Впервые я убедилась в том, что лунные лепешки все же могут быть вкусными, в 2000 году, когда Российский консул в Пекине Володя Потапенко подарил мне коробку этого лакомства, привезенного с Тайваня.

Именно там, где китайцы волею судьбы отделены от материковой родины, особенно ценят и берегут свою культуру, кропотливо собирая любую деталь, любую крупиночку своей древней истории. Они умеют всему старому придать легкий налет современности, да так, что очарование сути не исчезает, а предмет становится человеку ближе, понятнее и привычнее.

Китайцы — настоящие специалисты по упаковке, очередное подтверждение этому я получила, когда побывала на выставке в императорском дворце Гу-гун. Там были представлены образцы старинных упаковок, сколь удивительных, столь и прекрасных.

Лунные лепешки тоже ежегодно поражали меня разнообразием и красотой упаковок. Но содержание, на мой вкус, никогда не соответствовало великолепному оформлению.

На этот же раз, когда получила угощение из Тайваня, я ощутила праздник в доме уже от самой коробки, приятно желтого тона, с драконами, парящими в разноцветных, благовещих облаках. И желтый цвет, и драконы символизировали императора, но, думаю, даже сам император никогда не отведал такого лакомства.

Поднимаешь крышку, а под ней — еще одна в виде двух створок двери. Чтобы открыть их, надо развязать две желтые ленточки, и тогда твоему взору предстанут сами лепешечки, упакованные в крошечные картонные коробочки, раскрашенные так же, как и большая, и уложенные на желтом шелке.

Но, оказывается, у этой коробки-шкатулки есть еще и выдвижной ящичек, где на желтом атласе выложены еще более крупные и вкусные лепешки — с двухслойной начинкой.

На самих лунных пряниках, аппетитно-золотистых, рельефно вытеснены драконы, и если лакомство надкусить, то окажется, что слой теста — тончайший, все же остальное — фруктово-клубничная начинка. Настоящий кулинарный шедевр!

Праздник Середины осени насчитывает более двух тысяч лет, о нем есть записи во многих древних произведениях, например в «Книге установлений» Конфуция, в «Установлениях эпохи Чжоу» и др.

Согласно лунному календарю, осень делится на три месяца:

ОСЕНЬ

мэн-цю **чжун-цю** *цзи-цю*

Именно второй месяц осени, или восьмой месяц в году, *чжун-цю* (中秋) — середина осени, а если еще точнее, то он делится на две половинки, «белую росу», *бай-лу* (白露), и «осеннее равноденствие», *цю-фэнь* (秋分); начало *цю-фэнь* и является серединой восьмого месяца, то есть 15-е число 8-го месяца по лунному календарю.

чжун-цю
бай-лу *цю-фэнь*

Отсюда и название — праздник Середины осени, Чжун-цю (中秋), либо, по названию восьмого месяца по крестьянскому календарю, — Чжун-цю (仲秋): звучание одинаковое, но иероглифы разные.

С древности повелось, что рано утром в середине второго месяца весны проводились торжества поклонения Солнцу с жертвоприношениями, так как этот день называется днем весеннего равноденствия.

ВЕСНА

*мэн-чхунь чжун-чхунь цзи-чхунь
цзин-чжэ чхунь-фэнь*

А в середине второго месяца осени поклонялись Луне. Сначала эти церемонии проводились лишь императорами, затем — специальными чиновниками, а позже обычай стал всенародным. Этот праздник имел как бы три аспекта:

цзи юэ — жертвоприношения Луне;

бай юэ — поклонение Луне;

шан юэ — любование Луной.

* * *

Четкие, конкретные традиции сформировались приблизительно в период правления Тхан, и рассказывают, что этому способствовала некая таинственная история, приключившаяся с императором Сюань Цзуном (это ему принадлежала одна из четырех красавиц древности Ян *гуй-фэй*).

Рассказывают, что однажды, а это совпало с 15 днем 8-го месяца, некий даос по имени Ло Гун-юань прогуливался по саду во дворце, сопровождая императора. Светила Луна, и оба решили полюбоваться ею. Луна была прекрасной, необычайно круглой, серебристой и яркой, и Сюань Цзун сказал безо всякой задней мысли:

— Если бы хоть раз в жизни довелось побывать на Луне, в лунных чертогах, — вот где красота-то, наверное!

— Вы действительно хотите оказаться на Луне? — спросил даос.

Как известно, настоящие даосы, посвятившие самосовершенствованию десятки лет, подобно современным экстрасенсам, могли творить чудеса. Им ничего не стоило вызвать ветер, дождь или перелететь по воздуху. Однако император подумал, что Ло Гун-юань шутит и просто улыбнулся, не ответив.

— Говорят, там живет прекрасная фея Чхан Э... Увидеть бы ее, действительно ли хороша? И вина бы отведать коричневого... на земле, говорят, нет такого, — продолжал фантазировать император.

— Если Ваше величество мечтает о таком, для меня нет ничего проще, — отозвался даос.

Он пробормотал какие-то заклинания, затем прочертил в воздухе перед собой посохом, и оба вдруг увидели широкий серебристый мост, ведущий прямо к Луне.

Долго ли они шли по мосту, — Сюань Цзун не помнил, — он потерял ощущение времени. Однако вскоре они почувствовали

прохладное дуновение, затем ощутили необыкновенный аромат цветущей корицы и увидели прекрасный дворец.

Перед дворцом росло невообразимой величины коричневое дерево, цветы которого и распространяли божественный запах. Под деревом сидел белый заяц и разминал в ступе лекарственные компоненты. Над дверями дворца красовалась надпись: «Палаты вечной прохлады».

Вокруг росли удивительные цветы и нефритовая трава. Весь пейзаж казался необыкновенно изящным и красивым, с яшмовыми дворцами и хрустальным воздухом. Во всех строениях — резные балки и колонны из драгоценных камней.

Около сотни фей в белоснежных легких платьях из яшмовой кисеи порхали над водой бассейна, будто танцевали на зеркальной глади. До ушей императора донеслась прекрасная мелодия, и он стал внимательно слушать, так как являлся большим знатоком и ценителем музыки.

И тут появилась сама богиня Луны Чхан Э в сопровождении свиты из множества фей, которые тут же начали танцевать для гостей. Вышел навстречу и У Ган (吳剛), небожитель, обитающий на Луне, который поднес гостям чаши с вином из корицы.

Очарованный танцем и необыкновенной музыкой, Сюань Цзун спросил, как она называется, и Ло Гун-юань ответил:

— Это мелодия «Облачение из радуги и пуха».

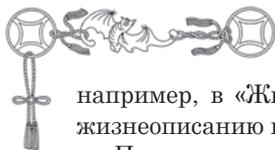
Император долго слушал, чтобы как следует запомнить такое красивое сочетание звуков. Осмотрев все в Лунном дворце, Сюань Цзун посмотрел вниз и увидел далеко, далеко, в клубящемся воздухе, родную землю. Монах с помощью волшебного посоха вместе с императором вернулся туда, к людям. Во время приземления император почувствовал удар и проснулся. Он обнаружил себя сидящим в беседке, а рядом стоял даос, лукаво улыбаясь.

— Мне приснилось, что я побывал на Луне, — удивленно воскликнул монарх.

— А разве Вы не запомнили Лунную мелодию? — еще шире расплылся в улыбке старик.

Так и не понял император, греза это была или действительность. Однако музыка осталась в его душе. Он тут же пригласил придворных музыкантов, и они стали записывать ее, а Сюань Цзун все время вносил исправления, пока не убедился, что все записано верно. Так чудесная музыка стала улаживать слух и людей на земле.

Позже известный поэт Бай Цзюй-и в стихотворении «Песнь вечной печали» упоминал и эту мелодию, а саму историю, приключившуюся с императором, описали во многих произведениях той эпохи,

например, в «Жизнеописании небожителей» и в «Дополнениях к жизнеописанию небожителей».

Причем, в некоторых книгах в качестве проводника упоминался не Ло Гун-юань, а даос Чжан Го-лао, один из знаменитых Восьми бессмертных, в других — бонза Е Фа-шань, однако содержание легенд везде примерно одинаковое.

***

Как видим, уже в эпоху Тхан существовал один из аспектов праздника — любование Луной. В следующую эпоху (Сун) этот день праздновали еще более широко. Люди группами, по три-пять человек, собирались в чайных и винных заведениях, которые располагались довольно высоко, так что приходилось подниматься, как на террасы, по многочисленным ступеням. Попивая из крошечных, с наперсток, чашечек подогретое вино либо чай, любовались Луной, которая была хорошо видна, так как эти заведения, учитывая жаркий климат, строились без стен, в виде павильонов и беседок.

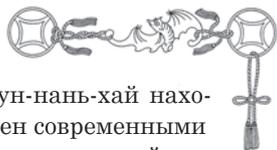
Пейзаж вокруг очаровывал: в темноте вился ароматный дымок из курильниц, расставленных повсюду, ветер доносил звуки музыки, исполняемой на губном органчике. Казалось, и дым, и мелодия уносятся за облака.

***

В Чжун-нань-хае — «Запретном городе» в Пекине, где живут и работают высшие руководители КНР, до сих пор есть несколько древних павильонов, выходящих открытым фасадом на водную гладь озера Чжун-нань-хай и используемых для любования осенней Луной. В ноябре 1998 года, когда в Пекин с очередным визитом прибыл президент России Борис Ельцин, в самом известном из них состоялась встреча между членами семей председателя КНР Цзян Цзэ-миня и Бориса Ельцина.

Встреча проходила вечером, когда все вокруг погрузилось в полумрак, на пепельно-синем небе выделялась ярко-голубая луна, протянувшая серебристую дорожку прямо к фасаду старинного павильона, внутри которого удобно сидели Борис и Наина Ельцины, их дочь Татьяна, а также Цзян Цзэ-минь с Ван Сюэ-пхин и их самые близкие родственники.

Эффект лунной тропы был настолько потрясающим, что, казалось, от Луны протянулся световой мост через водную гладь Чжун-нань-хая прямо к сидящим в павильоне китайским хозяевам и российским гостям.

Впечатление усиливалось еще и тем, что Чжун-нань-хай находится в самом центре китайской столицы и окружен современными постройками, высотными домами, освещенными причудливой иллюминацией экзотической рекламы. Однако расположение павильона настолько удачное, что здесь, в центре «Запретного города», не видно ни одной высотной постройки, ни единого блика современной рекламы.

Все вокруг погрузилось в какой-то таинственно-зачарованный древний полумрак, в котором оставались только висящая в небе Луна, серебряная лунная тропа, и сидящие у ее начала Ельцин и Цзян Цзэ-минь. Очарованный Ельцин поднялся с кресла и вместе с Цзян Цзэ-мином подошел к краю берега. Оба руководителя, полюбив друг друга, несколько минут стояли у начала лунной тропы, любуясь красотой пейзажа и подняв свободные руки в направлении мерцающей Луны. Все это происходило в ноябре, когда праздник Середины осени остался позади, однако ночное светило все еще сохраняло свою волшебную привлекательность. В праздник же Середины осени все выглядело еще более прекрасным и торжественным.

***

Когда наступал этот праздничный день, дети играли, веселились всю ночь напролет, городские улицы заполнялись людьми, гуляющими до самого рассвета. В столице того времени городе Дунцзине во всех питейных заведениях украшали двери, вывешивали разноцветные фонари, декорировали вывески, чтобы создавать радостную атмосферу.

Продавалось только самое лучшее вино, танцевали красивые девушки, слышалось пение. Повсюду на улицах, несмотря на ночное время, продавались свежие цветы и прекрасные фрукты. Царило необыкновенное оживление в течение суток — днем и ночью, с 14 на 15 число, пока не начнут пятый раз бить в барабаны, отмеряя время суток.

Поклоняясь Луне, следовало обязательно воскуривать ароматные палочки, каждый при этом загадывал свое желание. Мужчины мечтали попасть поскорее в лунный чертог (по-китайски звучит «чертог жабь», потому что Луну в древности называли еще и серебряной жабой), взобраться повыше на волшебное коричневое дерево. А женщины мечтали выйти замуж за того, кто им нравится, чтобы стать счастливыми в супружестве.

А поскольку Луна по китайской философии относится к мрачному, женскому началу *Инь*, то существовала и определенная очередность поклонения. В некоторых местах обряд сначала соверша-

ли женщины, затем — мужчины, а в других местностях мужчинам вообще запрещалось это делать. Были установлены правила: «мужчины не поклоняются Луне, женщины не приносят жертвоприношения Цзао-вану», т. е. Богу домашнего очага, так как огонь — *Ян*, мужское, яркое, горячее начало.

Легенды о празднике

По-настоящему этот праздник проник в гущу народа, стал всеместным, обязательным и популярным после династии Юань. Внук Чингис-хана Хубилай основал монгольскую династию Юань (1271–1368), и основной частью территории этого государства стал Китай, который монголы окончательно покорили в 1279 г.

Монгольские помещики и скотоводы-кочевники, управляя Китаем, эксплуатировали и своих соотечественников, но по отношению к китайцам, покоренным ими, вели себя особенно жестоко. А для того, чтобы предотвратить смуту, на каждые 10 дворов-семей назначали одного монгола, главу-надсмотрщика, который строго следил за вверенными ему людьми и не разрешал им в сельскохозяйственном труде использовать металлические орудия; под запрет попали даже обычные кухонные ножи. На десять семей разрешалось иметь лишь один нож для резки овощей.

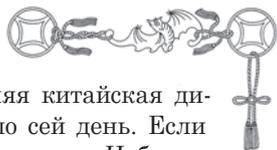
Описать все притеснения и издевательства невозможно. Да плюс — стихийные бедствия, наводнения, от которых постоянно страдает юг Китая. В результате народ дошел до отчаяния и уже не мог безропотно сносить притеснения. Во многих местах возникли сопротивленческие настроения, но как при таком надзоре объединить всех, скоординировать, назначить общее время выступления?

Решили воспользоваться старой традицией. Житель города Тхай-чжоу, работник почты, Чжан Ши-чхэн написал несколько записок с призывом уничтожить династию Юань: «15 числа 8-го месяца поднимемся все, как один», и положил их в лунные лепешки, т. е. приближался праздник.

Соседи, прочитав послание, по его примеру стали запекать такие записки в лепешки и угощать своих знакомых. Так состоялось оповещение огромной массы людей. Вечером 15 числа, отведав традиционное лакомство, население Китая выступило против ненавистных правителей, вооружившись кухонными ножами.

Вот только главным героем, зачинщиком восстания называют то Чжу Юань-чжана, то Лю Бо-вэня — точных сведений об этом нет.

***

Во время правления династии Мин (последняя китайская династия) построен храм Луны. Он существует и по сей день. Если посмотреть на карту Пекина, то на юге расположен храм Неба, на севере — храм Земли, на востоке — храм Солнца, на западе — храм Луны, где совершалась церемония жертвоприношений Луне императорским домом.

Каждые три года император лично приезжал сюда, чтобы поклониться духам Луны. А в промежутках между его посещениями в храм для совершения обряда прибывали назначенные для этого чиновники.

В народе существует множество красивых легенд, объясняющих происхождение праздника поклонения Луне. Вот одна из них.

Сотни лет назад жил пастух, который с детства работал на помещика. Каждый день он старался изо всех сил, к вечеру смертельно уставал, и так пролетело двадцать лет. Однако пастух оставался без гроша за душой, не обзавелся он и семьей.

Однажды он серьезно заболел, и так как работать уже не мог, помещик буквально вытолкнул его из дома пинками. Произошло это в середине восьмого месяца.

У бедолаги не стало ни дома, куда бы он мог вернуться, ни какого другого угла. Прилег он под деревом корицы, что росло у склона холма, и печально устремил взгляд на яркую Луну.

Вдруг он увидел, как из Лунного дворца вышла небожительница и стала на облаке спускаться на землю. Когда она оказалась рядом, пастух поразился ее красоте и изяществу.

Расспросив, что за беда приключилась с молодым человеком, она плавно повела рукой, при этом ее длинный рукав из нежной ткани словно описал круг в танце, и рядом появились хижина из камыша с участком поля, посуда, утварь, а также мотыги и другие крестьянские орудия.

Изумленный пастух не верил своим глазам. С тех пор он стал вести крестьянский образ жизни: обрабатывал землю, засаживал ее, собирал урожай. Он чувствовал себя счастливым.

История эта распространилась вокруг, и ежегодно в этот день местные жители стали выходить ночью из домов, расставляя угощения, предлагая их Луне, в надежде, что «небесные ворота» вновь откроются, и лунная девушка одарит их своей милостью. В то время распространилась даже поговорка: «небесные ворота открываются 15 числа восьмой лунь».

Обычаи и суеверия

Существовал обычай дарить детям в этот день зайца. Возник он в поздние годы правления Мин и еще шире распространился в эпоху Цин. Согласно легенде, на Луне живет нефритовый белый заяц (玉兔), который, стоя на задних лапках, как человек, неустанно работает пестиком, что зажат в передних лапках, растирая в ступе волшебное снадобье.

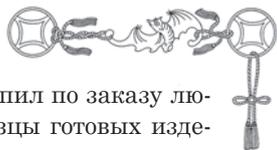
Дети большую часть времени проводили с матерями и всегда подражали им, чем бы те ни занимались. Поэтому, когда женщины поклонялись Луне, детям давали глиняные фигурки зайчиков, чтобы и они могли, как их матери, поклоняться лунному зайцу. Дети вежливо называли его «господином Зайцем» (兔爷).

Взрослые обычно покупали картинки из бумаги, на которых в верхней части изображался Будда лунного света, сидящий на цветке лотоса, а в нижней — Лунный дворец, и перед ним — работающий «господин Заяц». Перед картинкой ставили стол-алтарь с цветами, угощением и ароматными палочками. А после воскуривания благовоний *фэнь-сян* (焚香) и молитв с поклонами *дао-чжу*, *ци-дао* (祷告, 祈祷) эту картинку сжигали. Глиняный зайчик, которого дарили детям для совершения церемонии, выглядел очень нарядно и торжественно: нежная белая мордочка, накидка в виде боевого халата, на голове — золотистый шлем. В левой лапке — ступка, в правой — пестик, за спиной — маленькое знамя.

Креслице, на котором он сидел, обычно украшали изображениями львов, тигров, цветов дикой сливы, оленей или верблюдов. Иногда его сажали не в кресло, а на яшмовую подставочку в виде цветка лотоса. От легкого ветерка он слегка покачивался и от этого казался детям волшебным. После обряда поклонения зайчик становился обычной игрушкой.

Я много прочла об этих фигурках-игрушках, о том, как легко было купить их еще совсем недавно, и очень сожалела, что теперь их почти нет в продаже. Но в последнее время китайцы стараются возрождать старые традиции, вспоминать древние обычаи. Ведь именно этим — древней культурой — Китай интересен иностранцам.

Много лет назад в только построенном огромном торговом центре на улице Ван-фу-цзинь (говорят, на средства гонконгских предпринимателей) появились народные умельцы, различные мастера, собирающие огромные толпы любопытных, наблюдающих за их работой.

Один из них, очень артистичный мужчина, лепил по заказу лубые фигурки из теста. На прилавке стояли образцы готовых изделий, популярных персонажей, но чаще всего зрители заказывали свое изображение. Получались скорее шаржи. А я попросила вылепить мне Лунного зайца, не веря в свое счастье. Затаив дыхание, я следила за каждым движением мастера.

Секрет такого теста передают лишь своим детям, если у них есть желание продолжить дело отца. А вообще подобных умельцев уже мало. Я узнала, что основные компоненты — пшеничная мука, мед, глицерин и еще какое-то средство, препятствующее разложению. Остальное — секрет мастера.

Он изобразил моего зайчика верхом на тигре. На голове — шлем *тхоу-кхуй* (头盔), с завитушками благовещих облаков бело-розового цвета *юнь-до* (云朵), в руках — пестик, *дао-яо чхуй* (捣药捶), перед ним — ступочка, *цзян-я хай-шуй*, которая почему-то называется «обрывистые берега, наполненные морской водой».

У зайца получился свирепый вид воина с черными усами. Вспомнив классические описания, я ревностно спросила:

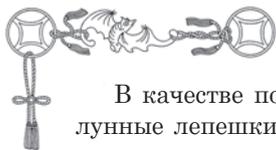
— А где же знамена?

— Ишь, какая, — удивился мастер, — даже про знамена не забыла. Настоящий знаток Китая! — приговаривал он, прикрепляя четыре знамени за спиной зайчика: красное, желтое, розовое и голубое.

При этом не забыл увеличить цену на пять юаней за «дополнительную работу». Древняя культура — культурой, а бизнес — бизнесом.

Для желающих обзавестись таким сувениром сообщаю, что обнаружена еще одно место в Пекине: «Чайная Лао Шэ». Там продают лунных зайчиков, которые изготавливают в расположенном в 170 км от Пекина городе Тхень-цзинь, они делаются из глины и довольно примитивны, так называемый тхеньцзиньский стиль — отсутствие деталей. Но, по моему, это единственная фабрика мастера Чжана, которая изготавливает лунных зайчиков.

Особенно пышно праздник Середины осени отмечался в конце правления династии Цин. Императрица Цсы Си проводила его в летней резиденции, в загородном парке И-хэ-юань. Повара отбирали безупречно круглой формы арбузы, которые разрезались на дольки. Из этих долек составляли лепестки «лотоса», устанавливали на серебряном блюде и подносили духу Луны. Называлось такое блюдо *лень-хуа тхуань-юань гуа* (莲花团圆瓜), «круглый арбуз в виде лотоса».

В качестве подношения выставлялись и самые разнообразные лунные лепешки. После церемонии Цсы Си повелевала разрезать их на маленькие кусочки и угощать всех дворцовых девушек, фрейлин и наложниц.

Цсы Си была очень суеверной и боялась слова *бин* — «лепешка», так как оно похоже по звучанию на слово «болезнь». Поэтому строго запрещалось произносить его, и лепешки называли *юэ-хуа* — «лунными цветами».

В императорских установлениях издавна говорилось, что в этот праздник в качестве жертвоприношения должны выставляться лунные лепешки и безупречно круглые плоды. А так как слово «круглый» имеет еще и другое значение — «объединять», то в народе эти праздничные лакомства символизировали собой «соединение», «встречу после разлуки».

Впервые такие лепешки начали выпекать в эпоху Тхан. В период правления Сун появились более разнообразные варианты, как по цвету, так и по названиям: «лепестки лотоса», «золотой цветок», «лотос» и т. д.

Еще известный поэт Сун Дун-пхо восхищался этим кулинарным изделием, называя его «вкусной луной с начинкой из сиропа и халвы».

И до сих пор во многих местах Китая распространен обычай вечером в праздник жарить лепешки-пирожные, которые называются *тхуань-юань*: одна большая лепешка, а на ней — несколько маленьких. На большой делался оттиск какой-нибудь картинки: «Чхан Э убегает на Луну», «Небесная фея разбрасывает цветы», «Си Ши, опьяненная Луной» и др. сюжетов.

Сначала во дворе выставлялся стол, алтарь с благовониями, вся семья собиралась вместе, поклоняясь Луне, совершая установленный обряд. Затем глава семьи раздавал «жертвенные дары» всем собравшимся, при этом особенно старательно делили большую лепешку, чтобы досталось каждому по кусочку.

Если кто-нибудь из родни отсутствовал, его кусочек посылали ему, либо оставляли, откладывая в сторонку, и это означало, что семья едина, что если соединить все кусочки, образуется полный круг, т. е. соберутся вместе после разлуки. Лепешки дарили также родне и добрым друзьям, выражая тем самым наилучшие пожелания.

Чхан Э, богиня Луны

***

В юго-восточных приморских районах Китая в этот день принято лакомиться засахаренными стеблями *таро*. Рассказывают, что во время правления Мин юго-восточное побережье захватили японцы, которые, бесчинствуя, жгли, убивали, грабили.

Несчастное население не могло справиться с врагом, и тогда император направил на помощь армию во главе с генералом Ци Цзи-гуаном, который и одержал великую победу. Произошло это в праздник Середины осени, и генерал отмечал его вместе со всеми, радуясь заодно и освобождению района от японцев.

Никто и предположить не мог, что недобитые враги не успокоятся. Им всегда не хватало собственных островов, и они постоянно нападали на Китай с целью завоевать чужие земли. Среди ночи они коварно набросились на пирующих, окружив воинов генерала Ци, зажав их в горах.

Прошло несколько дней осады, заканчивалось продовольствие. Японцы надеялись, что воины поумирают от голода в горах, так как никто не мог доставить им пищу. Ци Цзи-гуан отдал приказ усилить охрану, чтобы, улучив момент, прорвать окружение, и отправил группу солдат на поиски диких съедобных кореньев.

Отряд справился с заданием. Они выкопали немало стеблей *таро*. Тогда люди еще ничего не знали об этом растении — ни названия его, ни свойств, просто ничего другого им не попало в горах.

Стебли отварили, попробовали. Вкус оказался очень приятным, и солдаты быстро утолили голод. Предложили и генералу. Тому кушанье тоже понравилось, и он воскликнул:

— Из-за того, что я потерял бдительность, с нами случилось это несчастье. В память о солдатах, попавших в такую беду, предлагаю назвать это растение «встреча с бедой».

В тот же вечер воины, основательно подкрепившись, с неожиданной силой и кличем, прозвучавшим, подобно взрыву, бросились на врагов. Японцы в это время спали, не ожидая нападения; еще не успев очнуться от сна, они были уничтожены почти поголовно.

С тех пор население приморских районов во время праздника Середины осени лакомится и засахаренными стеблями *таро*. Этот обычай призван напоминать, что даже во время праздника, когда вся семья собирается вместе, нельзя забывать о безопасности родины и народа, а не очень благозвучное название «встреча с бедой» было постепенно заменено другим — «таро».

Большинство современных жителей ничего не знают о нападении японцев в те далекие времена, но в праздник Лунной лепешки лакомятся блюдами из *таро*, утверждая, что они символизируют «взаимную зависимость и доверие между матерью и сыном» (母子相依).

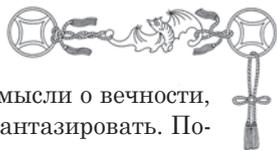
* * *

Эта ночь, середина осени, считалась особенной, ведь собирались все члены семьи, где бы они ни находились. А если кто не мог приехать, то он просто выходил и смотрел на яркую круглую Луну на небосводе, как и все его родственники в этот момент где-то в другом уголке Китая. Глядя на ночное светило, они вспоминали друг друга и таким образом тоже как бы соединялись. Даже женщинам разрешалось оставить на время мужа и навестить родителей, восстановив хоть на время целостность своей прежней семьи.

Подчеркивая самое прекрасное в каждом сезоне, китайцы говорили: «весной — цветы, осенью — луна, летом — облака, зимой — снега».

Еще в древности, в период Восточной Хань, ученый астроном Чэжан Хэн писал в своем труде: «Свет от луны рождается благодаря тому, что она отражает солнце». Это действительно так: 15 числа 8-го месяца по лунному календарю солнечные лучи почти прямо падают на Луну, и она освещает поверхность Земли. Поэтому в эту ночь Луна особенно яркая.

Луна всегда будоражила воображение людей. Солнце приносит тепло и радость, а Луна, висящая высоко в небе, завораживает, ма-

нит, наталкивает на размышления и печальные мысли о вечности, о космосе, вызывает желание философствовать, фантазировать. Почему-то, глядя на нее, люди чаще грустят, чем радуются.

Для китайских поэтов это любимая тема. Например, Ли Бай настолько обожал ночное светило, что и ребенку дал соответствующее имя: Мин Юэ-ну («Раб яркой луны»), а младшую сестру свою он звал Юэ-юань («Круглая луна»). После его смерти люди сочинили легенду: якобы однажды, будучи захмелевшим и плывая на лодке по реке, он не мог глаз оторвать от отраженной в водной глади луны и, очарованный ею, прыгнул в воду, пытаясь поймать это чудо.

Не только для поэтов и людей, связанных с искусством, но и для всего народа Китая Луна стала символом прекрасной мечты, а праздник Середины осени — самым поэтичным, когда вся семья, собравшись вечером на улице, пила вино из цветов корицы, ела пирожные-лепешки, любовалась Луной, радовалась жизни, природе, погоде. Ведь в это время уже прошел зной, а холод еще не наступил. Приятный теплый ветерок доносит запах цветов, а на столе — изобилие плодов.

Если Солнце — жаркое, то Луна — прохладная, считали люди. И сравнивали ее с нефритом — любимым камнем китайцев. И луна — нефритовая, и Лунный дворец — из нефрита, и даже зайчик лунный — тоже из белого нефрита.

Этот камень встречается разных цветов, однако белый здесь ценится больше всего. Его считают магическим, целебным, самым прекрасным. Что из него только не изготавливают: и крошечные валики для массажа лица, и ювелирные украшения, и различные талисманы, амулеты, которые вешаются на грудь на красной шелковой нитке, и самые разнообразные резные изделия, от статуэток до ваз...

Но самой интересной показалась мне накидка на подушку. Это кусок ткани с наклеенными на нее «пуговицами» из нефрита в виде мозаики-узора. Летом в Китае очень душно, жарко. Считается, что нефрит всегда прохладен, независимо от того, какая вокруг температура.

На обычной для нас подушке из пуха или перьев можно «утонуть» от пота. Поэтому летние подушки у китайцев — из фарфора, дерева, бамбука или плетеные из бамбукового лыка, так что внутри — пустота и вентиляция.

А накидка на подушку, покрытая пластинами прохладного нефрита, — один из вариантов для летнего отдыха. Поэтому, по представлениям древних китайцев, и Луна нефритовая, раз она прохладна, в противоположность Солнцу.

Легенды о Луне, фее Чхан Э и стрелке Хоу И

Традиция китайцев любоваться Луной совершенно очаровала меня. До приезда в Китай мне и в голову не приходило вглядеться в ночное небо. Суета, заботы, вечная занятость... Да и странно выглядело бы в Москве выйти ночью на улицу ради общения с природой. Странно и страшно. Правда, можно наблюдать за небом из окна, однако у горожан, видимо, редко появляется такая потребность.

Я знала лишь теоретически, что Луна бывает полной, «молодой» и «старой». В Китае же даже столичные жители знают, когда происходит смена фаз, поскольку всегда ощущают себя частицей природы, потому и праздники, так или иначе, связаны с природными, небесными явлениями.

Ежегодно осенью в праздник Лунной лепешки и для нас, иностранцев, администрация городка, где мы жили, организовывала развлечения. Поздно вечером на спортивной площадке во внутреннем парке накрывали столы со свежими фруктами, причем, наиболее впечатлял виноград: ягоды огромные, черные, безупречно круглые и сладкие. Выступали самодеятельные китайские артисты из службы безопасности и обслуживающего персонала и даже иностранцы — жители нашего городка, что особенно интересно, так как можно заодно познакомиться с самодеятельным искусством представителей многих стран мира.

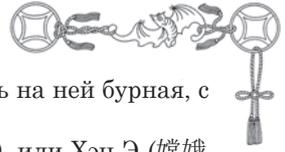
Вокруг веселятся дети не только разных национальностей, но и рас, общаясь между собой на английском языке, ставшем международным. Взрослые все принаряжены, немного взволнованы необычностью праздника.

Потом, после угощения, концерта, развлечений и конкурсов, все любят Луну, запрокинув головы. А она в это время действительно неописуемо красива. Чтобы запомнить эти чудесные мгновения, мы снимали ее видеокамерой, максимально приближая, и казалось, что мы в самом деле видели на Луне силуэт зайчика.

Любование Луной нашло свое отражение даже в архитектуре. Кто посещал Китай, не мог не восхититься дверями, воротами либо окнами абсолютно круглой формы, которые и являются символами Луны.

***

Издавна, любуясь Луной, мечтая, глядя на нее вечерами, люди сочинили множество сказок о ее обитателях. Не может быть, — считали они, — чтобы на такой прекрасной планете никто не жил. Но

в то же время она так холодна, что вряд ли жизнь на ней бурная, с большим количеством обитателей.

Поэтому основные герои сказок — фея Чхан Э, или Хэн Э (嫦娥, 姮娥), одинокая красавица, сбежавшая от мужа, белый зайчик (玉兔), помогающий ей готовить лекарство бессмертия, и У Ган (吴刚), сосланный на спутницу Земли за какую-то провинность.

Самые известные сказания так и называются: «У Ган рубит коричневое дерево», «Нефритовый заяц толчет снадобье», «Чхан Э убежала на Луну».

Сказки об У Гане мне не попадались. Знаю лишь, что жил он во времена династии Хань и был уроженцем Хэ-си (河西), т. е. земель, находящихся к западу от Хуанхэ. Он мечтал стать бессмертным и, покинув дом, отправился к знаменитому учителю постигать даоское искусство.

Дома осталась жена Юань-фу (缘妇), и жилось ей одной очень трудно. Через некоторое время ее взял в жены Бо-лин (伯陵), внук священного императора Шэнь-нуна (神农). Прошло время, и Юань-фу родила Бо-лину трех сыновей, которых назвали Гу (鼓) — Барабан, Ень (延) — Долгий и Шу (受) — Пика.

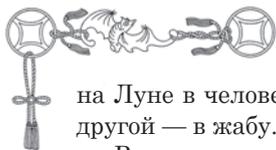
Когда У Ган вернулся через несколько лет и обнаружил такие неприятные для него изменения в семье, он так рассвирепел, что убил соперника. Император Шэнь-нун, страдая без внука, наказал У Гана, велев ему срубить огромное дерево корицы высотой в 500 чжанов, растущее у дворца на Луне, сказав при этом, что как только дерево повалится, тут же закончится и срок наказания.

Однако дерево-то — волшебное, обладающее необычной силой: только У Ган сделает зарубку и поднимет топор для следующего удара, а ствол тут же восстанавливается, и дерево опять целое. Так что У Ган трудится уже несколько тысяч лет.

Есть у него и еще одна обязанность на Луне. Он изготавливает вино из цветков корицы, чтобы и самому развеять тоску, и других угостить. Из-за этого огромного дерева и Луну иногда называют «коричневой луной» (桂月) или «дискон с коричневым деревом» (桂一轮).

Поскольку императорские экзамены в столице сдавали в восьмом месяце, то о соискателях, успешно сдавших на степень *чжуанюань*, иногда говорили «сорвавший ветку коричневого дерева в Лунном дворце» (蟾宫折桂). Поразительно, что преемственность не прерывается: и в современном Китае поступивших в ВУЗ поздравляют такими же словами.

Но что же жена У Гана? Она переживала за супруга, и отправила к нему второго и третьего сыновей, а старшего оставила при себе. Поскольку сыновья по небесным законам не могли оставаться

на Луне в человеческом облике, один из них превратился в зайца, другой — в жабу.

В древности, поклоняясь духу Луны, люди очеловечивали его, а позже появились и имена. Император и его приближенные называли его Дух, светящийся в ночи (夜明之神), даосы величали Звездой жизни и судьбы великой силы **Инь** (太陰星君), а обычные люди — Чхан Э, Лунная девушка (月姑) и даже очень тепло, как родственницу, — сестрица Луна (月姐).

В народе распространено такое пояснение обычая поклонения Луне. В древности, в царстве Ци эпохи Борющихся царств жила девушка с безобразной внешностью по имени У-ень (无盐). С детства она ревностно поклонялась Луне.

Когда она выросла, внешность ее оставалась все такой же отталкивающей. Настала пора, и ее отправили в гарем к князю, однако тому наложница не понравилась. У-ень, согласно правилам, осталась жить во дворце, по-прежнему молясь Луне.

Однажды, а случилось это 15 числа 8-ой луны, князь случайно увидел ее вечером в саду, освещенную лучами Луны, и она показалась князю красавицей. Через некоторое время он сделал ее официальной супругой, княгиней.

Люди решили, что красавицей У-ень стала оттого, что ревностно поклонялась ночному светилу. С тех пор все женщины, надеясь стать столь же красивой, как Чхан Э, поклоняются Луне, как главному женскому божеству.

***

А вот сказка о лунном старце, распространенная в районе Шанхая. Давным-давно Чхан Э выкрала у мужа лекарство бессмертия, выпила его тайком, когда он спал, и улетела в космос, став богиней Луны.

За бесчестный поступок ее наказали навеки: легко ли жить в одиночестве, пусть и в нефритовом дворце, пусть и всегда молодой, но без мужа? Первое время она особенно страдала, скучала по супругу и раскисала. И аппетита не стало, и сон пропал. Однажды, 15 числа восьмого месяца, она вновь вспомнила о муже, затосковала и велела дворцовой девушке пригласить Лунного старца. Ему она рассказала о своих переживаниях, о том, как сожалеет о потерянном счастливом супружестве и попросила помочь ей спуститься из рая на землю, чтобы ей с мужем удалось вернуть прежнее счастье, как говорится, склеить разбитое зеркало, сделать его вновь круглым.

Старец очень обрадовался, так как он испокон веков считался покровителем влюбленных. Люди верили, что соединиться в браке

смогут лишь те молодые, кого он еще в детстве связал невидимой красной нитью.

Он любил устраивать подобные дела и сразу согласился, однако поставил условие:

— Сначала поднеси мне чарочку свадебного вина!

Чхан Э с радостью выполнила просьбу, поднеся с уважением три бокала. И кто бы мог подумать, что старец так сильно захмелеет... Он вспомнил, что Яшмовый император — верховное божество — велел ему срубить цветущее дерево корицы, чтобы подарить его богине Гуань-инь, что обитает в Южном море.

Старик взял свой яшмовый топорик и ударил по дереву. Однако он оказался слишком пьян, поэтому удар получился неверным: отлетела от ствола лишь веточка, а топориче сломалось, и дерево осталось не срубленным.

Услышав об этом, Яшмовый император страшно разгневался, а узнав причину, — что именно Чхан Э поднесла вино, мечтая вернуться на землю, — рассердился еще больше: ведь она пыталась нарушить небесные законы.

В наказание Яшмовый император заточил Чхан Э в огромный холодный дворец, запретив выходить оттуда. А Лунному старцу велел рубить дерево. Только тот срубит дерево, а за ним тут же появляется новое, и так — бесконечно: деревьям нет счета, и нет конца работе.

Говорят, что в память о Чхан Э и Лунном старце люди ежегодно 15 числа 8 месяца по лунному календарю располагаются во дворах своих домов, освещенные луной, и любуются ночным ярким «глазом» в небе, лакомясь лунными лепешками с цветами корицы.

Как нефритовый заяц попал на Луну

На горной вершине, уходящей в облака, что находится в селении Шан-тхан и называется Цхун шу-шань — «гора пихтовых деревьев» — красуются четыре больших камня удивительной формы: самый большой — три квадратных *чшы*, а самый маленький — около двух квадратных *чшы*. И камни эти не отдаленно, а явственно напоминают зайцев — как живые!

Они сидят, тесно прижавшись друг к другу, и похожи на маму с детьми, а у мамы-зайчихи еще и слезы каменные катятся из глаз. Смотришь на них, и тебя охватывает невыразимая жалость. Местные жители называют их «яшмовыми зайцами» и рассказывают такую легенду.

Якобы на этой облачной вершине жила пара зайцев, которые в течение тысячи лет занимались самосовершенствованием, и в результате превратились в небожителей, бессмертных. Было у них четыре дочери, очень милых, беленьких, смышленных.

Однажды Яшмовый император призвал зайца-отца к себе. Не хотелось тому расставаться с семьей, однако послушаться он не мог, потому запрыгнул на облако и полетел в небесный дворец. Когда он подлетел к главным, южным воротам, то увидел блестящую Венеру, которая вела в сопровождении сверкающих доспехами генералов фею Чхан Э. Заяц полюбопытствовал у стражников у ворот, кто это такая, и узнал, что Чхан Э тайком вышла замуж за волшебного стрелка Хоу И (кстати, в хрониках записано, что в государстве Цюн династии Ся действительно жил правитель с таким именем).

Но после того, как стрелок убил из лука девятерых сыновей Яшмового императора, в наказание его жену, Чхан Э, собираются навеки запереть во дворце на Луне.

Услышав пояснения стражников, заяц проникся сочувствием к девушке, которую, на его взгляд, собираются несправедливо осудить. Но как он мог помочь ей, что мог сделать один, без поддержки? Он боялся, что такая красавица погибнет от тоски и одиночества в заточении. А будь у нее хоть какой-то компаньон — все веселее... Тут заяц вспомнил о своих четырех прелестных дочерях, и сразу же полетел к ним. Спустившись, он постучал в двери Облачной вершины, где они жили. Зайчиха в это время, тоскуя по мужу, укладывала девочек спать. Услышав стук, она открыла дверь и, увидев супруга, спросила с испугом и удивлением:

— Почему ты вернулся так скоро?

— Я должен поговорить с тобой, — тихо ответил тот.

Войдя в комнату, он нежно поцеловал спящих детей, затем рассказал жене все, что узнал о Чхан Э. Его предложение повергло зайчиху в ужас.

— Давай отправим одну из наших дочерей на небо, чтобы Чхан Э не скучала в одиночестве на Луне.

Зайчиха, конечно, сочувствовала несчастной женщине, однако расстаться с любимым ребенком не могла. Что делать? Как будто почувствовав беспокойство родителей, девочки проснулись, они подбежали к родителям и, заплакав, стали уговаривать:

— Не посылай меня, мама, я не хочу жить без тебя!

Запрокинув ушастые головки, они трясли маму за плечи. Сердце ее готово было разорваться, а муж отвернулся, чтобы самому не расплакаться.

Затем, смахнув слезу, он попросил детей успокоиться и сесть рядом.

— Если бы меня закрыли в комнате и оставили там навсегда одного-одинешенького, вы бы согласились составить мне компанию? — спросил он.

Девочки дружно, согласно закивали головками.

— Дети мои любимые, нельзя думать только о себе, жалеть только себя! Ведь что произошло недавно? У Яшмового императора было 10 сыновей, 10 солнц, и они по очереди освещали и согревали землю. Но когда они, все 10, взойшли на небе, люди чуть не погибли от жары, а еще — пострадали злаки на полях — все засохло. Чтобы спасти крестьян от беды, Хоу И расстрелял из лука девять солнц, оставив лишь одно. А император наказывает за смерть своих сыновей жену стрелка — Чхан Э. Разве может это не печалить нас?

После такого разъяснения дети поняли, отчего так болит сердце у их отца. Старшая девочка-зайчиха встала:

— Папа, я согласна!

И тут же одна за другой поднялись и другие, каждая хотела помочь в одиночестве несчастной женщине. Отец с матерью улыбнулись сквозь слезы. Решили отправить самую маленькую — Нефриточку. Несмотря на то, что младшая, она обладала твердым характером, была спокойной, лучше всех пела, а ведь о Чхан Э говорили, что она тоже очень любит петь. Остальные малышки даже обиделись, что из всех выбрали Нефриточку.

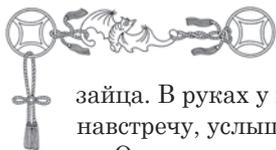
На следующее утро Нефриточка, попрощавшись с сестрами и родителями, полетела к Лунному дворцу. Провожая ее, отец вдруг стукнул себя по лбу лапкой:

— Ох! Я совсем забыл, что мне велено явиться во дворец к императору!

Поспешно покинув дом, он отправился к императору и на полпути встретил Венеру. За ней следовали небесные солдаты и генералы. В руке она держала жезл Яшмового императора, означавший, что все должны повиноваться ей.

— Стой! — крикнула она зайцу-небожителю, — ты пренебрег приказом императора, не явился к нему в указанный срок! Больше того, ты взял на себя ответственность отправить дочь на Луну! Это не в твоей власти! За это ты будешь наказан! Тебя посадят в Небесную тюрьму, а твою жену и детей превратят в камни. Пусть они в таком виде навсегда останутся на Облачной вершине.

Заяц от страха обмяк, а небесные генералы подхватили его и поволокли во дворец. Венера спустилась к вершине, где жила семья

зайца. В руках у нее было волшебное зеркало. Заячья семья вышла навстречу, услышав, что их зовут.

Они даже не успели понять, что произошло, как превратились в камни. А бедная малышка Нефриточка на Луне так и не узнала, что случилось с ее родными. Сидят зайцы на вершине по сей день; на этой горе люди построили небольшой павильон, чтобы вся семья смогла встретиться, если когда-нибудь Нефриточка вернется домой.

* * *

Но больше всего сказок, конечно же, о самой Чхан Э — главной героине, о том, как она оказалась на Луне. Книги о ней писали еще в глубокой древности и сначала называли ее чуть иначе — Хэн Э, и только потом, в начале эпохи Хань император Вэнь-ди (его настоящее имя Лю Хэн) велел называть ее впредь Чхан Э, чтобы его имя не произносили «всуе», так как, несмотря на разные иероглифы, звучали имена одинаково.

Чхан Э, как уже упоминалось, была женой Хоу И (后羿). «Хоу» означает «князь», ведь он и являлся князем-правителем государства Цюн, а «И» — его имя.

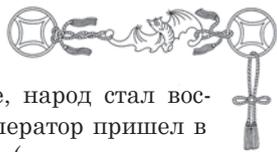
Говорят, во времена правления императора Яо на небе взорло сразу 10 солнц, принеся бедствия всему народу: повсюду валялись трупы, леса выгорели, русла рек и водоемы пересохли; лишь змеи не боялись жары — расплодились в огромном количестве. Вот и послал Небесный император волшебного стрелка Хоу И на землю, чтобы тот под видом князя помог людям.

Хоу И прилетел на землю вместе со своей красавицей женой Чхан Э. Сначала стрелок пытался по-хорошему уговорить 10 светил, предлагал им поочередно освещать землю. Но десять сыновей Небесного императора оказались капризными, упрямыми. Никто не хотел уступать свою очередь другим.

Больше того, они стали спускаться все ниже, ближе к земле, чтобы все в Поднебесной запылало огнем. Видя, что убеждать их бесполезно, что на земле царит вечный знойный день, даже ночей не стало из-за этих упрямец, что уже нет счета погибшим людям, Хоу И поднял свой необыкновенный лук весом в 10 тысяч *цзиней*, прицелился и выстрелил волшебной стрелой.

Его гнев прошел только после того, как на землю упали одно за другим девять солнц, а на небе осталось лишь одно. Только тогда он опустил свой лук. К последнему, десятому он обратился очень строго:

— Отныне ты должен подниматься рано утром на востоке, а вечером уходить на запад. Запомни! Вовремя появляйся и исчезай, чтобы людям жилось и работалось удобно!

Весть о спасителе разнеслась по всей стране, народ стал воспевать его в своих песнях. Однако Небесный император пришел в ярость и запретил супругам возвращаться на небо (сам-то родитель не мог справиться с непокорными сыновьями-солнцами, вот и переложил вину на другого, как часто случается и на земле).

Хотя гнев императора и его приказ казались несправедливыми, Хоу И не расстроился. Ему очень понравилось жить среди людей, а больше всего его утешало то, что он, такой сильный и могущественный, может им помогать. Ведь сколько бед и неприятностей подстерегает слабых людей: и болезни, и дикие звери...

А жена его, Чхан Э, напротив, осталась недовольна. Она постоянно ссорилась с мужем, ворчала, попрекала его тем, что он убил императорских сыновей, и из-за этого они не могут вернуться на небеса.

Прошло некоторое время. Хоу И, будучи отличным стрелком из лука, решил помочь людям избавиться от самых опасных видов диких животных. Он определил, что таковых насчитывается шесть, и вскоре на земле их не осталось: ни большой змеи, ни дикого кабана, ни хищной птицы, ни енота, ни *цзао-чшы*, ни девятиголового *гуай-у*.

Множество добрых дел совершил ради людей Хоу И и надеялся, что Небесный император непременно одобрит его деяния, простит. Однажды он нажарил кабаньего мяса, установил алтарь для жертвоприношений и с поклоном обратился к императору:

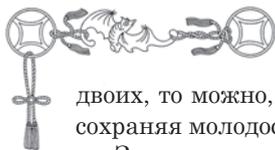
— Я и жена моя Чхан Э просим прощения, позволь нам вернуться на небо!

Однако Небесный Владыка был неумолим — он не мог забыть о смерти своих сыновей и никак не реагировал на молитвы князя Хоу И. Видя, что его жертвоприношения и мольбы напрасны, стрелок перестал думать и даже мечтать о возвращении. Но не смирилась жена. Она еще пуще стала браниться и ворчать.

Это продолжалось изо дня в день. Чхан Э «пилила» мужа без отдыха и остановок, и он, в конце концов, решил положить конец этому аду: он бросил жену и ушел из дома.

Слышал он когда-то, что в горах Кхунь-лунь живет Владычица запада Си-ван му, и у нее якобы есть лекарство бессмертия. Преодолев тысячи трудностей, пройдя огромное расстояние, взбираясь высоко в горы, пересекая вброд реки, добрался он, наконец, до Владычицы и выпросил у нее последнюю щепотку этого снадобья.

Этого количества хватало для одного человека, чтобы он вознесся на небо и обрел вечную жизнь. Если же разделить эту малость на

двоих, то можно, оставшись на земле, жить очень долго, не старея, сохраняя молодость и красоту.

Задумался стрелок Хоу И и понял, что не сможет он в одиночестве подняться на небо, не сумеет расстаться с любимой женой и родней, которой обзавелся на земле. Поэтому он поспешил домой и отдал зелье на хранение красавице Чхан Э: «Спрячь в изголовье кровати в шкатулке со своими украшениями».

Вскоре ему пришлось убедиться, что людям на земле действительно редко удается пожить в покое. Пришла настоящая беда. После обильных дождей началось невиданное наводнение. Затопило поля и луга, начался голод.

Хоу И, невзирая на опасности, уходил все дальше от дома в поисках дичи. Сначала он еще приносил кое-какую добычу, но чем дальше — тем труднее. Дошло до того, что и вороны стали редкой удачей, и теперь семья Хоу И ела лишь один раз в день.

Чхан Э не выдержала. «Почему я должна жить среди людей и делить с ними бесконечные лишения?», — подумала она. Тайком вынув снадобье из шкатулки, она прикрыла глаза, вспоминая беззаботную, радостную жизнь на небе. «До чего ужасно здесь, среди людей, — вновь подумала она, — постоянно с чем-то борются, чего-то добиваются, терпят постоянные лишения, болеют и умирают, в конце концов. Нет, я среди них не останусь! Я хочу быть молодой и счастливой. Ради своей весны я вынуждена предать мужа, бросить его здесь и улететь на небо».

Ее мечты прервал топот лошадиных копыт, — это Хоу И возвращался с охоты. Чхан Э поспешно проглотила лекарство бессмертия, выбежала на середину двора, ожидая, когда оно подействует, и ее тело взлетит.

Когда муж находился уже на расстоянии ста шагов от нее, она вдруг почувствовала, как тело стало почти невесомым, и взлетела, подобно ласточке. Хоу И кричал и махал руками, пытаясь остановить ее, однако догнать жену уже не мог.

Чем выше она поднималась, тем стремительней становился полет, и вскоре она достигла облаков. В небе Чхан Э заметила группу небожителей, поджидавших ее, и подумала, что все рады ее возвращению, пришли встречать. Однако, приблизившись, она услышала осуждения: «Как ты могла тайком воспользоваться средством, как могла бросить мужа одного на Земле!»

Только после таких слов она осознала, какой гадкий поступок совершила, и ей показалось, что теперь ее жизнь здесь едва ли станет легче, чем на земле, среди людей. Устыдившись, глубоко рас-

каиваясь, она развернулась и полетела к Луне, этому печальному, холодному дворцу.

Хоу И не раз порывался выстрелить в Луну, где находилась его жена, однако каждый раз у него не хватало решимости, и он опускал лук. В конце концов несчастный понял, что не сможет убить собственную жену. А что ему делать на земле одному? В его существовании теперь не оставалось никакого смысла, даже животных не стало, на которых он мог бы охотиться. И решил он сломать лук — единственное свое сокровище.

Новость о том, что Хоу И сломал лук и забросил стрелы, огорчила людей, все сочувствовали герою, и только один человек, предавший его, радовался. Им оказался Фэн Мэн, ученик стрелка. Он тайно потирал руки, так как слава мастера-героя не давала ему покоя, он извелся от зависти, а теперь появилась возможность возвыситься. Он думал: «Хоу И сломлен морально, осталось лишь уничтожить его физически, и тогда я, Фэн Мэн, останусь первым стрелком в Поднебесной».

И такой случай представился. Однажды Хоу И выпил вина и брел, захмелевший, еле переставляя ноги, по саду к своему дому. Фэн Мэн, подбадривая себя, пробормотал: «Хоу И на самом деле — яркая звезда, и мне никогда не сравниться с ним в мастерстве. Это мой единственный шанс. Я должен воспользоваться тем, что он пьян, и тогда мои мечты осуществляться».

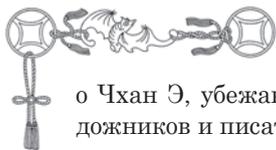
Он натянул тетиву своего лука и выстрелил учителю в спину. Даже Небо, прогневанное на Хоу И, не вынесло такого предательства. Раздался страшный гром, молния пронзила Фэн Мэна, и он тоже замертво рухнул неподалеку от своего учителя.

А Чхан Э, покинувшая мужа, говорят, по сей день, живет на Луне и тоскует в холодном яшмовом дворце. Единственные ее компаньоны — белый зайчик, который безостановочно толчет в ступке компоненты для «лекарства бессмертия», да нефритовая жаба. На Луне невероятно холодно, и это заставляет Чхан Э страдать и сожалеть обо всем совершенном. Лазоревое море чистейшего неба безбрежно вокруг, но ее сердце одиноко навеки.

Эта красивая сказка показывает, как богато воображение китайцев, живших в древности.

* * *

Не раз слышала, что Луну иногда называют нефритовой жабой — очень странное для нашего слуха название! Я открыла энциклопедию обычаев китайцев и узнала, что Чхан Э, оказавшись на Луне, якобы сама превратилась в жабу. И что в эпоху Хань сюжет

о Чхан Э, убежавшей от мужа, являлся одним из главных для художников и писателей. А девушки с тех пор, поклоняясь Луне, всегда просили сделать их столь же красивыми, как небожительница, и столь же чистыми душой, как Луна.

Одну сказку о лунной жабе я все же отыскала, она популярна в районе горы Лао-шань, что в провинции Шаньдун.

Жили-были старые супруги, им перевалило уже за пятьдесят, а детей не было, поэтому жена постоянно жаловалась мужу:

— И что за жизнь у меня такая безотрадная, только и знаю, что свои 30 му земли, да свою коровенку... нет ни сына, ни дочери, некому передать свой очаг.

— Что же делать... — сетовал старик.

— А у меня есть план, — ответила женщина, — с завтрашнего дня начну совершать добрые поступки и, возможно, заслужу у Неба ребенка. Завтра встану пораньше, в 5-ю стражу, наварю каши, выйду с ней на улицу и начну кормить всех бедных, всех поденщиков бесплатно — ни одной медной монеты не возьму.

— Это сколько же зерна ты даром истратишь! — заволновался муж.

— Эх, ты ничего не понимаешь! Если в доме нет ни сына, ни дочери, кому нужны наши бесчисленные *дани* зерна! Все равно пропадут, все пойдет прахом. Вот состаримся мы, закроем глаза, протянем ноги... разве не достанется тогда все чужим людям?

С этого дня супруги стали совершать добрые дела, заниматься, как сказали бы сейчас, благотворительностью. И действительно, добро вознаграждается! Не прошло и года, как женщина родила сына.

Но кто бы мог предположить, что раньше она плакала оттого, что не имела детей, а теперь, взглянув на новорожденного, прямо таки зарыдала в голос! Почему? Да потому, что родила она пупырчатую жабу!

Эта жаба, едва родившись, шлепнулась на траву и захныкала:

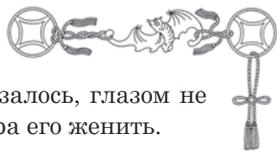
— Мама, мамочка, почему же ты плачешь? Разве ты не мечтала обо мне столько лет?

— Я мечтала о хорошеньком, красивом сыночке!

— Мама, не смотри, что я такой некрасивый, зато я стану заботиться о тебе в старости и провожу в последний путь, когда настанет срок!

И что оставалось делать безутешным родителям? Растить и воспитывать своего необычного ребенка! А тот неожиданно оказался очень даже милым и забавным; он скакал целыми днями по дому, и то и дело слышался его сладкий, как мед, голосочек:

— Папочка! Мамочка!

И сами не заметили, как пролетели годы. Казалось, глазом не успели моргнуть, а сыну уже 18 лет, и настала пора его женить.

А надо вам сказать, что в старом Китае жениху и невесте не полагалось видаться до свадьбы, жену или мужа подбирали своему ребенку родители. А так как дом жениха был полной чашей, и еды, и одежды — всего вдоволь, то неудивительно, что родители девушки сразу же согласились на брак.

Поздно вечером, когда невеста после свадьбы увидела, что ее муж — жаба, ей стало дурно. Заплакала она и никак не могла успокоиться — не просыхала от слез. А жаба и не думает ее утешать, знай, прыгает себе по теплому *кхану*: шлеп-шлеп! Скачет, хохочет, веселится — таким этот «парень» уродился веселым.

Прошло три дня и три ночи. Наконец, невеста утерла слезы, взяла молча веревку и хотела повеситься. И тут-то муж-жаба впервые заговорил:

— Не надо, дорогая женушка, судить о муже однобоко!

Говоря это, он вынул из кармана красный носовой платочек, затем стянул с себя бородавчатую одежду и обернулся этим платочком, после чего ... ах! Превратился в красивого, стройного юношу!

Увидев это такое перевоплощение, молодая жена так обрадовалась, что громко закричала, не в силах сдержаться:

— Мама, мама! Взгляните скорей, какой он красивый!

А старушка в это время сладко спала, похрапывая: «Ху-лу! Ху-лу!» Недовольная, она проворчала:

— И что это ты расквакалась! Что могло такого радостного произойти, что ты меня будишь?

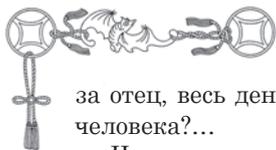
— Да вы посмотрите, мама, каким он красавчиком стал!

Слезла бабушка, кряхтя, с *кхана*, подошла, подняла голову.

— Ты подумай! — воскликнула она, — а мне как раз снилась очень красивая девушка. Как будто она содрала пупырчатую шкуру с моего сына и дала ему новое, красивое тело. А оказывается, это произошло наяву.

С тех пор парень ежедневно переодевался: вечером он снимал бородавчатую шкуру и превращался в прекрасного юношу, а утром опять становился жабой. Эта удивительная новость разнеслась по селению: соседи по улице, родня, тетушки, кумушки — все только об этом и говорили, все толпились у дома, каждому хотелось самому все увидеть.

Так прошел год, и настала пора молодой женщине рожать ребенка. Как тут не печалиться; и молодая жена, и мать-бабушка целыми днями ходили с насупленными бровями: что же это будет

за отец, весь день — папа-жаба, и только вечером превращается в человека?...

Через два дня после рождения ребенка стали готовиться к приему гостей, так как в тех местах был обычай: как только ребенку исполнится три дня, надо приглашать всю родню на лапшу (длинная лапша — символ долголетия). И стали женщины озабоченно советовать: «Что делать? Соберется родня, покажут им ребенка, такого хорошенького — приятно взглянуть! А отец начнет скакать да прыгать на своих «ластах», вот смеху-то!»

— А что ты предлагаешь? — спросила свекровь.

— Мама, он как раз прилег, задремал, давайте воспользуемся этим и сожжем его шкурку. И тогда завтра утром он не сможет опять стать жабой!

Мать подумала и согласилась: такой-то сын, в человеческом обличи, намного приятнее! Бросили пупырчатую кожицу под котел, она, вспыхнув, быстро загорелась, только треск раздавался...

Эти-то звуки и разбудили сына. Глядь — а шкурки-то и нет. Осмотрелся вокруг и увидел, что мать пытается сжечь ее. Скатился он кубарем с *кхана*, подбежал к очагу и выхватил из пламени свою «одежку». Подождал, пока погаснет огонь на ее краях, оказалось, что осталась лишь половинка.

Сын повязал этот остаток вокруг талии и вдруг медленно поднялся в воздух, чуть выше пола.

— Сынок, куда ты? — испугалась мать.

— Мама, теперь я расскажу тебе правду. Я был золотой жабой в центре Луны. И только потому, что сестрица Чхан Э пожалела тебя, видя, как ты мечтаешь о сыне, она послала меня заботиться о тебе до старости. Однако теперь у тебя есть внук, так что есть, кому поддерживать огонь в очаге, когда вас не станет. Если бы вы сожгли мою волшебную шкурку, я не смог бы вернуться. Не плачь, мамочка! — сказал он и улетел.

А во дворце на Луне его встретила, открыв ворота, сама Чхан Э. И с тех пор старая мать, как только начнет особенно тосковать по сыну, выходит к калитке и, прижав к себе внука, смотрит на Луну. И каждый раз видит сына, который, повязав вокруг талии передник, вместе с Чхан Э собирает листья шелковицы — видимо, выращивают шелкопрядов, изготавливая шелковые нити.

И каждый раз старушка начинает плакать, а сын ей поет, и песня эта кажется нескончаемой тоненькой нитью на веретене:

Мама, мамочка, не плачь,
Мама, мамочка, не плачь,
Мама, мамочка...

* * *

Вот еще одно сказание о фее Луны Чхан Э, которое рассказывают детям в провинции Чжэцзян.

Хоу И служил генералом в армии императора Яо, считался чрезвычайно искусным стрелком из лука и необыкновенно отважным воином. В то время, о котором мы рассказываем, на небе появилось одновременно 10 солнц, поэтому высохли и трава, и деревья. Император Яо приказал своему генералу Хоу И поразить стрелами все светила, чтобы спасти народ от голода и гибели.

Сев на коня, Хоу И взлетел на самую высокую гору, натянул тетиву волшебного лука, и стрела попала в первое солнце. Упав на землю, оно загорелось и пылало до тех пор, пока от него не осталась лишь маленькая горошинка-пилюля.

Так, одно за другим, Хоу И сбил девять солнц и получил в результате девять волшебных пилюль. Они оказались такими ароматными, что хотелось их нюхать без конца. Вдохнув их аромат, человек становился необыкновенно сильным духом, его переполняла жизненная энергия. Хоу И понимал, что это снадобье — невиданная редкость, величайшая драгоценность, поэтому аккуратно собрал и спрятал шарики.

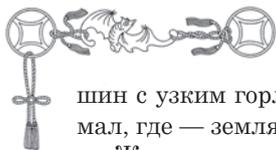
После этого подвига природа воспряла: опять зазеленели деревья и травы, народ ликовал, и люди передавали тем, кто об этом еще не знал, что их возрождение — заслуга стрелка Хоу И. Все радовались, хвалили генерала, но ему это пошло во вред: он зазнался! «Раз повсюду обо мне только и говорят, — думал он, — значит, я выше самого императора! И если — по справедливости, то он должен уступить мне свой трон!»

Однажды Хоу И сидел с женой за богатым столом. Выпив вина, муж рассказал Чхан Э о своих тайных мыслях и показал ей солнечные пилюли.

— Если я проглочу их, — пояснил Хоу И, — то смогу отнять все земли у императора — и реки, и горы! А ты, моя дорогая, станешь женой императора!

Выслушав, жена призадумалась: «Сейчас в стране мир и благодать, народ спокойно выращивает рис, все сыты, довольны. А император у нас — просто святой, настолько он заботится о простых людях, не думая о своих развлечениях. Но если муж затеет смуту, это будет несправедливо, аморально. Этого нельзя допустить. И раз вся его сила в волшебных шариках, я выкраду их».

Придя к такому решению, Чхан Э подливала мужу вина. Чаша за чашей, бокал за бокалом, выпил он целый *тхань* — пузатый кув-

шин с узким горлышком. Опьянел Хоу И до того, что уже не понимал, где — земля, а где — небо.

Жена с трудом довела его до кровати, и тот упал, моментально заснув. Сама же Чхан Э, прихватив пилюли, пошла к городским воротам; а в те времена все города окружали высокие стены, в которых имелись несколько ворот. Стража закрывала их на ночь, но даже днем людей пропускали через ворота очень строго.

Генерал из охраны спросил, куда женщина направляется, и та ответила, что ее муж, похоже, простыл, и она хочет за городом собрать для него целебные травы. Миновав дозорных с помощью обмана, Чхан Э убежала, спасаясь от мужа. Она не разбирала дороги, где — запад и север, где — восток и юг — лишь бы муж не догнал и не отобрал волшебные пилюли.

Тем временем Хоу И проспал глубоким сном до полуночи, потом почувствовал страшную жажду, проснулся, стал звать Чхан Э, чтобы она налила ему чаю. Долго он выкрикивал ее имя и, наконец, понял, что жены нет дома. Тут он вспомнил, что выпил много вина, что поделился с ней своим секретом... и стало на душе у него неспокойно. Проверил, на месте ли снадобье — беда! Никаких солнечных пилюль нет и в помине!

— Люди! Люди! — стал он в панике призывать слуг, — Куда делась моя жена?

Ему доложили, что она ушла из дома еще вечером.

«Наверняка сбежала, украв мои горошинки волшебные!» — подумал Хоу И и вместе с главным управляющим бросился в погоню.

Чхан Э, пробираясь сквозь дикие травы в горах, совсем обессилела. Ведь она была хрупкой, изнеженной красавицей из богатой семьи, непривычной к таким переходам. Она устала и проголодалась. Только решила присесть отдохнуть, попить воды из реки, как услышала топот копыт.

Оглянувшись, она поняла, что это муж скачет, разыскивая ее, и он уже на соседней горе. Так и не испив водицы, не отдохнув, она бросилась бежать. Стояла темная ночь, и она боялась, что, сбегая с холма, споткнется и покатится кубарем в ущелье. Преодолела один холм, другой, а топот копыт — все ближе. Конь-то под Хоу И был волшебным! Задыхаясь от бега, Чхан Э взбежала на высокую гору, а конь — все ближе, вот уже за спиной, вот-вот догонит!

Сердце Чхан Э колотилось в груди, как птичка в клетке, пот струился по лицу. В потной ладошке она зажала пилюли, не зная, куда их спрятать. Карманов в платье нет, и она быстро положила их в рот. И тут же почувствовала необыкновенный прилив сил, ей

показалось даже, что вокруг ступней ее ног завихрился ветер. Вдруг она поднялась в воздух и полетела, оставив Хоу И позади.

Поднялась на самую высокую вершину, испытывая радость и не понимая, как же это происходит? Она опять хотела побежать, и вновь почувствовала ветерок под ногами. В глазах у нее потемнело от скорости и мелькания деревьев — она не бежала, а почти летела. Невероятно! Ей хотелось пробежать лишь несколько шагов, а в результате она преодолела огромное расстояние. Радуюсь, она бежала-летела еще какое-то время и вдруг остановилась: еще один шаг, и она оказалась бы в глубокой пропасти!

Вперед бежать некуда, назад возвращаться — нельзя. Что делать? А Хоу И на волшебном коне опять настигает ее! Чхан Э в страхе заплакала, взмолилась: «Небесный Владыка! Что мне делать? Я согласна отдать свою жизнь ради спокойствия на земле, чтобы простые люди не пострадали от смуты, которую хочет затеять мой муж».

Раздался грохот на небе, а волшебные пилюли, одна за другой, скатились изо рта в желудок, — Чхан Э и сама не поняла, как проглотила их. Зажмурив глаза, она прыгнула в пропасть, опасаясь встречи с супругом. Хотела упасть и разбиться, однако волшебные пилюли увеличили ее жизненные силы в сотни тысяч раз. Тело стало легким, порхающим, и она полетела вверх, к небу.

В это время поднималась Луна, она тоже спешила на небо, чтобы осветить землю ночным светом. Когда ночное светило поравнялось с Чхан Э, та ступила на него и оказалась в Лунном дворце.

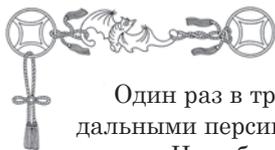
Напрасно Хоу И свирепо смотрел на удаляющуюся жену — он уже ничего не мог поделать! Лишившись солнечных пилюль, он уже не помышлял о смуте, перевороте.

Вот так и получилось, что, пытаясь спасти людей, Чхан Э обрек на себя на вечное одиночество, тоску и скуку.

Как в Китае появились арбузы

Какое отношение имеют арбузы к Луне? В провинции Ганьсуй есть город Го-хуан, его жители утверждают, что когда-то давно он назывался Гуа-чжоу, то есть Город арбузов, и рассказывают такую легенду.

Все знают, что владычица Запада матушка Си-ван му любит сажать персиковые деревья, любоваться их цветением и устраивать персиковые пиры. Поэтому весной все склоны холмов вокруг ее дворца покрыты розово-красными облаками цветов персиковых деревьев, а осенью, когда созревают плоды, ветки буквально облеплены ими, и вокруг струится такой аромат, что можно опьянеть.

Один раз в три года она созывает гостей, чтобы угостить их миндальными персиками. Среди приглашенных — только небожители, святые. Не забывает матушка Си-ван му и о людях: раз в пять лет она принимает правителей разных государств Поднебесной, но в таком случае встречается с ними в городе Го-хуан.

Естественно, что все князья и их сыновья приходят не с пустыми руками, а с подарками. Каждый приносит то, чем славится его край. Из И-у привозят уезжные сладкие дыни, из государства Шань-шань (ныне один из уездов Синьцзяна) преподносят удивительный виноград, из Юй-тхень доставляют прекрасную яшму, из Да-вань — небесных скакунов...

Однажды на пир впервые пожаловал правитель из Тхао-хуай, и преподнес матушке в знак уважения бахчевые плоды, огромные, круглые, кожура — ярко зеленая, да еще блестит, сверкает на солнце, будто натертая маслом. Когда плоды разрезали, оказалось, что мякоть — свежая и алая, как кровь, а семечки — чернее вороньего пера. Откусили — сок сладок, как мед. А аромат какой... Оказалось, даже в самую сильную жару мякоть способна утолить жажду, освежить.

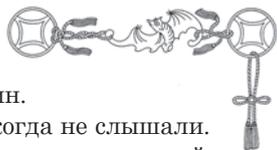
Отведав, матушка Си-ван му пришла в такой восторг, что без конца хвалила князя государства Тхао-хуай и пожаловала ему на пять волшебных персиков больше, чем остальным гостям.

Однажды Чхан Э из Лунного дворца пришла в гости к матушке Си-ван му — развлечься, погулять. Чтобы похвастать своим удивительным сокровищем, хозяйка велела вынести арбуз и угостить Чхан Э. Съев ломтик, гостя почувствовала прилив бодрости, все печальные мысли развеялись. Она стала благодарить Си-ван му и всячески нахваливать угощение. Прощаясь, она попросила горсточку семян удивительного плода, чтобы посадить их у себя, на Луне.

На обратном пути Чхан Э вдруг пришло в голову спуститься ненадолго на землю, погулять еще немного и среди людей. Она спустилась на поле и превратилась в обычную женщину. На земле наступила пора самой сильной жары. Зной стоял невыносимый.

Пожилой крестьянин с ребенком в это время мотыжили землю, пот капал с них, как дождик. Они подошли к дереву, под которым стоял кувшин с водой, чтобы напиться. От воды живогты у них стали большими и круглыми, как барабаны, однако жажду им так и не удалось утолить. Увидев это, добрая Чхан Э подумала: «Вот бы здорово угостить этих несчастных крестьян арбузом! Но у меня его нет». Она подошла поближе и заговорила со стариком:

— Почему вы не сажаете арбузы? Ведь эти плоды прекрасно утоляют жажду.

— А что такое «арбузы»? — удивился крестьянин.

Чхан Э поняла, что в этой местности о них никогда не слышали. «К чему мне на Луне арбузы, — подумала она, — ведь там вечный холод. И жажды не бывает, да и арбузы не вызреют». Она вынула семена и сказала:

— Взгляните, уважаемый, эти бахчевые семена и есть арбузы. Удивительные плоды не только утоляют жажду, но и бодрят, вливая новые силы. Возьмите, посадите их.

Приняв семена, обрадованный крестьянин спросил:

— Оставьте вашу уважаемую фамилию, великое имя, чтобы мы могли отблагодарить вас, когда арбузы созреют.

Засмеявшись, Чхан Э ответила:

— Живу я в холодном, чистом, ясном доме. Мое одиночество скрашивает белый зайчик. В обычные дни вы не можете меня увидеть, встретиться мы сможем лишь в 15-й день 8-й луны.

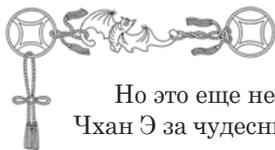
Проговорив это, она неожиданно отвернулась и вдруг исчезла. Мальчик и старик крайне удивились. Держа в пригоршнях семена, они задумались над ее словами и поняли, что арбузные семечки им подарила сама фея луны Чхан Э.

В конце весны, во время сезона *гу юй* — «хлебных дождей», они посадили маленькие черные семечки. Подымались рано, ложились поздно, усердно ухаживали за ростками; привозили землю, удаляли сорную траву, добавляли удобрения, поливали... И к концу лета все их поле оказалось покрытым большими, твердыми, круглыми, блестящими зеленой кожурой арбузами. Через некоторое время они созрели.

И поспели как раз вовремя — начался период особой жары — душной, влажной, который называется *фу-тхень*. Для людей — невыносимо тяжело, зато для цикад — в самый раз: начинаются их брачные песни и свадьбы. Во время сезона *фу-тхень* человек может просто «изжариться», «сгореть». Но в крестьянской семье теперь появились арбузы, и они убедились, что фея говорила правду: и жажду утоляют, и сладкие, и ароматные.

Однако съесть все семье не под силу, пришлось вывозить часть плодов на главную улицу деревни, на рынок. Так что в этой семье теперь имелись не только удивительные плоды, но и немало денег серебром — получили за проданные арбузы.

А те, кто купили, тоже остались довольны: и полакомились, и семечки собрали, чтобы тоже посадить весной. Постепенно почти все в этих краях стали сажать арбузы, вот и называли с тех пор это место Гуа-чжоу — Город арбузов.

Но это еще не конец легенды. Китайцы, стремясь отблагодарить Чхан Э за чудесные семена, ежегодно 15 числа 8 месяца, когда Луна самая круглая, яркая и красивая, расставляют во дворах столы с угощением. На них обязательно возжигают благовонные палочки и, конечно же, выкладывают крупные, сладкие арбузы. Этот обычай сохранился до сих пор. Людям кажется, что и сами арбузы своей формой напоминают Луну.

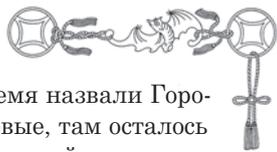
Однажды, 15 числа 8 месяца, Си-ван му вышла полюбоваться Луной. Взглянув случайно на землю, она увидела множество зрелых арбузов на столах, которые благодарные люди преподнесли в дар фее Луны. Си-ван му пришла в ярость: «Ну и хороша же ты, Чхан Э! Выпросила у меня чудесные семена и раздала их, оказывается, простым смертным, чтобы они поклонялись тебе, а я осталась в стороне!»

Си-ван му

Чем больше она думала об этом, тем больше распалаялась. Приказала ветру устроить на земле настоящий смерч. И ветер подул такими страшными порывами, что все арбузы, какие только имелись на столах и в поле, укатились, как мячики, неведомо куда.

Оказывается, все арбузы, в огромном количестве, скатились в местечко под названием Ань-си. Теперь уже здесь обрадованные люди стали выращивать эти плоды, а местечко переименовали в Город арбузов. Название сохранилось до сих пор, как и высокая стена вокруг города — чтобы арбузы во время ветра не укатились.

А что же с городом Го-хуан, который в свое время называли Городом арбузов? После того, как ветер унес все бахчевые, там осталось огромное количество желтого песка, который страшный ветер принес из пустыни. Так что теперь его называют Город песка, Ша-чжоу.

Си-ван му, наверное, и по сей день не может успокоиться. Потому что чем больше арбузов выращивают в Ань-си, тем чаще там дуют страшные ветры, он превратился не только в город арбузов, но и в город ветров. Зато в городе Го-хуан (Ша-чжоу) ветры теперь дуют очень редко. Это и по сей день так.

***

Еще три сказки. Они тоже — о богине Луны Чхан Э и ее муже Хоу И. Подобных сказаний в Китае очень много: сколько местечек, столько и вариантов. В одних краях Чхан Э описывается жадной и капризной эгоисткой, а Хоу И — добродетельным, беззаветно любящим супругом. В других местах она предстает хорошей, доброй, заботящейся обо всех окружающих, а муж — завистливым зазнайкой. В третьих — оба они добрые, отзывчивые, любящие друг друга супруги, и расстались лишь из-за несчастливой случайности.

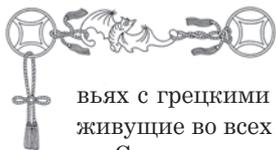
Трактовка разная, но суть остается одна: Чхан Э глотает пилюли бессмертия, которые принадлежали ее мужу, и улетает на Луну, где и страдает в одиночестве, тоскуя по мужу и завидуя людям на Земле, которые могут жить парами в любви.

Как Хоу И убил стрелами девять Солнц

Рассказывают, что во времена правления императора Яо на небе возникло сразу десять Солнц, которые принесли людям неисчислимые бедствия. Все десять — сыновья Небесного императора, которых родила ему красавица Си Хэ.

Раньше они жили в долине Горячая вода на берегу Восточного моря; еще это место называли Долина Теплого источника, или Долина Восходящего солнца. Потому что 10 детей-солнц часто купались здесь, отчего вода стала горячей, как кипяток. В долине росло огромное дерево шелковицы, высотой в несколько тысяч чжанов и больше тысячи — в обхвате. Говорят, дети Си Хэ жили на этом дереве, причем, девять предпочитали обитать на нижних ветках, а десятое — на верхней.

Их мать установила очередность, и братья по очереди «несли дежурство», поднимаясь в небо. Каждое утро, стоило лишь пропеть нефритовому петуху, который тоже жил на тутовом дереве, как песню его подхватывали и другие петушки: золотые, живущие на дере-

вях с грецкими орехами, каменные, живущие в горах, и обычные, живущие во всех крестьянских дворах.

Солнце сначала появлялось на волнах моря, затем поднималось к облакам. Матушка Си Хэ подвозила его, выезжая на небо в колеснице, запряженной шестью золотыми драконами. По пути их следования каждый важный пункт, означающий какой-то отрезок времени, имел свое название, например, «Начинает светить луна», «Рассвет», «Источник печали» и т. д.

У «Источника печали» мать всегда останавливалась, и оставшийся путь сын преодолевал самостоятельно. Похоже, что матушка беспокоилась о нем, потому что, прежде чем вернуться, провожала любимое чадо взглядом. И только когда лучи солнца окрашивали ветки шелковиц и вязов, мать возвращалась в долину и готовилась следующим утром провожать очередного любимого сына.

И так — изо дня в день: каждое из десяти солнц-сыновей по очереди дежурило на небе. В таком однообразии пролетали годы, и жизнь сыновьям казалась скучной и монотонной. Поэтому однажды ночью они, отвернувшись от мамы, стали шушукаться между собой, сидя на шелковичном дереве. Старший сказал:

— До чего же скучно вот так ежедневно по очереди подниматься в небо!

Второй старший брат поддержал:

— Да и мама наша уже старенькая, ей трудно провожать нас каждое утро!

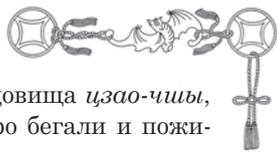
Третий брат предложил:

— Давайте завтра все вместе поднимемся в небо без маминого сопровождения, а вечером все вместе вернемся домой. Пусть мама и ее шесть золотых драконов отдохнут!

Все согласились. Рано утром следующего дня все десять, старшие и младшие, враз поднялись в небо и своими нестерпимо яркими лучами осветили Космос. Все десять радовались свободе, летали по небу, как резвые лошадки, веселящиеся на воле.

Теперь им тем более не хотелось возвращаться к заведенному строгому порядку дежурств на небосводе. Их радость не знала границ, зато у людей на земле начались беды: воздух стал раскаленным, как в печи. Земля покрылась трещинами. Трава, посевы, деревья — все засохло. Даже металл, песок и камни начали плавиться. Пищи оставалось все меньше и меньше, а количество людей, погибших от жары и голода, увеличивалось с каждым днем.

А тут и другая беда подоспела. В огромных количествах стали набегать голодные дикие звери, от которых тоже не было спасения. Эти невиданные чудовища назывались *я-юй*; голова у них — как у

дракона, когти — как у тигра; еще появились чудовища *цзао-чиши*, зубы у которых — длиной в три *чиши*. Они быстро бегали и пожирали людей. Появилось полным-полно и других невиданных чудовищ — водяных и огненных, например, *цзю-ин*, у которых красовалось по девять голов; появились огромные ядовитые змеи, которые могли проглотить слона, а потом в течение трех лет переваривать пищу в животе, выплевывая кости.

Разве мог человек справиться с такими животными? Даже сам император Яо жил в страхе, не в силах помочь своему народу, и единственное, что он мог делать — это молиться богам, принося им жертвы.

Небесный император, живший в своих космических дворцах, понял, что если так будет продолжаться, наступит хаос, поэтому он и велел своей жене Си Хэ уговорить упрямых сыновей — десять солнц. Однако, как ни убеждала их мать в том, что дежурить на небосводе надо лишь одному, по очереди, они ничего не желали слушать.

Другого выхода у Небесного императора не оставалось, и он велел своему лучшему стрелку из лука Хоу И вместе с женой Чхан Э спуститься на землю и помочь людям. Про себя император подумал: «Хоу И знает, что я очень люблю своих сыновей, поэтому не посмеет убить их, он лишь припугнет, проучит хорошенько».

Император вручил стрелку волшебный лук красного цвета и колчан белых стрел. Это оружие сделало и без того талантливому стрелку еще более метким. Оказавшись среди людей, Хоу И, прежде всего, направился в душную камышовую хижину, в которой жил император Яо, ибо он во всем старался делить тяготы своего народа — и пищу ел простую, и одежду носил не царскую. Яо очень обрадовался, узнав, что стрелка прислал Небесный император. Он тут же повел Хоу И на улицу, к народу.

Люди, прослышав о новости, собрались на улицах и площадях, все приветствовали посланца поклонами и наперебой рассказывали о своей невыносимой жизни. Большинство от слабости и голода не могли стоять и опирались на посохи, а тела их походили на мешки с костями. Некоторые уже и подняться не могли — лежали на земле с почерневшими худыми лицами.

При виде несчастных людей стрелок почувствовал, что в груди у него загорелось пламя гнева. Сочувствуя людям, он начисто забыл, что десять солнц — сыновья Небесного правителя, и думал лишь о том, как помочь бедолагам избавиться от зноя, болезней, жажды и бед.

Он медленно вышел на середину площади и поднял голову к небу. Затем еще раз взглянул на страдающих людей, окружавших

его со всех сторон. Стрелок молча поднял драгоценный лук красного цвета, вынул белую стрелу. Слегка отклонился, натянув тетиву, и со звуком «соу» стрела устремилась прямо в огненный шар. Раздался взрыв, шар лопнул, и золотые перья хлопьями стали сыпаться на землю. А потом все увидели, как на землю со страшным звуком рухнуло что-то, похожее на огромную птицу.

Люди бросились к упавшему телу, чтобы рассмотреть. Оказывается, солнце представляло собой трехлапого ворона, в теле которого торчала белая стрела. От его перьев исходили такие блеск и свечение, что все зажмурились. Говорят, этот золотой волшебный ворон находился внутри солнца.

Увидев, что число солнц на небе уменьшилось ровно на одно светило, люди оживились и стали торопить стрелка. Толпа стала похожа на морские беспокойные волны.

— Спаси нас, уважаемый стрелок! — умоляли крестьяне со всех сторон. — Продолжай убивать этих воронов!

Раз за разом поднимал Хоу И свой лук и пускал белые стрелы, поощряемый толпой. Он целился в солнца, которые в панике металась по небу, пытаясь увернуться, спрятаться от стрел. Однако всякий раз, когда звучал посвист «соу, соу», огненные шары лопались, а на землю падали трехлапые золотые вороны.

В это время император Яо, наблюдавший за стрельбой из лука с вышки, вдруг вспомнил, что солнце, если только оно одно на небе, приносит крестьянам много пользы. Разве можно расстреливать все? Наступит вечный мрак, да и посевы не взойдут.

Император подбежал к стрелку сзади и вытащил одну стрелу. Во всеобщем ликовании этого никто не заметил, и Хоу И удалось сбить только девять солнц. На небе осталось единственное, которое с тех пор и по сей день восходит рано утром и прячется вечером.

Но у людей оставалась и другая беда — дикие, свирепые звери. Поэтому по приказу Яо стрелок отправился на охоту. Он трудился до тех пор, пока не уничтожил бродивших в окрестностях зубастых *цзао-чшы*, плававших в водоемах девятиголовых *цзю-ин*, прятавшихся в озерных пещерах ядовитых змей и заполнивших тутовые рощи диких кабанов.

Народ благодарил стрелка, превозносил его храбрость и меткость, и в то же время все считали это заслугой своего доброго, заботливого и добродетельного императора Яо, поэтому стали любить и беречь его еще больше, чем прежде.

Стрелок полагал, что он честно выполнил приказ своего Небесного императора, полностью исполнив свой долг. Он был уверен, что Небесный властелин похвалит его, и в знак почтения Хоу И при-

готовил из убитых кабанов невиданное лакомство, чтобы угостить императора.

Но, вопреки ожиданиям, император не только отказался от угощения, но и с ледяным выражением лица велел небожителям передать Хоу И: пусть навеки с женой остается среди людей, — нет ему дороги на небо. Это означало, что стрелок и его жена перестали принадлежать к сонму небожителей.

Сказок, преданий и легенд о знаменитом стрелке существует неперечислимое множество. Но самое интересное, что человек с таким именем — Хоу И, упоминается в исторических хрониках эпохи Ся. Конечно, он не поражал стрелами девять Солнц. Откуда возникла такая легенда — можно лишь догадываться. Видимо, в тот период в Китае свирепствовала страшная засуха, а еще раньше — в эту же эпоху, людям принесли ужасные бедствия невиданные наводнения в районе реки Хуайхэ.

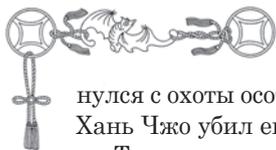
С наводнениями, согласно преданиям, боролся в течение 13 лет Да Юй, основатель первой китайской династии Ся. За свой подвиг он получил титул императора, который унаследовал после добродетельного Яо.

Все эти полулегендарные истории внесены в учебники, в том числе и школьные. В учебниках истории упоминается и легенда о стрелке Хоу И, однако поясняется, что на самом деле этот реально живший человек был главой бедного рода, который проживал в районе, где пересекались нижнее течение Хуанхэ и верхнее течение реки Хуайхэ.

Хоу И жил в период правления императора Тхай Кхана династии Ся. И хотя он действительно был отличным стрелком, и его способности поражали не только окружающих, но и самого императора, сердце у него оставалось злое и алчное — он мечтал о власти.

После смерти Тхай Кхана он воспользовался случаем и захватил власть в свои руки, а настоящий наследник Чжун Кхан был лишь марионеткой в его руках. Несчастное, запуганное существо — Чжун Кхан, занимал престол всего лишь 13 лет, не имея реальной власти, после чего неожиданно заболел и умер. Хоу И стал официальным императором-правителем. Однако теперь политическая власть его уже не интересовала, все свое время он проводил в разъездах, занимаясь любимой охотой, а дела правления передал министру Хань Чжо.

Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. Хань Чжо лишь притворился, что он — верный слуга. На самом же деле он тоже «спал и видел» себя на престоле. И случай представился. Как-то Хоу И вер-

нулся с охоты особенно утомленным и ослабленным. Недолго думая, Хань Чжо убил его и стал императором.

Такова, как утверждают, историческая правда, но легенды все же прекраснее. И вот продолжение.

Как Чхан Э улетела на Луну

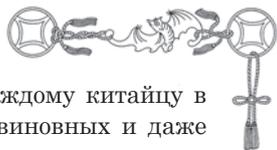
Небесный император не позволил Хоу И с женой возвращаться на небо. Но именно из-за жены стрелок переживал больше всего. Он очень любил Чхан Э, и стоило ему подумать о том, что из-за него она лишилась бессмертия, как расстраивался еще больше. Он даже представить не мог, что его любимую супругу когда-нибудь закопают в землю, как это принято у людей, и она будет вынуждена жить в вечном мраке вместе с дьяволами.

Как же достичь бессмертия, чтобы их любовь оставалась вечной? И тут он вспомнил, что люди рассказывали ему о святой по имени Владычица запада Си-ван му, которая живет на горе Кхунь-лунь в западной части Китая. У нее, говорили, есть лекарство, отведав которое, можно жить вечно. Хоу И решил отправиться в дальний путь, сопряженный со множеством опасностей.

В древних книгах описывается, что Си-ван му — пожилая, очень душевная и добрая женщина, которой всегда поклонялись даосы. В сказках же ее представляли совсем иначе. Якобы в прошлой жизни она была духом, и если перечислить внешние атрибуты этого духа, то станет страшно: хвост — длинный, как у пантеры, зубы — как у тигра, волосы на голове всклокочены, в волосах — украшение из яшмы. Это существо протяжно свистело, и трудно было понять, мужчина это или женщина.

Однако если учесть, что этот дух время от времени преодолевал огромные расстояния, чтобы встретиться с императором династии Чжоу Му-ваном (976–921 гг. до н. э.), то, скорее всего, это все же женщина. Жила она в пещере, и три волшебных птицы приносили ей туда еду. У птиц имелись свои имена: Большая Ли, Маленькая Ли и Зеленая Птица. Всех природа наградила зелеными перьями, красной головкой и черными глазками. В их обязанности входило не только добывать пищу для Си-ван му, но и доставлять послания, переписку.

Чем же занималась Си-ван му на горе Кхунь-лунь? Место ее проживания называли «нижней столицей» Небесного императора, то есть основной его дворец находился на небе, а на земле, — второй дворец, — высоко в недоступных горах Кхунь-лунь, где его наместницей и была владычица Запада Си-ван му. Говорят, именно она

определяла, когда родиться, и когда умирать каждому китайцу в Поднебесной. Она же имела право наказывать виновных и даже насылать мор, эпидемии, если люди в чем-то сильно провинились. Недаром Запад в Китае считается символом смерти, а еще Запад называют «страной мертвых».

Люди знали, что у владычицы Запада хранится лекарство бессмертия. В старинных книгах рассказывается, что в горах Кхунь-лунь есть бессмертное дерево, и стоит отведать его плодов (во многих легендах утверждается, что это — плоский персик), и смерть станет не страшна — сможешь жить вечно. Из этих плодов и готовила владычица Запада эликсир бессмертия путем плавки.

Но не думайте, что добыть эти плоды очень легко. Дело в том, что цветет дерево лишь один раз в несколько тысячелетий, еще через несколько тысяч лет созревают плоды из цветов, да еще требуется несколько тысяч лет для того, чтобы выплавить из плодов волшебный эликсир. Так что лекарство бессмертия поистине является чрезвычайно редким и драгоценным средством.

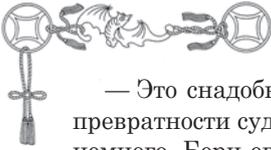
Осложняет добычу эликсира и то, что горы Кхунь-лунь находятся очень далеко, и дорога к ним настолько тяжела и опасна, что обычный человек никогда не сможет преодолеть ее. Гора окружена мертвой водой. Говорят, даже если перышко упадет на эту воду, оно мгновенно утонет, не говоря уже о лодках и кораблях.

А еще гору окружает стена огня, не затухающего ни днем, ни ночью. Кто бы и что бы ни приблизилось к огню, тут же сгорит. Так что хотя и много желающих среди людей отправиться на поиски эликсира бессмертия, но ни одному из них еще не удалось даже приблизиться к волшебной горе.

Однако Хоу И, благодаря своей волшебной силе, преодолел и стену огня, и мертвую воду, и оказался на самой вершине Кхунь-лунь и увидел у ворот дворца девятиглавое чудовище. Говорят, что высота этой горы 11 тысяч *ли*, 114 шагов, 2 *чи* и 6 *цхуней* над поверхностью моря, и только бывший небожитель, такой, как стрелок Хоу И, мог прекрасно себя чувствовать на такой высоте.

Чудовище не тронуло Хоу И, и он прошел в сад, где увидел владычицу Запада сидящей в гроте у озера с берегами из яшмы. Поклонившись ей, он рассказал, что на земле люди считали его героем, спасшим их от гибели, а Небесный император отнесся к нему несправедливо, наказав за убийство своих сыновей.

Добрая Си-ван му посочувствовала стрелку и велела одной из своих птиц принести тыкву-горлянку, в которой хранилось заветное лекарство. Хоу И она сказала:

— Это снадобье я получила, пропустив его несколько раз через превратности судьбы и житейские бури. У меня его осталось совсем немного. Бери его и храни, как следует. Если все это примет один человек, он сможет подняться в небо и стать небожителем. Для двоих его слишком мало. Если же вы поделите лекарство с женой, то сможете жить только на земле, зато — вечно. Желаю тебе, даря бессмертие, сделать еще множество добрых дел на благо людей.

О жене стрелка, Чхан Э, в этой сказке говорится, что она хоть и была необыкновенно хороша внешне, сердце ее оказалось недобрым, эгоистичным. Сначала она даже обрадовалась предстоящему приключению. Представляла, как они с мужем спустятся на землю, и люди станут восхищаться ею, поклоняться. Но когда оказалось, что вернуться на небо они не смогут, стала проявлять дурной характер, постоянно ворчать на мужа: «Из-за того, что ты убил сыновей императора, я тоже оказалась наказанной!»

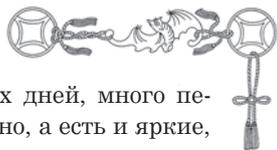
Хоу И обычно не отвечал на упреки, выслушивал молча. Он и без того очень переживал за жену, чувствовал себя виноватым перед ней, ради ее бессмертия он и отправился к владычице Запада. Вернувшись, он радостно вручил красавице тыкву-горлянку, рассказав о своих приключениях в пути, о разговоре с Си-ван му, о ее наставлениях. Хоу И надеялся, что они с женой выберут подходящий день и поделят лекарство поровну. Пусть не на небе, а на земле, зато жить они смогут вечно и в любви.

Разве мог он знать, что жена, увидев снадобье, примет в душе совершенно другое решение: «Раз я не по своей вине оставлена на земле, то будет справедливо, если одна выпью это средство, опять стану небожительницей. Я не виновата, что эликсира в бутылочке хватит лишь для одного. Муж сам виноват в своих бедах, так что если я покину его, это не будет считаться непочтением, неуважением».

Будучи непорядочной сама, она не доверяла и другим: а что, если муж сказал неправду и, выпив лекарство, я не взлечу на небо? Тогда все вскроется, а это не шуточки. И она решила погадать у прорицателя, который славился своим искусством предсказаний.

Жил прорицатель за городом, в землянке, вырытой у подножья холма, и звали его Ёу Хуан. Выслушав просьбу Чхан Э, он достал из ниши, в которой стояла статуя божества, потрескавшийся черный панцирь черепахи и несколько десятков стеблей каких-то растений. Затем встал на колени и стал бормотать, перекладывая свои гадательные предметы с места на место, затем — складывая их в чучу:

— О! Результаты гадания очень удачные и обещают радость и выгоду. Мои предметы говорят, что некая красавица в одиночестве полетит далеко-далеко на запад. На этой земле, переполненной

людьми, много беспорядка. И, помимо радостных дней, много печальных. Но и на небе встречаются места, где темно, а есть и яркие, светлые. Лети! Не бойся и не печалься!

Услышав слова прорицателя, Чхан Э окончательно решилась. Однажды лунной ночью, когда мужа не было дома — он опять отправился на охоту, — она высыпала на ладонь все содержимое тыквы-горлянки и проглотила. И чудо произошло: она почувствовала, что тело становится все легче, и, наконец, ноги оторвались от пола, она вылетела в окно. На улице увидела темно-синее ночное небо с бело-серыми облаками и яркую Луну, которую окружали золотистые звездочки. И Чхан Э полетела на небо.

Но куда же именно направиться, — размышляла она. Если в Небесный дворец, то придворные наверняка осудят ее, станут насмехаться над женой, тайно покинувшей мужа. И, опять же, что, если стрелок изобретет какой-нибудь способ и тоже вернется на небо? Вот будет встреча... Как ей тогда оправдываться? И Чхан Э решила сначала полететь на Луну и временно спрятаться там во дворце, чтобы обдумать дальнейшее поведение.

Разве могла она догадаться, что ее ждет? Стоило ей опуститься на Луну, как произошло ужасное: она еще не успела отдышаться, как почувствовала, что с телом что-то происходит. Позвоночник вдруг оказался параллельным поверхности Луны, живот и бока раздулись, рот стал широченным, глаза — круглыми и выпуклыми, шея исчезла, и голова оказалась прямо на плечах. Кожа покрылась огромными, величиной с монету, бородавками. Чхан Э испуганно закричала, однако оказалось, что ее красивый голос исчез. Она хотела вскочить, выпрямиться, но смогла лишь нелепо подпрыгнуть. Вы уже догадались, что она превратилась в отвратительную жабу. Так бывшая красавица-небожительница была наказана за эгоизм. И это — «великое будущее», которое ей нагадал обманщик-прорицатель?!

Кто знает, скучает ли она на Луне и сожалеет ли о своем поступке? Поэт эпохи Тхан по имени Ли Шан-инь в поэме «Чхан Э» предполагает, что она каждую ночь, глядя в холодное, ясное небо, сожалеет о том, что выпила эликсир тайком от мужа.

Какая мука — столько тысяч лет,
Лишь ночь настанет, с высоты смотреть
И горько о поступке сожалеть,
В лазурном звонком космосе лететь...
Но поздно каяться, — что проку от того?
Лишь мысленно обречена любить его...

Образ этой богини всегда привлекал поэтов-мечтателей, поэтов-философов. Литератор Су Ши (Су Дун-пхо) эпохи Сун в стихах, посвященных празднику Середины осени, написал такие строки: «Я бы полетел, оседлав ветер, на Луну, да боюсь, что там, далеко в космосе, в прекрасном Яшмовом дворце не выдержу холода, превращусь в прозрачную тень. На земле — гораздо лучше!»

Вернувшись издалека в ту ночь, Хоу И обнаружил, что жены в доме нет, а на полу валяется пустая тыква-горлянка. Он понял, что жена навсегда покинула его и испытал целый букет чувств: и гнев, и ненависть, и обиду... — как будто змея ужалила его в самое сердце.

Как погиб стрелок Хоу И

Хоу И все время проводил на охоте в сопровождении слуг, а когда возвращался домой, пил вино. Его сердце как будто покрылось пеплом, поэтому он часто раздражался, и слуги побаивались его.

Среди них был некий Фэн Мэн, храбрый, но коварный человек. Будучи среднего роста, плечи он имел богатырские и умел отлично стрелять из лука. Стрелок Хоу И очень любил его и сделал Фэн Мэна своим учеником, чтобы передать свое мастерство. В самом начале, когда Хоу И приступил к обучению, он дал ученику первое задание: «Чтобы научиться стрелять из лука, надо, прежде всего, овладеть умением не моргать. Иди домой и тренируйся. Когда научишься долго смотреть в одну точку, не мигая, приходи ко мне снова».

Вернувшись домой, Фэн Мэн целыми днями, с утра до вечера, лежал рядом с ткацким столиком, за которым работала его жена, и не сводил глаз с челнока, прыгающего то вверх, то вниз. Челнок сновал, двигался, однако глаза Фэн Мэна оставались неподвижными.

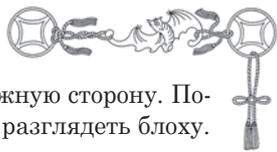
Прошло немало времени, и ученик уже настолько владел своими глазами, своим зрением, что не моргал, даже если к его глазам неожиданно близко подносили острое шило. Радостный, он побежал к учителю:

— Господин! Я научился не мигать, даже если перед глазами движется какой-либо предмет!

Хоу И ответил:

— Это только первый шаг. Даю второе задание: ты должен научиться видеть так, чтобы маленький предмет казался тебе большим, и чтобы ты смог различить любой объект, даже если он не виден глазу. Овладеешь этим искусством, приходи ко мне снова!

Вернувшись домой, Фэн Мэн отыскал самый маленький волосок на хвосте яка, разыскал в его шерсти блоху. Привязал к блохе во-

лосок и прикрепил его к окну, что выходило на южную сторону. После этого стал ежедневно тренироваться, пытаясь разглядеть блоху. Прошло более 10 дней, и в глазах Фэн Мэна насекомое становилось все больше и больше.

Так он упражнялся в течение очень долгого времени, пока не научился видеть блоху так отчетливо, будто она — величиной с колесо от телеги. Теперь, когда он смотрел на другие вещи, они казались ему огромными, как горы. Радуюсь, он вновь побежал к учителю.

Хоу И тоже порадовался достижениям Фэн Мэна и произнес: «Теперь ты можешь приступить к обучению стрельбе из лука».

Огненные они работали вместе, и Фэн Мэн старательно овладевал умением, не щадя сил и трудов, а Хоу И искренне посвящал в секреты своего мастерства, ничего не утаивая. Искусство стрелка Фэн Мэна совершенствовалось с каждым днем, и его имя уже стало греметь по всей стране.

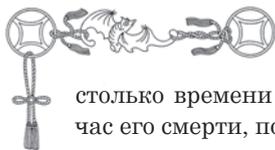
Стоило кому-то заговорить о стрельбе из лука, и люди тут же упоминали Хоу И и Фэн Мэна, как самых лучших. И надо сказать, что Хоу И искренне радовался успехам своего слуги, ведь настоящий учитель всегда гордится, когда ученик превосходит его самого в умении, — в этом смысл преемственности и прогресса.

Однажды ученик и учитель вместе прогуливались по дороге, а по небу летела стая диких гусей. Фэн Мэн вдруг подумал: «Сейчас выстрелю и покажу учителю, что я уже гораздо сильнее его в меткости». Он выпустил подряд три стрелы, и три гуся с криком, один за другим, упали на землю. Причем, каждая стрела попала прямо в голову.

Увидев это, Хоу И обрадовался, тоже вынул стрелы и запустил их в небо. И хотя испуганные птицы нарушили порядок в стае, бросившись в разные стороны, тем не менее, три гуся опять упали на дорогу, причем, стрела попала каждому в глаз. Только тут Фэн Мэн понял, что никогда ему не достичь мастерства учителя, и его коварное сердце переполнилось завистью. Он затаил план мести.

Однажды вечером, когда Хоу И возвращался с охоты, он вдруг увидел в роще мелькнувшую тень. Вслед за этим из-за деревьев со свистом «соу!» вылетела стрела. Однако у Хоу И и глаза, и руки оказались быстрыми, реакция последовала мгновенно. Стрелок успел вынуть свою стрелу и тут же натянул тетиву лука. Обе стрелы встретились наконечникам с громким звуком «чшы!», посыпались искры, и стрелы упали на землю.

Сразу после первой стрелы подряд вылетели еще восемь, однако стрелок Хоу И сбил их. И тут ему удалось разглядеть, кто в него стреляет. Это оказался его любимый ученик, которому он посвятил

столько времени и отдал столько сил. Понял Хоу И, что наступил час его смерти, потому что у него стрелы уже закончились, а ученик доставал очередную, десятую. Она пролетела, как комета, и попала учителю прямо в рот, хотя он и пытался увернуться. Мастер упал с коня.

Увидев, что Учитель погиб, Фэн Мэн неторопливо подъехал к нему, чтобы взглянуть. Однако стоило лошади остановиться перед «трупом», как Хоу И открыл глаза и сел. Он выплюнул стрелу, зажав зубами, и сказал:

— Напрасно ты учился у меня в течение долгого времени, а я зря потратил на тебя многие годы. Разве ты не знаешь, что стрелять в рот нельзя — есть способ поймать и удержать стрелу зубами! Тебе следует еще поучиться, и только потом приходи состязаться со мной!

— Сжальтесь, Учитель, — рухнул на колени Фэн Мэн, — я лишь хотел пошутить с вами....

После этого эпизода ученик внешне проявлял почтение и смирение. Он казался вежливым и покладистым, однако злоба и зависть еще больше переполняли его сердце. А Хоу И по-прежнему оставался добрым, с широкой душой, поэтому он верил, что ученик исправился, стал добродетельным. Он, как и раньше, часто брал его с собой на охоту.

Затаивший злобу Фэн Мэн выстругал себе большую дубину из дерева грецкого ореха и всегда носил ее при себе, объясняя, что она может пригодиться во время охоты. И однажды, когда Хоу И был весь поглощен охотой, Фэн Мэн неожиданно поднял деревянную палицу и изо всех сил ударил учителя сзади по голове, и тело того, подобно тяжелой горе, медленно съехало наземь.

Великий философ Мэн Кхэ (имя Мэн-цзы) сказал об этом так: «И у Хоу И были несовершенства!» Он имел в виду, что знаменитый стрелок не сумел разглядеть суть своего ученика, оказался слишком доверчив, потому и погиб.

А китайцы с тех пор поклоняются Хоу И, как святому, защищающему от злодеяний.

***

И последняя сказка о том, как на Земле впервые появились лунные лепешки.

В Китае очень популярно сказание о Седьмой фее и юноше по имени Дун Юн. Она немного похожа на легенду о Ткачихе и Пастухе тем, что главные герои здесь — тоже фея, оказавшаяся на земле среди простых смертных, и обычный юноша, которые полюбили друг друга и, поженившись, стали счастливой семьей.

Говорят, случилось это во времена правления династии Хань, на юге Китая. Там жили отец с сыном. Отец был стар, а сын молод. Им приходилось от зари до заката трудиться на крошечном клочке земли в пять му, и все же они оставались очень бедными.

Вскоре добавились и новые беды. Отец заболел и слег, а сын, будучи почтительным и любящим, отправился за редким и дорогим лекарством. Но и отец любил сына, не хотел доставлять ему лишние проблемы и страдания, поэтому взял, да и повесился на балке, пока сын отсутствовал.

Когда тот вернулся, его поджидало не только безутешное горе, но и новые заботы. Ведь похороны стоили очень дорого: душа покойного ни в чем не должна нуждаться на том свете, и китайцы придают этому ритуалу огромное значение. Денег взять было неоткуда — в руках у юноши оставалось лишь лекарство, которым отец уже не мог воспользоваться. И решил он продать себя в рабство на три года.

Через пять дней после похорон Дун Юн начал трудиться на чужого человека, проводя дни в печали и грусти. Однажды вечером он присел отдохнуть под старым деревом софоры. Вскоре к дереву подошла миловидная девушка. Видно было, что она тоже устала и после долгой дороги решила дать отдохнуть ногам. Она первая задала вопрос юноше, отчего он такой печальный. Услышав ответ, проговорила:

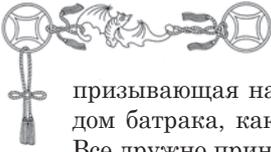
— У тебя действительно большое горе; похоже, мое, по сравнению с твоим, — сущий пустяк.

— А что же у тебя случилось? — поинтересовался Дун Юн.

— У меня умерла мать, и отец женился повторно. Мачеха всегда относилась ко мне плохо, а теперь, когда я подросла, продала меня торговцу в качестве наложницы. Я узнала об этом случайно и убежала из дома.

Юноша и девушка понравились друг другу, но у них не было ни родителей, ни свахи, которые могли бы позаботиться об их браке. Матерью их стала земля, а свахой — старое дерево софоры, под которым они встретились. Так и стали они мужем и женой. Они полагали, что вдвоем им будет легче отработать на хозяина три года, однако тот заупрямился: «Нет в договоре такого, что ты станешь жить у меня с женой! Сделаем так: если твоя жена сможет за сегодняшнюю ночь соткать 10 кусков облачной парчи, то вместо трех лет ты отработаешь на меня лишь 100 дней. Если же она не справится, то после трех лет отработаешь еще три».

Седьмая фея, а это оказалась она, не колеблясь, согласилась, а муж ее очень беспокоился — его пугало такое условие. Вечером она, прежде всего, отпустила мужа спать, сама же зажгла свечу, которую ей подарили сестры перед расставанием, назвав ее «свеча,

призывающая на помощь». Целая стайка фей спустилась с неба в дом батрака, как только до них донесся аромат волшебной свечи. Все дружно принялись за работу, и еще до окончания ночи соткали десять кусков разноцветной нежной парчи.

Что оставалось делать пораженному хозяину? Он согласился отпустить Дун Юна через сто дней. Когда срок истек, молодая семья зажила счастливо и небедно, так как он работал в поле, а она пряла невиданные ткани. Седьмая фея, наконец, призналась, что она — небожительница, спустившаяся на землю. Ведь каждый мечтает о том, чего не имеет: люди на земле — о бессмертии, а небесные феи — о любви, завидуя и вздыхая, когда видят влюбленные пары на земле. И еще Седьмая фея призналась, что ждет ребенка. Конечно же, молодой Дун Юн очень обрадовался.

Но Небесный император, давно разыскивавший фею, наконец, выяснил, где она находится, и послал небесных генералов предупредить самовольно сбежавшую девушку: в 11 часов дня она должна вернуться во дворец. А еще император велел предупредить, что в случаеслушания он прикажет изрубить на мелкие кусочки ее мужа.

Вынужденная подчиниться приказу, чтобы спасти Дун Юна, Седьмая фея попросилась с ним под старой софорой, обливаясь слезами. Напоследок сказала: «В следующем году, когда зацветут персиковые деревья, приходи к этой софоре и подбери нашего сына!» Вот об этом-то их сыне и пойдет речь дальше.

Рассказывают, что однажды 15 числа восьмого месяца по лунному календарю этот ребенок увидел из своего двора, как его деревенские сверстники играют и веселятся под цветущим деревом корицы на краю села. Ему так захотелось поучаствовать в общем веселье, что он тоже бросился к ним.

Но стоило ему приблизиться, как все дети разбежались в разные стороны! Подбежит он к мальчику по имени Щенок из семейства Ли, Щенок отбегает. Подойдет к Металлическому Столбику из семьи Ван, — Столбик тоже отбегает в сторонку. Приблизится к Камешку по фамилии Чжан, — и тот удирает со всех ног, да еще и дразнится:

— У тебя нет мамы, ты невоспитанный, дикий ребенок! Мы не хотим с тобой играть!

От этих обидных слов мальчик убежал далеко в лес и упал под старым деревом, зарывшись лицом в траву и обливаясь слезами:

— Мамочка, моя любимая мама, где же ты? Приди скорее к своему несчастному сыну!

Плач и крики достигли неба, их услышал У Ган — знаменитый дровосек на Луне. Его сердце разрывалось от сочувствия к сироте, поэтому он принял вид обычного крестьянина и, спустившись на

землю, подошел к мальчику. Но как ни утешал его добрый У Ган, ребенок не успокаивался и продолжал звать маму охрипшим голосом.

— Добросердечный дядюшка, — плакал он, обращаясь к У Гану, — у всех детей есть мамы, которые их жалеют и любят; отчего же у меня ее нет? Где моя мама?

Сердце У Гана еще больше размякло, и он, отправив мысленное послание Седьмой фее, вынул пару туфель, в которых можно летать по небу верхом на облаках, и сказал ребенку с красными от слез глазами:

— Надевай эти туфли, и ты окажешься на Луне, раз хочешь увидеть свою маму.

Обрадованный мальчонка поблагодарил с поклоном У Гана и быстро обулся. «Когда я найду свою маму, мы вместе с ней придем к вам, чтобы еще раз поблагодарить», — сказал он.

Взлетев с высокого камня, он с изумлением разглядывал сначала горы своей страны, над которой поднялся, затем — звезды в темнеющем небе. Когда же приблизился вплотную к Луне, то поспешно снял волшебные туфли, и оказался у Дворца.

А Седьмая фея, получив весточку от У Гана, давно поджидала ребенка у ворот. Бросившись к нему, она то смеялась, то плакала от радости, обнимая и целуя сына. Ее младшие и старшие сестрицы тоже целовали этого маленького пришельца с земли, преодолевшего такой большой путь. Одна давала ему гранаты, другая угощала хурмой, третья протягивала арахис, грецкие орехи, четвертая вынесла поднос с каштанами и белыми грушами — все хотели накормить мальчика.

А мать, Седьмая фея, суетясь от радости, начала стряпать. Она взяла цветы корицы, подаренные ей феей луны Чхан Э, смешала их с медом и орехами, приготовив начинку. Затем испекла сладкие, как мед, ароматные лепешки в виде круглой луны, положив внутрь приготовленную начинку, чтобы сын наелся досыта.

Весть о внуке достигла ушей Яшмового императора, и она его совсем не обрадовала. Он пришел в такой гнев, что от него посыпались искры и пошел дым. Чтобы наказать У Гана, он велел тому вечно рубить волшебное коричневое дерево, не отходя от него и на полшага. Затем приказал *ци-линю* — мифическому животному — отобрать у ребенка волшебные туфли и отвезти мальчика опять на землю.

Сироте показалось, что все случившееся ему приснилось, когда он очнулся под деревом, где плакал и призывал маму, однако при нем оказались лепешки, испеченные его матушкой, и он поверил, что все случившееся с ним происходило на самом деле.

Рассказывают, что когда смысленный мальчик вырос, он стал чиновником и научил простых людей в этот день — 15 числа восьмого месяца — печь лепешки в форме полной луны в память о своем путешествии к матери.

***

Точно так же, как фею Луны Чхан Э и стрелка Хоу И в разных легендах представляют то злодеями, то добродетельными людьми, так и о бедном У Гане, вынужденном постоянно рубить одно и то же дерево, рассказывают истории, отличные одна от другой. Мне наиболее симпатичен такой вариант.

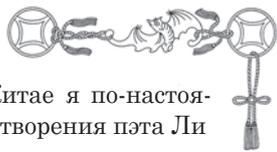
У Ган раньше жил на земле и слыл очень завистливым человеком. Однажды его сосед спас ласточку, которую кто-то ранил, и за это птичка его отблагодарила. Она наградила его семечком, из которого выросли огурцы с золотыми слитками внутри. А так как завязей оказалось много, то и плодов с золотой начинкой сосед тоже собрал огромное количество.

У Ган не находил себе места от зависти и решил сам сначала покалечить птичку, а затем вылечить. Он тоже получил зерно и посадил его в землю. Лелеял, поливал, почти не отходил от растения, однако получил лишь длинную плеть без завязей и плодов. У Ган не хотел верить, что ему не повезло, поэтому продолжал усердно ухаживать за растением. В результате плеть выросла такой длинной, что достигла Луны, там и закрепились своими усиками.

Взволнованный У Ган полез по плети вверх, боясь, что его необычные огурцы сорвет кто-нибудь другой. Но когда он добрался до Луны, плеть исчезла. Так и остался он, злой, на ночном светиле, и единственное его занятие — рубить лунное дерево кассею, которое никогда не гибнет и украшено вечнозелеными листьями. Но напрасно У Ган трудится, — после каждого удара след от топора за-растает.

Под деревом сидит белый зайчик, потому что и листья, и кора дерева являются ценными компонентами для лекарств долголетия. Вот и толчет зайчик в ступе порошок для эликсира жизни. Иногда он получает от Чхан Э немного нефрита, и тогда добавляет его к листьям и коре.

Луна же каждый месяц пожирается огромной черной жабой, но каждый раз, через несколько дней, она рождается вновь из ее рта. Сначала виден на небе лишь тоненький серп, затем — больше, больше, и наконец, Луна появляется полностью, во всем своем очаровании: яркая, круглая, светлая.

Самый романтический праздник! Только в Китае я по-настоящему поняла смысл древнего классического стихотворения поэта Ли Бай, которое до этого знала и неоднократно декламировала в течение многих лет:

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.
А может быть, это — иней?
Я сам хорошо не знаю.
Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко,
Я голову опускаю —
И родину вспоминаю...
(перевод А. Гитовича)

Оказывается, в Китае издавна, скучая по семье или любимому человеку, смотря на Луну, так как, где бы ни находились разлученные, они всегда видят одно и то же ночное светило, которое как бы объединяет их.

* * *

Варианты названий праздника Середины осени, которые встречались мне в различных источниках:

Чжун-цю цзе;
Чжун-цю цзе (иероглифы *чжун* — разные);
Тхуань-юань цзе;
Ба-юэ цзе;
Нью-эр цзе;
Цю цзе;
Юэ цзе;
Юэ-си цзе;
Юэ-лян цзе;
Ха-ба цзе — в провинции Юньнань;
Бай-юэ цзе — в городе Гуйчжоу;
Нань-гуа цзе — в Гуанси-Чжуанском автономном районе

Праздник Двойной девятки — Чхун-ян цзе

Почему он так называется?

Практически все китайские праздники связаны с сельскохозяйственным календарем. Из математики мы знаем, что существуют четные и нечетные числа, однако в древности китайцы вкладывали в цифры другой смысл. На их взгляд, цифры 1, 3, 5, 7 и 9 по древней китайской философии относятся к энергии **Ян** (阳), одной из восьми триграмм, которая называется *цень* (乾), символизирующей мужское начало мироздания, Небо, Солнце, Северо-Запад, Весну, Отца, Мужа, Государя (☰).

Цифры 2, 4, 6 и 8 — к энергии **Инь** (阴), а также одной из восьми триграмм *кхунь* (坤), символизирующей женское начало мироздания, Землю, Луну, Юго-Запад, Мать, Жену, Подданного (☷).

Исходя из этого, в году имеется пять дней «двойного **Ян**» (重阳), когда порядковый номер месяца совпадает с порядковым номером дня:

- 1-й день 1-ой луны;
- 3-й день 3-й луны;
- 5-й день 5-ой луны;
- 7-й день 7-ой луны;
- 9-й день 9-ой луны.

Почему такие дни называются «двойным **Ян**»? Это связано с древним понятием *чхун-цзю* (崇九): из всех цифр «девятка» — последнее и самое большое однозначное число, поэтому его называют «высшим пределом» (极至), и оно несет смысл «самый большой», «самый высокий», «самый многочисленный» и «самый долгий», т. е. масштаб любого явления приближается к высшему пределу.

Рассмотрим, например, некоторые устоявшиеся выражения.

九霄云外 (выделена цифра «9») — далеко, за тридевять земель; дословно — за **девятью** слоями облаков. Кстати, в русском варианте перевода тоже используется цифра «девятъ»;

九泉 (выделена цифра «9») — загробный мир, тот свет, дословно — **девять** источников;

月儿弯弯照九州 — изогнутая луна освещает Китай; «Китай» дословно — «**девять** областей»; еще раньше, в мифологии, Китай называли «девять островов, образовавшихся после потопа».

Стремясь обозначить особенно большое количество или размер, китайцы используют ту же цифру «9» в разных степенях, например:

十八般武艺样样精通 — в совершенстве овладеть всеми видами холодного оружия; «всеми видами» дословно — «**18-ю** видами», т. е. дважды по девять. Впрочем, это вовсе не значит, что их именно восемнадцать;

七十二变 — о ловком солдате говорят, что он владеет «неисчислимым количеством тактик, приемов, трюков», дословно — владеет «**72-мя** превращениями», т. е. восемь раз по девять.

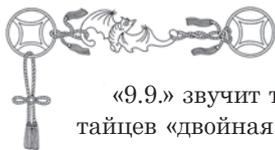
В народе распространена поговорка: 三百六十行, 行行出状元, что значит «Прошел **360** цехов, изучил все ремесла и профессии, и в результате стал победителем на столичных экзаменах», опять же, 40 раз по девять.

Но вернемся к названию праздника. Сочетание двух «девяток» — 9-го числа 9-го месяца дало основание обозначить его как «двойная девятка». Мы помним, что «девятка» обладает мистической силой **Ян**, символизирующей мужское начало, а потому праздник называют еще и «двойным **Ян**» (重阳节).

Праздник Двойной девятки

Еще важно, что в Китае большое значение придают омонимии, потому что в их языке практически каждый слог имеет от нескольких до нескольких десятков омонимов: слова звучат одинаково, а смысл у них разный. (В китайском нет букв, есть лишь слоги).

«9.9» звучит так же, как и «долго, долго» (久久), так что для китайцев «двойная девятка» несет символический смысл «очень долго», ну, как тут не связать праздник Чхун-Ян с мечтой о долгожительстве? Вот и появился у данного фестиваля дополнительный аспект — моление богов о здравии и долгой жизни, и пожилым людям в этот праздник оказывают особое уважение. Отсюда и способ проведения дня «двойной девятки» — подниматься высоко в горы либо отправляться в дальнее путешествие.

Испокон веков в Китае — особое почтение к старикам и старости, — начиная с мифических времен. Здесь существует даже специальное понятие *сяо* (孝) — одна из основ философской системы Конфуция. Данный иероглиф имеет несколько значений, и главное из них — «сыновняя почитательность». Почтение к родителям затмило все другие отношения в обществе. Принцип *сяо* настолько всемогущ в системе социальных отношений, что оправдывал даже преступления. (Читайте мою книгу «Монахи Срединной империи»).

Сяо — один из принципов политики любой династии. Во все времена существовали определенные правила и установки отношения к старшим по положению и возрасту, и к старости — в частности. Например, император Вэнь-ди династии Хань снабжал продовольствием всех в стране, кому перевалило за 80 лет. Ежемесячно он выдавал старикам по одному *даню* риса, 20 *цзиней* мяса, да еще по 5 *доу* вина!

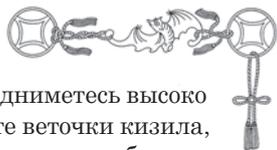
Император поощрял и детей, которые с надлежащим почтением относились к престарелым родителям, — их император одаривал пятью кусками шелковой ткани. Но горе тому, кто не заботился о стариках — дедушках, бабушках и пожилых родителях, — это считалось одним из десяти самых страшных государственных преступлений.

Император Кхан Си последней династии Цин, отмечая день рождения (69 лет), решил устроить грандиозный банкет и пригласил на него 70-летних стариков со всей Поднебесной. Этой чести удостоились 2400 человек.

Легенды о происхождении праздника

1.

В период Поздней Хань жили известный даос-небожитель по имени Фэй Чжан-фан и его ученик-последователь Хуань Цзин. Пролетали весны, миновали осени, перемещались звезды на небе. Через много лет Учитель призвал Хуань Цзина и дал совет: «9-го числа 9-ой луны твою семью может постигнуть большое несчастье. Тебе

следует вернуться домой и спасти всех. Если вы подниметесь высоко в горы с красными мешочками, в которые положите веточки кизила, а в горах выпьете хризантемовое вино, то избавитесь от всех бед».

Хуань Цзин последовал совету: вся его семья, старые и малые, поднялись в горы и лишь к вечеру, когда стемнело, вернулись домой. Там они обнаружили, что вся живность, от цыплят до буйволицы, погибли. Хуань Цзин понял, что животные приняли на себя судьбу домочадцев.

Весть об этом случае облетела соседей, и далее — по всему Китаю. С тех пор в течение многих поколений 9-го числа 9-ой луны все китайцы поднимаются в горы с вином из хризантем и веточками кизила.

2.

В одном селении люди давно страдали от демона чумы. Это чудовище ежегодно 9-го числа 9-го месяца являлось к жителям и забирало кого-то из них. Один из крестьян, юноша по имени Хуань Цзин, мечтал избавить односельчан от демона, но решил что-то предпринять лишь после того, как погибли два человека из его семьи.

Он покинул селение и отправился на поиски Учителя. Много дорог он исходил, расспрашивая у людей о знаменитых магах и мудрецах. Наконец, он нашел высоко в горах даоса-небожителя, которого звали Фэй Чжан-фаном. Через несколько лет, обучив Хуань Цзина всем тайнам своего мастерства, Учитель распрощался с ним, подарив волшебный меч и рассказав, как использовать его против демона. В дополнение даос вручил ученику охапку кизиловых веточек и чайничек с вином из хризантем.

Оседлав журавля (на них обычно перемещаются небожители в китайских легендах), Хуань Цзин вернулся домой. Он успел как раз к 9-му числу 9-ой луны и, как советовал Учитель, раздал односельчанам ветки кизила, которые способны отпугнуть чудовище, и предложил по глотку вина, чтобы они не заболели чумой.

Все жители поднялись на высокую гору, и чудовище не осмелилось последовать за ними, учуяв запах кизила и вина из хризантем. Но сам юноша остался в селении, спрятавшись в доме, и демон это почувствовал. Обрадовавшись и испустив страшный рык, он бросился в дом в надежде поживиться. Хуань Цзин не испугался и вышел навстречу с волшебным мечом. Сражение длилось недолго, и демон пал.

С тех пор никто больше не беспокоил людей, однако обычай подниматься в этот день высоко в горы сохранился, и теперь жители Поднебесной делают это не со страхом, а с радостью.

3.

Легенд о Хуань Цзине и его наставнике немало, и все они различаются лишь в деталях. Но есть одна, в которой секретами защиты от демона чумы с Хуань Цзином поделился не даос, а «красный ребенок». В ней утверждается, что юноша был образованным человеком, который учился у Фэй Чжан-фана, путешествуя с ним по Поднебесной.

Однажды в Китае случилось большое бедствие: сначала с небес обрушились потоки воды, которые привели к наводнениям, а затем началась засуха. Затопленные поля высохли так, что не только урожая, но и зеленой травки давно никто не видел.

Наставник Фэй сказал ученику: «Теперь, скорее всего, начнется эпидемия чумы». Хуань Цзин испугался за свою семью, распрощался с Учителем и отправился в обратный путь.

Шел он три дня и три ночи, но преодолел лишь половину пути. Ночи стояли такие темные, что Хуань Цзин не знал, в каком направлении двигаться, — на вытянутой руке невозможно увидеть пальцы. Непонятно, есть ли поблизости селение, да и расспросить не у кого.

И тут он заметил под большим деревом плачущего ребенка.

— Спасите меня, — попросил тот, — я не могу ходить. Посадите на спину и отнесите домой.

— А далеко ли живешь?

Ребенок лишь указал рукой вперед.

Пришлось взвалить его на спину, хотя Хуань и без того очень устал. Ноги его буквально заплетались и отказывались двигаться. Пройдя большой отрезок пути, Хуань удивился:

— Где же твой дом?

— Недалеко, впереди, — ответил мальчик.

Уже рассвело, и Хуань Цзин обнаружил, что не только одежда, но и тело ребенка абсолютно красные, словно у него жар. Не в силах двигаться дальше, юноша решил передохнуть, но красный ребенок вновь начал плакать, широко открыв рот. Не выдержав вопля, Хуань вздохнул и пошел по дороге дальше в неизвестном направлении.

Тем временем настроение у ребенка, оседлавшего юношу, изменилось, и он радостно запел:

9-го 9-го столкнетесь вы с бедой,
 Расшейте разноцветный шар,
 Мешочек ароматный захватите,
 И не забудьте взять вино из хризантем,

Взберитесь в горы высоко,
Смотрите вдаль, и бедствие минует вас!

— Что такое «9-го 9-го»? И что значит — «столкнетесь с бедой»?
Но ребенок не отвечал и продолжал петь:

9-го 9-го столкнетесь вы с бедой,
Воткните в волосы побольше веточек кизила!

Вскоре юноша почувствовал, что красный мальчик безвольно повис на его спине и крепко уснул. Юноша осторожно снял его и опустил на траву, чтобы и самому отдохнуть, но ребенок тут же проснулся и стал вновь безостановочно кричать и плакать. Пришлось продолжить путь. В очередной раз наступил рассвет, и мальчик, наконец, рассмеялся:

— Мы пришли, вот мой дом! Спасибо, что преодолел такой длинный путь!

Сказав это, ребенок превратился в дымок и исчез. Но Хуань настолько устал, что у него не осталось сил чему-либо удивляться. Ноги подкосились, он упал на землю и крепко уснул.

Разбудил его шум. Открыв глаза, он обнаружил себя перед воротами собственного дома! Родные очень обрадовались ему:

— Мы давно ждем тебя, уже два дня! Нам сказали, что ты вернешься именно сегодня.

— Кто сказал? — удивился Хуань Цзин.

— Три дня назад тут проходил краснокожий мальчик, он и сказал.

— А что еще он говорил?

— Ничего, он лишь пел песенку, которую мы хорошо запомнили.

— Про 9-е 9-е?

— Да.

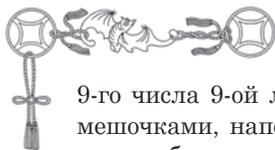
— А какое сегодня число?

— 9-й день 9-й луны. А что?

— Собирайтесь скорее, — разволновался Хуань Цзин. — Идите все за мной, не мешкая! Но прежде наломайте веточек кизила и наберите цветов хризантем, чтобы бросить их в бутылку с вином.

Ничего не понимая, родственники Хуань Цзина подчинились ему: набрали веток и цветов, захватили вино и поднялись в гору. Там они, оказывается, спаслись от смерти, потому что, вернувшись, обнаружили, что не только вся живность во дворе лежала на земле без признаков жизни, но и соседи погибли.

Мучаясь угрызениями совести из-за того, что, спасая семью, не подумал о соседях, Хуань Цзин решил посвятить свою жизнь распространению знаний о спасении от эпидемии. С тех пор ежегодно

9-го числа 9-ой луны китайцы поднимаются в горы с расшитыми мешочками, наполненными кизилом, пьют хризантемовое вино и едят особые пирожные.

Во все времена все народы мечтали о высоте, о небе. В Библии есть сведения о Вавилонской башне. В городе Вавилон их возвышалось несколько, и самая большая достигала 91 метра в высоту и называлась Этеменанки, что переводится «дом, где соединяются Небеса с Землею».

О таком мечтали и китайцы: чтобы небожители могли спускаться на землю, а обычные люди имели возможность оказываться на небе. Правда, такое свободное перемещение китайцы представляли себе не с помощью башни, а более естественным путем, — например, посредством высоченной горы Кхунь-лунь или огромного дерева *фу-сан*.

Согласно древнекитайской философии все в мире произошло от Великого Предела, ибо вначале был только Великий Предел (*тхай-цзи*), который, раздвоившись, и породил *Инь* и *Ян*, женское и мужское начало. *Инь-Ян* дали жизнь Пяти Первоэлементам (*у-син*): Дереву, Огню, Земле, Металлу, Воде, и уже эти Пять Первоэлементов породили все сущее на земле.

Но в Поднебесной существует и более примитивное объяснение сотворения мира. Согласно мифологии, изначально мир представлял собой огромный шар с хаосом внутри. В этом хаосе крепко спал Пхань-гу (盤古), — первый человек Китая.

Но однажды он почему-то проснулся и возмутился, что в мутном шаре ничего не видно. Он взял топор и прорубил мрак. Шар раскололся, и все легкие вещества из первоначального хаоса поднялись кверху, образовав Небо, а все тяжелые опустились вниз, создав Землю.

Так появились небо и земля, но расстояние между ними оказалось неудобно маленьким, и Пхань-гу начал увеличивать его. Упервшись ногами в землю, руками приподнимал небо; работа оказалась нелегкой, и ему удавалось ежедневно увеличивать расстояние лишь на один *чиы*.

Не выдержав напряжения, Пхань-гу, в конце концов, скончался. Его левый глаз превратился в Солнце, а правый — в Луну. Руки, ноги и тело стали горами и равнинами, кровь — реками и морями. Так был сотворен мир.

С тех пор лишь бессмертные могли спускаться в мир людей, а люди в своем стремлении приблизиться к небу любят подниматься в

горы. Так что праздник Двойной девятки можно рассматривать, как попытку приблизиться к мечте.

Есть еще одно объяснение широкого распространения праздника среди простых людей. Оно более прозаично, но и больше похоже на правду. Якобы супруга Люй императора Гао-цзу (Лю Бан) династии Хань так ревновала его к новой прекрасной наложнице, что с помощью слуг расправилась с ней.

Нет, она не подвергла соперницу мучительной смерти, как это часто случалось, а просто отдала замуж за бедного крестьянина. Несчастливая, живя в нищете, нередко предавалась сладким воспоминаниям и рассказывала подругам-крестьянкам о жизни в императорском дворце. Из ее рассказов простые люди и узнали о празднике Двойной девятки, который отмечали правитель и его придворные.

Восхождение на высоту и пирожные

Важными сопутствующими элементами праздника можно назвать следующие:

- восхождение на гору;
- угощение пирожными;
- употребление вина из хризантем;
- освобождение на волю домашних животных;
- поедание хурмы;
- украшение головы ветками кизила;
- запуск воздушных змеев;
- добавление «зерна долголетия».

Осенью в горах созревают дикie плоды, а у крестьян после сбора урожая появляется свободное время для отдыха и сбора «малого осеннего урожая» (小秋收), — фруктов, ягод, орехов и других диких растений. Поэты пишут стихи, а молодежь влюбляется.

Есть у китайцев трафаретное выражение *бу-бу гао-шэн* (步步高升) — «стремительный рост, блестящая карьера», но дословный перевод иероглифов — «шаг за шагом все выше и выше». И подъем в горы люди воспринимают именно так — как символический подъем к жизненным успехам.

В Пекине принято подниматься в горы Сян-шань («Ароматные»), в Гуанчжоу — гулять в горах Бай-юнь-шань («Белые облака»), на Тайване — в горах Ян-юэ-шань (Солнце и Луна).

А как отмечают праздник жители населенных пунктов, рядом с которыми нет ни гор, ни возвышенностей, ни даже пагод и башен? Есть прекрасный выход — полакомиться специальными пирожны-

ми, которые называются *чхун-ян гао* (重阳糕), «пирожное двойной девятки», потому что слово «пирожное», как и слово «высота», звучат одинаково: *гао*.

В пирожные нередко втыкают маленькие треугольные флажки, как символ покорения высоты. А если рядом зажигают лампу со свечой, то получается фраза «взобраться высоко»: «лампа» и «взобраться» звучат одинаково — *дэн*, «высоко» и «пирожное» тоже омонимы — *гао*.

В разные времена такие пирожные, как водится у китайцев, носили разные названия:

- в эпоху Хань — *пхэн-эр* (蓬饵);
- в эпоху Тхан — *ма-гэ-цзао* (麻葛枣) или *ми-цзинь-гао* (米锦糕);
- в период Сун — *цзюй-гао* (菊糕); при этом пирожное украшали не только треугольным флажком, но и зернами граната (пожелание многочисленного потомства) и кедровыми орешками (пожелание родить сына);
- во времена Мин и Цин — *хуа-гао* (花糕), т. е. «цветочные», которые по форме напоминали различные цветы.

Рецепт праздничных пирожных, естественно, в разных районах Китая всегда различался. На севере главным компонентом являлась мука, в которую добавляли дрожжи. В миску кладут различные плоды, орехи, замоченные в меду фрукты, заливают их дрожжевым тестом и готовят в травяном ситечке на пару. Пирожные получают мягкими и рассыпчатыми.

На юге — свои привычки. Главным компонентом является рис. В рисовую муку добавляют воду и сахар, и тоже готовят на пару. Остывшую массу режут на небольшие кусочки, напоминающие по форме водяной орех (рогольник). Благодаря растительным красителям пирожные получают пяти цветов: белые — из белой рисовой муки, красные — из бурого риса, черные — с добавлением зерен кунжута, желтые — с добавлением тыквы, красновато-фиолетовые — из красной фасоли. Сверху их украшают засахаренными фруктами.

Разница между северными и южными пирожными *чхун-ян-гао* понятна. Но Китай огромен, а потому распространены и другие спобы, о которых свидетельствуют даже названия.

В районе реки Амур, на севере, делают «нарезное пирожное из пшена» *хуан-ми це-гао* (黄米切糕).

В провинции Шаньси лакомятся «пузырчатыми жареными в масле» пирожными *пхао-пхао ёу-гао* (泡泡油糕).

В городе Тхеньцзинь распространены «жареные в масле ушки» *эр-до-ень-эр чжа-гао* (耳朵眼儿炸糕).

В провинции Цзянсу — *цень-цхэн ёу-гао* (千层油糕), «многослойные пирожные, жареные в масле».

В провинции Чжэцзян — *шуан-линь цзы-сунь-гао* (双林子孙糕), «буддийское пирожное сыновья и внуки».

На Тайване готовят *чжи-ма най-цхэн-гао* (芝麻奶层糕), «молочное многослойное пирожное с кунжутотом».

В провинции Гуандун — *цзи-ёу ма-ла-гао* (鸡油马拉糕), «паровое сдобное пирожное с куриным жиром».

В провинции Гуанси популярным является «пирожное с водяными каштанами Копыто лошади», *ма-тхи-гао* (马蹄糕).

В провинции Сычхуань в праздник едят *го-цзян бай-фэн-гао* (果酱白蜂糕), «медовый пирог на пару с повидлом».

Иероглиф *гао* (пирожное), встречающийся во всех названиях, может ввести в заблуждение, ведь на самом деле все эти изделия не имеют никакого отношения к пирожным в нашем понимании. Это просто местные лакомые изделия, «понятные» лишь жителям этой страны. Естественно, раз у них никогда не имелось приспособлений вроде духовки, не могло появиться и порогов с тортами и пирожными, не существовало и специального слова для их обозначения.

Свои лакомства китайцы готовят на пару или жарят в масле. А иероглифом *гао*, согласно словарю, могут обозначать и «печенье» (опять же, от слова «печь», а в Китае никогда ничего не пекли), и «лепешку», и «запеканку», и «кекс», и «бисквит», и «торт», и «пирожное», потому что, повторюсь, специальных иероглифов для обозначения европейских кондитерских изделий в китайском языке нет.

Ветки кизила

Обычай использовать ветки этого растения возник вот каким образом. Кизил — это кустарник высотой примерно в один *чжан*. Цветет он бело-зелеными цветочками; маленькие плоды — сначала желтые, а когда созреют, становятся красно-фиолетовыми. Кизил обладает яркими целительными свойствами, и об этом известно с древности: и цветы, и листья, и плоды добавляют в лекарства. В старинных книгах дается рекомендация сажать кизил рядом с колодецем, чтобы листья опадали в воду, и тогда она становилась целебной.

Веточка кизила, украшающая прическу, способна уберечь женщину и от болезней, и от злых духов, и даже от укусов насекомых, которых в это время года особенно много в Китае, — считают жители этой страны. Мужчины либо сами прикрепляют веточки к руке, либо девушки вешают на шею своим возлюбленным шелковые рас-

шитые мешочки с кизилом, так что использование этого растения во время праздника вовсе не случайно.

Хризантемовое вино

Хризантема — один из «десяти великих цветков» Китая, который выращивают здесь боле трех тысяч лет. Время цветения этого растения достаточно долгое — с 8-го по 11-й месяц по лунному календарю, — четыре месяца. Хризантемами в Китае любуются — есть такой элемент культуры — любование определенными цветками в соответствующий период; их употребляют в пищу, из них изготавливают напитки, в том числе и вино. Поэтому 9-й месяц называют еще и «месяцем хризантем».

Хризантема, как и кизил, считается целебным растением; еще в период Мин известный лекарь Ли Ши-чжэнь (李时珍), автор «Компендиума лекарственных веществ», говорил, что «хризантема излечивает 100 болезней»: очищает печень, снимает воспаление, помогает при головной боли и простуде, лечит глаза.

В Китае принято добавлять мелкие цветки хризантемы (напоминающие нашу ромашку) в чай; считается, что такой напиток охлаждает в жару. Неудивительно, что этот цветок, который в Китае зовется *цзюй-хуа* (菊花), имеет и другие названия: цветок долголетия (长寿花), мастер-долгожитель (寿客), желтый цветок (黄华) и пр.

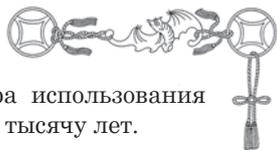
Есть исторические сведения о селении в тридцать с лишним дворов, жители которого в течение долгого времени пользовались водой из горного ручья. А ручей этот стекал в ущелье с гор, омывая при этом кусты хризантем. Было замечено, что все крестьяне являлись долгожителями, некоторые из них прожили 120–130 лет.

Высокие чиновники из города Нань-ян, проведавшие о таком феномене в своем районе, приказали доставлять родниковую воду из селения и для них, в результате постепенно все они избавились от своих прежних хворей.

Китайцы верят, что хризантема продлевает жизнь, способствует долголетию. Поэтому в праздник Двойной девятки принято собирать эти цветки для разных целей, в том числе и для украшения причесок. Интересно, что цветы втыкали в волосы не только женщины, но и мужчины.

Многие торговцы в качестве рекламы и привлечения покупателей делали в дверях магазинов арки из хризантем, либо вывешивали большие шары из цветов с этой же целью.

Китайцы любят цветением хризантем и добавляют их в вино, — такой информацией трудно кого удивить. Но из цветов делают еще и салаты, супы, начинку, пирожные, печенье, кашу, упо-

требляют в обжаренном виде. Причем, культура использования хризантем в таком качестве известна в Китае уже тысячу лет.

Воздушные змеи

Во многих местах Китая в праздник Двойной девятки принято запускать воздушных змеев, *фэн-чжэн* (风筝), и этот обычай имеет свои особенности, — змеев изготавливают только в форме животных и растений.

Кстати, эти бумажные или шелковые изделия для развлечения в нашем языке носят название «змеев», возможно, потому, что первые попавшие в Россию подобные игрушки были выполнены в форме дракона. По-китайски же их называют «чжэн, звенящий на ветру», а по форме они могут встречаться самые разные, даже в виде человеческих фигур, не говоря уже о рыбах, птицах, животных, различных предметах, и все — звенят на ветру. *Чжэн* — древний музыкальный струнный щипковый инструмент с очень красивым звучанием.

Истоки обычая запускать змеев в этот праздник — в древности, когда смысл данного действия заключался в том, чтобы «отпустить неудачи, несчастья и невезения», *фан хуй-ци* (放晦气). Во время праздника Двойной девятки люди пишут свои имена на бумаге и прикрепляют к воздушному змею, чтобы тот с ветрами унес все плохое на небо, как можно выше и дальше, и чтобы оно никогда не смогло вернуться.

Освобождение на волю животных

В некоторых районах Китая в этот праздник принято выпускать на волю домашних животных (лошадей, коров, овец). По этому поводу сочинили поговорку: Празднуешь «Двойную девятку», — выпусти теленка и ягнятку.

Как возник такой обычай? Почти во всех легендах о юноше Хуань Цзине, который спасал людей от эпидемии, поднимаясь с ними в горы, есть эпизод, когда вернувшиеся крестьяне обнаружили во дворе погибшую живность. В одном из сказаний Хуань Цзин научил людей выпускать на волю домашних животных, чтобы они избежали смерти и унесли из дома все беды и болезни.

Добавление «зерна долголетия»

В Гуанси-чжуанском автономном районе распространен иной обычай. Там праздник Двойной девятки называют праздником Долголетия. Когда пожилым членам семьи исполняется 60 лет,

дети или внуки дарят им персональный глиняный чан с небольшим количеством рисового зерна.

После этого ежегодно 9-го числа 9-го месяца старики понемногу добавляют в свой чан рис, и так — до тех пор, пока емкость не наполнится. Рис из этого чана может есть лишь владелец, да и то — только в случае болезни. Занедужил старичок — родные варят ему рис из его «собственного» чана, т. к. верят, что он способен izbавить от болезни и продлить жизнь.

Бо Я и Чжун Цзы-ци

В праздник Двойной девятки принято вспоминать о Бо Я (伯牙), потому что знаменитый музыкант полжизни провел высоко в горах.

На горе Хань-ян (汉阳), в провинции Хубэй, недалеко от города У-хань, есть площадка *цинь-тхай* (琴台), на которой, согласно сказаниям, когда-то очень давно, до нашей эры, в эпоху Весны и Осени, Бо Я сочинял свои мелодии и играл на *цине*. Природа здесь потрясает своей красотой: напротив площадки, к востоку, — Черепашья гора (龟山), к северу — Лунное озеро (月湖).

Цинь по-другому называют еще китайской цитрой; это семиструнный щипковый «настольный» инструмент, который во время игры можно класть и на колени. Впоследствии он дал название многим современным музыкальным инструментам, пришедшим в Китай из других стран: пианино — *ган-цинь*, губная гармоника — *кхоу-цинь*, орган — *фэн-цинь*, скрипка — *тхи-цинь* и т. д.

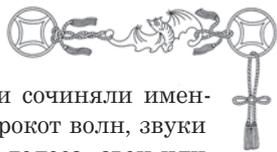
Древние исторические записи «Ле-цзы» (列子) и «Люй-ши Чхунь-Цю» (吕氏春秋) донесли до нас прекрасную историю о дружбе и взаимопонимании.

Бо Я мечтал научиться играть на *цине* и долго искал подходящего Учителя. Ему повезло — лучший музыкант Поднебесной по имени Чхэн Лень (成连) принял его в качестве ученика и делился своим мастерством в течение трех лет.

Настал момент, когда Учитель сказал: «Больше ничему не могу научить тебя, — ты все постиг. Но есть еще один Учитель, — самый лучший в Поднебесной, и я отвезу тебя к нему».

Сели они в лодку, которую Учитель направил к гористому острову Пхэн-лай (обитель бессмертных, согласно легендам) в Восточном море. Когда лодка причалила, изумленный Бо Я вышел на берег. «Не похоже, что тут может кто-то проживать», — подумал он.

Учитель вернулся на материк, а Бо Я принялся изучать небольшой остров, взбираясь все выше в горы. Наконец, он понял, что имел в виду Учитель: никакой, даже самый талантливый человек не сможет научить игре так, как сама Природа.

Надо пояснить, что в древнем Китае мелодии сочиняли именно так: подражая звукам природы. Шум прибоя, рокот волн, звуки леса, ругань птиц, — их печальные и радостные голоса, звон или шелест ручьев, пение насекомых, — все это следует пропустить через сердце и превратить в мелодию.

Когда Учитель вернулся на лодке за своим учеником, того уже действительно можно было назвать великим мастером. Его произведения «Владыка вод» (драматическое), «Высокие горы, текущие ручьи» дошли до нас, и современные музыканты их исполняют, радуя слушателей.

Среди пьес для *циня* существовало четыре жанра:

- *цинъ-цхао* (琴操) — надрывный (драматический);
- *цинъ-чхан* (琴暢) — романс;
- *цинъ-инь* (琴引) — протяжный (элегия);
- *цинъ-лун* (琴弄) — живой, стремительный темп (скерцо).

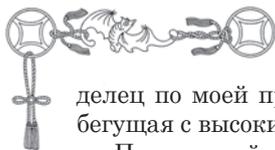
К сожалению, в родном селении, куда Бо Я вернулся, никто не понимал его музыку, и никому его высокое мастерство оказалось не нужно, — у крестьян другие заботы и иные развлечения.

От обиды и разочарования Бо Я удалился высоко в горы, где стал жить отшельником, непонятым и несчастным, — ведь он учился, чтобы радовать людей своим талантом. Полжизни он провел в горах, слушая музыку природы и воспроизводя ее с помощью своего инструмента.

Поделюсь своими эмоциями. История Бо Я настолько впечатлила меня, что я искала любые возможности, чтобы послушать, как звучит этот инструмент. Его кладут горизонтально на специальный столик и пальцами играют на струнах. Неоднократно прослушала композицию «Вода, бегущая с высоких гор» (один из вариантов перевода четырех иероглифов «高山流水»). И сама мелодия, и звучание струн — божественные, «космические»: на земле такой музыки существовать не может.

Через много лет после того, как я узнала о Бо Я и услышала звучание чудесного инструмента, я отмечала круглую дату. Мы жили в Шанхае, и муж подобрал мне в подарок кольцо и серьги с лунным камнем редкой красоты, которые мастер выполнил в единственном экземпляре. Они еще не были куплены — супруг предложил мне на выбор несколько вариантов подарка.

Я попросила: «Раз ты готов потратить такие деньги, купи мне лучше древний *цинъ*». Не могу сказать, что эта просьба понравилась супругу, однако он исполнил мою мечту. Мы «перепробовали» несколько инструментов, прислушиваясь к их звучанию. Мастер-вла-

делец по моей просьбе исполнил знаменитое произведение «Вода, бегущая с высоких гор», удивившись моей осведомленности.

Прекрасный *цин* из красного дерева с перламутровой инкрустацией стал моим. Семь струн — из шелка особого качества. Они натянута на два колка «ноги гуся», спрятанных на тыльной стороне: на одном — три, на другом — четыре струны. К инструменту кушили и вполне современный электронный камертон.

Цин издавна использовался для исполнения чрезвычайно рафинированной, эзотерической и достаточно изящной музыки. Утонченность этого искусства проявлялась даже в том, что следовало контролировать пульсацию крови в кончике пальца, чтобы нажим на струну оказался должной степени. В западной музыке нет ничего подобного. Интонации струн, как и все у китайцев, имеют невероятно поэтичные названия: «крик голубя, предвещающего дождь», «доверительный шепот», «цветы, брошенные в поток и уносимые им» и т. д.

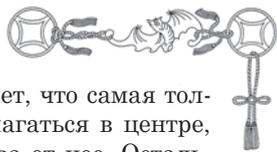
Продолговатый деревянный фигурный корпус подразделяется на «лоб», «шею», «плечи» и «талию». Он не имеет грифа, длина его равняется 3 *чши*, 6 *цхуням* и 5 *фэням*, что вместе символизирует 365 дней в году. Каждая часть инструмента имеет символическое значение. Пять основных струн соответствуют пяти первоэлементам, или стихиям *син* — Дереву, Огню, Земле, Воде и Металлу. В эпоху Цин семь струн стали соотносить с семью днями недели.

Тринадцать перламутровых меток на верхней деке ассоциируются с двенадцатью обычными и одним дополнительным лунными месяцами года, и считать их следует справа налево. Верхняя дека символизирует Небо, нижняя — Землю.

Бока инструмента называются «крыльями феникса», а два резонаторных отверстия в нижней деке — «озеро дракона» и «прудом феникса» (Дракон и Феникс — символы Императора и Императрицы, Мужчины и Женщины). Два колка, на которых крепятся струны, — «ноги гуся», или «ноги феникса». Верхний порожек — «десны дракона», а мост — «вершина горы». Есть также «голова и хвост дракона», «церемониальная шапка», «городская дорога» и многое другое.

Первоначально *цин* имел пять струн, но его более поздняя форма, которая существовала уже в период Чжоу, стала семиструнной. По легенде, шестую струну добавил родоначальник чжоуской династии Вэнь-ван, чтобы оплакать своего сына Бо И-кхао, зверски убитого последним шанским правителем. Его сын и преемник У-ван добавил седьмую струну, чтобы воодушевлять свои отряды в сражениях с шанцами.

Согласно древней традиции, по толщине струны подразделяются на три группы: тонкие струны («великая древность»), средние («средняя ясность»), толстые («усиление акцента»).

Историк Сыма Цень в работе «Юэ-шу» поясняет, что самая толстая струна, издающая ноту *гун*, должна располагаться в центре, подобно правителю. Струна с нотой *шан* — справа от нее. Остальные струны размещаются, «не нарушая своего порядка», в положении «правителя и слуги». В конфуцианской традиции им приписывалось магическое воздействие на общество, где *гун* соответствовала государю, *шан* — министрам, *цзюэ* — народу, *чжи* — делам, а *юй* — материальным ресурсам.

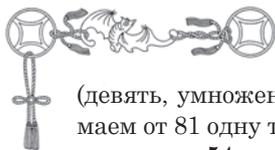
Нота *гун*, оказываясь в середине, подобно «Великому пределу» (太極) китайской космологии, порождает противоположные субстанции **Ян** и **Инь** — высокие и низкие звуки. Между нотами существуют математические отношения: шелковые струны должны сплетаться из нитей в количестве 108 (нота *гун*), 96, 81, 72, 64, 54, и 48.

В европейской музыке используется диатонический звукоряд семи ступеней, состоящий из тонов и полутонов. Древнекитайский нотный стан имел всего пять нот, потому их музыка, на наш взгляд, лишена мелодичности, кажется «рваной». Ведь у европейцев не только семь нот, но и специальные музыкальные знаки, понижающие или повышающие ноту на пол-тона. В китайской нотной грамоте пять звуков *гун*, *шан*, *цзюэ*, *чжи*, *юй* соответствуют современным нотам до, ре, ми, соль и ля (фа и си отсутствуют). Китайские музыканты полагали, что:

- в ноте *гун* слышатся расставание, разлука;
- в *шан* — любовь;
- в *цзюэ* слышится гнев;
- нота *чжи* приятна для слуха;
- нота *юй* вызывает зрительные образы.

Китайцы убеждены: музыка способна влиять на общество, гармонизировать его. Она считалась внутренним упорядочивающим началом. Древняя ритуальная музыка имела нравственную значимость, умирняя страсти и побуждая благородство. Существует легенда, в которой одного древнего философа привели в горное ущелье, где круглый год холодно. Он очень озяб, и тогда заиграл на *цине* мелодию Чжэн. В результате вокруг него становилось теплее и, в конце концов, во всем ущелье стало жарко, так что философ не погиб от холода. Можно сделать вывод, что музыка помогала упорядочить даже окружающую среду.

Китайцы пользуются **пентатоникой**, звукоряд которой не содержит полутонов. Пентатоника — это лад, состоящий из пяти нот в пределах одной октавы. Он строится на основе метода *сань-фэнь сунь-и* (三分损益), — «делить на три, убавлять или прибавлять». Это происходит так. Берется тоника, которой присваивается число 81

(девять, умноженное на девять). Оно соответствует тону *гун*. Отнимаем от 81 одну треть (27), и получается 54 — тон *чжи*. К «трем третям числа 54» прибавляем одну треть (18), и получается 72 — тон *шан*. От «трех третей числа 72» отнимаем одну треть (24). Получается 48 — тон *юй*. К «трем третям числа 48» прибавляем одну треть (16). Получается 64 — тон *цзюэ*.

Играть на цине невероятно сложно: существует до 26 способов извлечения звуков и 8 видов техники правой руки. Кроме того, необходима специальная музыкальная нотация. Для этого придумали систему идеограмм, верхняя часть которых обозначает позиции прижатия струн левой рукой, а нижняя — щипания их правой рукой. Помимо этого используют еще более двухсот знаков, которые символизируют характер прикосновения к струнам, длительность звуков, вибрато, глиссандо, изменения темпа и т. д.

Не удивительно, что умение играть на *цине* с древности считалось правилом хорошего тона для благородного мужа, а с периода Сун вошло в четверку высших искусств — *цинъ ци шу хуа* (琴棋书画), т. е. музицирование на *цинъ*, игра в шахматы, каллиграфия и живопись.

Существуют даже правила, регламентирующие, когда можно или нельзя играть на *цине*, и они свидетельствуют о трепетном отношении музыкантов к своему инструменту и музыке вообще.

Можно играть на *цине* в следующих случаях.

1. Встретив кого-то, кто понимает музыку.
2. Встретив подходящего человека.
3. Для даоского отшельника.
4. В зале с высоким потолком.
5. Поднявшись на самый верх павильона.
6. В даоском монастыре.
7. Сидя на камне.
8. Взобравшись на гору.
9. Отдыхая в долине.
10. Прогуливаясь на берегу.
11. В лодке.
12. Отдыхая в тени дерева.
13. Когда две сущности природы находятся в гармонии.
14. При прохладном ветерке и яркой луне.

Нельзя играть на *цине* в следующих случаях.

1. В ветер, дождь и бурю.
2. Во время солнечного или лунного затмения.
3. Около тюрьмы.

4. На рынке или в лавке.
5. Для варвара.
6. Для вульгарного человека.
7. Для торговца.
8. Для куртизанки.
9. Будучи пьяным.
10. После сексуального сношения.
11. В неряшливой или странной одежде.
12. При лихорадке и потливости.
13. Не помыв рук и не прополоскав рта.
14. В шумном окружении.

Возвращаясь к моему подарку, — мужу было непонятно: зачем покупать инструмент, на котором я играть не умею и никогда не научусь? Я взяла несколько уроков у мастера, однако стоили они слишком дорого, так что продолжения не последовало. И все же польза есть: благодаря инструменту я заглянула в такой необъятный и интересный мир, напоминающий незнакомую цивилизацию, что впечатлений хватало надолго.

Теперь в любой момент могу тронуть струны и услышать ни с чем не сравнимое звучание. Эхо звуков длится, а я глажу шелковистое дерево и думаю о вечном, великом, самом значимом, мечтаю о жизни без агрессии, без суеты, чтобы «открыть уши» для звуков Природы.

Бо Я, проведя много лет в горах, сочинил множество мелодий, как ему казалось, — никому не нужных. Но не писать музыку он не мог, — это стало смыслом его жизни.

Однажды, перебирая струны, Бо Я услышал, как за спиной сорвался вниз небольшой камень. От неожиданности он так вздрогнул, что порвал струну. Оглянулся и увидел удобно расположившегося человека, который, похоже, давно слушал игру.

— Тебе нравится моя музыка?!

— Очень!

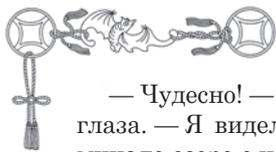
— И ты понимаешь, о чем я играю?

Потрясенный Бо Я предложил:

— Расскажи, о чем эта мелодия, — и он тронул струну второй луны (февраль).

— До чего прекрасно! — восхитился незнакомец, прослушав музыку до конца. — Я видел молодую траву, тянущуюся к весеннему солнцу, с гор бежали свежие ручьи, сливаясь в общий поток, и шум его походил на гимн жизни.

— Послушай еще! — боясь поверить, что обрел друга, попросил Бо Я и тронул струну девятой луны (сентябрь).

— Чудесно! — воскликнул долгожданный слушатель и открыл глаза. — Я видел небольшое поле созревших колосьев. Оно напоминало озеро с нежными волнами, когда над ним пролетал легкий ветерок. В моей бороде запуталась паутинка, а на колено сел печальный мотылек...

— Ты слышишь мою музыку, как будто слышишь мое сердце! — воскликнул потрясенный Бо Я.

Незнакомца звали Чжун Цзы-ци (钟子期), обосновался он в далеком селении, а в горах оказался, поскольку приходил проведать своих родителей, что живут неподалеку.

Счастливый Бо Я в течение нескольких часов играл для Чжун Цзы-ци свои мелодии, и оба не могли наговориться. Условились, что непременно встретятся через год, когда почтительный сын вновь навестит своих родителей.

В течение года вдохновленный Бо Я сочинял одну прекрасную мелодию за другой, — теперь он знал, что его музыка кому-то нужна.

Но через год его друг не появился. Встревоженный Бо Я разыскал его родителей и узнал, что их сын заболел и умер вскоре после того, как навестил их в прошлом году. Можно представить, что испытал знаменитый музыкант, потерявший единственного слушателя, который его понимал, ведь он ждал этой встречи полжизни!

В течение нескольких дней шел он к могиле друга. Усевшись перед памятной плитой и воскурив благовония, он проиграл все мелодии, сочиненные в течение года, и игра его была вдохновенной и гениальной. А затем он в отчаянии разбил свой любимый инструмент о каменную плиту.

Эта трогательная история дошла до нас через тысячелетия, как ни странно, не благодаря таланту музыканта, а благодаря таланту слушателя. Ведь каждый из нас мечтает о человеке, который способен всегда и во всем понимать нас.

Бо Я

Праздник Зимнего солнцестояния — *Дун-чжи цзе*

Месяц *ла* — самое холодное время в Китае, и после 8 числа месяца *ла* до сезона *дун-чжи* (冬至), зимнего солнцестояния, уже совсем близко, как и до печальных праздников Холодной пищи и Цин-мин. В месяце *ла*, последнем в году, начиная с сезона *дун-чжи*, наступает «девять девятидневков самых холодных дней в году» (数九寒天), поэтому данному сезону в Китае с древности придавали большое значение.

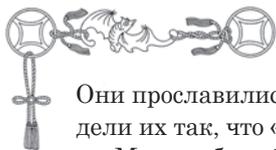
Начиная с династий Инь и Чжоу и до династии Цинь сезон *дун-чжи* считался началом года (岁首). Судя по древним календарям, этот сезон являлся и первым днем нового года (元旦), и отмечался очень торжественно. После замены старого календаря на лунный (阴历), сезон *дун-чжи* отошел на второй план, а сейчас о нем и вовсе мало, кто помнит.

В данном сезоне — самые короткие световые дни в году, и самые длинные ночи. В народе говорят: «Как радостно развлекаться в период «летнего солнцестояния» (夏至)! Как сладко спится во время «зимнего солнцестояния!»

После *дун-чжи* дни становятся все длиннее, сила природы **Ян** возрастает. Если измерять с помощью тени от солнца (по солнечным часам), то продолжительность дня ежедневно увеличивается на один *фэнь*, поэтому крестьяне говорят: «В *дун-чжи* происходит поворот солнца на лето». У земледельцев выдается короткий отдых, и в то же время начинается подготовка к посевной в новом году.

Согласно народным обычаям, в этот сезон следует есть куски горячего *доу-фу*, чтобы стать богатым и знатным. Еще говорили: «В сезон *дун-чжи* ешь пельмени *хунь-тхунь*, в сезон *ся-чжи* ешь лапшу». Почему советовали есть *хунь-тхуни*? На этот вопрос отвечает народное сказание.

Во времена династии Хань племена *сюн-ну* (гунны, хунны) часто нарушали границы Поднебесной своими набегами, и народ не знал покоя. Варваров возглавляли два вождя по имени Хунь-ши (浑氏) и Тхунь-ши (屯氏), где иероглиф «ши» означает «фамилия», «род».

Они прославились чрезвычайной жестокостью, и крестьяне ненавидели их так, что «пробирало до костей», как говорят китайцы.

Миролюбивый китайский народ никогда не отличался воинственностью, стремлением завоевывать чужие территории, зато известен своим безграничным терпением и лояльностью. Крестьяне решили «отомстить» оригинальным способом, используя все ту же пресловутую омонимию. Они стали готовить мясную начинку и заворачивать ее в тесто, чтобы получились крошечные пельмени — «уголочки» *цзяор* (角儿). Подбирая название новому блюду, мелким пельменям в супе, они использовали иероглифы, похожие по звучанию на имена злодеев, — *хунь-тхунь* (馄饨).

Китайцам казалось, что, пережевывая пельмени, они выражают свое презрение к врагам. После такой ритуальной трапезы крестьяне молились, прося мира, спокойствия и отдыха от войн и беспорядков.

В других районах Китая, в отличие от северян, существовали иные традиции в отношении ритуальной еды: «в сезон *дун-чжи* ночью ешь замороженную собачатину» (冬至夜吃冻狗肉) и «в сезон *дун-чжи* пей старую гаоляновую водку» (冬至喝老白酒). Еще предписывалось есть редьку, «чтобы не болело горло, чтобы не простужаться».

Эти обычаи возникли, конечно же, благодаря вековому опыту крестьян, которые подбирали те продукты, которые необходимы организму в холодное время года. Например, редька и собачатина очень питательны и калорийны, а мясные *хунь-тхуни* с горячим бульоном согревают и укрепляют силы.

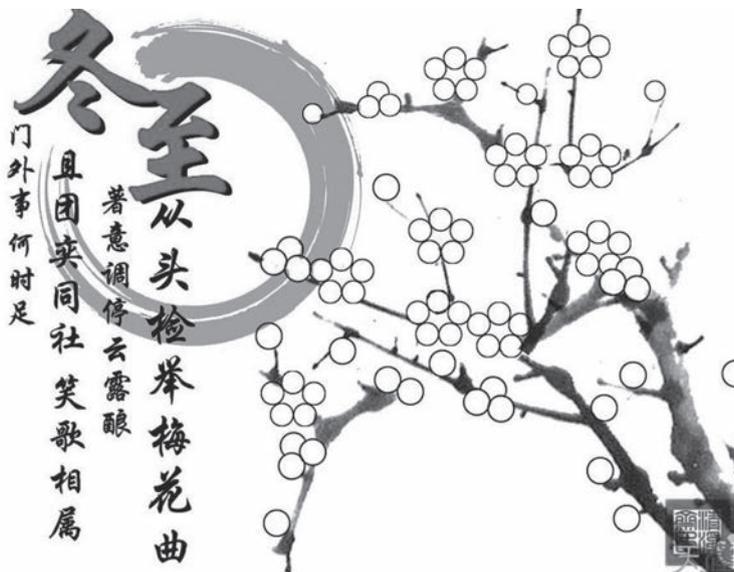
Что касается погоды, то крестьяне в результате многовекового опыта вычислили, что через 81 день (т. е. «девять девяток») после сезона *дун-чжи* наступают тепло и весна. В результате придумали специальные календари «Через девять девятидневок распустятся цветы персика» (九尽桃花开), о которых мы уже рассказывали в главе о празднике Весны.

Существует большое количество стихков на этот счет.

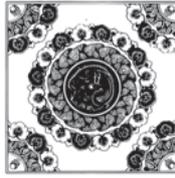
Посчитаем девять девятидневок,
В первую и во вторую «девятку» можно ходить по льду,
В третью и четвертую «девятку» собаку окликают, прикрыв дверь,
В пятую и шестую «девятку» открывают дверь, втягивая голову,
В седьмую «девятку» реки освобождаются ото льда,
В восьмую «девятку» прилетают дикие гуси,
В девятую «девятку» плуг повсюду бороздит поля.

Еще более древний стихок.

Дун-чжи цзе

Праздник последнего месяца года — *Ла-ба цзе*

К вопросу о каше: внесем ясность

В некоторых не китайских источниках утверждается, что в новогоднюю ночь люди непременно едят кашу под названием *ла-ба-чжоу* (腊八粥). Это неверно, и я хочу внести ясность. Речь идет о непременно блюде другого праздника — *ла-ба*. Он распространен повсеместно в Китае и отмечается 8-го числа (*ба*) 12-го месяца (*ла*), т. е. задолго до Нового года.

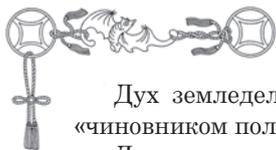
Название месяца *ла* имеет два значения: «охота» и «встречать», «сходиться вместе». В конце зимы люди, как правило, старались ублажить богов и духов Земли, Неба, своих предков, предлагая им добытую на охоте дичь, чтобы избежать несчастий и вымолить удачу, отсюда значение «охота», *ле* (猎). В этом же месяце происходит встреча старого года с новым.

Теперь рассмотрим два иероглифа: *ле* (猎) — охотиться и *ла* (腊) — название последнего месяца в году. Впрочем, в древности этот иероглиф имел другое значение — «совместно», «сообща», «вместе». У иероглифов одинаковые тоны и похожее чтение, кроме того, при написании — это видно даже неспециалисту — одинаковая правая часть. Неудивительно, что охотничьи жертвоприношения *ле-цзи* постепенно стали называть *ла-цзи*, т. е. «жертвоприношения месяца *ла*», а затем и последний, 12-й месяц, получил название *ла*.

В период династии Хань поклонялись духам в течение всего 12-го месяца, не существовало четко установленных дней для этих ритуалов, проводили их то в начале, то в конце месяца. Прося у духов Неба и Земли о ниспослании счастья, долголетия, удачи, об избавлении от бедствий, о всяческой защите, крестьяне делали подношения и молились, как свидетельствуют исторические документы, восьми покровителям. Перечислим их.

Дух **Сень-сэ шэнь** (先啬神), еще его называли Святой Шэнь-нун (神农) — обожествленный император, основоположник земледелия;

Хозяин хлебов **Сы-сэ шэнь** (司啬神), это поэтическое имя Царя-Просо (后稷), мифического покровителя земледелия и предка династии Чжоу;

Дух земледелия **Нун-шэнь** (农神), в древности его называли «чиновником полей» (古时田官之神);

Дух межи на поле **Ёу-бяо чжуй-шэнь** (邮表畷神), первый человек, который когда-то, живя в шалаше в поле, прокладывал дорожки и проводил границы между полями;

Дух охоты на тигра **Ле-ху шэнь** (猎虎神), считалось, что он поедал грызунов и диких животных, защищая ростки риса;

Дух дамб, плотин и насыпей **Фан-шэнь** (坊神), полагали, что он защищает от наводнений;

Дух каналов и канав **Шуй-юн шэнь** (水庸神), он помогал отводить излишки воды с помощью системы каналов во время наводнений, а также подавать воду к полям;

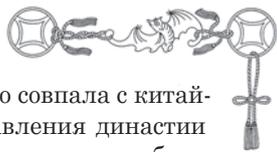
Дух насекомых **Кхунь-чхун** (昆虫), он помогал избавиться от вредителей.

Конкретную дату жертвоприношений предкам установили лишь в период правления Вэй, Цзинь и Южных и Северных династий, — 8-го числа. Это время совпадало с началом встречи новой весны, а также церемониями «изгнания эпидемий».

Количество убитых на охоте 8-го числа животных, предназначенных для жертвоприношений, становилось так велико, что съесть их сразу не представлялось возможным, и в результате люди научились заготавливать мясо впрок особым способом. Целые тушки промывали, подсушивали, натирали солью, а затем высушивали на свежем воздухе, чтобы употреблять в пищу в течение всего года. Зимний период на севере Китая чрезвычайно сухой, зато солнца зимой — в избытке. Остатки жертвенных животных получили название *ла-вэй* (腊味), т. е. «вкус месяца *ла*».

Сейчас мало, кто знает значение этого термина, и китайцы проносят его, подразумевая «солонина», «вяленое мясо». Тем не менее, и через тысячи лет традиция сохранилась: повсюду в Китае в этот период можно увидеть неисчислимые гроздья тушек, в том числе и птицы, и кусков мяса, висящих на балконах, а то и просто на тротуарах, когда между спинками двух стульев натягивают веревку. Несмотря на то, что в магазинах и на рынках — изобилие свежего мяса, традиция есть традиция: так делали наши далекие предки, так поступаем и мы — считают китайцы.

Вскоре произошло наложение буддийского праздника на китайские традиции. Во времена династий Тхан и Сун, с распространением буддизма среди широких масс населения, монахи не только внедряли в умы людей смысл общеизвестных сутр, но и пропагандировали новые праздники. 8-е число месяца *ла* — день обретения

Буддой Шакьямуни *Дао*-пути, и эта дата случайно совпала с китайским праздником *ла-ба*. Но только в период правления династии Цин китайский праздник встречи весны *ла-ба* окончательно обрел буддийское наполнение — поклонение основателю буддизма.

Пастушка, которая придумала кашу

Существует немало пояснений относительно обычая лакомиться кашей *ла-ба-чжоу* в этот праздник. Наиболее распространенное — следующее. Родина Шакьямуни — одно из царств Индии на границе с нынешним Непалом. В 29 лет он покинул дом.

В результате шести лет горьких испытаний и скитаний, живя в отшельничестве, он долго истязал себя аскетизмом, и так отощал от упорного самосозерцания, что упал от голода на берегу реки Нил, и тогда женщина, пасшая недалеко стадо коз, накормила его кашей из различных злаков. Приготовила она еду тут же, на скорую руку, собрав злаки и дикие плоды, которые нашла поблизости, добавив чистой родниковой воды.

Наевшись, Шакья Муни омылся в реке, сел спокойно под деревом в характерной позе и глубоко погрузился в свои мысли. 8-го числа 12-го месяца *ла* он испытал просветление, познав Дао, обретая истину и став Буддой.

В память об этом событии буддисты в храмах ежегодно в день *ла-ба* читают сутры и молитвы, а затем, подражая пастушке, собирают зерна различных злаков и плоды, чтобы сварить особую кашу. Ее иногда называют попросту *фо-чжоу* — «каша Будды». Но в период правления династий Мин и Цин обычай широко распространился по всему Китаю, его стали соблюдать не только верующие-буддисты.

Поскольку праздник одновременно является и буддийским, и даоским, у последних есть свои легенды, объясняющие этот древний обычай. Вот одна из них.

Во время правления династии Мин первым императором стал Тхай Цзу, настоящее имя которого — Чжу Юань-чжан. Рассказывают, что происходил он из бедной семьи и от нужды, холода и голода был вынужден наняться батраком к помещику. Зарабатывал Чжу Юань-чжан тем, что пас буйволов.

Однако, даже живя у помещика в батраках, мальчик постоянно испытывал голод. Злой помещик из-за малейшей провинности бил мальчика и лишал еды. Однажды в конце зимы, а случилось это 8 числа месяца *ла*, он пас буйволицу, и когда перебирался по узкому мосточку на другой берег канавы, буйволица оступилась, упала и сломала ногу.

Взбешенный помещик запер мальчика в сарае и в течение нескольких дней не давал еды. Чжу Юань-чжан обнаружил мышиную нору и решил, что будет неплохо, если мышь поделится с ним своими запасами. К своему удивлению он обнаружил в норе довольно большой «склад» зерна самых разных, а именно — пяти сортов. Набрав пригоршню, будущий император стал думать, как его сварить.

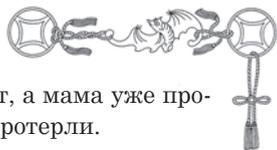
В углу сарая он нашел старую глиняную посудину с дождевой водой, — ее подставили, чтобы не отсырел пол. Из камней соорудил очаг, нашлась и сухая трава для топки, но где взять огонь? Мальчик вспомнил, что у него припрятаны два камешка-кресала, ведь он иногда разводил костер, чтобы согреться, когда пас буйволят в диком поле. Разжег огонь, и каша быстро сварилась, а мальчик впервые за долгие месяцы наелся досыта.

После работы у помещика юный Чжу Юань-чжан ушел в монастырь Хуан-цзюэ (皇觉) и стал монахом. Когда же судьба улыбнулась ему, и он через многие годы стал императором, живя не только в достатке, но и излишествах, нередко вспоминал о голодном детстве и просил повара приготовить такую же кашу.

Постепенно ему стали подражать приближенные, а потом и среди обычных китайцев распространился обычай варить кашу из восьми компонентов 8-го числа месяца *ла*. Каша выглядела забавно и непривычно: поев ее, люди веселились и радовались, правда, вначале они называли ее «каша из семи драгоценностей» (七宝粥), «каша из пяти вкусов» (五味粥) или «каша из восьми драгоценностей» (八宝粥). И лишь позднее она обрела свое постоянное название *ла-ба-чжоу*.

Детям рассказывают иную версию происхождения обычая, — более назидательную. Жили в одном доме две семейные пары: старенькие родители и их взрослые дети, которые недавно поженились. Жили они дружно и счастливо, да вот только забаловали старики своих взрослых детей, все делали сами: и за водой к колодцу ходили, тяжелые ведра таскали, и в огороде трудились, сорняки пропалывали, и еду готовили, дровами плиту топили. А чтобы дрова в доме были, старики за ними высоко в горы поднимались, где в лесу упавшие старые ветки валялись.

Старые отец с матерью боялись, что их любимые дети устанут, а потому ничего им делать не позволяли. Сидели молодые муж и жена целыми днями на теплой лежанке, подобрав под себя ножки, да толстели, потому что только кушать им и позволяли. Поставили им на лежанке столик на низких ножках и подкладывали на него то лепешки ароматные, то пельмени душистые, то лапшичку горячую.

Папа им пампушки подносит, от которых пар идет, а мама уже протягивает полотенце влажное, чтобы они пальцы протерли.

Так и жили все четверо счастливо, да только старики уставали, старели, болели и худели, а взрослые дети толстели, скучали и ничего делать не умели. Пришло время, и старики умерли.

Молодые муж и жена не смогли себе ни овощи на огороде вырастить, ни дрова в лесу собрать, ни еду приготовить. Сначала они съели все в доме, что было припасено впрок родителями, а потом стали голодать. Пришлось продать дом. Но и деньги, вырученные за дом, быстро истратили, потому что даже торговаться на рынке не умели. Жить негде, есть нечего, а тут и зима холодная пришла. Забрались молодые супруги в полуразвалившийся сарайчик из камыша, в котором не было ни дверей, ни окон, лишь одна стена да часть крыши. Прижались друг к другу, чтобы стало теплее, и плачут от страха: что их ждет впереди?

Когда живы были их родители, и сарайчик был целым, потому что папа его чинил время от времени. Сарай закрывался на замок, и в нем родители хранили запасы риса да пшена, семечек да орехов, сушеных ягод да фасоли с горохом. Много тогда было вкусного в доме! Вспомнив об этом, молодые муж и жена решили внимательно исследовать пол в открытом всем ветрам сараюшке. Удалось собрать неполную пригоршню разных злаков, несколько горошин да фасолин, пару фиников и пять кукурузных зернышек.

Произошло это в начале месяца *ла*. Вскипятили они немного воды в старом котелке и сварили жидкую кашу, в которой воды было больше, чем еды. Разве можно таким количеством насытиться двум взрослым людям? Сели супруги на холодную землю, обнялись крепко, да так и умерли. Подул сильный ветер, камышовая крыша упала на них, а потом их накрыла и единственная стена.

Соседи узнали об этом лишь через несколько дней. Жаль было молодых супругов, да ничего не поделаешь. Вот и стали крестьяне в той деревне ежегодно в начале месяца *ла* варить кашу *ла-ба-чжоу* и угощать детей, поясняя, что каждое зернышко следует беречь и ценить, каждую ягодку, каждую семечку, ведь ради них каждый крестьянин целый год тяжело трудится. И к труду сельскому приучаться следует с детства, чтобы все уметь делать к тому времени, когда станешь взрослым. Чтобы дети получили наглядный урок, родители, подливая им каши, рассказывали историю погибших молодых супругов.

В Китае распространены и другие названия известного лакомства: *фу-шоу-чжю* — каша «счастья и долголетия» (福寿粥), *фу-дэ-чжю* — каша «добрых деяний» (福德).

Раньше во время праздника в буддийских храмах готовили большое количество такой каши, и монахи не только ели сами, но и выносили на улицу, чтобы накормить бедных и бездомных. В обычных семьях не только в доме лакомились, но и, разложив в коробочки, отсылали в подарок друзьям. В зимнее время каша эта хранится долго и не портится, поэтому, приготовив ее 8-го числа, ели в течение многих дней, разогревая. Порой ее хватало до 23-го числа, когда начинались официальные приготовления к Новому году.

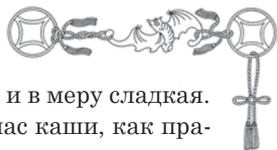
Есть еще одна легенда, в которой рассказывается, что уже в эпоху Сун широко распространился обычай варить кашу из пяти злаков и фруктов; готовили и ели ее 8-го числа месяца *ла* не только в простых домах, но и во дворцах. Люди ели эту кашу, угощали соседей, а также отправляли в каждый крупный храм, чтобы угостили монахи.

А причина в том, что в этот день изгоняли бесов, злых духов. И, прежде чем приступить к трапезе, совершали обряд «избивания бесов» мелкой красной фасолью.

Период *ла-ба* является преддверием Нового года, к которому люди уже начинают вовсю готовиться, поэтому его нередко называют «малым Новым годом» (小年).

Едят кашу ночью, или на рассвете. В состав ее могут входить такие ингредиенты:

— крупный рис;	— плоды гинкго;
— гао-лян;	— корица;
— мелкий рис;	— плоды «драконий глаз»;
— кукуруза;	— красные финики;
— красная фасоль;	— семена лотоса;
— клейкий сладкий рис;	— зерна иовлевых слез;
— золотистая фасоль;	— грецкий орех;
— турецкая фасоль;	— арахис;
— каштаны;	— семена водяной лилии;
— кедровые орешки;	— сушеная хурма;
— короткозерный рис;	— морковь;
— пшено;	— миндаль;
— зеленые бобы;	— сухофрукты;
— сахар;	— тыквенные и арбузные семечки;
— изюм;	— плоды водяного ореха;
— фундук и т. п.	

Каша получается жидкая, напоминающая суп, и в меру сладкая. На это следует обратить внимание, потому что у нас каши, как правило, густые.

Кашу эту китайцы варят в установленный день и поныне. И хотя считается, что ее готовят из 8 компонентов («восемь» — любимое в народе число, намекающее на богатство, кроме того, праздник отмечается 8-го числа), тем не менее, нет строгих рамок: можно положить и меньше, и больше — хоть 20.

Многие поэты древности воспевали праздничную кашу, а в старинных медицинских книгах рассказывалось о ее пользе для конкретных органов. Так что не удивительно, что жидкая каша *чжоу* стала национальным завтраком китайцев. Ее готовят и дома, и в пятизвездочных отелях. Хотя в ней нет ничего, кроме разваренной крупы, и абсолютно отсутствует соль, даже иностранцы способны к ней пристраститься. В какой-то степени она заменяет китайцам кофе. Употребляя утром пампушки, хрусты или другие мучные блюда (тоже пресные) с солеными овощами, они запивают все это жидкой горячей *чжоу* и чувствуют себя хорошо, живут долго, не забывая в любом возрасте заниматься гимнастикой прямо на улице.

Я ела и праздничную кашу *чжоу*, богатую ингредиентами, и повседневную из воды и крупы, и могу процитировать нашего друга-гурмана: «очень недурственно!»

Стоит заметить, что погода в этот период обычно холодная, и какарийная каша питает и согревает.

Еще один обычай, имеющий отношение к празднику, — приготовление маринованного чеснока к новогоднему столу. Чеснок моют, очищают, складывают в глиняный горшок, заливают рисовым уксусом. Горшок с уложенным слоями чесноком запечатывают и ставят в теплую комнату. Только к новогоднему столу, когда семья готовится есть пельмени, чеснок доходит до нужной кондиции и его вынимают. Он становится слегка зеленоватым, сладковатым, немного острым, чуть соленым, — это и есть чеснок *ла-ба*, не только вкусный, но и полезный.

У китайцев есть, чему поучиться. Во время праздников не принято напиваться. Основной рацион состоит из овощей, риса и небольшого количества мяса. Чаще ешьте чеснок и имбирь, готовьте на завтрак жидкую кашу *чжоу*, ежедневно делайте гимнастику на свежем воздухе, никого и ничего не стесняясь, находите радость в простых вещах и явлениях, чтобы по продолжительности жизни и оптимистическому отношению к ней догнать наших восточных соседей.

Благодарность

Выражаю большую благодарность моему брату, журналисту, корееведу **Сергею Ищенко** за бесценные советы и вычитку материалов.

Низкий поклон моему давнему китайскому другу за неоценимую помощь в виде консультаций — профессору **Шэн Ши-лян** (盛世良).

Таблица китайских династий

Династия Ся	2140–1711 гг. до н. э.
Династия Шан (Инь)	1711–1066 гг. до н. э.
Западная Чжоу	1066–770 гг. до н. э.
Восточная Чжоу :	(770–256 гг. до н. э.)
Период Весны и Осени	770–476 гг. до н. э.
Эпоха Воюющих царств	
(Цинь, Чху, Хань, Чжао, Вэй, Ци)	475–221 гг. до н. э.
Империя Цинь (Цинь Ши-хуан)	221–207 гг. до н. э.
Династия Западная Хань	206 г. до н. э. — 25 г. н. э.
Династия Восточная Хань	25–220 гг. н. э.
Троецарствие:	
Вэй	220–265 гг.
Шу (Хань)	221–263 гг.
У	222–280 гг.
Западная Цзинь (кочевые племена гуннов захватили страну)	265–317 гг.
Восточная Цзинь	317–420 гг.
Южные династии.	420–589 гг.
Северные династии	386–534 гг.
Восточная Вэй	534–550 гг.
Северная Ци	550–577 гг.
Западная Вэй	535–556 гг.
Северная Чжоу	557–581 гг.
Империя Суй	581–618 гг.
Империя Тхан	618–907 гг.
Пять династий и десять царств	907–960 гг.
Династия Северная Сун	960–1127 гг.
Династия Южная Сун	1127–1279 гг.
Династия Ляо (племена киданей).	907–1125 гг.
Цзинь (чжурчжэньское царство)	1115–1234 гг.
Династия Юань (монголы-завоеватели; династию основал Хубилай, или Кублайхан, внук Чингисхана).	1206–1368 гг.
Династия Мин (последняя китайская)	1368–1644 гг.
Династия Цин (маньчжуры-завоеватели)	1644–1911 гг.

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

МЕРЫ ДЛИНЫ

<i>ЛИ</i>	567 метров
<i>ЧЖАН</i>	3,33 метра
<i>ЧШЫ</i>	0,33 метра
<i>ЦХУНЬ</i>	3,33 сантиметра
<i>ФЭНЬ</i>	3,33 миллиметра

МЕРЫ ПЛОЩАДИ

<i>МУ</i>	0,066 га
<i>15 МУ</i>	1 га

МЕРЫ ОБЪЕМА И ЕМКОСТИ

<i>ДОУ</i>	10 литров
<i>ШЭН</i>	1 литр

МЕРЫ ВЕСА

<i>ДАНЬ</i>	50 кг
<i>ШЭН</i>	1 кг
<i>ЦЗИНЬ</i>	500 г
<i>ЛЯН</i>	50 г

ЗОДИАКАЛЬНЫЕ ЗНАКИ

«Небесные стволы» и «земные ветви» (天干地支) — это китайская система циклического летоисчисления. Китайский «век» — 60 лет. В каждом 60-летнем цикле 12 «земных ветвей» (子、丑、寅、卯、辰、巳、午、未、申、酉、戌、亥) повторяются пять раз, и им соответствуют 12 животных знаков. 10 «небесных стволов» (甲、乙、丙、丁、戊、己、庚、辛、壬、癸) шесть раз повторяются в 60-летнем цикле, и им соответствуют Пять Стихий космогонии (Земля, Дерево, Металл, Огонь, Вода), повторенные дважды: в женской космогонической силе *Инь* и мужской *Ян*.

Десяти «небесным стволам» соответствуют и пять цветов (сине-зеленый, красный, желтый, белый, черный). Начинается 60-летний цикл сочетанием знаков 甲子, а заканчивается 癸亥. Каждый циклический знак имеет свое значение.

При этом если «земные ветви» разделить по принципу «четные и нечетные», *цзи-оу* (奇偶), то знаки 子、寅、辰、午、申、戌 относятся к началу **Ян** (阳), а знаки 丑、卯、巳、未、酉、亥 относятся к началу **Инь** (阴). Если же рассматривать земной зодиакальный цикл в соотношении с четырьмя сезонами, среди которых весна и лето принадлежат к началу **Ян**, а осень и зима — к началу **Инь**, то циклические знаки 寅、卯、辰、巳、午、未 следует отнести к началу **Ян**, а 申、酉、戌、亥、子、丑 — к **Инь**. Соответственно, шесть животных знаков Тигр, Дракон, Змея, Лошадь, Баран и Петух имеют отношение к началу **Ян**, а знаки Мышь, Буйвол, Заяц, Обезьяна, Собака и Свинья относятся к женскому началу **Инь**.

Пять Стихий также имеют отношение к пяти планетам, пяти вкусовым ощущениям, пяти музыкальным тонам и пр.

Каждый из 12 знаков «земных ветвей» можно охарактеризовать подробнее, соотнося со стороной света, Стихией, природным началом и животным-покровителем.

子	—	(<i>цзы</i>) Мышь, Ян, Вода, Север.
丑	—	(<i>чхоу</i>) Буйвол, Инь, Земля, Центр.
寅	—	(<i>инь</i>) Тигр, Ян, Дерево, Восток.
卯	—	(<i>мао</i>) Заяц, Инь, Дерево, Восток.
辰	—	(<i>чхэнь</i>) Дракон, Ян, Земля, Центр.
巳	—	(<i>сы</i>) Змея, Инь, Огонь, Юг.
午	—	(<i>у</i>) Лошадь, Ян, Огонь, Юг.
未	—	(<i>вэй</i>) Баран, Инь, Земля, Центр.
申	—	(<i>шэнь</i>) Обезьяна, Ян, Металл, Запад.
酉	—	(<i>ёу</i>) Петух, Инь, Металл, Запад.
戌	—	(<i>суй</i>) Собака, Ян, Земля, Центр.
亥	—	(<i>хай</i>) Свинья, Инь, Вода, Север.

Характеристика «небесных ствол» в соотношении с Пятью Стихиями и частями света.

甲	—	(<i>цзя</i>) Коньковая балка, Дерево, Восток.
乙	—	(<i>и</i>) Цветы и фрукты, Дерево, Восток.
丙	—	(<i>бин</i>) Солнце, Огонь, Юг.
丁	—	(<i>дин</i>) Фонарь и свеча, Огонь, Юг.
戊	—	(<i>у</i>) Крепостная стена, Земля, Центр.
己	—	(<i>цзи</i>) Поля и сады, Земля, Центр.
庚	—	(<i>гэн</i>) Секира, топор, Металл, Запад.
辛	—	(<i>синь</i>) Головное украшение, Металл, Запад.
壬	—	(<i>жэнь</i>) Реки, Вода, Север.
癸	—	(<i>гуй</i>) Дожди и росы, Вода, Север.

Сочетанием циклических знаков «земных ветвей» и «небесных стволов» в старом Китае обозначали сезоны сельскохозяйственного календаря, месяцы, время суток. В настоящее время ими пользуются при порядковом счете и классификации, для обозначения временных отрезков, в гадании, науке *фэн-шуй* и нумерологии.

Сочетание циклических знаков в 60-летнем цикле.

1.甲子 2.乙丑 3.丙寅 4.丁卯 5.戊辰 6.己巳 7.庚午 8.辛未 9.壬申 10.癸酉
11.甲戌 12.乙亥 13.丙子 14.丁丑 15.戊寅 16.己卯 17.庚辰 18.辛巳 19.壬午 20.癸未
21.甲申 22.乙酉 23.丙戌 24.丁亥 25.戊子 26.己丑 27.庚寅 28.辛卯 29.壬辰 30.癸巳
31.甲午 32.乙未 33.丙申 34.丁酉 35.戊戌 36.己亥 37.庚子 38.辛丑 39.壬寅 40.癸卯
41.甲辰 42.乙巳 43.丙午 44.丁未 45.戊申 46.己酉 47.庚戌 48.辛亥 49.壬子 50.癸丑
51.甲寅 52.乙卯 53.丙辰 54.丁巳 55.丁未 56.己未 57.庚申 58.辛酉 59.壬戌 60.癸亥

Цветную символику и стихию любого года можно быстро определить по последней цифре. Годы, чьи порядковые номера оканчиваются цифрой «0», «1» (2000, 2001 и др.), считаются **белыми** и подчиняются стихии *цзинь* (Металл). Годы с окончанием на «2» и «3» определены как **черные** и подчиняются стихии *шуй* (Вода). Если последняя цифра номера года — «4» и «5», это **синие** года, которые подвластны стихии *му* (Дерево). Цифры «6» и «7» делают цвет года **красным** и подчиняют его стихии *хо* (Огонь). И, наконец, годы, оканчивающиеся на «8» и «9», признаны **желтыми** и управляются стихией *тху* (Земля).

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ, НОЧНЫЕ СТРАЖИ

Двенадцать «больших часов» *ши-чхэнь* (时辰), на которые делились сутки, носили названия двенадцати «земных ветвей» и двенадцати зодиакальных животных.

1. Первая половина ночи, с **11 часов до 1 часа**, называлась *子*, «время *цзы*», час **Мыши**.

2. Середина ночи, с **1 часа до 3**, называлась *丑*, «время *чхоу*», час **Буйвола**.

3. Вторая половина ночи, с **3 до 5 часов**, называлась *寅*, «время *инь*», час **Тигра**.

4. Утро с **5 до 7 часов** — *卯*, «время *мао*», час **Зайца**.

5. Время с **7 до 9** — *辰*, «время *чхэнь*», час **Дракона**.

6. Время с **9 до 11 утра** — *巳*, «время *сы*», час **Змеи**.

7. С **11 до 1 часа** — *午*, «время *у*», час **Лошади**.

8. Середина дня с **1 часа до 3** — *未*, «время *вэй*», час **Барана**.

9. Время с **3 до 5** — *申*, «время *шэнь*», час **Обезьяны**.

10. Время с **5 до 7** — *酉*, «время *ёу*», час **Петуха**.

11. Вечернее время с **7 до 9** — 戌, «время *сюй*», час **Собаки**.
12. Время с **9 до 11** — 亥, «время *хай*», час **Свиньи**.

Единицу измерения ночного времени *гэн тхень* (更天) на русский язык принято переводить как «ночная стража». Потому что ею пользовались, говоря о пяти двухчасовых отрезках ночи, с 7 вечера до 5 утра.

«Ночные стражи» по-китайски назывались еще *у-гэн* (五更) — «пять страж», *у-е* (五夜) — «пять ночных» или *у-гу* (五鼓) — «пять барабанов», потому что ночью о времени подавали сигналы, ударяя в барабаны.

Соответственно, конкретные «стражи» могли обозначать не только с помощью «земных ветвей», «небесных стволов» и порядковых числительных, но и — «барабанных страж».

Ночное время с **7 до 9** называлось «первой стражей».

戌, «время *сюй*»; 甲夜, «ночное время *цзя*»; 一更, «первая стража»; 一鼓, «первый барабан».

С **9 до 11** — «вторая стража».

亥, «время *хай*»; 乙夜, «ночное время *и*»; 二更, «вторая стража»; 二鼓, «второй барабан».

С **11 до 1**, 子, «время *цзы*», — «третья стража».

子, «время *цзы*»; 丙夜, «ночное время *бин*»; 三更, «третья стража»; 三鼓, «третий барабан».

С **1 до 3**, 丑 — «четвертая стража».

丑, «время *чхоу*»; 丁夜, «ночное время *дин*»; 四更, «четвертая стража»; 四鼓, «четвертый барабан».

С **3 до 5** — «пятая стража».

寅, «время *инь*»; 戊夜, «ночное время *у*»; 五更, «пятая стража»; 五鼓, «пятый барабан».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. 中华风俗小百科; 天津人民出版社, 1992
2. 节趣; 吉林出版社, 1999
3. 老北京的生活; 北京出版社, 1994
4. 中国岁时节令辞典; 中国社会科学出版社, 1998
5. 潍坊风筝; 文物出版社, 1998, 北京
6. 杨家埠年画; 文物出版社, 1990
7. 中华五千年 (上,下); 内蒙古人民出版社, 1998
8. 故宫史话; 中华书局出版, 1964
9. 白云观; 中国道教协会编印, 1994
10. 中国十个节日传说; 海豚出版社, 1997
11. 天津民俗剪纸; 北京工艺美术出版社, 1999
12. 风筝史话; 北京工艺美术出版社, 1997
13. 中国杨柳青木版年画选; 天津杨柳青画社出版, 1999
14. 消逝的风俗; 百花文艺出版社, 天津市, 2000
15. 中华民俗小百科; 中国致公出版社, 北京, 2002
16. 关东节令习俗; 沈阳出版社, 2004
17. 中国节; 中国少年儿童出版社, 北京, 2006
18. 节趣, 学林出版社, 上海, 1998
19. 节俗, 宗教文化出版社, 北京, 2004
20. 中国风俗史; 团结出版社, 北京, 2005
21. 古代文化知识精讲; 凤凰出版社, 北京, 2004
22. 中国文化中的典型人物与事件; 北京语言大学出版社, 2005
23. 禁忌; 中国旅游出版社, 北京, 2004
24. 细说中国民俗; 光明日报出版社, 2005
25. 中华民俗小百科; 中国职工出版社, 2002
26. 中华文明撷要; 外语教学与研究出版社, 1999
27. 中国文化释疑; 北京语言文化大学出版社, 1999
28. 中国文化未解之谜; 中国书籍出版社, 2004
29. 消失的风俗; 白话文艺出版社, 2000
30. 节俗; 百花洲文艺出版社, 2005
31. 禁忌; 百花洲文艺出版社, 2005

32. 中国古人论天; 新华出版社, 1991
33. 中国考古未解之谜; 中国书籍出版社, 2004
34. 中国野史; 光明日报出版社, 2002
35. 中国秘史; 光明日报出版社, 2002
36. 中国民间荷包; 百花文艺出版社, 2004
37. 寻找失去的年画之旅; 吉林人民出版社, 2007
38. 民间荷包; 中国轻工业出版社, 2008
39. Chinese Festivals, China Intercontinental Press, 2005.
40. Chinese symbolism and art motifs; C.A.S. Williams, Charles E. Tuttle Company, Japan, 1993.
41. A dictionary of Chinese symbols; Wolfram Eberhard, London and New York, 1996.
42. Китайские народные праздники; А.Л. Верченко. М.: Ленком, 2002.

Научно-популярное издание

Людмила Ивановна Исаева

СТРАНА УЕХАЛА НА ПРАЗДНИК

**Очерки по истории возникновения
китайских народных праздников и их описание**

Редактор *Сергей Ищенко*

Верстка *О.Н. Морозовой*

Художник *А.Ю. Никулин*

ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 46. Тел.: (495) 726-31-69;

(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»

Подписано к печати 15.05.2017.

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м².

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 23,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 397.